

МОСКОВСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН

УНИВЕРСИТЕТ ШТАТА МИЧИГАН

**КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ В КОНЦЕ XX ВЕКА**

(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

В.Э. ШЛЯПЕНТОХА

В.Н. ШУБКИНА

В.А. ЯДОВА

Оглавление

От редакторов

Введение

Часть I. Страх перед будущим в современном мире: теоретические аспекты (В. Шляпентох, С. Матвеева)

Глава 1. Страхи в социальной жизни и их отражение в мифе, религии и философии

Глава 2. Страх как социальный феномен

Глава 3. Страх и стратегии поведения

Глава 4. Социальное значение страхов

Глава 5. Катастрофизм или страх перед будущим

Глава 6. Субъекты катастрофического сознания

Глава 7. Мобилизационная функция страха: страхи и катастрофизм в СССР

Глава 8. Прошлое как источник страхов и компонент сознания современного человека

Глава 9. Демобилизующая функция страха: страхи и катастрофизм в современной России

Часть II. Страхи на постсоветском пространстве

Глава 10 (В.Шубкин). Что тревожит и страшит россиян сегодня

Глава 11 (В.Шубкин). География страхов

Глава 12 (В.Шубкин). Страхи у россиян и у иммигрантов из России в США

Глава 13 (В.Шубкин). Сюрпризы в исследовании

Глава 14 (В.Ядов). Структура и побудительные импульсы тревожного сознания

Глава 15 (В.Иванова, В.Шубкин). Динамика страхов в России в конце XX века. (По материалам социологического исследования 1998 г.)

Глава 16 (В.Иванова, В.Шубкин). Катастрофическое сознание на Украине

Глава 17 (В.Иванова, В.Шубкин). Страхи в Литве

Часть III. Страхи на посткоммунистическом пространстве (П.-Эм. Митев, В.Иванова, В.Шубкин)

Глава 18. Страхи и тревоги в Болгарии. (По материалам социологического исследования 1998 года)

Глава 19. Социологические аспекты и результаты исследований в Болгарии

Глава 20. Катастрофическое сознание болгар через призму социально-экономических, политических и культурных позиций

Глава 21. Сравнительное исследование катастрофического сознания в Болгарии и России

Заключение

Литература

Приложения

Сведения об авторах

От редакторов

Эта книга создавалась на протяжении последних пяти лет в России (Москва) и США (Ист Лансинг). Если основным направлением в Ист Лансинге (Университет Штата Мичиган) было исследование теоретических аспектов катастрофического сознания в современном мире, то в Москве (Институт Социологии РАН) основной упор с 1995 года был сделан на разработку методических проблем, проведение, анализ и интерпретацию результатов эмпирических исследований. Аналогичная работа проводилась и в Софии, Киеве, Вильнюсе.

Болгарские, украинские и литовские специалисты присоединились к нашей работе несколько позже (1997-1998 года). Но их исследования были весьма важными, поскольку с самого начала данный проект был нацелен на международные сопоставления, которые дают возможность глубже понять специфику катастрофического сознания, страхов и тревог в разных странах. Предполагалось, что сравнительное международное исследование охватит Россию, США, Германию, Японию, Израиль, Армению, Прибалтику, Украину. И хотя пока в полном объеме наши планы не удалось реализовать, корректные и сопоставимые исследования, проведенные в Болгарии, Литве, на Украине, показали, как существенно обогатится этот проект, если в нем примут участие хотя бы названные выше страны. Вот почему эту публикацию мы рассматриваем не как итоговую, а как промежуточную.

В.Э.Шляпентох
В.Н.Шубкин
В.А.Ядов

Введение

Предмет данного исследования — страх перед социально значимыми негативными событиями и процессами, оцениваемыми массовым сознанием как катастрофа. Нас не будут интересовать проблемы типа безработицы, смертельной болезни или гибели близких. В центре внимания — массовые страхи и ожидания катастрофических сдвигов, начиная от угроз местного значения до региональных, национальных и планетарных. Эти темы не получили до сих пор существенной разработки в социологии. Это не вполне понятно, так как здравый смысл, на котором базируется наука, предполагает, что настроение и поведение отдельных людей, групп и нации в целом весьма зависимы от тех чувств — оптимистических, или пессимистических, — которые они питают в отношении будущего. Как ни странно, но даже исследования качества жизни, проводившиеся с 1970-х годов, большей частью игнорировали роль страхов в человеческой жизни (1). Это особенно удивляет потому, что подобные исследования были специально ориентированы на то, чтобы выяснить, как люди воспринимают и оценивают различные элементы своей жизни.

Вдобавок, число социологов, работы которых посвящены катастрофам, очень ограничено. Большинство из них интересуются посткатастрофическими ситуациями. Изучаются, например, реакции общества, организаций и групп на технологические или экологические бедствия, или адаптация к бедствиям личности и населения в целом. Насколько авторам известно, общей социологии катастроф посвящено мало работ. Из работ прежних лет можно назвать монографию Питирима Сорокина (2) и исследование Самуэля Принца (Samuel Prince) (3), а из последних — основательные работы Энрико Карантелли (4). Еще меньшее число специалистов видят в катастрофической ментальности особую социальную проблему. Даже литература, посвященная массовому поведению и социальным движениям, лишь иногда поднимает проблему страхов и массового ожидания катастроф (5), причем это никогда не рассматривается как важный социальный феномен. Только при изучении поведения толпы, включая панику, страх как социальная проблема выходит на первый план. Однако недавние исследования в этой области затрагивают скорее специфические случаи, но не катастрофическую ментальность людей в “нормальных” ситуациях. Даже Эрих Гуд (Erich Good) и Нахман Бен-Иегуда (Nachman Ben-Yehuda) в своей блестящей книге “Моральная паника” (1994) — недавней публикации, наиболее близкой к предмету данного исследования, — описывают только специфические ситуации страхов, которые возникают как результат “моральных крестовых походов” (против алкоголизма, сексуальных домогательств, гомосексуализма и притеснения к детям), организованных главным образом “моральными антрепренерами” (6). В целом до сих пор остается верным утверждение Самуэля Принца, заметившего семь десятилетий назад, что изучение катастроф остается “девственной областью в социологии” (7).

В отличие от западной, социальная наука в России более ориентирована на изучение роли негативных тенденций и страхов в социальной жизни. Русские социологи, отражающие жизнь в посткоммунистической России, следят за интенсивностью страхов в российском обществе и регулярно публикуют статьи на эту тему (8). Для нас значимым обстоятельством является фиксация динамической ситуации в российском социальном знании, что, конечно, отражает общую социальную ситуацию в стране. С одной стороны, за последние годы появилось достаточное число изданий, где катастрофы, постигшие страну, и в частности, крушение СССР, рассматриваются в терминах заговора, виновности одного или нескольких политиков, международных кругов в действиях, направленных на разрушение союзного государства. Эти работы не являются результатом научных исследований. Они в духе прежней идеологии пытаются канализировать массовые страхи на “внешних” для населения лицах и проблемах. С другой стороны, нарастает и противоположная тенденция, которую можно оценить с точки зрения постепенного элиминирования идеологических завалов и продвижения в сторону рассмотрения катастроф с научных позиций. Например, появились утвержде-

ния, что катастрофа СССР была подготовлена “внешне малозаметными, постепенными сдвигами, происходившими под действием глубинных сил на протяжении десятков лет” (9). Эта позиция идеологически и политически направлена против “конспиративных” и других иррациональных теорий. Ее укрепление в обществе способствует снижению соответствующих иррациональных страхов.

Важными проявлениями сдвигов, происходящих в российской социальной науке, представляется нам не только усиление влияния научного этоса, прежде всего ценности объективного и обоснованного знания, отвечающего критериям научности. Особенно важно, что складывается категориально-понятийный аппарат, необходимый для описания опасностей, негативных состояний, угроз, в том числе катастрофических. Так, осмысляется роль дезорганизации и деструкции в социальной жизни общества. Проблемы катастроф, дезорганизации, деструкции рассматриваются там в контексте проблем выживания и развития российского общества, поиска социальных сил, которые могли бы способствовать укреплению позитивных процессов. Этот, определенно прагматический, подход побуждает исследователей обращаться к теме социальной функции страха. Например, оказывается, что если “люди не испытывают должного страха перед реальной возможностью дезорганизации”, мирятся с разрухой, то появляется возможность говорить о том, что в данной группе страха недостает и в результате люди не получают необходимого для их выживания сигнала. Подобный “недостаток страха” имеет социологическое измерение. В частности, он связывается с процессами социальной демобилизации, с так называемой культурой бедности, с сознанием и поведением исторически уходящих, разрушенных социальных слоев.

Важен также репертуар массовых страхов. Хотя в обществе всегда существует некий общий подсознательный “базальт” — используя термин Карла Юнга — или экзистенциальный страх, большая часть массовых страхов имеет специфический характер, обычно ясно указывая на источник опасности. К подобным страхам в современном мире можно отнести, в частности, технологические катастрофы, крупномасштабные теракты, ядерную войну, тотальную войну или вторжение соседей. Существуют такие страхи, как боязнь различных международных кризисов, гражданских и межэтнических конфликтов; страх перед регионализацией и дезинтеграцией национального государства, глобализацией мира и утратой национальной идентичности, геноцидом, оккупацией страны иностранной властью; захватом власти некоторой агрессивной группой, типа коммунистов, или “звероподобных экстремистов”, или же собственным правительством, предавшим национальные интересы и превратившимся в проводника чужеродных иноземных влияний. Люди также испытывают страх перед диктатурой и массовыми репрессиями; они опасаются внезапных экономических кризисов, плохого урожая, природных бедствий, типа наводнений, ураганов или засух, вспышек эпидемий. Не исключены также страхи перед катастрофами глобального характера, такими как массовое вымирание человечества и наконец Армагеддон или конец мира.

Характер каждой из угроз настолько своеобразен и всеобъемлющ, что это фактически делает невозможным создание общесоциологической теории страха, феномена, в котором сильно переплетены эмоциональный и когнитивный компоненты. Возможно, однако, разработать теоретическую структуру, способную помочь нам понять место страха в социальной жизни.

Задачи данного исследования, какими они видятся ее авторам, не ограничиваются рассмотрением функций страхов и их динамики в социальной жизни. Они включают также осмысление ряда других проблем, имеющих, на наш взгляд, важное значение для углубления научных знаний о роли страхов в жизни современных обществ.

Первая из них носит методологический характер.

Мы утверждаем, что в обществе может возникать и в определенных условиях распространяться в широких масштабах особый тип мышления и сознания, который мы называем катастрофическим. Доказательство, что подобный феномен существует и заслуживает специального внимания, приоритетная задача исследования.

Вторая проблема — научно-теоретическая и прикладная одновременно. Мы утверждаем, что в современной России наблюдается опасно высокий уровень катастрофического сознания в определенных группах и высокий уровень массовых страхов в обществе в целом. Наша задача — попытаться осмыслить роль этих феноменов в контексте российских реформ, российского кризиса, катастрофы Союзной государственности.

Цель этой работы — привлечь внимание к теме, которая большей частью заброшена социологами и даже социальными психологами, но не теологами, философами, психологами и особенно психиатрами. Не все гипотезы и идеи, представленные здесь, могут быть обоснованы строгими эмпирическими данными. Большая часть необходимых данных просто недоступна. Исходной единицей для анализа остается “обычный человек”. Любая группа вплоть до национального сообщества рассматривается как совокупность индивидуумов. Эмпирические данные, приводимые в этом исследовании, получены в России. В дальнейшем мы рассчитываем расширить тему за счет сравнения российских страхов с социальными страхами в других странах. Однако уже в этой книге там, где это возможно, мы стараемся включить американский материал. Учитывая весьма различные нормативные представления об оптимизме и пессимизме в русской и американской культурах, сравнение роли страхов в обеих странах кажется нам интересным объектом исследования.

Часть I. Страх перед будущим в современном мире: теоретические аспекты (В. Шляпентох, С. Матвеева)

Глава 1. Страхи в социальной жизни и их отражение в мифе, религии и философии

Страх ожидания негативных событий и процессов, которые оцениваются людьми как вероятные непосредственно для них или для их потомков, играл важную и в некоторых случаях даже решающую роль в жизни личности и общества. Тревога перед неизвестным и необъясненным глубоко внедрена в человеческое мышление, вероятно, на генетическом уровне. Неудивительно, что некоторые мыслители полагали этот аспект человеческого существования одним из наиболее важных в человеческой жизни. Как сказал однажды Андре Мальро, “страх глубоко укоренен в каждом из нас, и чтобы обнаружить это, достаточно только глубоко заглянуть в самого себя”. Несколько иначе сходную мысль выразил Альберт Камю: “Человек сознателен ровно настолько, насколько не скрывает от себя своего страха” (1).

Источники страхов

Люди получают свои страхи из двух главных источников: из “первых рук”, т.е. их собственного опыта и опыта их семьи; и из “вторых рук”, т.е. от других людей, с которыми они вступают в коммуникацию, и из культурных и социальных институтов. В древности источником первичной информации был опыт индивидуума и его рода, обычно нескольких десятков человек, которые находились в кровнородственных отношениях и знали друг друга лично. Исчерпывающим источником вторичной информации была культурная память сообщества, выраженная в мифе. В современных обществах первичным источником страхов тоже выступает личный и семейный опыт индивидуума. Однако семья в сравнении с древностью претерпела разительные перемены, не только в численности входящих в нее членов, но также и в степени общности разделяемых ими ценностей и идей. Обычный конфликт поколений и наличие подчас резко поляризованных убеждений касается также и страхов. Страхи отца, матери и их детей могут нести в себе несогласия и конфликты. Опыт дедов, как и их страхи, оказывается подчас совершенно неприменимым, и эмоционально и интеллектуально далеким. Поколения могут страдать глубоко разными страхами. Вторичную информацию современный индивид черпает из культурных и социальных институтов общества, прежде всего из средств массовой информации, образовательных институтов, искусства и литературы. Он получает ее также в процессе личной коммуникации, в особенности с так называемыми “лидерами общественного мнения”. Гигантское разрастание значения вторичной информации, принципиальная ее всеохватность и планетарные масштабы, особенно там, где обычными становятся компьютерные сети и многоканальное телевидение, изощренность современных средств массовой информации в их возможностях влияния на потребителя — факторы, имеющие первостепенную важность для изучения массовых страхов в современных обществах.

Источники информации — и “из первых рук”, и “из вторых” — являются мощными факторами, влияющими на уровень катастрофизма в человеческом мышлении. Идущие из прошлого и включающие настоящее, они задают “фокус” видения проблем, в том числе тревожные ожидания и страхи. Люди имеют тенденцию экстраполировать свой прошлый и текущий опыт на будущее.

Страх вообще, и страх перед катастрофами, в частности, был фундаментальным аспектом человеческого опыта начиная с древности. Неудивительно, что религия и философия, т.е. те сферы человеческой культуры, где осмысливается проблема смысла жизни, уделяют такое огромное внимание чувству страха. Почти все религии включают концепцию зла, кото-

рое существует как постоянная угроза людям. Эсхатологизм и апокалиптический взгляд на человечество являются важной частью иудаизма и христианства. Вера в неминуемую катастрофу — кредо различных сект, причем многие из них продолжают быть частью социальной жизни в современном мире (2). Еще до развития зрелых форм религиозности опыт человеческих страхов нашел отражение в мифе, этом великолепном результате осмысления мира в устной традиции.

Представления о страхе и грядущих катастрофах не оставались неизменными на протяжении веков. Понимание возможных причин этих катастроф глубоко связано с основополагающими мировоззренческими представлениями, в частности, концепцией времени, занимающей доминирующее место в той или иной картине мира.

Страх перед будущим как культурная характеристика

Страх перед будущим — основа катастрофического сознания. Этот вид страха возник чрезвычайно давно и изначально имеет культурное содержание.

Страхи первобытных людей, детские страхи синкретичны; следовательно, страх перед будущим там неизвестен, ибо отсутствует сама концепция разделенного времени. Потому так страшен и всеобъемлющ синкретический страх, что он является состоянием, но не процессом. Ему неведома надежда, что может придти избавление. Так же как в нирване, в представлениях мистиков время есть состояние, “вечное теперь”. Если там даже что-то и происходит, это происходит и не происходит одновременно, ибо в “вечном теперь” время синкретично и обратимо в любом своей точке. Ответ на вопрос, присутствовал ли в архаические времена страх перед будущим, или нет, зависит, таким образом, от концепции времени. Если время синкретично, то оно не осмысляется как прошлое, настоящее и будущее, не может быть соответственно и страха перед будущим. Характеристики подобного страха — синкретичность, глобальность, иррациональность и ситуационность, ибо, по-видимому, охвативший внезапно человека страх мог столь же резко смениться иным эмоциональным состоянием под влиянием смены впечатлений.

Сначала, следовательно, должны были появиться концепции расчлененного времени, т.е. то, что было, дифференцироваться в человеческом сознании от того, что наступит. Настоящее оказалось “зажатым” между ними, и его значимость, как показывает история, подчас осознается наиболее трудно. Люди до сих пор парадоксально ориентированы либо на то, что уже есть возможность осмыслить как прошедшее, ушедшее, минувшее, либо на то, о чем они могут помыслить как о менее или более возможном будущем. Моменты настоящего, т.е. моменты действия, — наименее рефлексивны по определению. Делать и одновременно думать о том, что делаешь — труднореализуемая задача.

Уже в глубине веков, однако, страх и надежда как антропологические характеристики стали превращаться в культурные темы.

Страх перед будущим в устной культуре

Сложилось представление, что одним из основных отличий устной культуры от той, что фиксирована в материальных носителях, выступает большая опора первой на память (Ю.М.Лотман). Память в устной культуре вынуждена нести большую нагрузку и соответственно быть разработанной как можно лучше, ибо она выступает основным хранителем и транслятором информации. Как не завязывая узелки и не оставляя зарубки, это не более, чем слабые намеки на смысл того, что необходимо удержать в памяти.

Если что-то и удерживается в памяти, то повторяемое, многократно повторяемое. Отсюда и необходимая роль постоянного повторения, затверживания формул, исполнение ритуалов. Главная задача — достичь наибольшей точности их сохранения в памяти, отсюда и канонизация значимого, отсюда и негативные оценки изменений.

Отсюда и многие особенности устной традиции. Они хорошо изучены фольклористами, которые сообщают о бытовании фольклорных образцов в постоянном изменении, вариациях.

Природа устной коммуникации и культуры такова, что сообщение при передаче варьируется, модифицируется, обрастает слухами, фантастическими подробностями и измышлениями. Гиперболизация — то, что постоянно встречается в устных сообщениях, отчасти как эстетическая, эмоциональная составляющая сообщения. Эмоциональная нагруженность выступает необходимым условием сообщения, условием его убедительности для других людей. Страх перед неизвестным будущим, которое мгновенной катастрофой может разрушить жизнь, одно из самых сильных чувств. Этот страх постоянно находил воплощение в процессе устной коммуникации (3).

Страх перед будущим в письменной культуре

Письменная культура по природе своей рефлексивна. Это, по-видимому, одна из основных базовых ее характеристик. Отсюда и ее возможности. Письменная культура глубоко, сущностно связана со временем, переживанием времени, отношением ко времени. Она в основаниях своих природоборческая, по крайней мере она оставляет возможность такого своего прочтения. Со временем она борется как с самым безжалостным проявлением природы. Добры мы, или злы, переживаем минуты величайшего торжества или находимся на дне пропасти глубочайшего отчаяния, время неумолимо все уносит. В его потоке, на часах вечности все человеческие смыслы утрачивают свою значимость.

Формирование письменной культуры означало фиксацию и кодификацию культурных значений. Фиксировались прежде всего центральные (или “ядерные”) культурные значения и это стало одним из важнейших механизмов складывания функциональных, символических “центров” социокультурной системы (4).

Письменная культура — фундаментальное человеческое начинание, открытие которого (возможно на относительно короткое историческое время) дало людям ощущение преодоления времени, сохранения смыслов в их понятийной форме. Конечно, уже первый художник, изображавший на стене пещеры образы своего мира, с успехом решил сходную задачу. Ведь до сих пор мы можем видеть и обдумывать его сообщение, дошедшее к нам из пропасти времени. Однако письменная культура точнее, ибо дана в понятиях. Она на порядки демократичней, ибо умение писать стало постепенно общим умением социализированной личности. Текстов письменной культуры неизмеримо больше. Они касаются всех сторон жизни: и внешней, и той внутренней жизни, о которой нам могут поведать и сухие протоколы психиатров и психологов, и вдохновенные слова писателей и поэтов.

Что может иметь большие рефлексивные возможности, чем письменный текст — к которому можно вернуться, прочесть его столько раз, сколько представляется необходимым, вновь и вновь осмыслить и переосмыслить прочитанное. Письменная культура сделала глаз центральным органом чувств, сдвинув назад другие чувства в их общей композиции.

Письменный текст и история, сама идея историчности глубоко связаны. Не случайно евреи, народ, давший миру чувство напряженного исторического переживания, это народ Книги.

Письменная культура — культура разделенного, дифференцированного времени. Прежде всего она дает возможность вновь и вновь осмыслить и переосмыслить уже случившееся. Важно не только то, что письменные тексты сохраняют прошлое. Прошлое сохраняется и в материальных остатках, разыскиваемых археологами. Существенно то, что тексты письменной культуры позволяют документировать чувства. Тревоги и страхи, также как чувства торжества, радости и триумфа, — все это оказалось доступным для письменного выражения в точной понятийной форме. Опыт чувств наиболее универсален. Потому современные читатели древней литературы могут глубоко сопереживать людям, жившим, например,

за многие тысячелетия до них, а древние тексты Библии до сих пор остаются не только источником благоговения для верующих, но глубоко волнующим чтением для сотен миллионов людей на Земле.

Пророчества, в том числе предсказания грядущих бедствий и катастроф, также получили выражение в текстах, с помощью которых люди смогли передать свои представления в неизмеримо далекое для них будущее. Многие из этих посланий живы. Достаточно только напомнить о библейских пророчествах, играющих ключевую роль в иудаизме и христианстве, и следовательно, для всех людей, остающихся в русле влияния этих религий, а также о знаменитых предсказаниях Нострадамуса.

Истоки катастрофизма: циклические концепции

Открытия и новые результаты в культуре часто оказываются средством для воплощения накопленного опыта, т.е. представлений, сложившихся в прошлом. Страхи носителей устной культуры дошли до нас через письменные тексты. Так, например, ученые иудеи античности донесли до нас запас древних страхов. Он не очень обширен. Это потоки лавы, эпидемии, разверзаемая земля, иноземные завоеватели, потоп.

Древние ожидания катастроф и страхи перед ними были сделаны людьми с мифологическим, т.е. пралогическим сознанием. Мифологическими были объяснения, интерпретация грозящих катастроф, огромную роль в этом играли такие особенности устной традиции, как склонность к гиперболизации, сильная опора на эмоции, вера во всевозможные слухи. В то же время огромную роль в жизни людей играл их собственный опыт и опыт их семьи. Поэтому выводы заключались не только на основе слухов, но также на основе опыта и здравого смысла. Мир, вокруг людей, был преисполнен всяческих бедствий — наводнения, ураганы, извержения вулканов и землетрясения, пожары, эпидемии, нашествия диких зверей, враждебных племен, поведение которых относительно побежденного ими племени не слишком отличалось от поведения тех же зверей. Все это не могло не породить глубокого убеждения в естественности катастроф, и тех, что уже произошли, и тех, которых, рассуждая логически, несомненно, можно было ожидать, ибо мир был наполнен постоянно повторяющимися событиями.

Генерализация этих наблюдений произошла в мифе, в котором и были выработаны первые объяснения причин происходящих вокруг людей событий. Предвидения будущих катастроф были основаны на представлениях о циклическом времени. Убежденность в истинности выработанных представлений была неоспорима: за летом всегда наступала осень, а затем зима; жизненный цикл всегда завершался смертью. Но за зимой столь же неуклонно можно было ожидать наступления нового потепления, а на смену умершим всегда приходили новые люди, проходившие все тот же жизненный цикл. Мифы повсеместно несли в себе картины циклического мира, переживающего катастрофы и становление, как и боги, которые периодически гибли и воскресали. Достаточно вспомнить мифы об египетском Осирисе, шумеровской Иманис, греческом Адонисе. В индийском мифе речь идет о четырех югах, образующих одну большую югу, которая длится 4320000 наших лет. За это время люди проходят от золотого века к полной дезорганизации, к мировому пожару, в результате чего мир гибнет. Затем все начинается сначала.

Эти мифологические генерализации легли в основу философских идей. Они могли приобретать космологические масштабы. Например, Гераклит учил о мире, который периодически воспламеняется и угасает, погибает в мировом пожаре. Естественность и убедительность этих идей позволила им пережить и мировоззренческий переворот Нового времени. У итальянского философа Дж.Вико (1668-1744) они получили этнологическую интерпретацию. Вико считал, что все народы проходят цикл, состоящий из трех эпох. Циклы завершаются распадом всего общества. Этот “порядок установлен Божественным Провидением” (5). Субъектами циклических концепций О.Шпенглера и А.Тойнби были культуры. О.Шпенглер

называл культуры “большими индивидуумами” человечества. Он полагал, что история каждой из них подобна истории отдельного человека, который в конечном итоге умирает. По А.Тойнби, цивилизации также цикличны и кончают свою жизнь распадом.

Русский мыслитель Н.Я.Данилевский считал, что существуют устойчивые общности и объединения народов, которые он называл культурно-историческими общностями. Их жизнь подчиняется циклам, которые заканчиваются тем, что они “стареют, дряхлеют и умирают” (6). Циклические идеи, сформированные людьми устной традиции, пережили ее упадок и сохранились несмотря на очевидное господство, по крайней мере в развитых странах мира, письменной культуры. Эти древние идеи живут и сегодня. В современной русской мысли их продолжил сын русской поэтессы А.Ахматовой и расстрелянного большевиками поэта Н.Гумилева, популярный сегодня в России евразиец Л.Гумилев. В качестве единицы жизни общества он выдвинул этнос. Последний, по его мнению, может существовать 1500 лет. Затем наступает обскурация, ослабление и исчезновение его системной целостности.

Направленность древних страхов на внешний мир

Большая часть древних страхов была обращена вовне. Люди боялись прежде всего бедствий, которые приходили из окружающего их мира. Разрушительность природных бедствий сочеталась с их неожиданностью. Неожиданно случались землетрясения, ураганы, наводнения; неожиданно обрушивались эпидемии, вторгались враги. Зло также рассматривалось как внешняя сила: разгневанные боги, мифологические воплощения зла, колдуны, приносящие своими заговорами и заклятиями бедствия и смерть.

Этнографам известны племена, рассматривающие мир как враждебную, противостоящую людям силу. Добу, одно из меланезийских племен, убеждены, например, что со всех сторон окружены злыми колдунами, причем колдунами являются также соседи и родственники. Если умирает один из супругов, то, согласно их убеждениям, в этом виноват выживший супруг (7).

Объяснительные схемы, вырабатываемые древними людьми, имели, среди всего прочего, также функцию предвидения и предупреждения бедствий. Они служили своеобразными антидотами, дававшими надежду на уменьшение неожиданности, а значит, и разрушительных последствий катастроф. В упоминавшемся уже Откровении святого Иоанна Божьего говорилось о “семи чашах гнева Божия на землю”. Однако если причиной грядущей катастрофы является “гнев Божий”, то вполне разумной стратегией поведения было стараться не разгневать Всемогущего. Если причина бедствий — колдуны, их проклятья и заговоры, то опять-таки этот вывод обозначает пути предупреждения несчастий.

Страх перед грядущими бедствиями и стремление их предотвратить видны из того огромного значения, которое играли в древнем мире оракулы и прорицатели. М.Вебер в “Социологии религии” показал связь между знанием будущего, умением толковать предзнаменования и предсказания оракулов, и властью в сообществах. Там, где это удалось взять в свои руки политической власти, ей удалось потеснить священнослужителей, но там, “где священнослужители сумели захватить в свои руки толкование предсказаний оракулов и божьей воли, их власть была длительное время преобладающей” (8).

Страхи древности сохраняли свою направленность вовне, на внешний мир. Даже страх человека перед самим собой предстал в форме внешних сил, например, богов и богинь, вызывающих раздоры и войны между людьми.

Страхи и катастрофизм в Средние века

Современная медиевистика накопила достаточно знаний о роли страхов в жизни средневекового человека.

Известно, что жизнь в Средние века была относительно короткой. М.Блок ссылается на имеющиеся сведения, касающиеся коронованных особ: Роберт Благочестивый умер в возрасте около 60 лет; Генрих I — в 52 года; Филипп I и Людовик VI — в 56 лет. В Германии четыре первых императора из Саксонской династии прожили соответственно: 60 или около того, 28, 22 и 52 года (9).

Великие эпидемии, против которых люди не умели бороться, ужасающая детская смертность, периодические жестокие голодовки, все это создавало иной, чем сейчас общий психологический фон, где смерть была привычной спутницей жизни.

Трудно человеку современного общества, жизнь которого расписана по секундам и минутам, вообразить себе обычную ситуацию средневековья, где люди не умели измерять время и ориентировались по солнцу. “Дорогие и громоздкие водяные часы существовали, но в малом числе экземпляров. Песочными часами, по-видимому, пользовались не очень широко. Недостатки солнечных часов, особенно при частой облачности, были слишком явны” (10). Глубокое равнодушие ко времени проявлялось не только в повседневной жизни, но и в делах социально значимых. В документах не оставляли никаких хронологических данных. Не сохраняли в памяти даты рождения даже в королевских семьях. Вместе с тем большое значение имела древняя иудейская традиция различения дней недели.

Представления об истории оставались циклическими, хотя на них оказывало большое влияние христианское понимание времени, особенно идея Страшного Суда, завершающего историю. Золотой век был в прошлом, настоящее оценивалось как нарастающий упадок. Прошлое было ценностью, не сравнимой по значимости с ценностью настоящего. “Молодежь более ничему не желает учиться, наука в упадке, весь мир стоит вверх ногами, слепцы ведут слепцов и заводят их в трясины, осел играет на лире, быки танцуют, батраки идут служить в войско. Отцов церкви, Григория Великого, Иеронима, Августина, Бенедикта Нурсийского, можно встретить на постоялом дворе, под судом, на рыбном рынке. Марию более не влечет созерцательная жизнь, а Марфу жизнь деятельная, Лия бесплодна, у Рахили гноятся глаза, Катон зачастил в кабаки, а Лукреция стала уличной девкой. То, чего прежде стыдились, ныне превозносится. Все отклонилось от своего пути” — так говорили о современности ваганты (поэма “Встарь цвела наука...” из “*Carmina burana*”).

Мышление людей Средневековья оставалось манихейским, и хотя идея Чистилища как чего-то третьего и присутствовала в нем, главной оставалась полярность Рая и Ада, Бога и Дьявола, Добра и Зла. “Средневековое мышление и чувство были проникнуты глубочайшим пессимизмом — пишет Ж.Ле-Гофф — Мир стоит на грани гибели, на пороге смерти” (11). В близком конце мира сомнений не оставалось. Людей ждет неминуемая катастрофа — таково было всеобщее убеждение.

Если циклические представления предстают естественным результатом наблюдений, то вывод об окончательной, последней катастрофе, уничтожающей мир, кажется менее хорошо обоснованной догадкой. Возможно, она могла возникнуть как генерализация страха перед смертью в процессе развития личностного самосознания. Хотя есть племена, которым неизвестен этот вид страха (12), все-таки большая часть культур формировала у людей страх перед концом земного существования. Эти страхи культивировали, например, оракулы античных Сивилл. О них сохранилось мало сведений. Однако страхи, ими предвещавшиеся, известны через поэта Вергилия, который говорил о том, что наступает последний век по пророчеству Кумской Сивиллы. Христианское видение истории своей магической таинственностью резко отличается от поверхностного (в свете христианской идеи) эмпиризма аграрных циклов с их бесконечным однообразным повторением. Это видение совмещает идею вечности, т.е. отсутствия времени, с идеей саморазвития человека, линейного времени; причем историческое время, течение истории приближает конец истории, одновременно являющийся всемирной катастрофой, завершающей существование человечества. О “конце мира” говорится в Откровении святого Иоанна Богослова.

Однако глубины христианской концепции времени в Средние века оставались достоянием лишь ученых-богословов. Медиевисты (М.Блок, Ж.Ле Гофф) отмечают, что массо-

вое сознание путало прошлое, настоящее и будущее. Крестоносцы конца XI века считали, что они отправляются покарать не потомков палачей Христа, но самих палачей. “Здесь мы имеет дело с магической ментальностью — отмечает тот же Ле Гофф — которая превращает прошлое в настоящее, потому что канвой истории служит вечность” (13).

Средневековая картина мира была эсхатологической и переживалась очень эмоционально.

“Картина последней катастрофы, неотделимая от всякого христианского образа вселенной, — пишет М.Блок, — вряд ли еще когда-нибудь так сильно владела умами”. Гибель мира казалась настолько близкой, что каждое живущее поколение ожидало ее для себя. “Мы, поставленные у конца времен”, — писал епископ Оттон Фрейзингенский в своей хронике, — и это было обычным и привычным для того времени убеждением. Постоянное ожидание конца света и неуверенность в датах рождали волны паники, “волны страха набегали почти беспрерывно то здесь, то там, и, утихнув в одном месте, вскоре возникали в другом” (14). Жизнь была наполнена слухами, которые рождались один за другим. “Почти во всем мире прошел слух, что конец наступит, когда Благовещение совпадет со Страстной пятницей”, — писал просвещенный богослов Аббон из аббатства Флери. Простые люди доверяли выкладкам ученых людей.

Страх перед будущим в Средние века был столь силен, что исследователи (15) приходят к выводу об одержимости людей Средневековья жаждой спасения и страхе перед адом как определяющей характеристике их ментальности.

Миллениаризм пытался сгладить жесткий вывод о неизбежной гибели человечества. После катастрофы Страшного Суда ожидалось идеальное Тысячелетнее Царство праведников для тех, кто таковыми окажется. В этом опять-таки можно видеть отголоски циклических представлений, древние истоки ожидания чуда и счастья вслед за катастрофой и смертью, корни которых, как это показал еще Фрэнк (16), лежат в наблюдениях за умирающим каждую зиму и возрождающимся весной растительным миром. Архетипические представления о необходимости умереть, чтобы затем возродиться для новой жизни, присутствуют и сегодня.

Катастрофическое мировоззрение и миросозерцание типичны для религиозного сознания. Это понимали уже древние философы. Так, Демокрит считал, что чувство страха лежало в основе возникновения религии. Той же мысли придерживался Лукреций. Страх и боязнь грядущих катастроф характерны для всех мировоззренческих систем, которые исходят из представлений о пассивности человека перед лицом внешних сил. Аграрные общества, как и остальные доиндустриальные сообщества, были исполнены подобных страхов, и основой их было чувство зависимости людей от природы, общества, самих себя.

Только чувство контроля над окружением и самим собой, вырабатываемое исторически, могло постепенно смягчать человеческие страхи перед неизвестным будущим. Возможно, однако, что они лишь приобретали новые культурные одежды. Любые попытки задуматься над вечными вопросами вновь и вновь обращают людей к глубинам неизвестности и заставляют их испытывать страх. П.Фейерабенд, один из тонких современных методологов и философов науки, писал, в частности, о стремлении людей мифологизировать науку для избавления от страха, и этим они напоминают людей, собравшихся у костра в глухом лесу, которые предпочитают, глядя на пляшущий огонь, не думать о неизвестности, которая у них за спиной (17).

Философский вызов катастрофизму в Новое время

Были ли материальные причины для смены вектора с пессимистического на оптимистический в Новое время, или позитивные перемены в жизни общества принесла перемена мировоззрения — вопрос не такой простой, как кажется.

Однако хорошо известно, что в философии пессимизму и циклическим теориям противостоят оптимистические концепции прогресса, связанные с линейным пониманием вре-

мени. Они являются достаточно далеким развитием тех идей о линейности времени, которые имеются уже в Ветхом Завете. Идеи человеческого совершенствования, улучшения условий его существования, продвижения вперед по пути массового распространения и углубления знаний и культуры идейно противостоят пессимизму циклических теорий в философии истории. Эти теории в отличие от религиозных верований в катастрофу и Страшный Суд, венчающий историю человечества, принципиально нефиналистского характера. Они не боятся утверждать, что не знают, что будет дальше с человечеством. Идея динамизма и постоянного стремления к совершенствованию, которую эти концепции содержат, противостоят катастрофическому мировоззрению, хотя и не исключают возможности катастрофы, прекращения существования человеческого рода.

Центральной ориентацией европейской философии истории в Новое время стала ориентация на прогресс и оптимизм относительно судьбы человечества. Эволюционизм противостоял катастрофизму и иррационализму, оптимизму удавалось до поры справляться с пессимистическим видением истории, сдвигая его к периферийным направлениям философско-исторической мысли. И сейчас еще, несмотря на весь массив критики, обрушившийся на прогрессистские концепции, достаточно убедительно звучат слова Ж.Ф.Кондорсе, нарисовавшего оптимистическую картину прогресса человеческого разума: “прогресс подчинен тем же общим законам, которые наблюдаются в развитии наших индивидуальных способностей, — утверждал Кондорсе, — ибо он является результатом этого развития, наблюдаемого одновременно у большого числа индивидов, соединенных в общество. Но результат, обнаруживаемый в каждый момент, зависит от результатов, достигнутых в предшествовавшие моменты, и влияет на те, которые должны быть достигнуты в будущем” (18).

Спор о вокруг теории прогресса, восходящей к Роджеру Бэкону (XIII) и Жану Бодену (XVI), стал, как известно, одним из главных философских споров XVII и особенно XVIII столетия. Часть философов отвергали и даже осмеивали идею прогресса. Вольтер, например, яростно боролся против “панглоссианизма” теории предустановленной гармонии Готфрида Лейбница. Ужасы Лиссабонского землетрясения 1755 года, которое сопровождалось приливной волной и пожаром, полностью разрушившими город, заставили Вольтера усомниться в том, что человечеству стоит быть уверенным, что оно живет “в самом лучшем из всех возможных миров”.

Современные теологи доказывают, что, несмотря на всю апокалиптичность христианского воззрения на историю, вера в прогресс не только не противостояла ему, но обнаруживает свои религиозные корни. “Легко увидеть, — пишет Кристофер Досон, — что эта вера в прогресс получила распространение в период торжествующей национальной и культурной экспансии, когда Западная Европа обрела нечто вроде мировой гегемонии. Но не менее ясно и то, что она не являлась чисто рациональной конструкцией, а была, в сущности, не чем иным, как секуляризованной версией традиционного христианского взгляда” (19).

Хотя европейская философия после Томаса Гоббса с его мрачным видением мира, представленным в “Левиафане”, достаточное место уделила человеческим страхам, в том числе перед катастрофами, тем не менее как доминирующая тема пессимизм появился лишь во второй половине XIX столетия. Пессимистическое видение мира разрабатывалось такими философами, как Артур Шопенгауэр и его последователь Эдуард фон Гартманн, Серен Кьеркегор, Фридрих Ницше (с его призывом “заглянуть в бездну”), Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс и Жан Поль.

Страх человека перед самим собой как основа катастрофизма в XX веке: экзистенциализм, психоанализ и энвайронментализм

В новейшее время вектор катастрофизма неуклонно смещается от страха перед природными катастрофами в сторону страха человечества перед самим собой, перед теми разрушительными силами, скрытыми в личности, организациях, выработанных людьми, сооб-

ществах и силах, развязываемых как отдельным человеком, так и группами. Экзистенциалистская философия, фрейдизм, а также энвайронментализм, развившийся в последние десятилетия, — подтверждение этого сдвига. Разрушительные силы природы, конечно, действуют по-прежнему, но они отошли в область технических, технологических интересов, организационных усилий, направленных на предвидение возможных ущербов и уменьшение повседневных рисков. Прогнозы погоды, где жизнерадостные дикторы просвещают телезрителей о вероятности бурь, ураганов, наводнений, штормов, циклонов и т.д., достаточно наглядны в этом отношении. Философия же прочно сместилась в сторону осмысления разрушительного начала, скрытого в человеке.

Таким образом, в философии XX века разработка понятия страх обращена своим вектором в обратную сторону от макроисторических построений философии истории. Страх перемещаются вовнутрь микрокосма человеческой личности. Главные страхи вызывают теперь уже не столько ураганы и эпидемии, сколько разрушительное начало, скрытое в самом человеке, в глубинах его личности. Соответственно, более всего разработанной тема страха оказалось в таких психологически-ориентированных философских направлениях, как экзистенциализм и фрейдистский психоанализ.

Страх — одно из центральных понятий экзистенциализма. Кьеркегор различал обычный “эмпирический” страх-боязнь (*Furcht*) и неопределенный безотчетный страх-тоску (*Angst*). Первый вид страха присущ не только человеку, но и животным. Это — страх перед конкретными предметами и обстоятельствами. Второй вид страха специфически человеческий, неизвестный животным. Страх-тоска появляется тогда, когда человек узнает, что он не вечен. Это — метафизический страх и его предмет — ничто — *Angst* в сущности и есть страх перед неизвестным будущим, которое неумолимо наступает с течением времени. Будущим, которое невозможно узнать и о котором можно только строить догадки. Отсюда и та мистическая власть людей и социальных институтов, которые способны убедить других (и возможно себя), что им удалось приподнять завесу над этой метафизической тайной. Человеческая культура выросла в поиске ответов на эти вопросы.

М.Хайдеггер разработал кьеркегоровскую идею экзистенциального страха до ее логического предела. Он снял мучительную неопределенность этого страха, указав, что его концом и разгадкой является смерть. Она отнимает надежду, но снимает неопределенность и дает последние ответы на все заданные и незадаваемые вопросы. Мужественен тот, кто принял этот экзистенциальный предел как нравственную максиму, и руководствуется ей, проживая ограниченный срок своей жизни. Постоянная готовность к смерти есть, таким образом, один из ответов на невыносимый страх перед неопределенностью будущего. В довоенные годы Хайдеггер (*Бытие и время*, 1927) полагал, что страх, как и совесть, вина, забота есть условие подлинности человеческого существования, необходимые элементы личностного самоопределения. Это проистекает от значения ощущения времени в человеческой жизни. Время есть самая главная характеристика человеческого бытия. Страх необходим, ибо только тогда человек ощущает себя живым, когда он сознает свою конечность, временность. Как только он забывает об этом, избавляясь таким образом от страха, он погружается в неподлинное, “вульгарное” время — время, в котором нет глубоких человеческих смыслов. Тогда он изменяет своей сущности и уподобляется животным. Страх перед неизвестным будущим есть, фактически, ощущение времени, т.е. ощущение жизни. Отнимите его у человека, и он превратится в раба рутинных действий, повседневных забот и неосмысленных привычек.

Ж.-П.Сартр продолжил логику философского осмысления экзистенциального страха. Он связал его с другим основополагающим понятием человеческого существования — свободой. Этот поворот был очень важен, так как сместил понимание страха вовнутрь человеческой личности. Из внешнего обстоятельства, над которым человек не властен и которое угнетает и ослабляет его, страх превратился в чувство, доступное человеческому контролю. Сартровский страх (*angoisse*) — прежде всего подчиненный и покоренный, контролируемый, а значит подвластный человеку страх. Метафизический экзистенциальный страх Сартр интерпретирует как страх перед самим собой, перед своими возможностями и свободой. Эти

возможности и эта свобода безграничны, и ограничение, и выявление их есть та жизненная проблема, которую человек должен решать всю свою жизнь. Жизненные задачи человек может выбирать, и он свободен в этом выборе. Даже заключенный и прикованный к своему креслу паралитик обладают свободой выбора, которой они могут воспользоваться так, как каждый из них это понимает. Человек может продолжать бояться немыслимого ничто и понимать свой страх как нечто внешнее, не зависящее от него, как условия и обстоятельства своей жизни. Он может смириться с ним. Но это не обязательно. Люди могут осмыслить страх как свою собственную внутреннюю проблему, решению которой они могут помочь только сами. Все остальное — лишь внешние обстоятельства, пределы, о которых они могут думать, или не думать, и в этом они тоже свободны. Освобождение от страха перед будущим приходит в решениях и действиях, которые предпринимает человек. Никакие обстоятельства и никакой страх перед будущим не могут овладеть человеком, по крайней мере овладеть полностью, никакое давление внешних обстоятельств не может оказаться достаточным, если человек выбирает свободу. Свобода прежде всего есть свобода от страха перед самим собой.

Даже в тех случаях, когда экзистенциалисты обращались к философии истории, как, например, К.Ясперс, они сохраняли внутреннюю ориентацию на человеческую личность. “Историчность — считал К.Ясперс, — это нечто своеобразное и неповторимое. Она являет собой традицию, сохраняющую свою авторитетность, и в этой традиции континуум, созданный воспоминанием об отношении к прошлому... В историческом сознании присутствует всегда нечто исконно свое, индивидуальное... история есть то происходящее, которое, пересекая время, уничтожая его, соприкасается с вечным” (20).

История всегда незавершена, ибо конечен и незавершен человек. Сама по себе история окончена быть не может, “Она может кончиться лишь в результате внутренней несостоятельности или космической катастрофы” (21). Отдельный человек может наполнить свою жизнь смыслом только и именно потому, что он знает, что его жизнь неизбежно прекратится. Человечество в той же степени может пронизать свое существование глубокими смыслами при условии, что всегда будет помнить о том, что то, что имеет начало, неизбежно имеет и конец. И даже если конец истории от нас, современников, так же далек, как и ее начало, значение конца истории не в самом факте гибели человечества, но в наполнении его настоящей, сегодняшней жизни смыслом. Финалистская позиция, которую возвращает в философию истории Ясперс, спорит с нефиналистским видением в научной картине мира. Здесь постоянный источник критики натурализма и позитивизма, которые тяготеют над наукой и ее идеологией, несмотря на все убеждающие блестящие ее достижения.

Другое влиятельное направление в философии XX века, где категория страха играет важнейшую роль — фрейдизм и психоанализ. Ранний фрейдизм также различал два вида страха — перед внешней опасностью и глубинный иррациональный страх. Последний, как и сартровский страх, есть страх перед самим собой. Однако природа его интерпретируется иначе: фрейдистский страх — это страх перед бессознательными разрушительными инстинктивными силами, сконцентрированными в человеке, перед импульсами, которые прорываются из глубин человеческого существа. Такая интерпретация страха актуализирует негативные стороны свободы, показывая, что искомая свобода, если она не одухотворена моральной ответственностью, не социализирована, может обернуться антисоциальностью, вихрем разрушения. Нереализованные желания, оставшиеся вне культурных смыслов и этических норм, таят в себе гигантскую катастрофическую силу. Бесстрашный сартровский человек, откинувший все внешние авторитеты и страхи, обращается здесь в демона-разрушителя. Он свободен и не боится даже самого себя — поэтому он представляет собой опасность для общества. Психоанализ показывает, что человечеству не следует вовсе отказываться от страха и от культуры, даже если она и носит репрессивный характер, как это утверждал Г.Маркузе. Человек должен страшиться разрушительного начала, заключенного в нем, тогда возможен компромисс между этим началом и ограничивающими требованиями реальности.

Э.Фромм, К.Хорни, Г.Салливан и другие последователи Фрейда придали его учению культурологический и социологический характер. Вперед выдвинулись отношения между

индивидуально-психологическим и социальным началами личности, между культурой личности и культурой общества. Страх как понятие и категория занял в этих концептуальных моделях первостепенное место. Согласно Э.Фромму, страх — то чувство, которое является определяющим при формировании социального характера. Он является тем психологическим механизмом, который оттесняет, сдвигает на обочину и даже в сферу бессознательного те индивидуальные характеристики личности, которые входят в столкновение с господствующими в данном обществе культурными и социальными нормами. Результатом является формирование типов личности, распространенных в том или ином обществе. Сходство социально приемлемых черт облегчает взаимопонимание и совместную деятельность. Платой за это является подавление социально отторгаемых качеств с помощью страха. Страдающей стороной остается личность, которая сама, устранившись, лишает себя части своего сущностного богатства индивидуальных характеристик. Массовизация индивида из его страха перед самим собой как уникальным существом, из его боязни выделиться, быть отличным от толпы, от других людей — вот результат социализации. Подобное омассовление, в частности, приверженность стереотипам, в том числе стереотипизированным массовым страхам, — одновременно плата, которую человечество платит за развитие своих потребностей в коммуникации, за облегчение и упрощение этой коммуникации индивидов между собой. Счастье быть понятым оказывается обратной стороной усечения самого себя для того, чтобы быть понятым.

Личность испытывает страх перед миром и другими людьми. Но страх — не только психологический, а также культурно-психологический феномен. Каждая культура навязывает свои страхи всем без исключения носителям данной культуры. Она указывает людям смыслы вещей и действий и задает образцы реагирования. Страх — очень эффективный механизм социализации. Может быть даже чересчур сильный, ибо он деформирует личность и рождает неврозы. Карен Хорни показала это в своем до сих пор не утратившем убедительность исследовании (22). Она различает нормальные и невротические страхи. Сами по себе характеристики этих страхов не так важны. Страхи могут вызываться внешними опасностями (природные бедствия, нападения врагов), социальными отношениями, установившимися в данном обществе (конфликты, угнетение, зависимость и т.д.), теми или иными культурными традициями (страх перед потусторонним, страх нарушения табу и т.д.), но если они диктуются данной конкретной культурой, то должны быть признаны нормальными. Культурой же предлагаются способы защиты от этих страхов, которые позволяют ее носителям “не страдать сильнее, чем это неизбежно” в данной культуре. Невротик, однако, страдает сильнее. Он находится в конфликте с самим собой и неспособен этот конфликт разрешить. Его страхи и защиты выходят и в количественном, и в качественном отношении за границы нормы. Достижением Хорни было то, что она сумела показать, что невротические страхи являются реакцией на те требования, которые культура предъявляет к личности. Соглашаясь с этими требованиями, человек надевает на себя некую маску (К.Г.Юнг называл ее *persona*), предъявляемую себе и окружающим, однако ее несоответствие его самости рождает глубокое и неосознанное чаще всего чувство вины, которое и запускает в действие невротический конфликт.

Во второй половине 60-х гг. стала развиваться новая форма страхов человечества перед самим собой и собственными разрушительными возможностями, касающаяся отношения человека с окружающей средой — инвайронментализм. Эта природоохранная тенденция включает большой комплекс идей, построенный на признании человеческой ответственности за весь нечеловеческий мир. Инвайронментализм возник как развитие христианской этики и одновременно критика некоторых ее интерпретаций. Он впитал в себя также многие идеи восточной философии. Инвайронментализм соединил новые моральные требования, новую философию отношения человека к природе, новое искусство и политику. Он существует и развивается и как комплекс идей, и как гражданское и политическое движение. С одной стороны, инвайронментализм является несомненным развитием христианского гуманизма, обогащенного опытом новых религий, в том числе восточных влияний. С другой стороны, он

приобретает подчас антихристианские обертоны, вплоть до человеконенавистничества, когда именно человек, его деятельность объявляются зловредным источником разрушения окружающего растительного и животного мира, загрязнения почв, воздуха и воды. Для нас важно, что экологические идеи и движения выступают в качестве дальнейшего продвижения человеческой рефлексии и страхов, эту рефлексию сопровождающих, вовнутрь, т.е. на личность и человечество.

* * *

Анализ истории показывает, что страх перед будущим, попытки осмыслить его в контексте возможной грядущей катастрофы является мощной традицией, действительной как для народной культуры, так и для элитарной религиозной и философской мысли. Очевидно, что традиция обладает гигантской силой инерции, без учета которой невозможно понять и представления нашего современника во всех странах, у всех народов. Она принимает многие формы, в том числе может быть включенной в опыт “из первых рук” — и личный, и семейный. Однако еще в большей степени страх перед будущим, идущий из истории, из прошлого человечества, предстает для личности в качестве вторичной информации, т.е. той, которую он получает из образовательных институтов, средств массовой информации, религиозных проповедей, философских текстов, литературы и искусства.

Историческая тенденция состоит в смещении вектора страхов: со страхов, обращенных вовне, на действия внешних по отношению к людям сил, к страхам, обращенным вовнутрь, т.е. к страхам человека и человечества перед самим собой. Эта тенденция нашла свое выражение в философской мысли, психологии, в психоанализе как новом мировоззрении, которое заставляет человека чувствовать свою вину перед окружением и страшиться своей собственной разрушительной активности.

Глава 2. Страх как социальный феномен

Страх, различные его формы, являются необходимой эмоциональной составляющей жизни практически каждого индивидуума, группы и общества. Способность испытывать страх и боязнь заложена в человеческом мозгу. Как удалось недавно выяснить британским нейрохирургам, в мозгу имеется специальный центр, который отвечает за боязнь и страх, испытываемые человеком в экстремальных ситуациях. Этот участок мозга, в зависимости от степени угрозы, подает сигналы другим участкам мозга, которые определяют модель поведения человека. Возможно, что это открытие потенциально сделает человека менее зависимым от переживаемых им чувств. Однако биологически “бесстрашный человек” был бы уже иным существом, ибо страх, рациональный или нет, служит, подобно физической боли, сигналом опасности. Его возникновение оповещает о потенциальных и реальных угрозах благополучию и даже самому существованию людей, групп или обществ.

Вместе с тем, хотя страх как сигнал потенциально негативного развития, событий или процессов является постоянным компонентом человеческой жизни, он столь же неуклонно компенсируется различными “перекрывающими” механизмами, которые облегчают и даже подавляют это чувство. Типы и интенсивность различных страхов, также как и интеракции между страхами и их антителами, изменяются исторически; они также различаются в обществах и культурах. Имеют место и зависимости от этапа жизненного цикла. Уже Аристотель в своей “Риторике” заметил, что молодые люди менее подвержены страху, но и более безрассудны, тогда как более старые осторожны и осмотрительны. Эти вариации детерминируются многочисленными факторами, весьма различными по своей природе, начиная от истории наций до их текущих экономических настроений.

Страх — чувство и эмоция

Приходится признать, что в социальной науке до сих пор остается более распространенной скорее негативная, чем позитивная оценка эмоционально-волевой сферы человека. В оппозиции “разум — эмоции” вторым отдается подчиненное место. Их рассматривают скорее как дезорганизующее и разрушительное начало, которое должно быть подчинено разуму и управляться последним. Данная традиция исторически сложилась в процессе наблюдения над такими эмоциями, как гнев, ярость, паника, которые было легче видеть и которые резко выделялись на общем более ровном эмоциональном фоне жизнедеятельности личности. Эта оценка имеет также и религиозные корни, идущие еще от борьбы христианства с язычеством. Как известно, христианская аскетическая традиция дискредитировала эмоции и чувства, связав их со злом и грехом. Правда, эта строгая оценка касалась скорее других эмоций, чем страха. Последний должен был помогать богобоязненным, а значит, праведным людям справляться с искушениями, возбуждающими у них запретные чувства. Страх в религиозной этике не относился к запрещенным чувствам. Благоговейный страх, соединенный с любовью, по отношению к богу, страх, смешанный с отвращением, — отношение к греху и злу.

Конструктивисты и, в частности, психолог Магда Арнольд (1) связали эмоции с когнитивными процессами и оценкой ситуации или стимула. Более конкретно эту проблему изучали американские психологи Ф.Элсворт (Phoebe C. Ellsworth) и К.Смит (Craig A. Smith) (2), которым удалось разработать систему зависимостей между определенными эмоциями и комбинациями оценок. Страх оказался связанным с неуверенностью. Он также обычно объединялся с другими негативными эмоциями, как, например, тревога, гнев, ярость, ужас, стресс, паника, апатия и депрессия.

Другая познавательная традиция оценивает эмоциональную сферу человека более позитивно. Во-первых, эмоции и чувства рассматриваются в своей самооценности. Во-вторых, признается важность чувств и эмоций как источника творчества, установления ассоциативных связей и вдохновения. Кроме того теоретики указывают на важность чувств для развития способности к пониманию и эмпатии, необходимых для взаимодействия людей. Исследователи, придерживающиеся этой традиции, подчеркивают, что чувства и эмоции важны как мотивирующий фактор. Жизненно необходимыми качествами является также адаптивная функция чувств. В этом же смысле может быть истолковано представление о связи испытанного человеком чувства страха и более осторожном его поведении в результате полученного опыта. Эта традиция, идущая от Аристотеля и Цицерона, также важна для понимания социальных функций страхов, в том числе массовых. Она может быть интерпретирована в терминах научения более эффективному (правильному, комфортному и т.д.) поведению.

Понимание конструктивистами страха как функции оценок подводит к необходимости рассматривать его через связи с окружающей средой, и в частности, социальной и культурной средой. Важно также подчеркнуть, что страх оказывается предметом научения. Это особенно четко видно на одной из теорий, объясняющих фобии или неконтролируемые иррациональные страхи. Так, испуг отца или матери, наблюдаемый ребенком, может привести к появлению у него фобии как наученного свойства. Страх, который такой ребенок перенял от своих родителей, может превратиться в чувство, неподвластное разуму. Идея о внушенных или наученных страхах представляется весьма важной для изучения социальных проблем возникновения и распространения страхов в обществе.

Типология страхов

Специфичные и универсальные страхи

Общепризнано, что страх есть сдерживающее начало, формирующееся под влиянием различных факторов. Так называемый “объективный характер” воспринятой угрозы только один из них, однако часто решающий. Так же как и упоминавшимся уже Гуду и Бен-Иегуде

(1994), авторам близка позиция “умеренного социального конструктивизма”, которая позволяет избежать крайностей наивного реализма, с одной стороны, и тотального релятивизма, сторонящегося “объективной действительности” как важной категории анализа, с другой.

Несомненно, что образы страхов изменяются в ходе истории. Например, содержание и репертуар страхов в Средневековье были во многих аспектах другими, чем теперь, а повсеместно встречающийся страх перед упадком нравственности не только изменяет свои формы и конкретное содержание от одного периода к другому в пределах одной и той же культуры, но также различается по этим и другим параметрам в разных культурах (3).

В дополнение к исторически и культурно детерминированным страхам, однако, имеется также некоторое число универсальных страхов, которые воспроизводятся с небольшими вариациями в разное время и в разных культурах. Среди них — страхи перед природными бедствиями, войной и утратой независимости для этнической группы или нации, боязнь голода, критического снижения уровня жизни, анархии и преступлений в обществе. Сходства в страхах, встречающиеся в различное время в разных культурах дает возможность современным ученым раскрыть содержание документов прошлого, посвященных различным катастрофическим угрозам, начиная от библейских пророчеств до апокалипсических предсказаний лидеров современных сект.

Социализированный и несоциализированный страх

Как известно, К.Леви-Строс различал “сырое” и “вареное”, т.е. природное и культурное начала. Продолжением этих идей выступает различие, соответственно, “сырого” (raw) и “почтительного” (respectful) страхов (4). Первый — несоциализированный, более близкий к природным реакциям живого существа на опасности существования. Второй — социализированный. Исторически второй тип страха реализовался как страх перед авторитетом. Почтительность, вежливость, самоограничение перед лицом кого-то или чего-то, оцениваемого как более значительное, чем данная личность, лицо или установление, социальный институт или вещь — характеристики второго типа. Таким был страх детей перед отцом в традиционной семье, членов племени перед вождем и, наконец, перед тем высшим авторитетом, каким является Бог. Не случайно, страх и благоговение обозначаются одним и тем же словом (awe). Социализированный страх смешан с уважением, послушанием как добровольным самопринуждением личности к выполнению ею определенных действий.

Социализированный страх является тем социальным отношением, которое оставляет место самоуважению личности. Он основан на признании иерархических отношений нормой, определяющей взаимные права и обязанности всех лиц, вовлеченных в это отношение. Длительный опыт социальной жизни, основанной на нормах обычного и юридического права, лежит за “почтительным” страхом перед авторитетом. Эти нормы определяли не только права и обязанности авторитета, но и лица, этот авторитет признающего.

В Новое время “почтительный” страх был перенесен на государство, его законы.

В ситуации аномии социализированный страх разрушается, ибо разрушены старые нормы, тогда как новые еще не сложились. Нигилизм часто является результирующей этой социальной ситуации.

Особую опасность для существования социализированного страха представляют длительные аномии, которые могут складываться в процессе глубоких социальных сдвигов, охватывающих большие массы людей. Здесь можно сослаться на случай России. В России традиционный страх перед авторитетом начал разрушаться еще в прошлом веке. Страна попала в исторически сложную ситуацию, чреватую широким распространением процессов разрушения традиционных норм при слабом формировании новых. Это было характерно и для столичных городов, и для традиционной деревни. Так, освобождение крестьян от личной зависимости перед землевладельцами освободило их и от традиционных патриархальных связей, в частности, разрушило и “почтительный” страх перед авторитетом. Это означало лише-

ние покровительства и защиты. Не случайно, после реформы 1861 года было замечено, что крепостной крестьянин по сравнению с освобожденным выглядит более уверенно. Тогда как первый держится с известным достоинством, второй суетится и кажется каким-то потерянным. Наблюдение это весьма правдоподобно, ибо крепостной крестьянин имел установившиеся отношения со своим хозяином, возможно прав у него было не так много, но он хорошо знал их, так же как и свои обязанности. Освобожденный крестьянин вместе со свободой лишился того, что в современной России называют “крышей”. Одиноким, без ясных прав и обязанностей, он оказался один на один со всем миром. Результатом могла быть и стала тревога и неуверенность. Былой социализированный (“вареный”) страх перед хозяином уступил место дикому несоциализированному “сырому” страху перед неизвестностью. Такой “сырой” страх перед будущим стал питательной средой для роста иррациональных страхов, неопределенных экзистенциальных страхов перед опасностями существования.

В ситуации массовых крестьянских миграций начала XX века традиционный “почтительный” страх перед авторитетом разрушился вовсе. Любовь и благоговение, смешанное со страхом, перед высшими авторитетами, в этой ситуации пострадали не менее, если даже не больше.

Несколько волн нигилизма, которые пережила Россия, раз за разом ослабляли страх перед каким-либо конкретным выражением авторитета. Интеллигентский атеизм и массовое двоеверие подточили благоговейный страх перед Богом. Реформы, урезавшие права землевладельцев, не могли не ударить по авторитету помещичьего сословия. Государство и его законы, которые являются воспреемниками традиционных патриархальных и средневековых авторитетов, в России воспринимались негативно (что сохраняется во многом и до сих пор).

В современной России “почтительный” страх настолько ослаблен, что иногда приходится задумываться, существует ли он там вообще.

Страхи индивидуальные и массовые

Индивидуальные страхи бесконечны по своему содержанию. Типологически, однако, они могут быть разделены на сугубо личностные страхи, подчас вполне уникальные, так происходит тогда, когда данный индивид опасается чего-то или кого-то, чего или кого обычно другие люди не опасаются, и страхи, разделяемые многими людьми (группой, обществом, человечеством в целом).

Массовые страхи — социально приемлемая форма, в которой находят выражение индивидуальные страхи. Массовые страхи создаются в процессе социальной и культурной коммуникации. Достаточно часто они стереотипизированы.

Культурные антропологи, изучавшие проблему рисков, пришли к убеждению, что культура, культурные нормы и ценности являются определяющими в оценке опасностей и рисков (5). Таким же образом культура определяет и страхи. Некоторые распространенные страхи в массовом обществе могут быть рассмотрены как элементы массовой культуры. Например, в последние годы в американском обществе резко усилился страх перед курением как вредной привычкой и фактором повышенного риска заболевания раком легких. За годы публичного говорения курение и курящие превратились в “культурную тему”, которая выросла массой выступлений, газетных и журнальных статей, монографий, научных исследований, радио- и теледиспутов. Публичный дискурс и массовая озабоченность этой проблемой привели к значительным сдвигам в массовом поведении. Резко снизился процент курящих. В публичных местах ревностно соблюдается разделение мест для курящих и некурящих. В ряде учреждений запретили курить вообще. Правами курящих как меньшинства, которое может оказаться ущемленным некурящим большинством, озаботились борцы за права человека. Дебаты о табачных компаниях, требования и претензии к ним развернулись на всех уровнях государственного управления, включая сенат и высшую федеральную власть. Принимаемые властями решения и последующие действия, как и действия общественных орга-

низаций и частных лиц, ориентированы на создание общественной атмосферы, ограничивающей курение рамками сугубо личных решений, касающихся конкретно самого курящего человека и его ответственности за свое собственное здоровье и жизнь.

Массовыми могут быть признаны любые общераспространенные страхи. Такие страхи отражают иерархию ценностей и предпочтений, сложившихся в определенном обществе, его слоях и группах. Их содержание охватывает наиболее значимые сферы индивидуальной и общественной жизни.

Часто люди испытывают страх по отношению к чему-то определенному, потому что в их культуре это что-то считается страшным. Например, масоны страшны не потому, что вред, причиненный ими, имеет источником семейный, личный или исторический опыт, но потому, что существуют соответствующие культурные предрассудки. То же самое можно сказать и о распространенных страхах перед определенными предметами, объектами и ситуациями, начиная от простого суеверного страха перед переходящим дорогу черным котом до рафинированного, но такого же по сути суеверного страха перед “магическими” числами и расположением звезд.

Массовые страхи часто ориентированы на ситуации, складывающиеся в социальной среде, и их динамика гибко следует за этими ситуациями как любое массовое настроение. Как элемент массовых настроений страхи достаточно подвижны, они могут выдвигаться вперед и даже доходить до уровня паники (некоторые из этих ситуационных страхов были описаны в уже упоминавшейся книге “Моральная паника”). Похоже, что подчас волны страхов подобны клапану, и их функция состоит в “выпускании пара”, т.е. снижении уровня тревожности, накопившейся в обществе. В то же время некоторые страхи задерживаются достаточно долго, сохраняясь как значимый элемент общего эмоционального фона социальной жизни. Такие страхи запоминаются надолго. Обычно они возникают вокруг серьезных проблем, бедствий и ущербов, таких, например, как война, длительный экономический или политический кризис, революция. Подобные массовые страхи откладываются в “коллективной памяти чувств” того или иного общества и уходят в “копилку” культурного наследия. Отождествление немца с фашистом и страх перед ним как перед фашистом сохранялся в России достаточно долго после окончания войны. Ужас перед татаро-монголами, когда-то сжигавшими русские города и убивавшими его жителей, был пронесен через столетия.

Массовые страхи сильно различаются от страны к стране, что будет показано нами далее на примере сравнения главных американских и русских страхов.

Имеет также смысл различать идеологические страхи как форму социальных страхов и конкретные общераспространенные страхи обыденной жизни.

Идеологические страхи внушаются государственной пропагандистской машиной. Советская идеология, например, активно насаждала страх перед США и другими западными странами. В годы приграничных споров между СССР и Китаем был силен массовый страх перед китайским нашествием. В сталинские времена боялись “врагов народа”. В то же время люди поддаются внушению тогда, когда это отвечает, хотя бы в какой-то степени, их осознанным или неосознанным страхам. Идеология в данном случае дает этим страхам понятийное и образное выражение. Так, страх перед Западом опирался на сильно развитый страх перед внешним миром деревенских жителей и новых городских переселенцев. Суеверный страх перед “вредительством” был перенесен на указанных государственными авторитетами “врагов народа”.

Страхи обыденной жизни в большей степени отражают семейный и личный опыт. Часто они идут из детства и связаны со стремлением защитить себя от различных опасностей окружающей среды: страх перед пожаром, наводнением, острыми предметами, которыми можно обрезать; боязнь утопления, падения с высоты, электричества, встречи с опасными незнакомцами и т.д.

Страхи рациональные и иррациональные

Страх рационален по самой своей адаптивной функции, помогая человеку воспринять угрозу и отреагировать на нее. Те страхи, которые направлены на ясно воспринимаемую определенную угрозу, имеющую высокую вероятность реализации, можно оценить как рациональные. Наука и управление постоянно занимались и занимаются такого рода страхами. Обычно их называют опасностями или угрозами. Метеорологи постоянно отслеживают состояние погоды, пытаясь предсказать грядущие стихийные бедствия. Вулканологи наблюдают за спящими и действующими вулканами. Экологи предупреждают о глобальной опасности человечеству, связанной с его совокупной хозяйственной деятельностью. Экономисты постоянно следят за состоянием различных экономических институтов и экономическим поведением населения, стремясь предвидеть возможные негативные эффекты, например, такие как инфляция, массовые банкротства, панику на биржах и т.д. Многочисленные спасательные службы организованы и действуют во всех областях жизни, начиная от знаменитой американской службы 911 до психологической помощи так называемых “телефонов доверия”, оказывающих помощь людям, находящимся в стрессовой психологической ситуации. Все эти люди своей деятельностью отвечают на рациональные человеческие страхи.

Однако страхи могут оказываться независимыми от рационально-когнитивных процессов, т.е. носить “иррациональный характер”. Здесь мы можем опереться на многих видных ученых прошлого, которые были склонны интерпретировать поведение обычных людей как главным образом иррациональное.

Среди них мы можем назвать таких классических авторов, как Макс Вебер, несмотря на его внимание к роли “рациональности” в человеческом обществе, Вилфредо Парето, Карл Маннгейм и Зигмунд Фрейд. Классические теоретики поведения толпы, прежде всего Габриэль Тард и Густав Ле Бон, также принадлежат к этой группе.

Высокая степень иррациональности в человеческом поведении, где высока роль эмоциональных факторов, признается явно или неявно, в большей или меньшей степени, теми учеными, которые изучали коллективное поведение и социальные движения в 1970-м и 1980-м (6).

Один из главных источников иррациональных страхов — интересы идеологов и политиков, которые намеренно и весьма рационально использовали необоснованные страхи для того, чтобы достичь своих целей, о чем будет более подробно сказано ниже.

Существует много примеров широкого распространения иррациональных страхов, включая массовую истерию и коллективные заблуждения. Обращение к истории также свидетельствует о большом числе такого рода примеров. Один из них — события вокруг радиопередачи “Война миров” в 1938 году (7). Другой — широкое распространение конспиративных теорий (8). Согласно результатам нашего российского опроса 1996 года, тема “Сионизм и еврейский заговор” вызвала “некоторый интерес” у 18 процентов россиян, “сильный страх” — у 5 процентов и “постоянный страх” — менее чем у 1 процента. Вопрос о “масонах и их попытках установить контроль над миром” вызвал “некоторый интерес” у 15 процентов, “сильный страх” — у 8 процентов и “постоянный страх” у 2 процентов.

В дополнение к конспиративным теориям можно назвать другие, очевидно, необоснованные концепции, которые подкрепляют многочисленные катастрофические предсказания: фаталистические теории; мистические теории; псевдомарксистские (интересы социальных групп и классов) теории; и криминальные теории. Относительный вес этих теорий, измеряемый их воздействием на массы, варьируется в чрезвычайно широких пределах от группы к группе, и от одной страны до другой.

Конспиративные теории широко распространяются в современной России. Влиятельная националистическая газета “Завтра” систематически публикует статьи, посвященные различным теориям заговора 1991-1998 годов, включая те, в которых описываются планы западных стран и сионистов уничтожить Россию, ее экономику, культуру, этнос и население.

Элементы абсурдного катастрофизма были всегда представлены в Америке. Ричард Хофстадтер (Richard Hofstadter) писал “о параноидальном стиле американской политики”. Один современный американский журналист говорил о текущей тенденции интерпретировать мир “в терминах тупых заговоров, которые в различных эпохах сосредотачивают внимание публики на таких несхожих между собой группах, как коммунисты, масоны, католики, евреи, международные банкиры, мормоны, иностранные золототорговцы и баварские иллюминаты”.

Динамика социальных страхов: от непосредственных угроз к угрозам символическим

Социальная функция страха, значимая для организации жизни человека и сообществ и облегчающая управление, является необходимой. Иначе говоря, страх является необходимым условием нормального функционирования сообществ. Исторический прогресс, однако, заключается в том, что непосредственный страх перед физическим насилием уступает место другим видам страха.

Подобное смещение происходит с глубокой древности. В древних сообществах безотказно действовал страх-отлучения-от сообщества. Единство личности и сообщества было тогда настолько неразрывным, что подобное отлучение-изгнание было почти равносильно смерти.

Столь же древен по своему происхождению страх-стыд. Согласно Библии, Адам и Ева узнали его немедленно после вкушения плода с дерева познания. Иными словами, с того момента, как стали мыслящими людьми. Этот страх является одной из основ культуры до сих пор. Страх-стыд был прочной уздой, направлявшей человека по пути самообуздывания его стихийных стремлений, несоциализированного поведения, в традиционном обществе. Как хорошо известно, моральное давление на индивида в семье, локальных сообществах оказывается именно с помощью стыда. Страх перед подобным чувством, его невыносимость для человека, действенность подобного типа морального принуждения чрезвычайно велики в деревенских сообществах. Страх перед утратой чести был действенным регулятором человеческого поведения в высших сословиях традиционных обществ. Этот страх, согласно героической воинской этике, был сильнее страха смерти. Добровольная смерть предпочиталась утрате чести. Человек, утративший свою честь, мог быть подвергнут остракизму. К бесчестным девушкам и женщинам, как известно, применялись еще более строгие меры наказания. Не случайно, существовал обычай водить по деревне раздетую догола женщину, обвиненную в утрате чести. Здесь прямая апелляция к страху-стыду, который должен был удерживать женское население деревень от соблазнов нарушить принятые нормы поведения. В французских деревнях эта традиция была жива еще в конце прошлого века. В России подобный обычай сохранялся и в начале нынешнего века. Причем женщину били (см. рассказ М.Горького “Вывод”), т.е. поскольку она не утратилась нарушения моральных норм, ее наказывали, прибегая не только к публичному осмеянию, но к прямому физическому воздействию (9).

Традиционные виды моральной регуляции, как известно, во многом утрачивались в условиях переселения крестьян в города. События в России не являются здесь исключением. Как и везде, анонимность, безличность городских связей, резко контрастировавшие с привычной адресностью, персонализмом деревенских отношений, привели в массовых масштабах горожан-новичков к освобождению от моральных пут, в том числе прежде всего от страха как регулятора поведения. Учитывая, что за годы советской власти горожанами стало более 165 миллионов человек, подобное освобождение от страха как регулятора поведения означало реальное ослабление выработанных традиционной культурой моральных принудителей к социально одобряемому поведению.

В этом, кстати, одна из причин возвращения к более простым и непосредственным формам физического принуждения. Страх перед утратой жизни в результате насилия пришел на смену страху-стыду.

В годы советской власти население состояло в основном из горожан в первом поколении. Их культура была столь сильно маргинализирована, что маргинальность может считаться общей характеристикой общества. Особенностью этого общества была сильная разрушенность традиционных форм регуляции, в частности, были повреждены социальные чувства, в том числе некоторые формы страха-стыда. Можно сказать, что в эти годы произошла десоциализация страха-стыда. Не стыдно стало лгать, не держать слово, не хранить верность в семейных отношениях и т.д. (10).

Все разрушения культурных форм стыда вели к реанимации не так давно ушедших или уходящих форм моральной регуляции. Не в последнюю очередь восстанавливался страх перед прямым физическим насилием. Это состояние общественного сознания сыграло свою роль в установлении тоталитарных видов страха (см. главу 7).

Глава 3. Страх и стратегии поведения

Страх оказывает влияние, а иногда и определяет ту или иную стратегию поведения. Уровень катастрофизма в обществе существенно влияет на жизнь нации, подсказывая людям, копить ли им деньги, или тратить, опасаясь их тотального обесценивания; делать ли запасы продовольствия из страха перед его возможным дефицитом и так далее. В отдаленном прошлом многие люди принимали очень важные решения в страхе перед близящимся концом света. Хороший пример может быть заимствован из истории Средних веков. Миллениаристские верования (ужас перед “магическим числом”) заставляли людей в Западной Европе ожидать в 1000-м году светопреставления. В Средневековой России делали то же самое, но ожидали этого события в 1492 году, согласно Юлианскому календарю. Многие богатые люди вручали тогда свою землю и другое богатство церкви в надежде на получение спасения в ином мире (1).

Значение страха в процессе социальной мобилизации

Страх, оправданный или нет, может вызывать активную реакцию, побуждая людей действовать в направлении, которое кажется им необходимым для предупреждения грозящих бедствий. Во многих случаях страх играл мобилизующую роль, стимулируя людей совершать поступки, которые позволили избежать негативного развития событий.

Страх как стимул для действия

Решительные реформы и революции достаточно часто могут быть истолкованы, как способ действия, направленный на то, чтобы справиться с опасным развитием ситуации. Авторы реформы здравоохранения, предложенной в Соединенных Штатах в 90-е годы, постоянно ссылались на катастрофическое повышение медицинских расходов и необходимость предотвращения краха системы здравоохранения. Страх утратить независимость и быть покоренным жестоким врагом, несомненно, явился мощным фактором, сыгравшим свою роль в победе союзников над противником во второй мировой войне. И Черчилль, и Сталин обращались к населению своих стран, предупреждая людей о возможной катастрофе в случае победы Гитлера.

Возьмем другой пример. Страх перед массовым голодом в России в 1992 испытывался половиной населения. Он вынудил россиян сильно расширить частные огороды и обеспечивать себя сельскохозяйственными продуктами, в результате чего материализации катастрофического страха удалось избежать. Страх перед новым Чернобылем стимулировал миро-

вое сообщество на значительное число действий, направленных на уменьшение вероятности подобных катастроф в будущем.

Другое “материальное” действие, которое осуществимо лишь на индивидуальном или групповом, но не социетальном уровне, — бегство из зоны потенциального бедствия. В целом проблема беженцев представляет собой не что иное, как попытки людей спастись бегством под влиянием страха перед грядущим несчастьем. Так, бегство американцев в пригороды — реакция на страх перед городской преступностью. Страх — одно из побуждений для эмиграции во многих странах, включая США. Страх перед преступниками — один из наиболее мощных факторов, заставляющих людей останавливать свой выбор на определенном городе, соседской комьюнити и школе для своих детей. Эмиграция из бывшего СССР не является исключением — ее порождают разнообразные страхи, начиная от боязни восстановления политической диктатуры, гражданской войны вплоть до такого особого страха, как боязнь матерей за жизнь их сыновей, которым предстоит служба в российской армии. Страх за собственную жизнь и жизнь своих близких изгоняет людей из их домов в местах межнациональных конфликтов.

Конструктивное и разрушительное поведение

Активная реакция на страх может проявиться в конструктивном или разрушительном поведении. Конструктивное действие возможно в том случае, когда мобилизовавший все свои способности противостоять страху человек сохраняет контроль над своими чувствами. Страх, обузданный разумом, обостряет восприятие и усиливает рациональные способности человека. В этом случае человек способен выйти за рамки своих обычных возможностей. Здесь мы попадаем в область социальной психологии стресса. Социологический смысл изучения подобного типа реагирования на реальную или мнимую опасность в изучении возможностей конструктивного массового поведения в условиях стресса. Иными словами, в поиске и изучении противоположности паники и панического поведения. Усиление конструктивного поведения в условиях массового страха, бедствия и т.д. практически чрезвычайно важно, ибо научение людей этому типу реагирования на страхи повышает их выживаемость в ситуации бедствий. Фактически учения гражданской обороны, индивидуальная подготовка людей к действиям в чрезвычайных ситуациях, обучения спасательских служб, действия полицейских подразделений, например, типа знаменитой спасательной службы 911 в США — все это примеры попыток научения людей конструктивному реагированию в ситуации страха и стресса.

Разрушительное поведение в ситуации страха связано с паническими типами реагирования на ситуацию. Панические реакции достаточно хорошо изучены (2). В ситуации паники люди могут совершать различные иррациональные действия, хаотичные и импульсивные. Подобные действия не контролируются разумом и могут иметь катастрофические последствия как для личности, находящейся в состоянии паники, так и для окружающих.

Агрессия как следствие страха

Частным случаем разрушительного поведения может быть признана агрессия, когда действующие под влиянием страха человек или группа (толпа) нападают на источник страха, или на то, что ей представляется таковым.

Страх в процессах социальной демобилизации

Страх может разоружить людей перед лицом опасности. В этих случаях люди остаются безучастными, игнорируют и даже отрицают наличие угрозы. Массовые настроения, про-

никнутые чувством апатии, безнадежности, важный элемент процессов социальной демобилизации.

Пассивность прежде, чем страхи

Страх подталкивает людей к действию во многих случаях, особенно если это касается индивидуальных интересов. Однако если угроза касается общества, но не лично данного конкретного человека или его семьи, люди часто остаются пассивными. Наш опрос показал, что около двух третей респондентов, испытывавших различные страхи в 1994-1996 годах, не видели никакой причины или возможности делать что-нибудь, чтобы предотвратить опасности для общества. В то время как около трех четвертей опрошенных объявили о своей готовности делать что-нибудь, чтобы защитить свою семью от угрозы загрязнения окружающей среды, только одна треть, даже только на словах, обещала делать что-нибудь, чтобы отвести опасность от страны в целом.

Апатия и эскапизм

Два других типа пассивного реагирования на страхи — апатия и эскапизм. Апатия наступает в периоды социальной мобилизации, когда люди считают, что от них ничего не зависит и они ничего не могут сделать, даже если и убеждены в негативном ходе событий. Эскапизм — крайняя форма такой реакции, при которой люди игнорируют угрозы и считают, что их не существует, несмотря на поступающую информацию.

Несмотря на всю свою обеспокоенность, европейские евреи игнорировали прямые сигналы опасности их уничтожения нацистами. Многие тысячи евреев решили остаться в Германии даже после Хрустальной ночи 1938 года; это хорошо подтверждено документами (3). Большое число советских евреев во многих украинских и белорусских городах и деревнях не оставило своих домов в 1941 году, когда немецкие войска вторглись на советскую территорию, несмотря на широкое распространение слухов о нацистских злодеяниях. В то же самое время многие немцы не верили в конец гитлеровской империи. Всего за несколько месяцев перед крахом нацистской Германии они все еще были непоколебимо убеждены в существовании некоторого “секретного оружия”, которое принесет им окончательную победу.

Многие украинские и белорусские крестьяне не оставляли территорию, загрязненную радиоактивностью, после Чернобыльской катастрофы, и игнорировали информацию относительно последствий их решений. Они не уникальны в своем выборе: большое число людей принимают решения остаться в опасных местах. Например, люди остаются жить в районах, окруженных пробуждающимися вулканами, в сильно загрязненных местностях, там, где сильна угроза землетрясения.

Глава 4. Социальное значение страхов

Страхи амбивалентны. Они приносят пользу индивидуумам и обществу, но одновременно чреваты существенными издержками. Иначе говоря, мы можем смотреть на страх как на очень мощное лекарство, которое имеет весьма опасные “побочные эффекты”.

Непосредственные издержки страхов для его носителей

Прежде всего страх может вести не только к предупреждению бедствий и катастроф, но также и к их воплощению в реальность. Другими словами, страх может продуцировать точно те события, которых люди боялись, так называемые самореализующиеся пророчества.

Страх перед преступниками часто провоцирует людей на преступные действия, в то время как страх войны может вызвать “горячую войну”. Это обстоятельство было очень важным во времена холодной войны 1948-1989 годов.

Во-вторых, страх может крайне ложно стимулировать людей, группы и общество, заставляя их предпринимать ненужные и часто вредные действия, приводящие к растрате человеческих и материальных ресурсов (1). По этой причине алармисты и провозвестники Страшного Суда считаются опасными людьми во многих обществах, и почти всегда трудно отличить правильные сигналы, касающиеся бедствий, которые могут произойти в недалеком будущем, от неправильных.

Современные споры о расходах на холодную войну хорошо иллюстрируют подобные трудности. Страх перед ядерной аннигиляцией и советской агрессией оставался весьма сильным в западных странах даже после смерти Сталина. Чтобы компенсировать советскую угрозу, они вырастили огромную военную машину. Это отняло колоссальные ресурсы у гражданской экономики. В 1991 году внезапное разрушение Советского Союза привело к окончательному концу холодной войны и существенной демилитаризации западной экономики.

После прекращения холодной войны многие западные авторы стали критиковать внешнюю политику своих правительств. Они предположили, что военные расходы рассчитывались на основе ложных страхов, а советская угроза в реальности никогда не существовала. Даже те эксперты, которые перед этим описывали Советский Союз как “империю зла”, в 1989 году и особенно после 1991 года, стали изображать Советский Союз как “карточный домик”, крайне слабое государство (2). Другие же авторы резко выступили против подобной переоценки, продолжая доказывать, что угроза для Запада со стороны догорбачевского СССР была очень серьезной. Они напомнили, например, о росте напряженности в 1981-1984 годах вокруг советских и американских ядерных ракет средней дальности в Европе.

Вопрос о рациональности страхов в годы холодной войны далек от ясности, и это только подчеркивает сложность проблемы определения роли катастрофического мышления в истории.

Страх, правильный или ложный, снижает качество жизни — и индивидуальной, и общества. Перефразируя Генриха Гейне, можно сказать: “даже мнимые страхи есть страхи”. Своим присутствием страх ухудшает качество человеческой жизни. Качество жизни в Израиле даже в мирное время ниже, чем в других странах с теми же самыми показателями материального благосостояния, просто из-за страха возможных войн с арабскими соседями. Степени страха оказаться безработным, стать жертвой преступников или бюрократического произвола — факторы, которые чрезвычайно влияют на качество жизни каждой нации.

Косвенные издержки страха

Страх не только достаточно дорого стоит его носителям, он негативно воздействует на других социальных акторов и общество в целом.

Рост страхов и катастрофизм способствует увеличению политического экстремизма и насилия в обществе и также побуждает людей к совершению безответственных действий на всех уровнях общества. Высокая степень катастрофизма сопровождается ростом этнического негативизма и ксенофобии, общей деморализацией, распространением дикого, асоциального индивидуализма и мистицизма, увеличением числа апокалипсических сект в обществе.

Установлению диктатуры почти всегда предшествует распространение катастрофизма, который в это время частично оправдывается и преувеличивается общественным сознанием. Победа Гитлера в 1933 году оказалась возможной не только из-за плохого экономического положения Германии, но также потому, что нацисты сумели разжечь чувства катастрофизма в стране. То же самое можно сказать и относительно большевиков в 1917 году, использовавших массовый страх перед катастрофой в качестве главного элемента своей идео-

логии. Одной из наиболее известных работ Ленина накануне Октябрьского переворота была “Грозная катастрофа и как с ней бороться”.

В экономической жизни страх перед различными негативными процессами, типа высокой инфляции и экономической депрессии, даже не сопровождающимися такими деструктивными политическими событиями, как международные конфликты и политические беспорядки, чрезвычайно влияет на потребительское и инвестиционное поведение.

Психологические пути избавления от страха

Ввиду высокой стоимости страхов, индивидуумы и общества вырабатывают механизмы, снимающие или облегчающие индивидуальные страхи и страхи в общественном сознании. Люди стараются психологически приспособиться к обстоятельствам, которые чреваты бедствием, “нормализуя” их в сознании личности и общества. В 1995-1996 годах мы наблюдали этот процесс в России. В то время как российская экономика продолжала ухудшаться и жизненные стандарты большинства населения снижались, только двадцать три процента опрошенных полагали, что к концу 1995 года экономика находилась “в кризисе — существенно ниже по сравнению с предыдущими годами” (4).

Психологическая адаптация на микро- и макроуровнях. Удивительно, что в некоторых случаях люди “нормализуют” свою собственную жизнь и собственное будущее еще более легко, чем общество в целом.

Каждая личность делает различие между будущим для себя и будущим своей группы и общества. Так, в сталинское время людям удавалось соединять высокий оптимизм относительно будущего нации с пессимистическими чувствами по поводу своего собственного будущего.

Для посткоммунистической России типична другая комбинация: умеренный оптимизм относительно своей личной судьбы с весьма пессимистической оценкой будущего нации. Такая комбинация установок по отношению к “моей нынешней жизни и моего будущего” и “нынешней жизни и будущего других” есть прямой результат механизма адаптации, действующего прежде всего на индивидуальном уровне, но до некоторой степени и на социальном тоже (5). Это объясняет, почему люди смогли адаптироваться к их новой жизни после 1991 не только в материальной, но также в психологической сфере.

По данным ВЦИОМ, в то время как 46 процентов россиян оценили свою нынешнюю жизнь как “среднюю” или лучше, только 29 процентов дали ту же самую оценку жизни в их городе или деревне. Более того, только 12 процентов думали примерно то же самое о жизни в стране (6).

Динамика в оценках страхов

Поскольку страх, как говорилось выше, является постоянным компонентом социальной жизни общества и личности, он получал и продолжает получать ту или иную оценку в общественном сознании. Это происходит не только в масштабах того или иного сообщества, но и в масштабах истории.

На более ранних этапах развития человеческих обществ страх в общем оценивался скорее положительно. Это относится к индивидуальным страхам, но и к массовым страхам также.

Во-первых, позитивная оценка страха базировалась на его способности выполнять сигнальную функцию. Как и физическая боль, которую мог испытывать человек, страхи предупреждали об опасности, помогая человеку ориентироваться в окружающей среде. Страх хорошо помогал избегать некоторых опасностей, доступных чувствам. Различение зрительных образов, звуков, сигнализирующих об опасностях, тревожащих запахов — необходимость для выживания любых существ, не только человека. Биологический смысл страха —

способствовать самосохранению живого существа — наиболее глубокая, древняя функция страха.

Во-вторых, страх имел социальный смысл. Страх, и в том числе страх перед властью, выполнял упорядочивающую организационную функцию. Чувство страха, испытываемое, в частности, подданными перед властителем, заставляло их повиноваться. О том, что добиться подобного повиновения тем властным силам, которые упорядочивали и соответственно ограничивали спонтанную активность подчиняемых, было отнюдь не просто, свидетельствует распространенность жестоких пыток, насилия, убийств, бывших рутинным делом в повседневной практике управления. Чтобы заставить людей повиноваться, подчас не было другого метода, чем апелляция к страху. Прогресс заключался в постепенном сдвиге страха из сферы непосредственного физического насилия в сферу мысли и духа. Средневековые, с его господством страха перед Страшным Судом, — хороший пример подобного перехода. Репрессивные социальные отношения, репрессивная культура призваны были поддерживать сообщества в состоянии упорядоченной несвободы. Альтернативой же ей могла быть только неупорядоченная свобода, близкая к хаосу и чреватая угрозой разрушения отношений и сообществ.

В-третьих, соответственно, вперед выдвигалась культурная роль страха. Она прежде всего заключалась в трансляции необходимых для общества моделей поведения. Важнейшим элементом была здесь воспитательная социализирующая функция страха. Жена да убоится мужа своего, дети — страшитесь родительского гнева, слабые — сильных, безвластные — властителей — эта культурная модель господствовала безраздельно, не только на Востоке, но и на Западе. Репрессии и кары, насылаемые на непослушных, служили их исправлению и назиданию окружающих. Страх перед наказанием становящаяся личность испытывала с раннего детства. Родители били своих детей. Затем подключались школьные страхи. Физические наказания, наказания голодом, т.е. оставление провинившегося без обеда, были там обычны. Даже в американских школах царила палочная дисциплина. Давно ли перестала гулять по спинам юных томов сойеров палка их школьного учителя? И здесь путь страха был тем же — от внешнего к внутреннему. Научение желательному поведению методом страха длительное время оставалось наиболее эффективным методом воспитания, альтернативой которому выступала асоциальная личность, лишенная моральной ответственности.

Позитивная оценка страхов во всех случаях, описанных выше, основывалась на способности человека под влиянием этого чувства мобилизовать свои физические и духовные силы. Откуда-то из глубин устранившегося человеческого существа приходили дополнительная энергия, концентрировалось внимание, усиливалась память, появлялось ощущение знания цели, понимания смысла и необходимости выполнения определенных действий, решения определенной задачи. Усталость и подавленность, расхлябанность, несобранность, напротив, куда-то исчезали. Иначе говоря, страх в описанных выше функциях выступал стимулом для культурно и социально одобряемого поведения. Одновременно человек, находящийся во власти страха, оказывался в некотором особом психологическом и психофизиологическом состоянии, отличном от обычного.

Со временем, однако, страх стал переоцениваться. Вперед выдвинулась негативная сторона индивидуальных и массовых страхов. Это связано с мощными сдвигами в культуре и отношениях западных обществ, с системами идей, сформировавшимися к эпохе Просвещения. Восхищение перед человеческим разумом, вера в него и в возможности человеческого развития по пути Прогресса заставили переоценить всю эмоциональную сферу человека и роль страха в том числе.

Во-первых, страх стал коррелировать с такими негативно оцениваемыми понятиями, как зависимость, подчинение, несвобода.

Конечно, эта корреляция не была открытием эпохи Просвещения. Такое мощное чувство, как страх, никогда не могло оцениваться однозначно. Страх слабых вызывал презрение у сильных. В морали высших сословий страх всегда оценивался негативно, а рыцарская этика совершенно определенно противопоставила храбрость — страху. Социальное содержание этой оппозиции заключалось в прямой связи храбрости, чести и доблести рыцаря как носи-

теля моральных добродетелей высшего сословия и страха, низости, покорности, приписываемой представителям низших сословий. Еще раньше, во времена Античности, подобная же нравственная оппозиция приписывалась свободнорожденному гражданину и рабу. Свободнорожденный гражданин, аристократ-патриций оказывались носителями героических качеств, свойственных воину. Таким качеством прежде всего было бесстрашие. Пример Муция Сцеволы, Леонида и других героев — это хрестоматийные примеры бесстрашия. Страх, лживость, связанная со страхом, и другие негативно оцениваемые качества составляли культурный портрет раба. Впрочем, и последние оказывались способными преодолеть свой страх, когда выступали в роли героев-воинов. Римские гладиаторы могли вызывать восхищение, доказывая свою храбрость и презрение к смерти.

Что касается морали простолюдинов и несвободных людей, то страх не был связан там с негативной оценкой столь однозначно. Он более отчетливо связывался с оценкой ситуации, со способностью людей распознавать грозящую опасность и учиться спасаться от нее. В этом случае рыцарская мораль могла оцениваться в свете морали простолюдинов как нерациональная и догматичная. Достаточно вспомнить о правилах, запрещающих рыцарю отступать с четко обозначенной площадки, даже в тактических целях и под прямой угрозой поражения и смерти. Нерасчетливость и тем самым нерациональность рыцарского бесстрашия Дон Кихота противопоставлена крестьянской расчетливости и осмотрительности Санчо Пансы.

И тем не менее общая оценка страха превратилась скорее в негативную в Новое время. Простолюдины-горожане хотели чувствовать себя свободными людьми. Взяв от своих крестьянских предков их осмотрительность и внимание к сигналам, посылаемым страхом, становящаяся городская цивилизация Запада с восхищением оценила аристократическую храбрость и воспроизвела в своих культурных моделях негативные оценки страха как коррелята отсутствия свободы. Одновременно рыцарское нерасчетливое бесстрашие, объединившись с осторожностью и осмотрительностью, превратилось в отвагу — новую добродетель городского человека.

Во-вторых, общий сдвиг в сторону рациональности, вызвавший недоверие ко всей инстинктивной сфере личности, заставил пересмотреть и сигнальную функцию страха. Заработали новые коннотации. Страх стал связываться с пессимизмом, а их оппозицией стали отвага, т.е. осмотрительная храбрость, и оптимизм. Новые представления исходили из того, что сигнальная функция страха не может компенсировать тот вред, который приносит пессимизм как его результат. Страх терзает людей, лишая их мужества. Ужасна боль, которую испытывает прикованный Прометей, печень которого клюет орел Зевса. Но еще в большей степени должен был страдать герой от страха, ожидая неизбежного появления своего мучителя. Конечно, античные герои превосходили свой страх. Нововременные городские жители, однако, не ощущали себя героями. Они были обычными людьми. Герои остались идеалом, вектором, указывающим направление и не позволяющим слишком уж уклониться в сторону морального релятивизма. Но повседневность была негероической. Ее великим достижением, в полной мере “заработавшим” только со времени Реформации, было освоение способности к добровольной самоорганизации, которая достигалась без внешнего принуждения, без угрозы страха. Страх и пессимизм как один из его результатов ведут к бездействию, к пассивности.

В-третьих, была переоценена и способность страха выступать фактором, повышающим организованность в жизни сообществ, облегчать задачи управления. Новая идея состояла в том, что повиновение и послушание из страха не только не является организующим фактором, но, напротив — вносит в социальную жизнь дезорганизацию. Эта дезорганизация недоступна управлению, так как коренится на микроуровне личности. То измененное состояние, в котором пребывает утраченный человек, лишает его разума, парализует волю. Тем самым он остается беспомощным перед лицом опасностей. Более того, он оказывается во власти фантомов, рождаемых его страхом. Сон разума рождает чудовищ. Парализованный страхом человек, если и способен действовать, то действие его неадекватно ситуации, декон-

структивно и разрушительно. Паника и конструктивное действие противостоят друг другу как параллельные прямые. Им никогда не встретиться.

Наконец, во второй половине нашего столетия была решительно переоценена воспитательная роль страха. Это было связано с развитием гуманизма. Дети прежде всего стали рассматриваться не как объект воспитательного воздействия, но как свободные становящиеся личности. Изменяющийся мир обесмыслил “вдалбливание” как метод обучения и воспитания. Ведь многие навыки, казавшиеся ранее обязательными, могут оказаться ненужными к тому времени, когда малыш станет взрослым. Умение учиться и критическое мышление — вот что оказывается важным для становящейся личности. Но страх плохо приспособлен для воспитания названных качеств.

Таким образом, страхи обнаруживают свою амбивалентность, способность оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на социальную жизнь.

Можно выделить по крайней мере несколько факторов, в которых проявляется эта амбивалентность:

1) Наиболее позитивным из них является сохраняющая свое значение и сегодня сигнально-ориентационная функция страха. Однако она направлена прежде всего на обнаружение таких древних биологически обоснованных опасностей, как нападение диких зверей, или лесной пожар, приближающийся ураган или наводнение. Современные опасности часто невидимы и неслышимы, они оставляют сигнально-ориентационную функцию страха незадействованной. Кроме того, всегда ли человек боится того, чего действительно следует бояться? В широком смысле, конечно, сигнально-ориентационная функция страха всегда останется основной. Тем не менее те ее формы, которые развивались исторически, теперь сдвинуты в тень, значение их уменьшилось, они отошли на задний план.

2) Не утратила своего значения и мобилизационная функция страха. Страх по-прежнему может выступить стимулом, мобилизующим людей, удесятеряющим их физические, моральные и интеллектуальные силы перед лицом опасности. Однако тот же страх способен произвести глубоко негативное действие на личность, группу и даже целое общество. Индивидуальный и массовый страх может парализовать волю, вызвать панику, породить волны дезорганизации и деструкции.

3) О двусмысленности социально-организующей и социализирующей функций страха было сказано выше. Их оценка варьируется в зависимости от идеологических и политических убеждений. Обсуждение этих функций в контекстах обществ различных типов и в разных культурах — политически актуальная проблема.

4) Современный мир ориентирован на будущее больше, чем традиционные и архаические общества. Одним из следствий быстрых изменений социальной жизни явилось усиление прогностической функции страха. Не только футурологи, но массовое сознание тоже заинтересованно пытается разглядеть грядущее, прояснить неясно проступающие его черты. Однако что создавать, утопию или антиутопию? апокалипсический “прекрасный новый мир” О.Хаксли, или жизнеутверждающие научно-технические и социальные фантазии С.Лема, А.Азимова и Р.Шекли? Это по-прежнему зависит от оптимизма или пессимизма создателей художественных сочинений, научных предвидений и прогнозов, религиозных и псевдонаучных пророчеств.

Более того, обсуждая проблему негативных последствий страха, можно заметить, что страх способен выступить тем фактором, который не только ускоряет негативные процессы и усиливает имеющиеся опасности. Он может превратиться в самостоятельный порождающий фактор, вызывающий катастрофу. В последнем случае страх является причиной катастрофы. При этом не является существенно важным, возник ли он из-за реально существующих опасностей, или является страхом перед иллюзорными опасностями. Существует даже специальный термин — превентивная война, т.е. возникшая в результате опасений, что противоположная сторона начнет ее первой. Неоднократно в истории массовый страх вызывал разрушительные действия — беспорядки, погромы, насилия и убийства. Когда испуганные люди отдавали все свое имущество Церкви в ожидании Страшного Суда, они находились

под влиянием страха. Когда во время эпидемий люди убивали врачей и санитаров, они находились во власти страха. Когда во время Сталинского террора процветало массовое доноительство, его основой тоже был страх.

Последний по времени пример массового страха — паника в Москве во время экономического кризиса нынешнего года. Видимо, она была спровоцирована решением об отставке правительства С.Кириенко.

Страх, и индивидуальный, и массовый, является постоянной составляющей социальной жизни. Важная тенденция заключается в развитии социализированных страхов, в их динамике со страхами “сырыми” или несоциализированными. Аномические ситуации, временами складывающиеся в обществе, разрушают социализированные формы страха, одновременно возбуждаются несоциализированные его формы, что ведет к примитивизации, и даже архаизации культуры и социальных отношений. Другой важной тенденцией в развитии страхов является их смещение в сторону от непосредственных страхов к страхам символическим, что составляет важную сторону становления “взрослой” личности (в Кантовском смысле).

Страхи мотивируют поведение, вызывая ряд реакций как активных, так и пассивных. Действие, совершаемое под влиянием страха, может оказаться как конструктивным, помогая людям избежать опасности, так и разрушительным, зачастую бессмысленно-иррациональным, как это случается иногда в случае массовой паники. Агрессия под влиянием страха — не менее редкий тип реагирования на страхи, чем бегство из зоны опасности. Пассивное поведение, с другой стороны, почти всегда проигрышная стратегия. Социологически значимо, что активные и пассивные типы поведения являются важными составляющими процессов социальной мобилизации и демобилизации.

Люди привыкают к страхам, проявляя подчас удивительные способности к адаптации. Социальное значение адаптации к страхам двойственно, с одной стороны, люди научаются жить в ухудшившихся или ухудшающихся условиях, сохраняя способность к рациональному мышлению и волю к выживанию. С другой стороны, адаптируясь к страхам, люди достаточно часто обнаруживают в конечном итоге пассивный тип реагирования на разрушительные процессы, что оказывает прямое влияние на снижение норм и стандартов качества жизни.

Социальное значение страхов, таким образом, амбивалентно. Это находит отражение в динамике оценок массовых страхов, где наблюдается как позитивное, так и негативное отношение к самому страху как социальному феномену. Анализ показывает, что на протяжении больших исторических периодов можно видеть развитие тенденции к переоценке страхов: прежде оцениваемый в позитивных терминах и признаваемый социально положительным качеством, жизненно важным для сообщества и его членов, страх постепенно вступает в зону негативных значений, когда вперед выдвигаются отрицательные стороны его влияния на социальную жизнь сообщества. Этот сложный процесс переоценки страхов, их роли в выполнении важных социальных функций одновременно может быть связан со становлением и развитием свободы как основополагающей ценности современных развитых сообществ. В других терминах мы можем говорить о роли переоценки страхов в развитии прав человека, демократических и политических свобод граждан.

Глава 5. Катастрофизм или страх перед будущим

Эмоционально-чувственную сторону социальной жизни можно описать как постоянное колебание и смену подвижных комбинаций уверенности и страха. Хотя в каждый момент времени соотношение этих характеристик может смещаться в ту или иную сторону, в целом “нормальное” сознание в обычной, не экстремальной ситуации сохраняет некий приемлемый баланс, который можно обозначить как удовлетворительно комфортное состояние.

Устойчивое смещение чувств в сторону тревожности, беспокойства, страха, тягостных ощущений неуверенности ведет к эмоционально-чувственному дисбалансу. Если чувство страха становится постоянной характеристикой сознания, “застревает” на длительное время, можно говорить о формировании катастрофического сознания.

Для целей нашего исследования нужно подчеркнуть возможность существования катастрофического сознания в двух основных проявлениях: как состояние психики (что находится в компетенции психологии и психиатрии и нас интересоваться не будет) и как ценностного синдрома, массового настроения, убеждения или системы убеждений, компонента целостного мировоззрения или идеологии. Последние и будут в центре нашего внимания. Субъект, обладающий катастрофическим сознанием во втором из указанных нами смыслов, вовсе не обязательно унылый меланхолик; это может быть личность, обладающая уравновешенным характером и веселым нравом. Катастрофичными будут только настроения такого субъекта, его убеждения.

В соответствии с этим мы не можем отнести катастрофизм целиком к эмоционально-чувственной сфере. Как убеждение и компонент мировоззрения, он может быть вполне рациональным, т.е. опираться на логику, разум, в том числе представлять как результат трезвой оценки безнадежной ситуации.

Тем не менее страх — прежде всего социальное чувство, разум может сдерживать и контролировать страх, так же как и другие чувства, однако он не в силах заместить их. В то же время социализированные формы страха так же могут отличаться от несоциализированных, как чувство любви отличается от сексуальной потребности, а роскошный пир от потребности в утолении голода.

В любом случае в основании катастрофического сознания лежит пессимизм, который В.Дильтей назвал (как и его оппозицию -оптимизм) самым широким и всеобъемлющим среди великих жизненных настроений (1).

Джо Бейли (Joe Bailey), английский исследователь, написавший в конце 80-х годов специальную монографию о пессимизме, считал его (и соответственно, оптимизм) атрибутом любого социального суждения о будущем, определенной формой социального мышления и сознания (2).

Вера в грядущую катастрофу и страх перед ней, проистекающий из этой веры, также непереманные составляющие катастрофического сознания. Субъект с катастрофическим сознанием может бояться гибели своего этноса, социальной группы или слоя, опасаться крушения результатов человеческого труда и творчества, например, искусства, литературы; его может страшить неустойчивость социального порядка, хрупкость важных социальных институтов, например, государства; наконец, он может верить в приближающуюся гибель человечества, планеты и даже Вселенной.

Объективные и субъективные измерения катастроф

Основной теоретический фокус данной работы — разделение трех концепций: (а) катастрофы, или любого другого негативного явления как объективного феномена; (б) субъективного образа уже произошедшей катастрофы, складывающегося или сложившегося в сознании людей; и (в) страха перед ожидаемой катастрофой — последний мы и называем катастрофизмом (3). “Теоретическая элегантность” анализа массовых страхов перед грозящими катастрофами зависит от тщательного изучения отношений и взаимодействий этих трех концепций без смешивания их друг с другом.

Таким образом, центральные понятия данного исследования — катастрофизм и катастрофическое мышление. Другими словами, в центре внимания будут находиться образы катастроф и их возможных следствий, возникающие в человеческом мышлении, но не конкретные фактические случаи имевших место реальных катастроф (4).

Предлагаемый ракурс рассмотрения темы можно проиллюстрировать с помощью конкретного примера. Так, анализируя страхи перед технологической катастрофой типа Чернобыля, мы не будем обсуждать саму эту катастрофу как объективное событие, или установившиеся люди, пострадавшие в этой трагедии. Внимание будет сосредоточено на ожидании дру-

гих подобных катастроф и вытекающих из этого ожидания следствий, как эмоциональных, так и экологических.

В то же самое время вне рамок настоящей работы остаются проблемы, связанные с возможными результатами решений, сделанных некоторыми лицами или социальными организациями (5). Результаты принятия решения могут располагаться от катастрофических до весьма положительных для тех, кто принимает решения (например, для предпринимателей, которые привыкли действовать в ситуациях риска), или для тех, кого лицо, принимающее решение, представляет (например, для национальных сообществ, которые делегируют право принятия рискованных решений политикам) (6). В любом случае все элементы процесса принятия решения, включая оценку рисков, связанных с решением, являются нерелевантными для нашей работы. Другое дело — восприятие рисков населением в той мере, в какой оно связано со страхом. Как и переживаемые чувства страха, так и восприятие рисков основаны на ценностях, т.е. зависят от того, что человек считает ценным, и что для него не имеет цены. Достаточно привести примеры. Если работа является ценной для человека, то риск потерять ее вызывает страх. Чем в большей степени рискованным кажется ему его положение на службе, тем в большей степени может он ощущать чувство страха. Так же и с семейными ценностями. Если человек дорожит ими, то риск потерять свою семью может страшить его. Но никакого страха не возникнет, если семья не является ценностью. Подобным же образом обстоит дело и с массовыми страхами. Массовое убеждение, что риск ядерной угрозы усилился, в ответ вызывает и усиление страха. Риск геноцида вызывает страх и соответствующее поведение. Массовая оценка экономического положения в терминах риска также может породить страх. И хотя войны начинают не массы, а их правительства, массовые чувства в современном мире — фактор, с которым приходится считаться в любой стране и при любом режиме. Тем более это относится к случаям геноцида и экономики, где непосредственная роль правительства вовсе не так очевидна. Однако в данной работе проблематика восприятия и оценки риска остается “за кадром” и основным предметом изучения выступают массовые социальные страхи перед негативными обстоятельствами, причем не всеми, а только теми, что не поддаются прямому контролю для их носителей.

Катастрофа как объективный феномен

Что есть катастрофа? Есть ли здесь проблема для социальной науки?

Интуитивно ясно, что катастрофа — нечто такое, что может коснуться любого проявления человеческой жизни, затронуть все человечество, проникнуть в каждый атом человеческого существования. Иными словами, превратиться во всеохватывающую проблему всех и каждого. Можно было бы ожидать, что такое всеобщее понятие хорошо разработано в социальной науке. Между тем это не так. Не только проблема катастрофы не разработана, но содержание самого понятия “катастрофа” недостаточно прояснено.

На наш взгляд, это связано с преобладанием обыденных интуитивных представлений, а также традиции негуманитарного прочтения этого понятия.

Слова *катастрофа*, *катастрофический* относятся к тем, которые в большей мере присутствуют в обыденной речевой практике, чем в науке. Они носят оценочный характер. В русском языке прошлого века катастрофа не всегда означала негативно оцениваемое событие, что зафиксировано в “Толковом словаре” В.И.Даля, который определяет слово катастрофа как “важное событие, решающее судьбу или дело”. К середине XX века слово катастрофа обросло негативными коннотациями, и другой составитель толкового словаря русского языка — С.И.Ожегов — в 1949 году уже определяет катастрофу как “событие с несчастными, трагическими последствиями”. Webster's New World Dictionary называет катастрофой “любое большое и внезапное бедствие” (7).

Соответственно, люди опасаются любых событий, которые угрожают подобными последствиями. Они боятся стать жертвами этих событий, но также распространения подобных

событий вообще. Можно даже полагать, что существует нечто вроде общечеловеческой солидарности в опасениях по крайней мере масштабных катастроф. Обычно говорят, что “такого не пожелаешь и врагу”.

Обыденное понимание катастрофы взаимодействует с научным. До последнего, по крайней мере, времени понятие *катастрофа* чаще использовалось в отношении к природным процессам, в том числе биологическим, чем к социальным явлениям. Так, термин “катастрофизм” связан с именем Sir Charles Lyell (а “неокатастрофизм” с именем немецкого ученого Otto Sehindewolf) и часто используется для описания теории, изучающей геологические процессы на Земле, от массового исчезновения отдельных биологических видов до различных и крайне разрушительных эпизодов геологического характера (включая вторжение космических объектов, комет и астероидов различного размера)(8). Научное изучение катастроф — это прежде всего изучение стихийных бедствий. Не только тайфуны, землетрясения, пожары, но и голод, и массовые эпидемии достаточно долго представляли как стихийные бедствия, неожиданно обрушивавшиеся на людей.

В социально-научном знании тоже присутствует понятие “катастрофа”. Большей частью оно встречается в тех научных контекстах, которые находятся в русле старой традиции различения относительно медленных, количественных изменений — эволюционных, связанных с постепенным накоплением новых качеств — и революционных, катастрофических, т.е. быстрых, обычно неожиданных, где новое качество появляется скачком. Работы биохимика, Нобелевского лауреата И.Пригожина и современные варианты эволюционной теории модифицируют эти старые сюжеты. Вместе с тем методологически традиция перенесения, заимствования, сведения социального знания к естественно-научному или даже биологическому, несет неискоренимые следы редукционизма. Можно думать, что социальные науки, их методология, пытающаяся приобрести самостоятельность и оригинальность еще с конца прошлого века (неокантианские школы в философии, особенно Риккерт), настолько окрепла, чтобы не обращаться вновь и вновь к редукционистским схемам.

Внимание социолога, социального историка и философа сдвигается с исторически укоренившегося и интуитивно понятного представления о катастрофе как внешнего по отношению к человеку события, наблюдателем, участником или жертвой которой он является. В центре внимания в этом случае оказывается субъективная сторона процесса, положение вовлеченного в нее субъекта, интерпретация и оценка происходящих событий, а также формы, в которых находит выражение эта интерпретация и оценка.

В центре оказывается временной характер протекания событий. Одна точка зрения заключается в том, что катастрофа — внезапна и кратковременна по определению; чрезвычайность происходящего четко отграничивает катастрофу от обычного фона протекания жизни. Скачкообразный, резкий и часто внезапный характер катастрофы вытекает и из разделения революционных, к которым относятся и катастрофические, и эволюционных (постепенных) изменений. Действительно, многие катастрофы предстают для наблюдателя как кратковременные и неожиданные: извержение вулкана, погребавшее под вулканическим пеплом Помпеи и Геркуланум, взрыв атомной бомбы над Хиросимой, время которого зафиксировано с точностью до секунды, разрушение ядерного реактора в Чернобыле. Специалисты, занимающиеся природными катастрофами, называют катастрофами резкие, скачкообразные изменения режимов.

Русский специалист по изучению управления в условиях катастроф Б.Н.Порфирьев также акцентирует момент внезапности, предлагая считать чрезвычайной ситуацией “внешне неожиданную, внезапно возникающую обстановку, характеризующуюся неопределенностью, остроконфликтностью, стрессовым состоянием населения, значительным социально-экологическим и экономическим ущербом, прежде всего человеческими жертвами” (9).

Однако некоторые виды экологических и социальных катастроф могут оказаться длительными. Исторические катастрофы, в частности, как катастрофы могут оцениваться чаще всего постфактум. По времени они могут быть соизмеримы с жизнью нескольких поколений. Кроме того, они могут подвергаться радикальной переоценке по истечении определенного

времени. Деструктивные изменения в образе жизни, структуре смыслов и ценностей могут быть менее заметны людям, живущим в ситуации медленных, но тем не менее потенциально катастрофических сдвигов. Тем не менее методами исторической социологии, по-видимому, можно было бы зафиксировать медленные подвижки в массовых настроениях, оценках, появлении новых тем и сюжетов в искусстве, новых религиозных верованиях, мировоззренческие сдвиги, являющиеся симптомами назревающих событий. История мысли и художественной культуры, а в последнее время и историческая социология, занимающаяся изучением повседневности, приносит новое знание, бросающее тень на эти сюжеты.

Временной параметр катастроф обычно соразмерен общественному субъекту, его уровню.

Личные катастрофы соразмерны времени цикла человеческой жизни, элементам этого цикла.

Гибель семьи может быть еще короче. Примеров гибели (распада, катастрофы) семьи как малой группы огромное множество. Катастрофы других групп более длительны.

В литературе хорошо описаны катастрофы, постигшие отдельные группы и слои, этносы. Например, катастрофа русского дворянства, относительно быстрое и неуклонное ухудшение его положения, вплоть до гибели в 1917 году. Гибель русского традиционного крестьянина, кульминацией которой была сталинская коллективизация. Катастрофа, постигшая русскую разночинную интеллигенцию, которая была носителем катастрофического сознания, носителем идеи катастрофического (революционного) переустройства общества и сама стала жертвой катастрофы. Катастрофу потерпели и ее разрушительные идеи.

Экологическая катастрофа представляется как нарастающая и ослабляющаяся, что предполагает процесс и длительность.

Катастрофы могут постигать также социальные институты. Гибель государства — один из примеров такой катастрофы. История переполнена описаниями гибели государств. Особенно величественны исторические картины гибели империй: Рима, Византии. Понятно, что размерность исторических катастроф не может оцениваться по критериям жизненного цикла личности. К тому же жители гибнущих империй и будущие поколения, рассматривающие гибель государств как историческое событие, испытывают совершенно различные чувства.

Таким образом, внезапность как временной фактор не может служить определяющим для понимания социального смысла катастрофы, но в любом случае катастрофа означает деградацию условий, дезорганизацию жизни людей, и даже их гибель.

Катастрофа может быть определена как разрушительное изменение в жизни отдельных людей, групп, обществ, вплоть до человечества, ухудшающее положение данного субъекта, вплоть до гибельных для него последствий. Она может быть представлена через понятие “дезорганизация”. В этом случае катастрофой можно назвать резкую дезорганизацию образа жизни, жизнедеятельности субъекта, вплоть до угрозы его существованию.

Катастрофа может носить характер массового бедствия, несущего гибель множеству людей. Катастрофа отдельного лица, группы будет в этом случае частью общей беды. Однако всегда для субъекта катастрофой будет разрушительное изменение именно его жизни. В последнем случае она может не носить массового характера и даже оставаться незаметной для окружающих, если не манифестируется человеком, переживающим катастрофу. Тем не менее для данного индивидуального сознания речь может и должна идти о катастрофе. Например, смертельная болезнь, скрываемая человеком от окружающих, может превратить его в носителя катастрофического сознания, тогда как его окружение вполне благополучно. То же самое можно сказать и о сознании группы.

Высказанные соображения можно обобщить в несложной классификации, соотносящей катастрофу с человеческой деятельностью:

1) Катастрофы, независимые от человека. Сюда входят природные катастрофы, начиная от таких стихийных бедствий, как землетрясения, сели, тайфуны, вплоть до возможного

столкновения земли с кометой, способного угрожать самому существованию человека как биологического вида.

2) Катастрофы, являющиеся побочным продуктом человеческой деятельности, ставящей целью получение полезного и необходимого результата. Например, возникновение экологических опасностей в результате выбросов отходов производства, в результате разрушения природы, изъятия ресурсов.

3) Социальные катастрофы разных масштабов, которые могут включать локальные, региональные, национальные катастрофы как результат нарастающей дезорганизации в обществе, разрушения культуры, отношения людей, вплоть до приобретения ими форм хозяйственной разрухи, революции, развала государства и общества, гражданской войны. В XX веке реализовалась такая мощная опасность социальных катастроф, как мировые войны, втягивающие в орбиту возможных разрушений множество национальных государств, потенциально весь мир.

4) Духовные катастрофы и разломы, которые, совершаясь в сознании, являются возможно наиболее значимыми факторами последующих реальных катастроф.

Для нас важно, что возникновение угрозы катастроф первого типа не связано с содержанием человеческих решений. Уровень сдерживания этих опасностей определяется союзом технических и политических возможностей людей, их способностью концентрировать коллективные усилия на уменьшении катастрофических последствий подобных катастроф (10).

Катастрофическое сознание в этих условиях, с одной стороны, по-видимому, выступает в своих наиболее “чистых” формах, заставляющих вспомнить о древнем ужасе перед потопом, землетрясением, — событиями, которые ужасают своей разрушительной мощью. С другой стороны, современный человек пытается контролировать, предвидеть, насколько это возможно, природные катастрофические события, т.е. в тенденции сблизить их с катастрофами второго типа. Здесь можно ожидать роста консенсусных решений.

Второй тип катастроф определяется человеческими решениями и является их побочным, неконтролируемым результатом. Он связан с таким необходимым условием человеческого существования, как взаимодействие человека с природой. Именно для преодоления этих типов катастроф особенно велика роль их осознания как опасных результатов человеческих действий. Когда древние люди работами, технологиями обработки земель способствовали засолению, опустыниванию почв, наступлению экологических катастроф, они не рассматривали эти процессы как результат своих собственных усилий, но полагали его внешним условием своей жизни.

Современные люди, и именно в лице авторов катастрофических пророчеств о гибели мира в результате экологической катастрофы, выдвинули эту проблему, сместили ее в центр сознания коллективного разума людей, довели до сознания правительств, международных организаций. Нигде так мощно и наглядно, как в примере с экологическим сознанием, развитием экологической этики и всей этой проблематики как соответствующей глобальной проблемы, не видна позитивная роль катастрофического сознания в современном мире. Нигде с такой силой не обнаружила и не доказала себя предохраняющая, контрольная рациональная роль этого типа сознания. Изучение экологической литературы, как научной, так и публицистики, произведений искусства, изучение общественных движений, действий национальных и международных организаций, политической власти могло бы быть проведено под указанным здесь углом зрения. Особенно значимо, что произошло все это буквально на наших глазах (естественно, сказанное дает обобщенную характеристику этого сложного явления, не касаясь имеющихся здесь негативных процессов использования элементов экологически ориентированного катастрофического сознания для разрушительных целей).

Здесь особенно велика роль катастрофического сознания в его прогностической функции. Экологические прогнозы, антисциентистская литература, наука как средство извещения, осмысления, преодоления опасностей подобного рода могут быть оценены под ука-

занным углом зрения. Все это связано с прогрессом технических инженерных наук и с прогрессом в политических и социальных способах человеческих отношений.

Катастрофы третьего типа можно считать частным случаем общей энтропийной природы вещей. Охватывая весь мир, включая и общества, энтропия выступает здесь в форме недостаточной способности людей противостоять разрушительным последствиям собственных решений. С другой стороны, никто не может препятствовать людям в их стремлении уменьшить, взять под контроль опасность социальных катастроф, научиться предотвращать некоторые их формы. Иначе говоря, здесь, по нашему убеждению, можно ожидать человеческих решений и действий, направленных на достижения прогресса в области взаимопонимания и выработки большей рационализации в совместных решениях.

Четвертый тип катастроф выступает как внутрикультурное, может быть, даже внутриличностное событие, связанное с осмыслением и переосмыслением мира и человеческой жизни. Деятельность опосредованно участвует в этом типе катастроф, предопределяя их масштабы, силу, уровни. Этот тип катастроф наиболее тонко связан с внутренней сущностью человека, его эмоциональной сферой, психикой и ее трагедиями, социальностью, сдвигами в обществе, престиже и положении групп, и всем тем, что связано со спецификой человеческой жизни.

В конечном итоге катастрофа может быть определена в терминах опасностей и классифицирована как предельная опасность.

При определении катастрофы можно опереться на понятие *деструктивное воспроизводство*, разработанное в русской социологии. Под последним имеется в виду “недостаточная способность субъекта в силу тех или иных причин преодолевать внутренние и внешние противоречия, удерживать на минимальном для данного субъекта уровне эффективность воспроизводства. Этот тип связан с упадком культуры, утратой, разрушением ее ценностей, недостаточной способностью находить эффективные средства и цели, стабилизирующие ситуацию” (11).

В связи с акцентом на субъективной оценке событий важными становятся некоторые дополнительные различия.

Катастрофу как более широкое понятие в контексте нашей книги имеет смысл отличать от бедствия (*calamity, disaster*). Последние четко определены, кодифицированы, носят массовый характер. Такие бедствия, как наводнения, землетрясения, извержения вулканов, голод, эпидемии, войны, революции, масштабные технологические катастрофы — взрывы, пожары — и др., конечно, являются ужасными катастрофами. Однако понятие *катастрофа* в том понимании, которое мы пытаемся здесь предложить, не ограничивается этими и другими массовыми бедствиями.

Катастрофу также следует отличать от кризиса. Это — важное различие, ибо достаточно часто встречается ситуация, когда люди драматизируют происходящие изменения, считая их катастрофическими, тогда как по истечении времени эти события переоцениваются этими же людьми, или наблюдателями, как только лишь кризисные. В связи с этим нужно подчеркнуть двойственность понятия “кризис”, который может как усугубиться вплоть до катастрофы, так и послужить составляющей, моментом перелома ситуации в лучшую сторону. Социальный кризис в данном случае может ассоциироваться (при всех имеющихся и определяющих их различиях) с кризисом во время болезни, после которого больной может пойти на поправку, но может и погибнуть. Соответственно, кризис можно понимать как пограничную ситуацию неопределенности в отношении исхода события. Говоря о катастрофе, нужно иметь в виду результат, т.е. негативный исход кризиса, провал, решающее ухудшение ситуации. Поэтому катастрофа как термин несет в себе результирующий смысл.

Кризисное сознание, соответственно, — прежде всего сознание, находящееся в пограничной ситуации неопределенности в отношении исхода события. Субъект с катастрофическим сознанием предвидит и ожидает катастрофу, боится ее и в этом смысле как бы ориентирован на результат, т.е. негативный исход кризиса, провал, решающее ухудшение ситуации.

Катастрофа как субъективный феномен

Субъективность катастроф проявляется в тех оценках, которые дают ей люди. Эти оценки в некоторых случаях могут простираются от позитивных до отрицательных.

Причиной этого является то, что страх перед негативным развитием ситуации, особенно перед катастрофами, в человеческом мышлении, а также в науке, глубоко коррелирован с местом, которое занимает индивид, группа и общество в этом развитии. Одно и то же разрушительное событие может оказаться катастрофой для одного лица и улучшить позиции другого. Эта двойственность в оценках сохраняет свою значимость и при осмыслении таких социально значимых событий, как поражение в войне, крах империй и государств, революция. Только наиболее “универсальные” бедствия, например, землетрясения, обычно, да и то не всегда, пробуждают сходный эмоциональный ответ (12).

В настоящее время, правда, появился новый мощный глобальный фактор, которого не было прежде. Этот фактор — следствие развития человеческой деятельности и заключается в ныне возникшей способности человека уничтожить жизнь на планете. Как и другие глобальные опасности, этот фактор способствует консолидации человеческих чувств. Чувство страха перед таким развитием событий также превращается в глобальное. Новое единение групп, сообществ и государств перед лицом общей опасности вполне возможно. Эта тема апробирована американским кинематографом, показавшим гипотетическую возможность согласованности действий человечества перед внеземной угрозой (вторжением пришельцев, падением кометы).

Однако в большинстве случаев катастрофическая ситуация не только не уравнивает вовлеченных в нее людей, но иногда резко разделяет их, вплоть до противоположности. Крайние социальные ситуации показывают, что нередко катастрофа одного человека или даже целой социальной группы оборачивается для другого человека или группы выигрышем, возможно невольным. Такая ситуация возникает, например, при катастрофической вертикальной мобильности. Автор классической работы по макросоциологии катастроф П.А.Сорокин отмечал, что во время бедствий, голода, эпидемий, войны, революции освобождается много вакансий из-за смертей или репрессий. В нормальном виде вертикальная мобильность — градуированный процесс, совершающийся согласно установленным правилам. Все это нарушается в бедствиях. Особенно внезапна и катастрофична революционная мобильность, достигающая чрезвычайной интенсивности в первой фазе революции. П. Сорокин описывает то, чему сам был свидетелем во время русской революции, где едва умеющий написать свое имя матрос управлял экономической жизнью России; “красные профессора” университетов не имели элементарных знаний в своих специальностях; личности, понятия не имеющие о военной стратегии, командовали армиями, и наоборот финансисты первого уровня были сведены до положения нищих, лучшие ученые были брошены в концентрационные лагеря и тюрьмы (13).

Сознание уничтожаемой в “большом терроре” российской интеллигенции было катастрофичным, и это зафиксировано во многих документах и литературных произведениях. Психологически наиболее тяжелым было, видимо, то, что вокруг продолжала кипеть обычная жизнь, более того — даже приподнятая атмосфера праздника, характерная для тоталитарных обществ в их звездные часы. О.Мандельштам писал об окружавшем его ужасе, замечая, что многие ужаса не видят, потому что “продолжают ходить трамвай”, т.е. обычный ход повседневной жизни общества не нарушен. В фашистской Германии, по-видимому, была сходная психологическая атмосфера. Отдельные люди и этнические группы подвергались смертельной опасности, тогда как другие не только были благополучны, но даже преуспевали, занимали открывающиеся вакантные места, быстро шли вверх по ступенькам социальной лестницы. Опять-таки, обращаясь к литературе, можно вспомнить о преследуемой соседями еврейке в оккупированной Варшаве, которой ничего другого не остается, как сесть в трамвай

(есть что-то очень мирное и даже ностальгическое в этом виде городского транспорта) и уехать в гетто (т.е. в смерть). Можно вспомнить также образы Дж.Оруэлла. В его романе “1984 год” герой, сломленный пытками в подвалах “Министерства любви”, узнает людей, переживших сходный опыт, среди оживленной городской толпы. Возможно, что никто лучше не сумел передать психологию преследуемого человека, чем Ф.Кафка, который сделал это во многих своих романах и рассказах.

Избирательность попадания людей в катастрофическую ситуацию не обязательно связана с тоталитарным террором или преследованиями людей по этническим признакам. Острое и резкое осознание своего одиночества среди тех, кого считаешь “своими” — внезапное прозрение и отчужденность — причины для катастрофического сдвига в мировосприятии, для переоценки ценностей и своего места в мире. Для солдат и офицеров Российской Армии, выживших во время бездарного и бессмысленного штурма Грозного в новогоднюю ночь, самым мучительным и унижительным воспоминанием остались праздничные тосты и веселая музыка, раздававшиеся по Московскому радио.

Крушение СССР и становление новой России вызвало массовую переоценку российской истории начала XX века. В годы Советской власти приход большевиков к власти официальной идеологией и исторической наукой оценивались как “начало новой эры” в жизни человечества, все прошлое в свете открывшегося сияющего будущего представлялось одним темным пятном, “предысторией”. Официальному оптимизму доверяло большинство населения. Коренной сдвиг в современном восприятии этих событий привел к масштабной переоценке истории Советской России, радикальному ее снижению. Это отразилось в самой лексике, когда прежнюю “Великую Октябрьскую социалистическую революцию” стали именовать “октябрьским переворотом”. Если победившая сторона (красные) оценивала эти события в достижительных терминах и пыталась убедить в этом весь остальной мир, то теперь общественное мнение в России все больше склоняется к тому, чтобы согласиться с оценкой проигравшей стороны (белых), считавших Октябрь 1917 катастрофой.

Переоцениваются не только такие масштабные события, как революции и крушения государств. Не остаются постоянными взгляды людей на сам феномен страха как такового. В любом обществе существует достаточно противоречивый спектр взглядов на этот счет.

Таким образом, субъективная оценка страхов, всегда присутствующая в человеческом мышлении, может приводить к переоценке имевших место катастроф. Более того, само отношение к страху как таковому (как было показано выше) испытывает масштабное воздействие субъективности человеческих представлений.

Страх перед ожидаемой катастрофой (катастрофизм)

Страх перед будущим и страх перед надвигающейся катастрофой не так редки, как можно было бы думать.

Прежде всего эти чувства могут охватывать значительные группы людей в периоды социальной нестабильности: в переходные эпохи, в кризисных обществах, в периоды бедствий. Если страх перед будущим выглядит патологическим в стабильном обществе, то его распространение в условиях нестабильности может считаться нормальной реакцией населения на происходящее.

Наиболее широко катастрофическое сознание распространяется в периоды социальных катастроф. В условиях природных катастроф развитие массовых страхов, конечно, тоже возможно, однако большая часть подобных катастроф кратковременна и локализована в определенной местности, как, например, наводнение, разрушительный ураган, или пожар. Соответственно, катастрофическое сознание не успевает укорениться там и тем более превратиться в норму.

Существуют материалы, которые показывают, что катастрофическое сознание, паника, сильный страх в условиях природных бедствий охватывает не всех людей, кроме того,

эти чувства очень быстро проходят. Кроме того, известно, что люди, живущие в условиях постоянной опасности природных бедствий, не задумываются о ней настолько, чтобы это оказывало влияние на их чувства и убеждения (имеются специальные работы об ожидании катастроф, см. в частности, 14).

Другое дело — социальные катастрофы, такие, например, как глубокий экономический кризис, гражданская война, гибель государства. Они назревают относительно медленно и постепенно. Катастрофическое сознание развивается также постепенно. Катастрофические настроения могут транслироваться всеми возможными способами, начиная от панических слухов, до установившейся тональности в средствах массовой информации. Постепенно на какой-то период катастрофическое сознание может стать массовым, если не доминирующим.

В конечном итоге длительно накапливающимся элементам катастрофизма трудно противостоять даже критическому сознанию. О том, что такое оказывается вполне возможным даже для критического разума, более того профессионального сознания социолога, на наш взгляд, свидетельствует следующий текст:

“В области культуры — все ее области пропитаются атмосферой бедствий, которая составит центральную тему науки и философии, живописи и скульптуры, музыки и театра, литературы и архитектуры, этики и права, религии и технологии. Бедствия начнут занимать все большее место среди главных тем культурной деятельности. Наука и технология, гуманитарные и социальные науки, философия будут все больше заняты деятельностью и проектами, относящимися к катастрофам. Так же произойдет и в других областях культуры. Общественное мнение и пресса сосредоточатся на проблемах бедствий, которые превратятся в главную тему интеллектуальной жизни общества. Общество станет “нацеленным на бедствия”. Вообще, мышление и культура будут отмечены кризисом многими способами. Бедствия возобладают в ключевых позициях общественного сознания по другим темам. Они будут подталкивать к регрессу культуры... Пессимизм заполнит науку, философию и другие области культуры... Жизнь миллионов людей будет охарактеризована бесконечной неизвестностью, сопровождающейся неопределенностью и небезопасностью... В этих условиях, среди значительной части населения распространится апокалиптическое мышление в различных формах. Быстро распространятся и разные психические эпидемии. Вера в разные чудеса и приметы, от астрологических предсказаний до странных фантазмагорий, тоже охватит многих”(15).

Этот прогноз принадлежит знаменитому социологу Питириму Сорокину, и написан в годы второй мировой войны. Ему пришлось столкнуться с социальными катастрофами непосредственно. В молодости политическая карьера Сорокина была грубо прервана большевистским переворотом 1917 года, он видел голод, разбой, был выслан из страны. Катастрофа второй мировой войны, хотя он и наблюдал ее из США, заставила его предположить широчайшее распространение катастрофизма в послевоенном мире.

Сорокин ошибся. Бедствия не превратились в центральную тему послевоенного мира. Наука, философия, общественное мнение и пресса также избежали подобного перекаса. Пессимизм не стал главным общественным умонастроением, и не был им даже в самые трудные кризисные годы.

Возможно, однако, что знаменитый социолог в чем-то главном оказался точным, ибо современные общества достаточно часто кажутся “нацеленными на бедствия”. Достаточно убедительное подтверждение этому можно найти в газетах и теленовостях, постоянно отслеживающих элементы неблагополучия во всех возможных его формах, начиная от природных бедствий и технологических катастроф, катастроф на транспорте и до криминальных случаев, эпидемий и т.д.

В то же время развитие страхов перед возможными катастрофами чрезвычайно опосредовано. Иногда они развиваются без достаточных причин, возможно, как выход скрытой тревожности, накопившейся в обществе. В истории известны парадоксальные случаи массовой паники и страха, охватывавшие значительные группы людей (например, случай “велико-

го страха” во Франции в годы революции, или паника, возникшая из-за знаменитой радиопередачи о нашествии марсиан)(16).

С другой стороны, действительное приближение катастрофы может происходить незамеченным для большинства населения. Историк Э.Голин, размышлявший над этой темой, пришел к выводу, что осознание грозящей катастрофы широкими массами населения встречается достаточно редко. Так, римляне не осознавали грозящей им катастрофы. Турки в XVIII — XIX веках, австро-венгры на рубеже XIX-XX веков в массе своей приближающейся катастрофы своих империй также не чувствовали. Во всяком случае, в “Автобиографии” такого тонкого мыслителя и психолога, как Стефан Цвейг, нет никаких упоминаний о предчувствиях близившейся катастрофы.

Элиты, особенно профессионалы в соответствующих областях деятельности, способны более точно оценить ситуацию. Известно, что в начале первой мировой войны после поражения немцев на Марне и провала “плана Шлиффена” фактический главнокомандующий германской армией Мальтке-младший начал свой доклад Кайзеру словами: “Ваше Величество, мы проиграли войну”. По-видимому, это поняла уже тогда, в 1914 году, еще какая-то часть германского генералитета. Но понадобилось еще четыре года войны, вступление в войну Америки и поражения немцев в 1918 году, чтобы широкие массы осознали неминуемость поражения Рейха в целом, неизбежность военной катастрофы Германии. (А осознание этой неизбежности породило революционные настроения и наряду с другими факторами привело к ноябрьской революции 1918 года. Так катастрофизм в массовом сознании повлиял на ход исторического процесса.)

Не ощущал надвигающейся катастрофы и французский народ в период так называемой “странной войны” (сентябрь 1939 — май 1940 года).

В период второй мировой войны неизбежность военной катастрофы Германии стала осознаваться наиболее мыслящей частью немецкой военной и гражданской элиты, по-видимому, уже после Курской битвы (июль — август 1943 года) и капитуляции Италии (сентябрь 1943 года). Последние сомнения этой части германского общества на сей счет исчезли после высадки союзников в Нормандии (июнь 1944 года). Однако в целом народ и вермахт под влиянием тотальной пропаганды верили в победу Германии едва ли не до самого конца войны. По свидетельству Альберта Шпеера (министра вооружений, написавшего мемуары во время своего 20-летнего срока заключения в тюрьме Шпандау), еще в марте 1945 года немецкие крестьяне, с которыми он беседовал во время поездок по стране, были уверены в конечной победе Германии, уповая на “секретное оружие”, якобы имевшееся у Гитлера, которое будет применено в надлежащий момент. Так что можно считать, что катастрофизм отсутствовал в сознании широких масс немецкого народа, вплоть до самых последних недель, если не дней войны. Результатом этого было бессмысленное продолжение военных действий, гибель еще сотен тысяч людей по обе стороны фронта и дополнительные разрушения. То же можно сказать о Японии. Вплоть до мартовского (1945 года) опустошительного налета на Токио и августовских бомбардировок широкие массы японского народа продолжали верить в победу и не знали ощущения катастрофизма (хотя император и генералитет ощущали катастрофизм положения как минимум в течение предшествующего года).

Что касается СССР, то очевидцы отмечают, что в годы войны народные массы в целом не знали ощущения приближавшейся катастрофы, несмотря на жестокие поражения Красной Армии в 1941-1942 годах.

В разваливающемся СССР массовые катастрофические настроения можно было наблюдать в конце 1991 года, когда в Москве, например, магазины остались почти без всяких товаров. Люди заходили туда и видели одни лишь пустые полки. Возможно, что этот страх перед голодом и ощущение надвигающейся катастрофы заставили массы смириться с Гайдаровскими реформами. Ибо чтобы сейчас не говорили оппоненты Гайдара, он выполнил свое обещание наполнить магазинные полки. Товары быстро появились и больше не исчезали. На фоне постоянного дефицита, который поколения людей, выросших в условиях советской

власти, воспринимали как естественное условие существования, это выглядело почти как чудо.

Факторы, определяющие уровень катастрофизма

Влияние различных факторов на интенсивность страхов непосредственно зависит от их когнитивной основы. Как правило, индивидуальные страхи, а также страхи социальных учреждений и организаций питаются той информацией, которая имеется в распоряжении носителей страхов. Выше уже говорилось, что индивидум черпает информацию относительно возможных опасностей из своего собственного и семейного опыта (информация “из первых рук”) и из сведений, полученных от других (информация “из вторых рук”).

Как только понятие информации включено в анализ, мы вступаем в наиболее рискованную область современной социальной науки: проблему “объективности” этой информации. Как упоминалось ранее, принятие позиции “умеренного социального конструктивизма” и отказ от социального релятивизма в этом исследовании позволяет рассматривать “объективную действительность” в качестве важного пункта в оценке основы страхов. Теоретически, информация о грозящем бедствии имеет различный уровень точности и качества, начиная от очень хорошо предсказанной и обоснованной вплоть до крайне абсурдной. Здесь информация определяется как совершенная или несовершенная, правильная или неправильная, как это делают те, кто использует в своем анализе понятие рациональности в современной социальной науке (теория рационального выбора, теория игр и теория рациональных ожиданий) (17). Следовательно, с некоторыми оговорками, “рациональные страхи” основаны на “серьезной” информации, а “иррациональные” страхи базируются на “нелепой” информации. Например, “рациональные” массовые страхи часто основаны на всех тех источниках информации, доступной личности, о которых говорилось выше. Страх перед Чернобыльской катастрофой может быть рассмотрен как боязнь несчастных случаев на атомных электростанциях. Страхи перед опасностями распространения ядерного оружия и расширения терроризма в мире могут также оцениваться как “рациональные”. Неожиданность первой мировой войны, которая началась так внезапно в 1914 году, имела огромное влияние на настроения европейцев и сделала их предсказания относительно следующей мировой войны весьма разумными.

Страх перед катастрофическим вмешательством КГБ в человеческую жизнь был больше среди тех русских, кто жил во время Сталина, чем среди людей, рожденных после 1953 года. То же самое может быть сказано о людях, переживших землетрясения и другие природные бедствия.

Таким образом, катастрофическое мышление — мышление, оценивающее мир в терминах опасностей и угроз, смещенное в сторону акцентуации опасностей. В его основании включены социально-психологические аспекты, отражающие реакции людей на опасности существования, реальные или мнимые. Тревожность и страх, доходящий до панических атак, являются теми социальными чувствами, которые активизированы у субъектов с катастрофическим сознанием.

Эти чувства составляют общий социально-психологический фон, повышая общую чувствительность субъекта в сторону опасностей существования. Однако сами по себе чувства тревожности, страха как эмоции и чувства “не имеют” содержания, оставаясь достаточно абстрактными.

Поэтому еще более важными для определения катастрофического сознания являются социокультурные аспекты, которые вводят в “зону повышенного внимания” культурные паттерны, ориентированные на опасности, дают “язык” такому сознанию и определяют его содержание.

Наблюдается большая культурная избирательность опасностей, ибо они определяются как результаты публичного дискурса. Иначе говоря, в определении объектов страхов и социально допустимых форм катастрофического сознания необходим определенный уровень

общественного согласия относительно и самих страхов и реакций на них в форме катастрофического сознания. Например, официальный оптимизм советской идеологии требовал табуирования катастрофического сознания. Его проявления получали негативную оценку и сурово пресекались.

Катастрофизм предполагает пессимистическую оценку будущего, но часто эта оценка складывается в результате пессимистической оценки настоящего. Учитывая, что будущее, как много мы бы не думали о нем, всегда оказывается irrelevantным сегодняшнему взгляду на него, катастрофическое мышление имеет тенденцию экстраполировать нынешние опасности и проблемы на будущее.

Социологически значима важность для развития катастрофического мышления социально-профессиональных аспектов. Успех в профессии. Достижение массового спроса. Игра на глубоких социально-психологических чувствах. Игра на заглубленных социально-культурных смыслах и паттернах. Момент выгоды для конкретных носителей профессии, чтобы преуспеть в профессиональной гонке.

Как будет показано дальше, существуют виды деятельности, социальная функция которых ориентирована на отслеживание опасностей, угроз, возникающих проблем и на оповещение общества о них (искусство, СМИ, отчасти наука).

Важным моментом является оценка катастрофического сознания. Можно ли считать его нормальной реакцией общества, групп на опасности существования? Когда катастрофизм превращается в социофобию? Отчасти мы уже отвечали на этот вопрос (см. о прямых и косвенных издержках страха).

Возвращаясь к этому вопросу опять, мы подтверждаем свою в целом скорее негативную оценку катастрофического сознания. Обосновывая ее, нам кажется уместным привлечь здесь общефилософское понятие меры, чрезвычайно значимое для культуры, мышления и социальных состояний. Катастрофическое сознание есть некоторое социальное состояние, представляющее ситуацию в пессимистическом свете, что часто, хотя и не обязательно, затрудняет реалистическую оценку опасностей и угроз. Еще более часто пессимистическая оценка ситуации катастрофическим сознанием препятствует конструктивным действиям, разоружая субъекта перед лицом опасностей и подсказывая ему пассивные стратегии поведения.

Катастрофизм в идеологиях

Катастрофическое сознание может быть представлено в различных своих модификациях, начиная от пророческого сознания, преддрекающего конец мира, до научных теорий, предсказывающих ту или иную катастрофу. Возможно, что к подобного типа теориям можно было бы отнести и Марксову теорию, предсказывающую гибель капитализма.

Почти все идеологии, также как и все религии, включают много элементов катастрофизма. Важность страха изменяется от одной идеологии до другой. Каждая идеология имеет своеобразную конфигурацию и соотношение оптимистических и пессимистических элементов.

Марксисты, например, считают себя оптимистами, хотя они и полагают, что капиталистическое общество чревато проблемами, которых можно было бы избежать, построив новое общество. Советская идеология, как разновидность марксизма, всегда старалась соединять абсурдную оптимистическую веру в “светлое будущее”, включающее “покорение природы”, с запугиванием населения различными катастрофическими угрозами; однако отношение между этими двумя компонентами изменялось от одного периода истории СССР к другому.

В сталинскую эпоху вес катастрофизма был весьма высок. Тезис о враждебном “капиталистическом окружении” формировал так называемое оборонное сознание, заставляя население чувствовать себя зажатым в кольцо врагов, также как тезис об “обострении классовой

борьбы” и шпиономания воспитывали подозрительность в отношениях между людьми внутри страны. Эти тезисы были существенными элементами советской пропаганды и политики перед второй мировой войной.

В постсталинскую эпоху место страха в советской идеологии существенно уменьшилось. Однако формирование и распространение страха перед нападением Запада на Советский Союз или другие социалистические страны, или на их союзников оставались весьма важным компонентом официальной советской идеологии. Временами эти страхи достигали почти апокалипсических размеров, как это было, например, во время короткого правления Юрия Андропова в 1983 году. И все-таки постсталинская советская идеология была склонна смещать акценты в сторону оптимизма и по этой причине не поддерживала излишне пессимистические образы будущего, типа теоретических дебатов относительно возможного конца Земли или вселенной.

На каждом из этапов истории СССР советская идеология достигала больших успехов во внушении “официальных страхов”. Нельзя, однако, забывать, что русские натерпелись не только идеологических, но и действительных страхов, порожденных их реальным жизненным опытом. Вдобавок также заметим, что националистические идеологии и идеологии с сильным религиозным компонентом всегда склонны видеть мир и будущее в черном свете.

Общая тенденция американской культуры, с другой стороны, состоит в оптимистическом видении мира (18). Так, демонстрацией американского оптимизма была, например, та теоретическая модель, которую выдвинул Ф.Фукуяма в его известной статье о “конце истории” в 1989 году (19). Однако несмотря на генеральную оптимистическую тенденцию, почти все американские идеологии XX столетия, от радикально правых до радикально левых, включали существенный элемент катастрофизма (20). Строительство индивидуальных убежищ, призванных защитить жителей от ядерного нападения, было широко распространено в Соединенных Штатах в 1950-х и 1960-х (21). Страх перед социальными катастрофами и разрушением окружающей среды оставался существенной частью американских убеждений в 1970-е годы.

Достаточное число различных религиозных, праворадикальных и анархистских сект, а также антиправительственные “милиции” изошрялись в предсказании различных катастроф, начиная от таких экзотических, как оккупация Соединенных Штатов вооруженными силами ООН и заговора американского правительства против страны, вплоть до глобальной экологической катастрофы и расовых войн. Подобные убеждения разделяли миллионы людей (22). Среди наиболее заметных страхов можно также назвать страхи перед коммунистической угрозой, ядерной войной и советской агрессией. Массовое беспокойство, ориентированное на внутренние проблемы страны, включает страхи белых перед чернокожими, падением нравов, распространением атеизма и коррупции правительственных чиновников.

Глава 6. Субъекты катастрофического сознания

Существуют различные социальные акторы, занятые в “бизнесе социального страха”.

Во-первых, есть люди — индивидуумы и группы, — чье отношение к страху является пассивным, в силу чего они могут быть названы “получателями” (реципиентами), или носителями страхов. Аналогично переносчикам инфекции, они остаются незащищенными, так же как и те, кто подвергается прямому влиянию страхов.

Наряду с “получателями” страхов существуют и их “производители”, т.е. люди и организации, чья активная позиция способствует созданию и распространению страхов.

Производители и распространители массовых страхов включают политических деятелей, идеологов, журналистов, преподавателей, писателей и других людей, формирующих общественное мнение, иными словами, всех тех, кто имеет доступ к общественности.

Идеологи как производители страхов

Каковы возможности идеологов во внушении массовых страхов? И соответственно, насколько массовое сознание зависимо от идей, внушаемых им идеологами?

Две полярные точки зрения сложились на роль деятельности идеологов по созданию и распространению страхов.

Первая точка зрения может именоваться утилитаристской и элитистской. Она имеет широкое хождение и в массовом сознании, и в социальной науке. Согласно этой точке зрения, идеологи создают и распространяют страхи, потому что им это выгодно. Обычно эта точка зрения базируется на концепциях, которые связаны с изучением интересов. Создавая и распространяя страхи, идеологи в некоторых случаях создают (конструируют) проблему, которой до этого не существовало. В других случаях они лишь выводят уже существующую проблему из тени в свет публичного дискурса.

При этом сами идеологи могут относиться к проблеме с разных этических позиций. Во-первых, они могут быть лично убежденными в истинности, правильности, полезности и т.д. отстаиваемой ими позиции, в этом случае их убеждения совпадают с провозглашаемыми ими идеологическими воззрениями. Во-вторых, они могут работать для кого-то другого (например, правителя или рынка). В этом случае идеологическая позиция, которую они обнаруживают для публики, может совпадать с их личной не полностью, ибо они сознательно отделяют себя от аудитории, для которой работают. Идеологи могут работать для широкого потребителя (массового сознания) или по специальному заказу определенных лиц и групп (государства и его представителей, политиков, оппозиции, банкиров, промышленников, аграриев, мафии, зарубежных кругов и т.д., т.е. любого, для кого они соглашаются выполнять заказ. Наконец, они могут поставлять свои идеи общественности и без заказа, а по личному убеждению в необходимости донести эти идеи до других людей. В этом случае таких людей трудно упрекнуть в искании личной выгоды. Вместе с тем возможная искренность вовсе не означает бессеребренничества. Так, националистические убеждения разработчиков национальных идеологий в бывших советских республиках явились для этих людей средством их личного вхождения во власть.

Согласно данной точке зрения, ответственными за содержание идеологии оказываются идеологи. Они сами, или по чьему-то заказу, создают некоторый идеологический продукт, например страхи. Последние принимаются массами, для которых эта идеология предназначена.

За этим пониманием идеологии и роли идеологов скрывается элитистское убеждение в том, что элиты “вносят сознание в массы” и, как профессионалы, “могут им продать все, что угодно”.

Описанной выше точке зрения противостоит иное понимание роли идеологов, которое может быть названо антиэлитистским. Согласно этой точке зрения, роль идеологов в порождении страхов вторична. Они — некий рупор общественных взглядов и настроений, и в силу этого в современных обществах, где действуют демократические установления, отражают и выражают массовые убеждения, верования и настроения. Обоснованием этой позиции является антиэлитистское убеждение, что массы слышат только то, что хотят слышать, и воспринимают только то, что хотят воспринимать. Любая система взглядов и идеология, если она претендует на массовый успех, согласно этой точке зрения, зависима от массовых убеждений, взглядов и мнений. Творческая роль идеологов при этом выглядит скромнее: как профессионалы в своей области они создают интерпретации, т.е. оформляют массовые представления, в том числе, конечно, массовые мифы.

Обе точки зрения представлены здесь достаточно схематично и упрощенно. Несомненно, что в современном обществе производство идеологии ушло из любительской сферы и стало профессией. И то, что люди, которые конструируют идеологии, получают вознаграждение за свой труд, отнюдь не единственное проявление их профессиональной роли. Как и в любой другой профессии, личная и профессиональная этика взаимосвязаны в деятельности

идеологов. Существуют и сложившиеся в том или ином обществе представления об авторитетности данной профессии и данной группы в обществе. Эти представления проявляются в общественных оценках и степени доверия к тому или иному профессиональному “цеху”, его представителям и институтам. Если прессу считают продажной, то, с одной стороны, возможно, она таковая и есть, с другой стороны — даже при условии честности того или иного печатного органа людям, которые его создают, будет достаточно трудно развеять неблагоприятный имидж своего труда.

Общественная критика и конкуренция идеологий — то, что может и должно совершенствовать атмосферу публичного дискурса и идеологии как значимого элемента этого дискурса. Профессиональная самокритика и диалог тех, кто формирует общественное мнение, в том числе журналистов и социологов, — метод, который может продвинуть идеологов на этом трудном пути (1).

Интеллигенция как агент страха

Во всех современных обществах интеллигенция принадлежит к группе активных производителей страхов. Интеллектуалы не только создают идеологии и служат политическим элитам, но и считают своим долгом критически относиться к действительности. Конечно, исторический контекст существенно влияет на их позиции. Так, некоторые русские интеллигенты, оставшиеся в стране после большевистского переворота, добровольно или при прямом давлении господствующего режима играли роль больших оптимистов, даже триумфаторов.

Катастрофические настроения за одно-два десятилетия перед революцией 1917 года были чрезвычайно распространены среди русской интеллигенции. Валерий Брюсов, Александр Блок, Дмитрий Мережковский, Андрей Белый, Федор Достоевский, Владимир Соловьев предсказывали катастрофические события в России (2).

Антикапиталистические настроения, духовные и интеллектуальные противодействия распространению элементов капиталистического хозяйства стране были окрашены в апокалипсические тона, что нашло широчайшее отражение в русской литературе (3).

Антикапиталистические настроения переплетались с антипрогрессистскими. Так, русские софиологи признавали социальный прогресс, но одновременно отождествляли его с регрессом. Они полагали, что прогресс социально опасен и несет возможность катастрофы. Отсюда идея конца истории, то есть в конечном итоге катастрофы (4). Христианский эсхатологизм соединяется с представлением о прогрессе, с научной проблематикой анализирующей проблемы современного катастрофизма. Например, известный русский философ К.Леонтьев полагал, что прогресс ведет к катастрофе. Это может рассматриваться как конкретизация православной эсхатологии.

Идеи катастрофизма получили мощную поддержку в философии. Например, знаменитый русский философ В.Соловьев написал статью “Россия и Европа” (1888), а затем прочитал лекцию “О конце всемирной истории”, что резко усилило в обществе представления о приближении всемирной катастрофы. Философ К.Леонтьев в брошюре “Наши новые христиане” утверждал, что “все должно погибнуть”.

Одной из форм выражения катастрофических настроений была поддержка некоторыми представителями элиты революционеров-террористов, у которых катастрофическое сознание достигало крайних форм (5).

Дальнейшее развитие интеллигентских представлений о катастрофизме приняло катастрофический характер в буквальном смысле этого слова. В результате полного краха интеллигентских идеалов мир стал восприниматься ими как достойный смерти. На этой волне обесценивалась как своя жизнь, так и чужая.

Все эти настроения приближали реальную катастрофу в начале века. Дело не только в негативной оценке происходящих в стране изменений со стороны широких слоев населения

и определенной части элиты. Дело в росте пессимизма среди властей. Некоторые из представителей культурной и хозяйственной элиты потеряли надежду на “органическое” решение проблемы страны. Они стали склоняться к “надорганическому решению” (6), т.е. к революции. Это не могло не наложить отпечаток на общую атмосферу в стране, на усиление катастрофизма.

Хотя сравнения предреволюционной интеллигенции и современной интеллигенции и стало общим местом, трудно удержаться от того, чтобы отметить, с каким чрезвычайным пылом обсуждает последняя тему опасностей и катастроф, грозящих посткоммунистической России. Среди страхов фигурируют: установление диктатуры и приход к власти фашистов; крах науки и культуры; утрата русской национально-культурной идентичности; захват России западным капиталом; депопуляция и возможная дезинтеграция страны. Несколько русских либералов — горячие защитники Ельцинского режима в 1995-1996 годах — пытались убедить публику, что массовые пессимистические настроения населения России возбуждены вовне не “объективной действительностью”, но интеллигенцией, “профессиональными хныкателями”, которым помогли в этом деле средства массовой информации (7).

Некоторая часть русской интеллигенции генерализирует свои пессимистические представления, считая, что упадок России — часть общемирового процесса сползания человечества к пропасти. Так, известный писатель Виктор Астафьев писал о “горечи и печали, оцепенении и разочаровании, из-за того что агрессивные и животные элементы человеческого существа в конце тысячелетия, как это и было предсказано в Откровении, толкают человечество в бездну, пробуждая в нем примитивные инстинкты” (8).

Несомненно, российские интеллектуалы имеют больше оснований для пессимизма, учитывая глубокий экономический кризис, политическое несогласие и неэффективные попытки реформирования в России. Однако и в относительно благополучных США американские интеллектуалы также весьма активны в распространении пессимистического взгляда на будущее. Некоторые авторитетные американские авторы указывают на различные катастрофические угрозы для США и остального мира. Статьи Роберта Каплана, где описывается рост анархии в мире, — лишь один пример этой тенденции в американском интеллектуальном сообществе (9). Другой пример — работы Бенджамена Барбера, в которых он пугает читателей джихадом между наблюдающимися тенденциями партикуляризации и процессом мегаглобализации (10).

Эти и другие американские авторы всевозможных политических оттенков говорят о возрастающей опасности мультикультурализма и скрытых негативных последствий иммиграции (11); они просвещают общество относительно экономического упадка Соединенных Штатов и возрастающей катастрофической задолженности федерального правительства; грозят грядущим банкротством системы социального обеспечения; прогнозируют возможный крах Америки из-за быстрого роста затрат на здравоохранение или потери конкурентоспособности американских товаров в торговой войне с Японией и Европой; и наконец они предвещают окончательную деструкцию американских городов (12).

Некоторые ученые призывают общественность отказаться от оптимистического видения развития экономической и политической ситуации в Африке, мусульманском мире и в бывшем Советском Союзе; от веры в возможность справиться с проблемами распространения ядерного оружия, международным терроризмом. Они полагают неостановимым процесс нарастания общей коррупции и криминализации мира; их страшат межэтнические войны, часто переходящие в геноцид, экологические бедствия и масштабные эпидемии. От внимания американцев, а также людей во многих других странах не ускользает даже такая проблема, как возможная гибель жизни на Земле в результате космической катастрофы, например, от столкновения нашей планеты с кометой (13).

Высокий уровень интереса в Соединенных Штатах к “теории хаоса”, которая имеет дело с непредсказуемым результатом взаимодействия множества причин, а также к математической “теории катастроф”, описывающей на языке формул катастрофические сдвиги и

бифуркации, также является косвенным признаком того сохраняющегося беспокойства, которое поддерживается в американском обществе относительно грядущих опасностей.

Массы как носители страхов

Уже говорилось, что массы — реципиенты страхов — “приобретают” свои страхи из двух главных источников: из “первых рук”, т.е. их собственного опыта и опыта их семьи; и из “вторых рук”, т.е. от средств массовой информации, образовательных институтов, искусства и литературы, а также в процессе личной коммуникации, в особенности с так называемыми “лидерами общественного мнения”. Согласно нашему исследованию, проведенному в России, большее число опрошенных (63%) связывают появление страхов в своем сознании со своим личным опытом, и только 33% опасается вторичной информации, полученной из телепередач, радио и газет.

Индивидуальный и семейный опыт, идущий из прошлого и включающий настоящее, — мощный фактор, влияющий на уровень катастрофизма в человеческом мышлении. Люди обычно судят о возможных опасностях, исходя из своего прошлого опыта.

Информация “из вторых рук” и идеология

В то время как источники страха, связанного с опасностями типа массовой безработицы, этнических преследований, финансового кризиса или экологических бедствий, могут быть поняты на основе здравого смысла, происхождение многих страхов, таких как война, иностранное вмешательство, захват власти масонами или конец Вселенной, находится вне личного и семейного опыта. Средства информации и доминирующие идеологии наиболее ответственны за распространение различных страхов. Советская идеология во времена Сталина, подкрепленная, конечно, страхом перед политической полицией, была весьма успешной, внушая населению страх перед классовыми врагами и капиталистическим окружением. Одновременно, советская идеология, с ее оптимистическим видением будущего, была способна поддерживать оптимизм среди значительной части населения, особенно среди молодежи, даже в самые темные времена советской истории (14). Отсутствие сильной официальной идеологии в посткоммунистической России, — очевидно, одна из главных причин распространения пессимизма и неверия в “ослепительное будущее” (15).

Страхи как оружие большой политики

Подобно идеологам действуют и политики, которые распространяют легитимные и нелегитимные страхи для достижения своих собственных целей (16).

В демократических и полудемократических обществах страх используется политическими деятелями как одно из средств давления на избирателя. Конечно же, это вовсе не исключает для политиков возможности апеллировать к катастрофическим настроениям и чувству массового страха для служения общим интересам и достижения целей, полезных для нации. В то же время всегда остается актуальной и опасность эксплуатации политиками этих страхов для “самообслуживания”, в целях, которые являются несовместимыми с подлинными национальными интересами. Существует также специфическая тенденция, свойственная политической оппозиции, которая состоит в том, что последняя намеренно нагнетает массовые страхи в своей предвыборной агитации, стараясь получить имидж единственных спасителей нации от якобы неминуемых катастроф.

Распространение страхов играло существенную роль в русской политике, начиная с 1989 года. Одна из заметных черт политики русских коммунистов, возглавляемых Геннадием Зюгановым, — акцент на будущей глобальной экологической катастрофе и смертельном конфликте между “Севером” и “Югом” из-за ресурсов. Русские либералы также были весьма

активны в создании страхов. Вся предвыборная кампания президента Ельцина летом 1996 была основана на том, что победа коммунистов приведет страну к катастрофе.

Исторически, во внутренней и внешней политике американцев, так же как в жизни отдельных людей, страх играл большую роль. Маккартизм — один из примеров (17). Другой — действия таких правых экстремистов, пророков Страшного Суда, как Джеральд Смит. В современной американской политике катастрофизм продолжает быть заметным. Программа республиканской партии содержит изрядную дозу катастрофизма, включая такие страхи, как возможность масштабной финансовой катастрофы, деградация семьи и моральный упадок нации (18). Возможно, что ставка на элементы катастрофизма в американском общественном мнении способствовала победе республиканцев на ноябрьских выборах 1994 года.

Страх используется не только политиками. Время от времени в демократических обществах, да и в недемократических тоже, появляются отдельные люди и организации, которые оповещают граждан о различных опасностях и угрозах. Например, они привлекают общественное внимание к таким явлениям, как грабежи, изнасилования, курение, наркотики, порнография, аборт, насилие в семьях, гомосексуализм, надругательства над детьми и многое другое. Эта деятельность часто приносит успех личным карьерным устремлениям этих людей. Они также обычно пользуются косвенной поддержкой определенной политической партии или режима (19).

Таким образом, социальная коммуникация по поводу страха включает многих субъектов, некоторые из которых заинтересованы по тем или иным причинам в продуцировании и распространении страхов. Иногда страхи как будто не приносят никакой выгоды людям, которые их генерируют. Но нередко социальные страхи превращаются в весьма выгодный товар, продажа которого “получателям” приносит ощутимые выгоды “торговцам”. Общество переполнено всякими и всяческими страхами. И бедствующие и процветающие общества не имеют иммунитета против страха, в том числе массовых страхов и даже волн паники.

Глава 7. Мобилизационная функция страха: страхи и катастрофизм в СССР

Позитивная оценка страха, о чем говорилось ранее, базировалась на его интерпретации как стимула для социально и культурно одобряемого поведения. Вторым важным моментом было то, что страх оказалось возможным использовать для целей мобилизации трудовых усилий и производственной деятельности.

Некоторые политические режимы в обществах, в которых совершался драматический социальный сдвиг от традиционных к современным формам социальной жизни, культуры, отношений, форм труда и образа жизни, попытались направить мобилизующую функцию страха на цели развития.

Фактически, это в определенном смысле означало актуализацию ресурсов, сложившихся в условиях традиционного общества, для достижения новых нетрадиционных целей.

Могла ли опора на мобилизационные возможности страха способствовать модернизации страны? Иными словами, можно ли было, используя страх, получить дополнительный приток социальной энергии населения, достаточный, например, для превращения “страны аграрной в страну индустриальную”?

Случай России дает некоторые ответы на эти вопросы. Он показывает амбивалентность страха, используемого в мобилизационных целях, границы мобилизации, основой которой является страх. Он показывает также глубокое несоответствие внешнего принуждения и нажима задачам общественного развития современных обществ. Этим обозначаются и границы властных возможностей государственного принуждения, и ограниченные мобилизационные возможности страха.

Массовые страхи как условие и предпосылка мобилизации

Условием и предпосылкой использования страха для целей мобилизации тоже был страх — перед разрушением самих основ социальной жизни.

Российская империя рухнула в 1917 году. Вскоре после этого истощенная, воевавшая к тому времени третий год страна погрузилась в пучину хаоса. Крах государства и его структур разрушил нормальную повседневную жизнь населения. Последовавшие затем большевистская революция и гражданская принесли новые ужасные бедствия. Слова “Россия погибла” были не просто словами, за ними стояла кошмарная реальность социального коллапса.

В ситуации бедствия, тем более если ситуация социальной катастрофы затягивается на много лет, видимо, не будет преувеличением предположение, что страхами страдает все население страны. Рост массовых страхов есть нормальная реакция на дезорганизацию социальной жизни. Прежде других нарастание социальной нестабильности ощущают активные группы населения — политические и интеллектуальные элиты. Чутким барометром общественных настроений являются художественная интеллигенция, журналисты. Общество еще не вступило в полосу бедствий, но в воздухе как будто что-то носится. Общественные службы еще функционируют и жизнь движется как обычно, но в то же время как будто у гигантской социальной общественной “машины” отказали тормоза и скоро все покатится кувырком.

Российская империя с начала XX века вошла в состояние нестабильности. Исторический материал свидетельствует о масштабном нарастании дезорганизации, разрухи, социальной дифференциации населения, а также усиливавшемся кризисе власти. Многие в России в начале века были напуганы разрушением патриархальной жизни, наступлением каких-то неизвестных опасностей. Государство пыталось одновременно опереться на активность пробуждающихся широких слоев общества и подавить эту активность силой. В массах было сильно отчуждение от государства и его представителей. Имело хождение представление о начальстве как источнике катастрофы, всяческих бедствий. Противоречивая деятельность государства и недоверие к нему со стороны широких масс подрывали основы социального порядка. Революция и крах старого режима казались неизбежными. Все были недовольны: и власть, которой приходилось отбиваться от террористов, и часто бастовавшие рабочие, и крестьяне. Большая часть русской интеллигенции, как известно, ожидала радикальных изменений с радостью. Она не только чувствовала “запах грозы”, носившийся в воздухе, но и была ее активным транслятором и продуцентом (как тут не вспомнить хрестоматийную “Песнь о Буревестнике” Максима Горького). Все это осложнилось внешнеполитической катастрофой первой мировой войны.

Революция и крах режима возможно и переживались некоторыми как праздник, однако они несли с собой дезорганизацию нормального порядка жизни и массовые страхи. Старая российская государственность погибла в атмосфере масштабного их роста. В своих воспоминаниях В.К.Зворыкин, эмигрировавший в США и названный там “отцом телевидения”, писал перед самым падением монархии: “Разруха, имевшая место в мирной жизни и прежде, теперь заметно усилилась. Если раньше всех волновало положение на фронте, сейчас никто не сомневался, что война проиграна. Каждый чувствовал приближение чего-то неизведанного и опасного, неясно было лишь, когда и как это случится” (1). Характерно, что томительная и тревожная атмосфера неопределенности людьми переживалась особенно тяжело. Однако вряд ли это было ожидание бедствий и катастроф. Люди надеялись, что разрешение неопределенности улучшит их состояние. “Многие считали, — продолжает Зворыкин, — что чем раньше произойдет неизбежное, тем лучше. Общим настроением стало: “Что бы ни случилось, все будет лучше, чем сейчас” (2).

По-видимому, людям, привыкшим жить в ситуации устоявшегося и возможно во многих своих проявлениях тягостного социального порядка, невозможно было представить, что будущее может нести с собой не обязательно новый порядок, но чаще (либо сперва!) усиление дезорганизации и беспорядка. Как бы ни был плох старый режим, но его крах немедлен-

но привел к росту антисоциального поведения. Население оказалось перед лицом еще больших страхов и еще больших беззаконий.

Социально-психологическая атмосфера, сложившаяся в СССР после установления большевистского режима, может быть понята при учете того, что сам большевистский переворот был элементом социально-политической, хозяйственной, военной и т.д. катастрофы, связанной с крахом исторической государственности. Гибель накопленной элитарной культуры, ее носителей, крах традиционного образа жизни имели массовые масштабы. Жизнь в Советской России, по крайней мере в первые десятилетия после 1917 года, была разрушена. Результатом стало вхождение катастрофизма в повседневную жизнь каждого человека. Люди боялись грабежей и бандитов, но в неменьшей степени они опасались представителей государственной власти, зачастую руководствовавшихся в своих действиях “революционным чувством” и “революционной справедливостью”.

Страх и гнев — хорошо известная психологам “связка” общественных чувств. Революция и гражданская война вывели общество “за порог” нормальной повседневной жизни и разрушили его. Атмосфера бедствий: хаос, разруха стали фоном и предпосылкой последующего государственного террора. Газеты того времени дают достаточный материал для такого вывода. Например, в газете “Воля народа” (2 декабря 1917 года) поэт П.Орешкин пишет о том, что в повседневное, бытовое явление превратилось “хамство, убийства, грабительства, наглая ложь; черный как сажа звон вторит красному звону”. На следующий день писатель М.Пришвин записал в своем дневнике о том, как просто решается пустяковый спор в трамвае: “Перестаньте, я вас застрелю!”. Писатель Александр Грин писал 30 декабря в газете “Наши ведомости”: “Убийство стало неотъемлемой частью духовного нашего сознания — его окраской”. Максим Горький в своей газете “Новая жизнь” писал 21 декабря: “Нигде человека не бьют так часто, с таким усердием и радостью, как у нас на Руси” (3)

Часть населения надеялась на новую власть, однако другая часть не ждала ничего хорошего (4).

Люди испытывали постоянный страх за свою жизнь и жизнь близких. Вот выдержка из письма некоего П.Шевцова Ленину, написанного в декабре 1918 года. “Ваш портрет на фоне, словно взрыва и пожара — сегодня навел меня на решение сказать, что дело обстоит плохо: революция на краю бездны; морем разливанным разливается по Руси... контрреволюционный расстрел. Смертная казнь!.. угроза “к стенке!” стала криком ребят на улицах, кругом подавленное состояние. Люди говорят о “произволе обнаглевших и разнуздавшихся отбросов интеллигенции — называя их провокаторами и жандармами” (5). Видный чекист Я.Петерс пишет, что под влиянием “слухов о массовом терроре” обывательская масса, мелкая и крупная буржуазия завывала самым настоящим образом”. Он же говорит о страхе в обществе (6).

Человеческая жизнь почти ничего не стоила. Не только голод, болезни, государственный и криминальный террор преследовали жителей. Разочарование в коммунистических идеях привели к нарастанию количества самоубийств среди молодых активистов (7). У крестьян отбирали хлеб (8). Города голодали. В письмах 1917-1920 гг. эта тема звучит постоянно. На почве голода случались и забастовки. Силен был страх перед эпидемиями: свирепствовали болезни времен бедствий — сыпной и возвратный тиф.

Этот повседневный кошмар усиливал чувство ненависти и постоянно побуждал к поиску врагов. Сначала это были бывшие хозяева жизни (дворяне, помещики, представители старой власти) и богатые соседи, потом евреи (9). В одной из сводок ОГПУ 1926 сообщалось: “среди железнодорожников, особенно Псковского участка, распространяются слухи о близкой войне. Монтер электростанции “Дно” Гурченко говорил рабочим: “С наступлением войны нужно перебить евреев и коммунистов, только после этого можно будет наладить хорошую жизнь”(10). В этом же документе рабочие Житомирской электростанции говорили между собой: “Эх, кабы война началась, вооружившись лопатами и дубинами, мы бы сделали чистку по-своему”. Один из безработных кричал: “Да здравствует война — бей жидов,

спасай Россию” (11). Приводился ряд высказываний о желании устроить еврейский погром (12).

Чрезвычайно важным для понимания динамики массовых чувств и настроений является то обстоятельство, что повседневная жизнь протекала в атмосфере всеобщего озлобления и люди сами были его носителями (13). Страх, гнев и всеобщее озлобление — те массовые настроения, которые, накопившись за годы социального хаоса, побудили население России согласиться с режимом “сильной руки” как гаранта восстановления социального порядка.

Тоталитарный политический режим как средство мобилизации

Тоталитарный политический режим в России ставил масштабные цели модернизации страны. В звездные часы СССР рассматривался как претендент на мировое господство. После победы над Германией и создания ядерного оружия СССР стал признанной сверхдержавой.

Его агрессивность и антикапиталистический идеологический напор, активность на мировой арене и стремление распространить свое влияние на другие страны были постоянной головной болью западных обществ.

Тоталитарное управление базировалось на страхе. Население и элиты должны были бояться прежде всего для того, чтобы стало возможным длительно поддерживать в обществе особое состояние мобилизации. В социальной жизни развитых демократических обществ в мирное время такое состояние не возникает вовсе. Отдельные элементы его могут складываться в условиях природных или технологических катастроф и существовать чрезвычайно небольшие отрезки времени.

В СССР, особенно в годы большого террора, по-видимому, не было таких людей, которые не несли бы в себе ту или иную форму страха. Как известно, параноидальными страхами страдал и сам диктатор.

Теперь выяснилось, что тоталитарный политический режим в обществах догоняющей модернизации не может долго удерживать свою власть. О нестабильности тоталитарных режимов писала и Ханна Арендт (14). Среди причин внутреннего краха подобных режимов немалую роль сыграли лимитированные возможности использования страха для целей мобилизации населения.

Мобилизационные возможности такого режима ограничивают адаптационные механизмы, которые не перестают действовать даже в чрезвычайных условиях. Наступает своеобразная усталость от страха. Ее начинает испытывать как население, так и элиты. Страх становится привычным. Соответственно, как основа стабильности политического режима страх изживает сам себя. Он перестает быть функциональным, т.е. служить тем целям, ради которых культивировался. Соответственно, ослабевают и карательные органы, и политические режимы, которые держались на страхе.

В этой связи чрезвычайно интересно проследить те социально-психологические механизмы, которые на несколько десятилетий удерживали советское население в состоянии страха.

Важнейшей составляющей этих механизмов было катастрофическое сознание.

Катастрофа как бедствие и орудие справедливости:

два лица советского катастрофизма

В стране сформировались два основных связанных друг с другом облика культуры катастрофизма. Первый, агрессивно-праздничный, тоталитарно-репрессивный, был характерен для периодов мобилизации в доминирующей культуре на общесоциальном уровне. Вторым был оборотной стороной этой праздничности и выражался в жертвенно-пассивной реак-

ции репресслируемых групп. Катастрофизм их сознания нес в себе согласие играть роль жертвы в “исторической инициации” рождении нового общества (литературные произведения писателей тех лет много могут рассказать об этом, достаточно только почитать А.Платонова).

Общая характеристика катастрофизма этого периода — мифологичность, идеологичность, включенность в основной миф, посредством которого управляющие структуры организуют общество на всех уровнях государственного управления. Вертикальная мобильность в это время была очень высока (П.Сорокин писал об этом как об общей черте восходящей фазы революции — 15). Это обстоятельство также способствовало социальной мобилизации, ибо открывало для активных людей из социально поддерживаемых социальных слоев значительные перспективы (и опасности попасть в мясорубку террора).

В условиях отсутствия свободной печати и других демократических свобод страхи часто принимали форму слухов. Соответственно, отсюда и гиперболизация, обрастание фантастическими вариантами, иррациональность, присущие слухам как одной из важных форм устной культуры (см. гл. 1).

Возможность длительного существования советского катастрофизма базировалась на позитивной мировоззренческой оценке социальных катастроф (в особенности, революции и революционного насилия, классовой розни и классовой борьбы) населением и особенно — институционализированном выражении подобного мировоззрения в государственной идеологии. Даже люди, “назначенные” жертвами, во многих случаях находились во власти господствующего мифа. Тайное несогласие (разговоры “на кухне”) начало “проговариваться” достаточно поздно, когда механизм террора ослаб. В “звездные часы” сталинской диктатуры большинством населения советское мировоззрение было принято. Классовая ненависть и классовая борьба положительно оценивались как орудие справедливости, высшей правды. Утверждение этой высшей правды совпадало с массовым и повседневным избиением тех людей, которые изобличались как носители зла.

Вряд ли идеология, предложенная большевиками, охватила бы общество с такой быстротой, если бы она апеллировала только к рациональной составляющей общественного сознания. Но она не менее, если не более сильно апеллировала к массовым эмоциям и чувствам.

Давно замечено, что, несмотря на яростный атеизм и отрицание традиционного православия, большевистская идеология включала сильные религиозные обертоны. Еще Бертран Рассел писал о привнесении Марксом в социализм идей еврейского мессианизма, о сходстве коммунистической партии с церковью, видении марксистами революции как Второго Пришествия, а коммунизма как миллениума.

В растревоженной, переживающей драматические социальные и политические сдвиги стране с бедным и неграмотным населением милленаристские или эмоционально близкие к ним идеи могли породить (и действительно породили) мощный ответный импульс. Предложенная большевиками идеология была усвоена массами прежде всего в своих (псевдо)религиозных милленаристских аспектах. Обещание “нового неба и нового царства” для избранных, четкие указания, позволяющие отличить “избранных” (пролетариат) от “грешников” (буржуазия), трудный путь к новой жизни по новым, справедливым законам — все это не могло не импонировать в ситуации войны, разрухи, голода, морального упадка, распада страны, краха политического режима и социального порядка в целом.

В результате сформировалось весьма специфическое общество, в основе идеологии которого лежала идея мировой катастрофы. Эта идеология была своеобразной секулярной религией, имевшей сильные милленаристские обертоны. Вполне в соответствии с подобного типа верованиями, представление о грядущей катастрофе было двойственным. С одной стороны, значительная часть населения была убеждена, что страна окружена враждебными государствами, которые готовятся уничтожить “первую в мире справедливую власть рабочих и крестьян”. Это ожидание не было рациональным, ибо крестьяне-мигранты и жители деревень воспринимали вторжение в страну “мирового капитала” мифологически как поголовное

уничтожение населения какими-то вполне фольклорными носителями зла. С другой стороны, само грядущее всеобщее побоище должно было стать — это обещала идеология — всеобщей катастрофой для сил зла; катастрофой-испытанием, через которую “все прогрессивное человечество” должно было пройти, и выйти из нее обновленным. Капиталисты, буржуазия (т.е. грешники) в этой очистительной войне должны были быть уничтожены, а советское население и “мировой пролетариат” (новые праведники) уцелеть, чтобы очищенными войти в новый прекрасный мир.

Это удивительное общество тем самым считало предстоящую катастрофическую схватку чем-то абсолютно неизбежным. Вся повседневная жизнь, вся внутренняя и внешняя жизнь общества были сосредоточены на идеях грядущей роковой битвы. Население находящейся в изоляции страны было уверено в необходимости поддерживать политику властей, направленную на подготовку к будущей вселенской катастрофе. Нужно было закупать оружие, ресурсы, захватывать новые территории, чтобы улучшить свои позиции в предстоящих боях, поддерживать потенциальных союзников и т.д. Нацеленность на борьбу против окружающих врагов определяли всю жизнь, все ее культурные, социальные, экономические механизмы.

Даже такие ценности, как личная совесть каждого, должны были быть подчинены этой, по сути, единственной задаче. Подобная идеология создавала безграничную основу для террора, оправдывала его. Космический характер предстоящей схватки оправдывал превращение личности в средство подготовки к победе. Для личности и ее развития такие убеждения были реальной катастрофой. В массовом терроре, где погибли десятки миллионов, личная вина как таковая не была реальной проблемой для правосудия, для общества. Все, включая разрушаемую повседневность, было подчинено иррациональной задаче — победе в космической схватке добра и зла. Здесь можно видеть как реально беспредельный охвативший общество катастрофизм внес катастрофу в каждый дом, превратив повседневность миллионов в ад.

Высшего накала катастрофизм достиг во времена большого террора, когда вся повседневная жизнь была пронизана страхом перед скрытыми врагами и одновременно перед карательными органами (16).

Советский катастрофизм характеризовался распадом на, казалось бы, различные, но тесно связанные друг с другом формы страха. Это прежде всего максимизация космического страха перед мировым злом, способным принимать любую личину — от белых до мирового империализма. Как мифологические оборотни, проявления зла могли бесконечно менять свой облик. В зависимости от политического момента, интересов правящего слоя в разряд этих внушающих страх сил попадали “кулаки”, “враги народа”, бесчисленные “шпионы”, “диверсанты”, “болтуны”, рассказывающие анекдоты, “бывшие”, “затаившиеся”, “остатки враждебных классов”, “фашисты”, “империалисты”, “сионисты”, националисты и вообще кто угодно. Постоянное их “существование” способствовало поддержанию всеобщего страха перед “кознями”, “вредительством”, “диверсиями”, “убийцами в белых халатах”, пытающимися сорвать всякие планы “построения светлого будущего”. Катастрофа как бы постоянно висела над советскими людьми, проникая в душу каждого; казалось, что страх перед катастрофой был результатом космических козней.

Этот массовый страх перед мировым злом, распространившийся в обществе, постоянно культивировался политической властью, которая старалась использовать и усиливать его для собственных целей. Катастрофизм массового сознания в постреволюционном, глубоко дезорганизованном российском обществе, оправдывал установление тоталитаризма, оправдывал любой произвол власти. Катастрофизм здесь стал орудием государственного произвола, массового террора. Опасность катастрофы, возможность стать жертвой произвола в самых иррациональных формах пронизывала катастрофизмом каждый миг жизни. Об этом свидетельствует знаменитый анекдот того времени. Ночью раздается стук в дверь. Все в ужасе, ожидая что это “сталинские соколы”. Дедушка, как самый храбрый, идет открывать. Радостный, он возвращается. “Не беспокойтесь. Все в порядке. Это пожар”.

Страхи советского времени

Массовое сознание в тоталитарной России было катастрофичным, ибо люди годами жили в ожидании катастрофы, причем ожидание одной катастрофы сменялось ожиданием другой.

Главным мировоззренчески-идеологическим страхом было ожидание смертельной схватки с капитализмом. Здесь находилось смысловое “ядро” советской идеологии и “оборонного сознания” населения. Конкретизировался этот мировоззренческий страх в страхах перед войной. Страх этот приобретал разные формы.

В 20-е годы ждали преобразования всей планеты — мировой революции, т.е. всеобщей катастрофы планетарного характера.

В 30-е все население было убеждено в неминувости новой войны (17).

В 40-е произошла реальная катастрофа.

В 50-е — 60-е боялись атомного Апокалипсиса.

Постоянно поддерживался, то затухая, то обостряясь, страх перед голодом. Особенно боялись его в деревне. Страх голода переплетался со страхом перед войной.

Страх перед враждебным окружением был патологическим. Современный комментатор, анализируя один из бредовых проектов борьбы с внешним врагом, пишет: “в стране имели место “политические страхи и приступы клаустрофобии, десятилетия взаимного недоверия и изнуряющего противостояния двух сверхдержав” (18).

Был ужасный страх перед иностранцами, шпиономания. Иностранная валюта в восприятии населения была демонизирована. Люди никогда не видели иностранных денег, и они представлялись им не просто платежным средством, но почти “орудием дьявола”. Уже после смерти Сталина в годы хрущевской оттепели, когда страх стал спадать, два молодых “валютчика” (Рокотов и Файбышенко) были расстреляны с грубым нарушением закона по прямому указанию рассердившегося Хрущева. Более чем вероятно, что если бы их правонарушение не касалось “валюты”, дело приняло бы иной оборот.

Главным “внутренним” страхом был страх перед государством, особенно могущественной тайной полицией. Боязнь КГБ была всеобщей. Иными словами, всемогущего тайного ведомства боялись не только те, кто имел основания бояться. Перед КГБ и его сотрудниками трепетало все население. Принадлежностью к КГБ гордились еще во времена Брежнева, ибо это было знаком силы. Например, в компании сослуживцев руководитель одного из отделов стал демонстрировать свое удостоверение тайного осведомителя КГБ. В ответ его начальник показал свое. Ирония заключается в том, что дело происходило среди интеллигентской элиты — в Министерстве культуры РСФСР и оба считались известными деятелями культуры, обладали учеными степенями, были авторами многих произведений. Примерно то же отношение можно было наблюдать у простого народа. Достаточно было намекнуть, например, партнеру по какой-либо частной сделке, что связан с “органами”, чтобы занять выигрышную позицию. Страх населения перед тайной полицией защищал причастных к ней, с ними предпочитали не связываться.

Образ КГБ был демонизирован и такая демонизация поддерживалась, видимо, сознательно для увеличения власти этой организации. Комитет наделялся чертами всепроникающей, всевидящей, всезнающей и всемогущей сущности (19).

Государственный террор как повседневность: использование

катастрофизма для налаживания дисциплины труда

Политическая элита в СССР использовала страх, заложенный в официальной идеологии. Она также эксплуатировала страх населения перед властью как таковой, добиваясь под-

чинения и послушания. Страх перед политической властью в советском обществе не был равномерно распределен среди всех слоев населения.

Некоторые группы населения боялись больше других. Элиты — больше, чем простой народ. Богатые больше, чем бедные. Интеллигенция больше, чем рабочие. Этнические меньшинства, особенно некоторые, больше, чем русское большинство. Некоторые этнические группы, преследуемые Сталиным в различные периоды его правления, ощущали себя в особой опасности. Перед войной это были поляки, корейцы, греки; в течение войны — немцы, крымские татары, калмыки, чеченцы и некоторые другие северокавказские группы; после войны — евреи.

Существовал также огромный страх среди крестьян во времена коллективизации и позже в процессе упрочения колхозов (20).

Существование массового принудительного, рабского труда в сложном обществе больших городов, индустриального производства с его сложной организацией, создавало образ жизни, сам являющийся повседневной катастрофой. Шло постоянное подавление личности, наступление на нее гигантского государства. В 1939 году для колхозников был установлен обязательный минимум трудодней. Его невыполнение грозило исключением из колхоза, что в те времена означало потерю источников существования. В 1940 всякий выпуск недоброкачественной продукции был приравнен к вредительству. В 1938 году было принято постановление об упорядочении трудовой дисциплины. За три опоздания или иные проступки в течение месяца предусматривалось обязательное увольнение, выселение покинувших предприятие из ведомственных квартир в течение десяти дней. В 1939 была введена трудовая книжка, фиксирующая прием и увольнение на работу, служебные проступки и поощрения. Каждый работник обязан был иметь трудовую книжку, одну-единственную за всю свою трудовую жизнь, без записи в которой он не мог быть уволен и принят на другую работу. Отсутствие подобной книжки означало глубокое социальное неблагополучие человека. Перерыв в работе более двух месяцев прерывал непрерывный трудовой стаж работника, лишая его, в частности, права на оплату дней, пропущенных по болезни. Такой перерыв морально тянулся за работником всю его жизнь, требуя объяснения в отделах кадров в случае новых устройств на работу.

Тем не менее система трудовой повинности заработала не сразу. Неэффективность этих мер привела к Указу Президиума Верховного Совета СССР “О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений”. В среднем рабочее время удлинялось на 33 часа. Ужесточались наказания. Прогул, расцениваемый властями как произошедший “без уважительных причин”, карался исправительно-трудовыми работами по месту службы до шести месяцев с удержанием до 25 % заработной платы. Самовольный уход с работы наказывался тюрьмой от двух до четырех месяцев. Дело рассматривалось в пятидневный срок, приговоры приводились в исполнение немедленно. Руководителю предприятия разрешалось увольнять рабочих и служащих в строго ограниченных случаях: при болезни, выходе на пенсию, зачислении на учебу. Руководители предприятия за нарушения этих предписаний привлекались к суду. Одновременно поднялась удушающая идеологическая волна митингов трудящихся, выражавших “полное одобрение и поддержку” этих мероприятий, сопровождаемых разжиганием страха перед войной, перед кознями империализма. Развернулась широкая кампания посадок. Судили не только “рядовых рабочих и служащих”, но и директоров, которые недостаточно активно поддерживали Указ. За первый месяц было возбуждено более 100000 дел.

В июне 1940 года состоялся очередной пленум ЦК партии. На нем было решено, что главной задачей всех партийных организаций в отношении промышленности является обеспечение руководства и контроля за осуществлением мероприятий по переходу на 8-часовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и запрещению самовольного ухода рабочих и служащих с работы.

На первый план выдвигалась задача ужесточить спрос за применение указа с руководителей предприятий. Один из авторов того времени писал в газете, что их судили за то, что “они не хозяева дела...что не насаждают дисциплины, хотя бы ценой репрессий, за мягкотелость и слюнтяйство..”. Прокурор СССР был снят с работы как не обеспечивший контроль за проведением в жизнь указа. 5 августа “Правда” выступила с передовой статьей. “Покровительство прогульщиков — преступление против государства”. В ней осуждались “гнилые либералы” — руководители предприятий, работников судов. Страх беспрерывно нагнетался. 10 августа 1940 появился указ о том, что дело о прогулах и самовольном уходе с предприятий и из учреждений будет рассматриваться без участия народных заседателей. Второй указ ужесточал ответственность за мелкие кражи на производстве: вместо увольнения — год тюрьмы. “Обложив таким образом все ходы и выходы, государство начало охоту за прогульщиками по регулярным правилам массовых репрессий, уже не раз обкатанным и безжалостным. К 15 сентября 1940 года по стране в целом было рассмотрено в связи с применением указа от 26 июня более одного миллиона дел. Таким образом, если за первый месяц действия указа в суды попало свыше ста тысяч дел о нарушении трудовой дисциплины, то за полтора последующих — 900 тысяч” (21).

Вот всего несколько примеров, показывающих методы налаживания трудовой дисциплины, применявшиеся в те годы. Рабочий воронежской типографии Ф.Денисов был осужден к двум месяцам исправительно-трудовых работ по месту службы с удержанием 15% заработной платы за опоздание на 24 минуты. Его производственный стаж составлял в этой типографии 50 лет. Он ни разу не допустил брака, прогулов, опозданий, неоднократно премировался. Он пришел на работу к 16 часам, забыв, что в связи с переходом на восьмичасовой рабочий день начало смены перенесли на 15 часов 30 минут. Работница Харьковского тракторного завода оставила дома пропуск. Ей пришлось вернуться. В результате за опоздание на 50 минут суд приговорил ее к двум месяцам исправительно-трудовых работ с удержанием 20% зарплаты. Ленинградская работница, мать пятерых детей, возвратилась из отпуска после родов, обратилась к руководству предприятия с просьбой о расчете. Дирекция отказала и в увольнении, и в предоставлении ее ребенку места в яслях. Она была вынуждена совершить прогул и получила четыре месяца тюремного заключения. Осужденными оказались те, кто проболел больше двух дней. Суды, лишённые народных заседателей, все реже исследовали обстоятельства дела, все чаще подтверждали решение администрации.

“Многочисленную категорию осужденных составляли пострадавшие из-за плохой работы транспорта, не сумевшие купить билеты, чтобы вернуться из отпуска, и т.п. Часто рабочие и служащие опаздывали потому, что не были вовремя оповещены администрацией об изменении графика работы... Еще одну типичную категорию составляли осужденные, не явившиеся на работу по причине тяжелых заболеваний членов их семей, несмотря на то, что о факте болезни свидетельствовал листок нетрудоспособности. Было известно немало случаев, когда суды отвергали всякие ссылки на болезнь, престарелость только потому, что у обвиняемого не было соответствующего медицинского удостоверения. Кстати, получить медицинскую справку становилось все труднее, поскольку на врачей тоже распространялось обвинение в либерализме и покровительстве; широко освещались случаи их привлечения к судебной ответственности. Иногда запуганная администрация не принимала справки от врача, направляя дела на заболевших в суд — пусть, мол, там разбираются” (22).

Одновременно усиливались масштабы сверхурочных работ. На пленумах профсоюзов приводились примеры, когда рабочие не покидали цехов по несколько суток подряд. “Нередко рабочих принуждали выполнять задания в недопустимых условиях труда, на неисправном оборудовании. Отказавшихся, чтобы неповадно было остальным, отдавали под суд как прогульщиков”(23).

Террор как средство укрепления дисциплины использовался и в деревне. Здесь зачастую почти неограниченную власть осуществлял председатель колхоза. Крестьянин 70 лет из Вологодской области дал в 1990-91 гг. интервью. Он говорил о 30-х годах: “Если ученик не вышел на работу, то председатель колхоза лишал всю семью пайки на пятидневку. Предсе-

дателем был Пачезерцев такой. Многие крестьяне, теперешние колхозники, были на него в обиде. Но люди боялись, что он мог сделать все что угодно, вплоть до раскулачивания, высылки, поэтому ничего не говорили”. Председатель “чувствовал себя как царь и Бог, поэтому вершил что хотел и как хотел”(24).

Ослабление катастрофизма по мере ослабления советской власти

Тоталитаризм не мог существовать бесконечно. Его институты не могли долго выдерживать напряжение. За годы советской власти, весьма кратковременной по меркам исторического времени, имели место различные попытки сохранения основ советской системы. Делались попытки отойти от катастрофизма во всех его формах, искать принципы эволюционного развития. Период после 1953 года до первого съезда народных депутатов СССР в 1989 году был наполнен преодолением катастрофизма, надежд на будущее. Однако последующий отрезок существования СССР был ознаменован смесью тревог и надежд, тревожным предчувствием, что далеко не все будет хорошо. События августа 1991 означали начало нового постсоветского периода истории России, и одновременно нового периода в развитии катастрофического посттоталитарного сознания в России.

В постсталинскую эпоху страхи значительно уменьшились. Тем не менее страхи перед КГБ и войной продолжали циркулировать в обществе, хотя они и приобрели ослабленные формы.

На закате советского периода появилась возможность изучения негативно оцениваемых социальных и культурных процессов, публиковать результаты анализа сознания советского человека. Социологические исследования того времени дают в этой связи некоторый ограниченный материал. Например, необычная для того времени публикация неожиданно обнаружила серьезные факторы, свидетельствующие об остроте межнациональной ситуации в союзных республиках (25). В проведенном исследовании, охватившем студентов нескольких десятков вузов в 13 союзных республиках, 8 автономных, выяснилось, что 74% опрошенных указали на существование проблемы межнациональных отношений, в том числе 32% отметили, что она стоит “очень остро”. 49% отметили, что они сталкивались с недружелюбным отношением к себе из-за своей национальной принадлежности в различных жизненных ситуациях, особенно часто в общественных местах — 46% на улице, в транспорте, магазинах, на рынке и т.д. Исследователи отмечают, что “здесь срабатывает феномен массового сознания, когда раздражение, накапливаемое в магазинных очередях, автобусных давках, обрушивается прежде всего на “чужаков”(26). Авторы отнесли эти явления к причинам, коренящимся как в политико-экономических, так и в языково-культурных и исторических областях” (27).

Моральная оценка тоталитарных страхов может быть только сугубо отрицательной. Люди длительное время, некоторые всю свою жизнь, провели в условиях, которые трудно назвать достойными человека. Государственный террор был логическим продолжением катастрофических процессов, происходящих в обществе, их институционализацией. В этом смысле советская система, во всяком случае до поворота к упадку, была обществом воплощенной катастрофы. Она могла существовать лишь постоянно истребляя некоторую часть населения, повседневно разрушая нравственность, разум, человеческие отношения, создавая химеры как в культуре, так и в системе отношений людей.

Функционально, тоталитарные страхи показали свою амбивалентность. С одной стороны, в условиях бездействия рыночных механизмов они были важной “движущей силой”, помогая поддерживать хозяйство в рабочем режиме административными методами управления. Страх “положить партбилет” некоторое время работал не хуже “невидимой руки рынка”. Вместе с катастрофическим сознанием, воодушевленными картинами последней смертельной битвы перед окончательной всемирной победой добра (мирового пролетариата) над злом (мировым капиталом), тоталитарные страхи помогли создать советскую промышленность, построить города. Роль дисциплины в создании современных обществ, по крайней ме-

ре после работ М.Фуко, отрицать невозможно. Тоталитарные страхи, несомненно, дисциплинировали население, помогая поддерживать порядок в обществе. Государственный террор “приструнил” и криминальные элементы. Причем тоталитарные страхи выполняли свою мобилизующую роль в объективно сложной ситуации: после коллапса исторической государственности антисоциальная стихия захлестнула страну, породив бандитизм, воровство, полное разрушение производственной дисциплины, бытовое хамство. Кроме того, в стране была сильна аномия, что также имело объективные причины. После революции в города хлынула многомиллионная крестьянская масса, во многом утратившая свою традиционную нравственность и не освоившая новые нормы городской жизни.

С другой стороны, страх не мог заставить людей делать товары качественными. Он также атомизировал общество, развивал в людях подозрительность; наряду с “укрошением” преступников, он “укрошал” также и конструктивные проявления личной инициативы. Страх людей быть замеченными, “высунуться” обрекал общество за серость и застой.

Таким образом, мобилизующая функция страха в условиях модернизирующихся обществ может быть использована для получения определенного результата. Однако глубокая архаичность интерпретации страха, использованной советским тоталитарным политическим режимом, была одной из причин, которые привели этот режим к краху. Достигнутые впечатляющие успехи в деле модернизации России оказались временными. Советский способ догоняющей модернизации, использующий террор, страх и насилие как средство для развития промышленности, науки, технологии и образования, упустил из виду источники этого развития. Оказалось возможным нацелить терроризированное население на выполнение поставленных государством, политической властью ограниченных, хотя и очень масштабных задач. Однако оказалось невозможным обеспечить нормальное социальное воспроизводство. Более того, источники развития оказались серьезно подорванными. Результатом стал глубокий кризис, в том числе пришло понимание амбивалентности использования мобилизационной функции страха.

Катастрофическое сознание, развившееся в специфических условиях России, стало одним из ярких проявлений кризиса общества и всех его структур. Более того, этот тип сознания не только отражал и выражал общественные недуги и беды. Он оказался самостоятельным фактором, вызывающим, ускоряющим, провоцирующим реальные социальные катастрофы.

Глава 8. Прошлое как источник страхов и компонент сознания современного человека

Как говорилось выше, важнейшим источником страхов выступает прошлый опыт. Этот опыт может быть основан на различных формах чувства сопричастности и самоидентификации личности. Если человек хранит в памяти семейную историю, то последняя может выступать значимым источником воспоминаний и представлений, в том числе семейных страхов. Если человек ощущает себя сопричастным какой-либо этнической, культурной, профессиональной и т.д. группе, то соответствующий опыт будет сохранять для него свою значимость. В то же время вне зависимости от самоидентификации и наличия, или отсутствия чувства сопричастности, человек несет в себе систему ценностей, убеждений, верований и страхов своей культуры, — т.е. той культуры, в которой происходил процесс его социализации.

Катастрофическая ментальность современных евреев основана на Холокосте и преследованиях евреев, имевших место в большом количестве стран в не слишком отдаленном прошлом. То же самое истинно и для армян. Геноцид 1915 имеет прямое влияние на миллионы современных армян. Пессимизм русских также связан с трагическими обстоятельствами их истории.

При критическом рассмотрении истории кризисного развития 1989-1995 годов, русские, особенно национально настроенная интеллигенция, воскрешают образы прошлых бедствий. Например, современный период сравнивается с такими отдаленными событиями истории, как феодальная борьба в России и “смутное время” (начало 17-го столетия), внешне связанными в общественном сознании с опасностью возможной дезинтеграции России. Период гражданской войны 1918-20 гг. стал одним из наиболее мощных символов, вызывающих глубокие чувства не только у интеллигенции, но также у простых людей. Память о голоде начала 30-х, а также массовых репрессиях во времена “большого террора” еще живы в непосредственной актуальной народной памяти. Собственно, они никогда и не стирались на протяжении всего советского периода русской истории.

Трагический опыт исторического прошлого в России, конечно, способствует пессимистической перспективе населения. Поэтому неудивительно, что в 1992 году страх перед угрозой голода так быстро распространился по всей стране. Некоторые соображения могут быть высказаны по поводу страха перед массовыми чистками. Страх перед репрессиями в наибольшей степени заявлял о себе среди более образованных людей. Однако хотя им страдали прежде всего люди с более высоким уровнем образования, он также возродился в сознании широкой публики.

Тем не менее в более широкой перспективе можно предположить, что современность оторшилась от большей части своих былых страхов перед прошлым. Это связано со значимыми сдвигами в культуре и конкретно с существенным изменением отношения к прошлому опыту.

Всегда, когда мы обращаемся к прошлому опыту, глубинам человеческой истории, мы обосновываем их для современности. Прошлое предстает как одна из культурных тем, оценка которой коррелирует с ее значимостью среди других тем, актуализированных современной культурой.

Насколько важен для личности, группы или общества осознанный опыт прошлого, зависит от культурной установки по отношению к нему. Прошлое, как и будущее, всегда лишь так или иначе оцениваемые компоненты настоящего. Так, для традиционных обществ прошлое всегда оставалось недостижимым образом и ценностью, “золотым веком”. Это вполне корреспондировало с авторитетом, властью и соответственно страхом перед старшим поколением как носителем культурного опыта и знаний. Это вполне корреспондировало и с ощущением устойчивости, исходившим от образа прошлого, которое — в отличие от быстротекущего настоящего — уже не могло быть изменено.

Для обществ, переживающих радикальные трансформации, опыт отцов и дедов, теряет свою привлекательность. Изменения, с которыми приходится сталкиваться новым поколениям, настолько значительны, что опыт прошлых поколений не только не может помочь решить их проблемы, но зачастую осмысливается как препятствие, которое приходится преодолевать. Радикальная новизна современности снижает культурную ценность прошлого. Это, видимо, общая ориентация, характерная для современных обществ. Если даже Китай, где почтительность к старшим “впечатана” в культуру как сакральная ценность, пережил эпоху “культурной революции”, то что говорить о других странах, где ценность прошлого не была сакральной и многократно подвергалась сомнению и прежде.

Россия — один из примеров. Петровская ломка сложившихся традиций случилась давно, однако помнится всеми русскими людьми как факт их истории. Более недавний случай — история СССР, которая началась с прямого отрицания прошлого. В идеологии оно оказалось прочно связанным с негативными определениями. “Проклятое”, “рабское”, “старая дрянь” и другие подобные характеристики сопровождали почти каждое упоминание о царской России. Те же не столь многочисленные исторические личности, которым было дозволено существовать в актуальной культурной памяти советских людей, непременно оказывались бунтарями-отрицателями (что должно было их сблизить с теми, для кого они должны были служить примером).

Массовые чувства тех лет по отношению к прошлому не отличались почтительностью. Молодежь, ставшая основным агентом социальных и культурных перемен, дерзила старшим (1).

Власть осуществляли молодые люди, иногда подростки (дед современного реформатора Егора Гайдара в 16 лет командовал полком). Родители лишились авторитета. Осмеянию и поношению подвергалась церковь — социальный институт, одной из основных функций которого является сакрализация прошлого. Священников таскали за бороды, ссылали и расстреливали, как и других “бывших людей”. Ненависть к старому строю была распространена чрезвычайно широко, особенно среди рабочих и крестьян (2).

Возможно не столь радикальный, но также вполне впечатляющий опыт отрицания прошлого пережили и западные страны. Если вспомнить недавние 50-60-е годы, когда Запад переживал очередной сдвиг в технологиях, ценностях и стилях жизни, сдвиг, одним из симптомов и результатов которого были студенческие бунты против общества их родителей, то нужно предположить, что отрицание прошлого характерно не только для обществ с затянувшейся традиционностью. Маргарет Мид в одной из своих работ назвала новые поколения “иммигрантами в культуре”, настолько чуждой для них предстала окружающая их среда и в первую очередь ценности и мораль их отцов.

Эпоха модернизма и рожденная ею культура отрицательно относились к прошлому, отрицали его. Особенно характерным это было для искусства. Не случайно, в художественном авангардизме, который сконцентрировал наиболее выразительные черты эпохи, существовали прямые запреты на использование традиции. Так, Арнольд Шенберг — признанный теперь одним из отцов музыки XX века, изобретая свою додекафоническую систему, ввел в нее прямой запрет на использование традиционных сочетаний звуков. Подчеркивались также уникальность современных науки и техники, развившейся на основе научных открытий.

Конечно, и это стало заметным с 70-х годов, авангардистские тенденции, в том числе отрицание прошлого опыта как будто сами ушло в прошлое. Однако они не ушли бесследно. Одним из результатов предыдущего культурного развития стали сдвиги в оценке прошлого. Хотя нет его былого отрицания, нет и прежнего пиетета. Стихли и многие страхи. Восторжествовавшие идеи релятивизма, плюрализма, разнообразия и самоценности уравнивают в ценности любую историческую эпоху, как и каждый из этапов жизненного цикла.

С одной стороны, можно встретить суждение о незначительной ценности прошлого для современности, что определяется убежденностью в высокой степени оригинальности, даже уникальности современности (и соответственно любой другой исторической эпохи). С другой стороны, прошлое когда осознанно, а когда и неосознанно “втягивается” в современность. Иногда в связи с этим говорят даже к возрождению архаики. Неоязычество и некоторые художественные стили в живописи, музыкальном искусстве как будто бы подтверждают эти тенденции. Вместе с тем вряд ли стоит принимать на веру открыто прокламируемые расхождения между модернистской культурой с ее сциентистским культом науки и техники и постмодернистским возвратом к традиции.

Если раньше в теме “традиции и новации” вперед выходило их противоречие, иногда доходящее до крайности, когда традиции называли “мертвящими”, и, подчас, казалось, они сковывали развитие, а то и обращали его вспять, резко обрывали, то постмодернистская культура заставила взглянуть на них иначе. Традиции предстают теперь во многих случаях прежде всего как очень мощный источник инноваций. И постмодернистская культура обращается к прошлому прежде всего как к культурному ресурсу, с помощью которого можно оценивать и переоценивать настоящее.

Оценки прошлого также плюрализированы. Нет единого образа истории, но есть множество образов, многие из которых противостоят друг другу. Сохраняющее постоянную двойственность прошлое открыто для изменений, переоценки и интерпретации. В нем отыскиваются новые пласты и факты. Новые интерпретации прошлого подчас способны решительно изменить его облик. Это важно гносеологически. Однако не менее важна переоценка прошлого для общества. Иногда целые народы получают новое прошлое, как это, например,

произошло после крушения СССР, когда были сброшены идеологические путы и стало известным многое из того, что не расследовалось, либо тщательно скрывалось. Это не препятствует одновременному осознанию онтологичности прошлого, пониманию того, что прошлое есть то, что абсолютно неизменно, ибо уже свершилось и по результатам своим не может быть изменено.

Возродившееся чувство исторической дистанции при одновременном сохранении способности к пониманию другой культуры по-новому открывают для современного наблюдателя исторические события. Извне выглядят удивительными мгновенные вспышки человеческих чувств, заставляющие целые народы, многие миллионы людей в едином порыве, борьбе и страданиях, презирая собственные жизни и жизни их близких добиваться реализации своих ценностей. Не менее поражает и то, что с неумолимой регулярностью эти вдохновлявшие людей ценности утрачивают свой блеск. Сначала от былых кумиров отворачиваются немногие, затем начинается массовое бегство. Целые империи бессильны перед обесмысливанием ценностей. Не помогают ни армия, ни полиция, самые ревностные служители покидают свои посты: бывает, что даже призраки не появляются больше там, где страдали, побеждали и умирали целые поколения.

В этом свете начинает рассматриваться и недавнее крушение марксизма, вызвавшего своими социальными и политическими следствиями почти всеобщий страх и втянувшего в свою орбиту такие разные страны, как СССР с его самой большой в мире территорией, и Китай с его миллиардным населением. Разделивший мир надвое, поставивший человечество на грань самоистребления в Карибском кризисе, этот величественный проект кажется завершенным. И сейчас уже трудно понять чувства миллионов — их страхи и восторги, ту силу вовлеченности и убежденности, которая толкала их отдавать свои жизни тому, что кажется теперь в лучшем случае неубедительным путем догоняющей модернизации отставших стран.

Крушение ценностей, их обесмысливание и связанная с этим утрата любых — и вдохновляющих, и устрашающих — чувств по отношению к прошедшему есть может быть одна из самых тяжелых катастроф. То, что она происходит в сфере духа, не умаляет драматизма и даже трагичности происходящего. Более того, духовная катастрофа чаще всего предшествует другим социальным катастрофам. Но порождает ли она страх перед прошлым?

Скорее всего, нет. Историческая память что-то сохраняет, и что-то утрачивает. В конечном итоге, возможно, память чувств, в том числе, конечно, тревог и страхов, оказывается более короткой, чем память рассудка.

Несмотря на продолжающиеся утверждения, что история ничему не учит, прошлое начинает служить современности. Мировая история оказывается неисчерпаемым источником образцов мышления, поведения. Глядя в разнообразные зеркала разных исторических эпох современники открывают для себя богатство и разнообразие человеческого опыта. И в этом поучительная роль истории, даже если морализаторство и поучительность не являются больше авторитетами в нашем мире разнообразия культурных практик и торжества групповых и индивидуальных отличий.

На наш взгляд, такое обращение к традиции — свидетельство освобождения от нее, преодоления традиции, умения прочитать прошлое рефлексивно. Для тех, кто осознал, что находится внутри традиции, в ее потоке, и в то же время способен отнестись к ней критически, традиция открывается своей конструктивной и творческой стороной. В тех же случаях, когда традиция по-прежнему осуществляет свою власть бесконтрольно, она чаще всего вообще остается за гранями рефлексии.

Хотя современных людей больше интересуют новости, настоящее, это не означает их отчуждения от прошлого как от событий, которые утекли в песок вечности, не оставив следа. Настоящее постоянно превращается в прошлое. История есть постоянное формирование культурных пластов. Даже если кажется, что эти пласты утрачены, впечатление может оказаться ложным. Чаще раз найденное сохраняется под новыми напластованиями, и в моменты кризисов обнаруживает способность вновь выходить на поверхность. Например, таков обычный путь проникновения архаики вверх по капиллярам культуры.

В современных обществах, несмотря на релятивизацию образов прошлого, накопленный опыт тем не менее сохраняется, как это было и прежде.

Сохраняется и эмоционально-мифологическое наследие, в том числе архаическая компонента страхов перед катастрофами, и мифологические представления о времени, и христианское финалистское видение истории с его страхом перед Апокалипсисом.

Социологически значимо, что, по-видимому, имеются количественные и содержательные различия в культурной памяти различного типа обществ. Эти различия оказывают влияния на соотносительный вес эмоциональной и рациональной составляющей массового сознания. Они являются глубокой основой того, что в одних случаях архаическая культурная память гнездится на локальном уровне, в ограниченных группах, у отдельных личностей, в маргинальных слоях культуры. В других случаях она занимает более прочные позиции и более важное место в культуре, в сознании населения, что, в частности, не может не находить выход и в политической жизни того или иного сообщества. От этих соотношений зависит и содержание, и уровень катастрофизма как яркой эмоциональной составляющей культурной памяти.

В целом же современное постмодернистское “встраивание” прошлого в современность усиливает значимость настоящего, ибо заставляет видеть в прошлом ушедшее “настоящее”. Релятивизация прошлого снижает страхи. Прошлое более не является нормой и образцом для подражания. Соответственно, смещаются и страхи: они обращаются в будущее.

Глава 9. Демобилизующая функция страха: страхи и катастрофизм в современной России

Страхи в посттоталитарной России отличаются от тех, что были характерны для эпохи тоталитаризма. Определяющим отличием среди многих других является, на наш взгляд, то, что нынешние страхи поддерживают процессы социальной демобилизации. Кроме того, вперед теперь выдвинулись иные, чем прежде, социальные функции страха. Другим является репертуар страхов, содержание и характер катастрофизма.

Массовые страхи как условие и предпосылка социальной демобилизации

СССР перестал существовать в 1991 году.

После 1991 года россияне обнаружили, что их тревоги изменились. Теперь они испытывают жестокий неумолимый страх главным образом из-за пороков государственной машины: ослабленное государство не в состоянии противостоять анархии, в результате чего в стране неограниченно правит грубая сила.

Источники страхов многочисленны. Во-первых, “мафия” — так русские называют преступные структуры. Во-вторых, “кланы”, что согласно современному русскому лексикону обозначает результат незаконных “браков” между политической, финансовой и криминальной властью. Распространено мнение, что опасно оставаться без поддержки кланов, таких, например, как те, что возглавляются Александром Коржаковым, Юрием Лужковым, Анатолием Чубайсом, Борисом Березовским или Владимиром Гусинским. Мафии и кланы теперь назначают “наказания” тем, кого они считают врагами, кто нарушает свои обязательства этим организациям, предаст их, или является держателем стратегической информации, которая может их разоблачить.

Если обратиться к событиям последних лет, можно прийти к выводу, что прежде всего уязвимы для преследования те, кто более других заметен — деловые люди, политические деятели и журналисты. Эти люди — самые лучшие и самые яркие в России — живут в обстановке постоянного террора: и они сами, и их семьи.

Их страхи ужасающе реальны. Только за два года были убиты не менее двухсот банкиров и деловых людей (включая американского бизнесмена Пола Тейтама), а также множество журналистов. Практически никто из ответственных за эти широко освещавшиеся прессой преступления не был найден и наказан. Это остается верным и для преступных действий террористов на улицах, площадях и парках Москвы.

Еще более невообразимым является страх убийства, который витает над лидерами российского политического истеблишмента. Сенсационные истории относительно столкновений между главными кланами Москвы, — в частности, возглавляемыми Чубайсом, бывшим главой президентской администрации, и Коржаковым, бывшим главой президентской безопасности, — дают возможность бросить взгляд на новые кремлевские нравы. Эти моментальные снимки насут на себе печать поразительного сходства с действиями, описанными в “Короле Лире” или “Короле Генрихе IV” с их интригами, предательствами и убийствами. В одной из статей, основанных на оперативных (т.е. подслушанных) записях на пленку кремлевских бесед, Чубайс непосредственно указывает на коржаковские “кровавые дела”. Коржаков, в свою очередь, разоблачает знаменитого банкира, теперь заместителя секретаря Совета Безопасности Березовского, как человека якобы просившего его убить конкурирующего финансиста Гусинского. Березовский же прямо говорит о непосредственной причастности Коржакова к покушению на него, совершенному в 1994 году. В то же самое время Коржаков высказал опасение, что его убьют, и те же чувства относительно себя обнаружил Александр Лебедь. В одном из интервью Чубайса спросили, существует ли опасность, что его будут преследовать и могут убить после отставки из Кремля. Он не счел заданный вопрос нелепым.

Московская газета “Сегодня” отмечала в декабре 1996 года, что министерские сановники боятся не столько своих начальников и внезапного увольнения, сколько “стреляющих команд”, ждущих их возвращения домой. Покушение на Бориса Федорова, лидера влиятельной спортивной организации, близко приближенного к кремлевским политическим деятелям, которое было совершено в июне 1996 года, должно было стать сигналом угрозы для каждого, кто находится у власти. Конечно, никого не арестовали. Неумелая охота на Александра Семернева, брянского губернатора, во время выборов в декабре 1996 года, является еще одним свидетельством того, что русские политические деятели имеют причины бояться за свои жизни.

Вооруженные наемники — новый “нормальный” род занятий в России. Одновременно стала очень популярной и другая новая профессия — охранник. Согласно некоторым источникам, не менее миллиона мужчин вовлечены в этот род занятий. Личная охрана видных русских превратилась уже в глубоко укорененную традицию. Теперь телохранители следуют за своими хозяевами повсюду, включая ванную. Этот феномен еще в недавнем прошлом был совершенно чужеродным; только члены Политбюро имели личную охрану. Стремительный рост числа телохранителей при переходе от советской к посткоммунистической России — точный барометр климата страха, наблюдаемого в этой стране. Некоторые банковские здания, например, такие как Менатеп, походят на замки, окруженные вооруженными часовыми, ожидающими близящейся фронтальной атаки.

Обычные русские не так уязвимы для этих опасностей, как их более удачливые соотечественники. Однако неуверенность и тревога также пронизывают их повседневность. Такой страх особенно силен в провинции, где люди теперь полностью зависимы от произвола местных боссов и не имеют ни малейшей надежды на то, что будут защищены федеральным центром.

Более двух третей современных россиян боятся встречи с преступниками в своей повседневной жизни. Любой агрессивный индивид, замеченный на улице, может представлять серьезную угрозу. Конечно, советские люди нередко ссорились друг с другом в автобусе, в ресторане или на улице. В городах СССР было достаточно подонков и они часто докучали людям. Однако в противоположность нынешнему положению нападавший обычно представлял только себя самого или нескольких друзей, и те, кто отваживался отвечать ему, вербально или физически, резонно предполагали, что власти не поддержат обидчика. Теперь ситуа-

ция радикально изменилась. Сегодняшний россиянин дважды подумает, прежде чем начать обороняться, поскольку может оказаться, что за преступником стоит мощная криминальная организация. Это означает, что нападающий может непосредственно осуществлять правосудие от ее имени или послать туда “сообщение” о своем недовольстве поведением потерпевшего. Превратилась в иллюзию вера, что полиция прибудет, чтобы вам помочь, ибо широко распространено убеждение о переплетении законных служб правопорядка с преступниками.

Чрезвычайно важно, что в данном случае мы имеем дело с социальным представлением, т.е. чем-то таким, что оценивается массовым сознанием как неоспоримый факт, будучи на самом деле суждением веры. Не существует бесспорных эмпирических доказательств прямого участия тех или иных кланов в кровавых событиях. Однако глубокая убежденность в этом массового сознания сама по себе является крайне значимым феноменом. И если, например, в общественном сознании постоянно муссируются слухи о причастности к убийству Листьева Березовского и Гусинского (недавно вновь эта тема обсуждалась в “Московских новостях”), то люди своим поведением делают этот слух фактом социальной жизни.

Страх за свою жизнь омрачает теперь почти каждое решение, которое должны принимать российские жители. Журналисты, пишущие статьи, думают о тех, кого их слова могли бы привести в ярость, и кто может трансформировать свой гнев в физические действия. Деловые люди никогда не забывают о том, что их жизни всегда под угрозой; они напуганы вездесущим рэкетом и конкурентами. Избираемые кандидаты знают, что их конкуренты прибегают к грязным уловкам в политических борьбе. Судьи боятся обвиняемых, а полицейские — преступников. Водители испытывают смертельный страх, что они случайно ударят другой автомобиль; “жертва”, угрожая лишить их жизни, может потребовать компенсации, равной стоимости новой машины или квартиры. Владельцы квартир, сдаваемых внаем, готовы ждать всего, чего угодно от съемщиков, и соглашаются просить меньшую плату, чем причитается, только для того, чтобы иметь относительную гарантию, что они не будут убиты своими арендаторами.

Как долго может жить Россия в этом климате децентрализованных страхов? Наверное, так же долго, как она жила в климате страха централизованного. Однако очевидно, что россияне утомлены многочисленностью ужасов в их стране. Теперь до 70 процентов опрошенных жаждут сильного лидера. Их поддержка генерала Лебеда теперь и Владимира Жириновского в прошлом в значительной степени мотивирована надеждой, что сильный человек может погасить большое количество источников страхов. Осознают ли они, что новый диктатор, уничтожая нынешние источники страхов, восстановит старый — страх перед Левиафаном? Вероятно, да.

Многое в посткоммунистической России заставляет вспомнить о Средневековье. Название недавней статьи “Успехи феодализма в России”, опубликованной в уважаемой “Независимой газете”, не выглядело ни слишком сенсационным, ни необоснованным.

Хаотические политические и экономические условия жизни в Темные Века принудили крестьян искать защиту у могущественных лордов; феномен, известный как коммендация (переход вассала под покровительство феодала). В обмен на покровительство они продавали свою свободу.

Сигнально-ориентационная и прогностическая функция страхов

Страхи в современной России сохраняют присущую им амбивалентность, т.е. ряд позитивных и негативных влияний на социальную жизнь.

Позитивное влияние массовых страхов на социальную жизнь заключается в согласии большинства населения на продолжение реформ, несмотря на всю их тяжесть, издержки и сомнения в правильности политического курса, о чем неустанно сообщает оппозиция.

Негативное влияние массовых страхов состоит в широко распространившемся пессимизме и продолжающихся процессах социальной демобилизации, которые затягивают стагнацию.

В сравнении с тоталитарным периодом характер, содержание, иерархия страхов претерпели качественные и количественные сдвиги.

Важным показателем изменений, происходящих со страхами в современной России, является катастрофизм.

Последний также претерпел существенные сдвиги (см. главу 12).

От оптимизма к пессимизму: динамика современных российских страхов

Ситуация последних лет в России подтверждает предположение, что негативный текущий опыт порождает больше страхов, чем прошлый.

Начало перестройки, ослабление и крах советской системы, конец единовластия правящей коммунистической партии вызвали в СССР взлет оптимизма и надежд на лучшее будущее. Все послевоенные десятилетия в стране наблюдался рост материальных потребностей. Западные страны воспринимались через железный занавес как богатые и благополучные. Известно было, что даже соседние страны Восточной Европы — сателлиты СССР, жили более обеспеченно, чем население сверхдержавы, победившей фашизм. Советское население постепенно стало склоняться к мысли, что, поверив в коммунистическую идею, ошиблось. От рынка и капитализма, соответственно, ждали мгновенного повышения уровня жизни для всех сразу. Такой социально-психологический фон был той почвой, которая сильно подорвала влияние КПСС.

Крах СССР наступил для большинства населения достаточно неожиданно. В 1985 году число людей, которые догадывались о возможности крушения социального порядка в СССР, было незначительно. На протяжении 70-х и 80-х годов даже русские интеллигенты, включая диссидентов, очень критично относящихся к режиму, были в плохом, но не в апокалипсическом настроении. Они были убеждены в жизнеспособности советского государства и верили, что, несмотря на все свои недостатки, советская власть просуществует еще десятилетия без каких бы то ни было масштабных катаклизмов (1).

Это было характерной чертой для всего советского пространства. Даже страны Балтии, так и не смирившиеся с тем, что они считали “советской оккупацией”, почти до самого крушения СССР не представляли, что их независимость — дело ближайших лет (движение к ней, как легко вспомнить, начиналось в идеи республиканского хозрасчета, которая была “заглочена” советскими партийными функционерами, проморгавшими ее “взрывной” смысл).

Господствующие страхи, наблюдавшиеся в эти годы, имеют определенную динамику, т.е. в тот или иной период времени вперед выдвигались конкретные страхи.

Страхи периода перестройки, когда еще существовало общее пространство СССР, в основном были связаны с открытием ужасного прошлого.

Тогда же в соответствии с давней народной и интеллигентской традицией велись поиски виноватых в общем крахе.

В апреле 1986 года на Украине произошла Чернобыльская катастрофа, затронувшая обширные области в Белоруссии, на Украине и в России. Начался взлет массовых страхов перед ядерной энергетикой.

Психологическая ситуация очень изменилась после 1989 года. Резко возрос страх перед будущим. Обследование, проведенное в 1989 году, показало, что 45% опрошенных придерживались оптимистической позиции, т.е. видели в перестройке реальный исторический шанс создания динамично развивающего общества, и примерно пятая часть опрошенных была крайне пессимистически настроена и рассматривала ситуацию страны как тупиковую (2).

Когда социологи спрашивали в конце 1994, “тяжелые времена уже остались в прошлом, или они еще впереди?”, 9 процентов из 3,000 респондентов ВЦИОМ ответили — “ в про-

шлом “, и 52 процента опрошиваемых — “в будущем”. Не менее 50-60 процентов россиян характеризовали свое настроение как напряженное. Среди них 11 процентов ощущали “страх перед будущим” и 40-50% полагали, что настоящая ситуация чревата “кризисом и взрывом”. Не менее двух третей опрошенных описывали российскую ситуацию 1992-1994 годов в мрачных тонах и не видели сколько-нибудь ясной перспективы ее улучшения в будущем.

В нашем опросе 1996 года 57 процентов респондентов сообщили, что “они не уверены в своем будущем”. По меньшей мере одна треть населения опасалась наступления различного рода катастроф: технологических, экономических, экологических, политических, социальных или культурных. Согласно нашим данным, в первой половине 1996 года возможность ядерной войны вызывала “сильный страх” у 29 процентов опрошенных и “постоянный страх” среди 10 процентов. Терроризм пробуждал “сильный страх” у 35 процентов россиян и “постоянный страх” среди 8 процентов. Угроза гражданской и межэтнической войны — “сильный страх” — у 35 процентов и “постоянный страх” — у 5 процентов; захват власти в стране экстремистами и мафией — “сильный страх” у 36 процентов и “постоянный страх” — у 8 процентов; диктатура и массовые репрессии — “сильный страх” у 26 процентов и “постоянный страх” — у 4 процентов. Угроза катастрофического неурожая вызывала “сильный страх” у 38 процентов и “постоянный страх” — у 7%, страх “; природные бедствия — “сильный страх” у 29 процентов и “постоянный страх” — у 6 процентов. Любопытно, что такое событие, как возможная “гибель Земли”, вызвало некоторый интерес у 20 процентов опрошенных, “сильную тревогу” — у 12 процентов и “постоянный страх” — у 6 процентов (48).

Главной причиной роста катастрофизма было большое число негативных событий, которые имели место между 1989 и 1995 годами. Крах Советского Союза и раскол ранее единого общества на несколько независимых государств имели тяжелые последствия для миллионов людей, включая этнические конфликты и резкое ухудшение экономической жизни. В нашем опросе мы спросили россиян: “Как давно Вы ощущаете беспокойство относительно опасностей, которые Вы считаете наиболее значимыми для Вас?” Сорок процентов опрошенных ответили: “Последние несколько лет” и 26 процентов — “От начала реформ в стране” (49).

Таким образом, с 1989 по 1993 гг. массовые страхи быстро нарастали. Ожидались немислимые бедствия: массовый голод, безработица, масштабные аварии на производствах. Обострились страхи перед национальными конфликтами, распадом страны, гражданской войной.

Было несколько пиков страха. Особенно острый в декабре 1990 — январе-феврале 1991, когда казалось, что катастрофа неминуема, боялись голода, полного краха всего.

Августовский путч 1991 вызвал резкое возрастание страхов перед реставрацией тоталитаризма и возвращения коммунистов к власти.

Кульминационная фаза (1991 -1993) отличается большим разбросом страхов, что отражает неопределенность угроз (боялись всего сразу). Общий уровень страхов был очень высок.

После декабря 1991 года с возникновением новой России ситуация определилась в своих основных параметрах, и страхи стали более определенными, конкретизировались.

В месяцы противостояния Хасбулатовского Верховного Совета и исполнительной власти росли страхи перед гражданской войной.

После октября 1993 года и по 1996 год наблюдалось постепенное снижение страхов, адаптация населения к новой ситуации.

1996 — 1998 новый взлет страхов, связанный с обострением экономического кризиса в стране, массовыми невыплатами зарплат и массовыми же уклонениями от выплаты налогов. Стали нарастать страхи экономического характера. Последний по времени панический страх связан с отставкой правительства Кириенко и коллапсом банковской системы. Он начался 24 августа 1998 года и продолжался, усиливаясь, три недели, вплоть до назначения председателем правительства А.М.Примакова.

Страхи, которые распространялись в Соединенных Штатах во время Великой депрессии, были также основаны на пугающих фактах, как это характерно для многих стран со снижающимся уровнем жизни. Так дело обстоит теперь во Франции, например, в связи с высоким уровнем безработицы.

Вместе с тем велики и отличия. Безработица — серьезная социальная проблема, а Великая депрессия была ужасным кризисом, однако ни в США конца 20-х гг., ни в современной Франции не наблюдалось такого общего пессимистического настроения и разнообразия массовых страхов, как в России.

Один из показателей нарастание второй волны страхов можно видеть и в том, что с 1993 года существенно увеличилось количество людей, отказавшихся дать интервью. Если в конце 1989-1990 гг. отказы не превышали 10-12%, то после октября 1993 г. этот показатель стал быстро расти и достиг 30% и более. Исследование именно этой группы показало, что среди причин отказа 17% составил страх перед чужими (преступниками и т.п.), 2% страх перед политическими последствиями интервью. Особенно часто отказываются от интервью молодые образованные мужчины. Среди предпринимателей, административно-управленческих работников, военнослужащих, работников правоохранительных органов, интеллигенции таких отказов в 1,5-2 раза выше среднего (4). Возможно, такая динамика — одно из свидетельств возрождения атмосферы страха перед открыто высказанным личным мнением. Подобная атмосфера глубоко въелась в советских людей, и существует достаточно много причин для того, чтобы опасаться высказываться открыто даже и сегодня.

Таким образом, можно констатировать, что с начала реформ в России массовые настроения поменяли модальность с оптимистической на пессимистическую.

Массовые страхи 1985 — 1998 гг. можно описать как кривую с двумя волнами (кульминация второй волны падает на август-сентябрь 1998 года).

1985 — 1989 — господствующее настроение — оптимизм и надежды, страхи, связанные с открытием и переоценкой прошлого собственной страны. После 1989 года оптимизм угас, общество осознало всю тщетность ожидания чуда. Начался рост пессимистических настроений. После 1989 года можно говорить о новом психологическом климате. На конец 1990 — начало 1991 пришелся пик страхов перед коллапсом. 1991 — 1993 гг. — кульминация первой волны страхов. После октября 1993 и до 1996 включительно страхи спадали, население постепенно адаптировалось к новой ситуации.

С осени 1996 и по настоящее время — рост страхов, связанных с обострением экономического кризиса, массовыми невыплатами зарплат, т.е. вторая волна страхов. Кульминация страхов пришлась на август-сентябрь 1998 года, когда страна погрузилась в пучину острейшего экономического и политического кризиса.

Часть II. Страхи на постсоветском пространстве

Глава 10 (В.Шубкин). Что тревожит и страшит россиян сегодня

Особенности методологии и методики исследования

В 1996 г. Российской национальной частью — на базе представленного проф. Владимиром Шляпентохом Проекта сравнительного международного исследования “Катастрофическое сознание в современном мире” — были проведены массовые обследования (интервью), охватывающие всю территорию страны. (35)

Плановый объем выборки — 1350 человек. Реально опрошено 1366 респондентов. В обработку включены 1350 анкет. Выборка разделена по этапам следующим образом:

450 человек опрошено на 1 этапе.

455 человек опрошено на 2 этапе.

461 человек опрошено на 3 этапе.

Выборка трехступенчатая, комбинированная. Первая ступень — выбор региона и места (города, района) опроса. В соответствии с программой исследования вся территория России была разделена на пять мета-регионов, внутри которых определялись места опроса:

Таблица 1

Метарегион	Численность взрослого на- селения (изби- ратели), тыс. человек	Доля во взрослом населе- нии, %	Доля в выборке, %
Москва и С.- Петербург	10734	10,0	10,0
Север и Северо- Запад	23157	21,6	21,6
Юг и Юго-Запад	22842	21,3	23,0
Поволжье и Урал	28069	26,2	22,9
Сибирь и Дальний Восток	22445	20,9	22,5

Теперь о соответствии половозрастной структуре населения России (1993 г.).

Таблица 2

	Мужчины		Женщины	
	Генераль- ная сово- купность	Выборка	Генераль- ная сово- купность	Выборка
18-19 лет	1,9%	2,3%	1,8%	2,3%
20-29 лет	9,3%	9,0%	8,9%	10,5%
30-39 лет	11,6%	10,5%	11,6%	12,0%
40-49	7,8%	8,3%	8,2%	12,5%

лет				
50-59 лет	7,3%	6,2%	8,7%	8,1%
60 лет и старше	7,6%	6,7%	15,3%	11,6%
ИТОГО	45,5%	43,0%	54,5%	57,0%

Некоторое представление о репрезентативности выборки дает и структура политических предпочтений. Данный параметр в отличие от всех предыдущих является лишь косвенной оценкой представительности выборки, т.к. основывается на ответах респондентов.

Чем же характеризуются респонденты?

Как уже отмечалось, среди них 43% мужчин и 57% женщин. Возраст — в основном (62,7%) от 20 до 50 лет (2-29 лет — 19,4%, 30-39 лет — 22,5%, 40-49 лет — 20,8%). Образование, главным образом, среднее специальное — 27,9%, среднее общее — 20,2%, высшее — 19,5%, 9 классов и меньше — 15,2%. По национальному составу доминируют русские — 90,3%, украинцы — 3,6%, татары — 1,6%, белорусы — 0,9%. Семейное положение: женаты — 65,7%, холосты — 14,5%, вдовцы — 10,6%. Они проживают: 25,8% в районных центрах, 24,8% в областных центрах, в Москве и Санкт-Петербурге — 10%. Большинство (85,1%) живут в данном населенном пункте с рождения или больше 10 лет.

Основные занятия респондентов связаны с работой в государственном предприятии, учреждении, организации (41,5%), много на пенсии (22,3%), занимаются частной предпринимательской деятельностью (4,6%) и столько же работают в кооперативах или занимаются индивидуальной трудовой деятельностью. Себя респонденты относят: к квалифицированным рабочим — 25,6%, служащим из числа технического и обслуживающего персонала — 18,2%, к служащим технического профиля с высшим или средним образованием — 17,8%.

Главные отрасли народного хозяйства, в которых работали опрашиваемые: в промышленности, строительстве, на транспорте, связи — 41,4%, в дошкольном воспитании, народном образовании, культуре, науке, здравоохранении — 19,8%, в торговле, общественном питании, жилищно-коммунальном хозяйстве, бытовом обслуживании — 17,6%. Это в основном предприятия от 20 до 50 человек (54,5%).

Среднемесячный доход на одного члена семьи (все виды доходов, пособия, приработки, распределение на число членов семьи):

- до 100 000 руб. — 12,2%
- от 100 000 до 500 000 — 68,5%
- от 500 000 до 1 000 000 — 14,6%
- свыше 1 000 000 — 4,8%

При этом 59,4% респондентов относят себя к православным, не считают себя верующими 37,7%, к мусульманам — 1,3%, к католикам — 0,4%.

В ходе исследования был разработан план-график выполнения работ по этапам. Он предусматривал проведение 1-го этапа опроса до начала президентских выборов в России (до 16 июня 1996 г.). Второй этап опроса — между первым и вторым туром президентских выборов (от 16 июня до 3 июля 1996 г.). Третий этап — после завершения президентских выборов.

В анкету-интервью были включены 47 вопросов, которые характеризуют социально-демографические данные респондентов, его уверенность в будущем, отношение к различным группам опасностей, а также конкретное описание явления или события (“меня это не беспокоит”, “это вызывает у меня некоторое беспокойство”, “это вызывает у меня сильную тревогу”, “это вызывает у меня постоянный страх”). Задавались также вопросы о времени и причинах этих тревог и страхов, о том, как предполагает вести себя респондент, в какой мере он готов противостоять или предупредить эту опасность. Рассматривались вопросы о том, как намерен себя вести респондент, если это событие произойдет, в т.ч. чтобы обезопасить себя

от угрозы безработицы, загрязнения окружающей среды, преступности, поддержания нормального уровня жизни. Интервьюеры просили также респондента рассказать, какие события в истории нашей страны он считает катастрофическими до 1917 г. и после 1917 г., а также о том, какие политические и экономические преобразования представляются ему наиболее целесообразными в современных условиях, какие политические блоки и партии он поддерживает, кого он хотел бы видеть во главе России.

Чтобы обеспечить возможность более детального анализа полученных данных, а также для внутрироссийских и международных сопоставлений автором был предложен расчет специальных показателей — индексов катастрофизма (ИК), тревожности (ИТ), беспокойства (ИБ). Эти индексы рассчитывались по 7, 8, 9, 10 вопросам анкеты. Индекс катастрофизма отражает отношение числа ответов “возможность этого вызывает у меня постоянный страх” (8) к общему числу ответов (суждений) по каждому вопросу. Соответственно индексы тревожности и беспокойства отражают отношение числа ответов “возможность этого вызывает у меня сильную тревогу” и “возможность этого вызывает у меня некоторое беспокойство” к общему числу ответов по каждому вопросу.

Суммарные индексы катастрофизма, тревожности и беспокойства представляют собой среднее значение индексов, полученных по 7-10 вопросам ($ИК_{сум.} = ИК1 + ИК2 + ИК3 + ИК4$) :

4. Таким образом были построены следующие индексы:

- ИК1 — Индекс катастрофизма, рассчитанный по 7-му вопросу анкеты
- ИК2 — Индекс катастрофизма, рассчитанный по 8-му вопросу анкеты
- ИК3 — Индекс катастрофизма, рассчитанный по 9-му вопросу анкеты
- ИК4 — Индекс катастрофизма, рассчитанный по 10-му вопросу анкеты
- ИК_{сум.} — Суммарный индекс катастрофизма.

Подобно этому рассчитывались так же индексы тревожности (ИТ1, ИТ2, ИТ3, ИТ4, ИТ_{сум.}) и беспокойства (ИБ1, ИБ2, ИБ3, ИБ4, ИБ_{сум.}).

Что же тревожит россиян? Какие события и опасности страшат их?

Исходя из предложенной проф. В.Шляпентохом классификации, мы объединили вероятные опасности в четыре группы:

1. Неожиданные, внезапные, непредсказуемые природные, экономические или политические.
2. Предсказываемые многими специалистами экологические катастрофы (уничтожение среды обитания человека).
3. Социально-экономические потрясения длительного действия вроде глубоких реформаций, революций, контрреволюций.
4. Бедствия, порождаемые внешними враждебными силами (вроде “международных сил зла”, мировой преступной организации, мощных группировок или военных сговоров, направленных против России).

Главные тревоги и страхи

По оценке респондентов достаточно вероятными являются первые (67,5%) и вторые (67,8%), менее вероятными опасностями третьей (58,4%) и четвертой группы (38,4%). Однако очень опасными и губительными для себя и близких они считают экологические катастрофы (56,7) и социально-экономические потрясения длительного действия (43,3).

Таблица 3
Общая таблица индексов катастрофизма
(средние значения)

ИК1	ИК2	ИК3	ИК4	ИК- сум.	ИТ	ИБ
0,072	0,077	0,091	0,037	0,069	0,259	0,333

Наиболее отчетливое влияние на индексы катастрофизма оказывает пол.

Таблица 4
Пол и индексы катастрофизма

Пол	ИК1	ИК2	ИК3	ИК4	ИК- сум.	ИТ	ИБ
муж.	0,040	0,055	0,068	0,025	0,047	0,250	0,336
женщ.	0,096	0,093	0,108	0,046	0,086	0,266	0,331

Уже здесь мы сталкиваемся с важной спецификой женских страхов. Да, конечно, как мы привыкли говорить, наша женщина “коня на ходу остановит, в горящую избу войдет”. Но боится она всякого рода опасностей почти в два раза сильнее, чем мужчина. Это касается опасности и первой, и второй, и третьей, и четвертой групп.

Респонденты считают, что большинство людей обеспокоены экологическими катастрофами, социально-экономическими потрясениями длительного действия, сравнительно немногих россиян тревожат бедствия, порождаемые внешними враждебными силами. Наиболее высок индекс катастрофизма (ИК3), связанный с социально-экономическими потрясениями длительного действия, наименее — ИК4 бедствия, порождаемые внешними враждебными силами.

В группе 3 при детальном анализе наибольший страх и тревогу вызывают полное беззаконие, снижение жизненного уровня, обнищание общества, криминализация общества. Относительно мало тревожит — перенаселение городов, преобладание иммигрантов, которые не хотят или не могут освоить нашу культуру, образ жизни, утрата чувства коллективизма.

В группе 4 тревожит распространение ядерного оружия, генетическое вырождение, неверие в бога, грубый материализм, бездуховность. Во всяком случае индекс катастрофизма по этой группе ИК4 в два с лишним раза меньше, чем ИК3, ИК2, ИК1. Это подтверждается и ответами на вопрос: “Теперь скажите, какие опасения и страхи представляются вам вздорными, нелепыми? Назовите по памяти, что из упоминавшегося выше заслуживает оценки: “эти страхи и опасения совершенно безосновательны”. Респонденты так ранжировали первую пятерку по уровню безосновательности:

1. Захват Земли инопланетянами
2. Конец света
3. Гибель земель в результате космической катастрофы
4. Нашествие ислама
5. Сионизм и еврейские заговоры

Что касается первой группы, то здесь вызывают страх и сильную тревогу ядерная война, терроризм, гражданские и межэтнические войны, катастрофический неурожай, меньшее число беспокоит геноцид, т.е. массовые преследования людей по этнонациональной принадлежности, конец света, диктатуры и массовые репрессии, нападение соседних государств. Во второй группе больше всего тревожат массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний, химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов, уничтожение лесов на планете, меньше всего — перенаселение, сокращение рождаемости, истощение природных ресурсов.

Когда же мы попросили респондентов указать только одно бедствие, которое им представляется наиболее вероятным и наиболее страшным, то мы получили такую картину. Первая пятерка: ядерная война (14,6), снижение жизненного уровня, обнищание общества (9,2), гражданские и межэтнические войны (9,3), массовая безработица (7,7), химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов (7,4). Последняя пятерка: приход к власти ра-

дикальных коммунистов (2,7), захват власти в стране экстремистами или мафией (2,4), терроризм (2,0), конец света (2,2), коррупция властных структур (2,0).

Как видно из ПРИЛОЖЕНИЯ, россияне в целом так ранжировали опасности:

1. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов
2. Снижение жизненного уровня, обнищание общества
3. Полное беззаконие
4. Криминализация общества
5. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний.

Надо признать, что как в оценке наиболее вероятных опасностей, так и в оценке вздорных, нелепых страхов россияне весьма трезвы и реалистичны.

Больше всего тревог и страхов связано с *химическим и радиационным заражением воды, воздуха, продуктов*. После Чернобыля и ряда других катастроф радиационное заражение окружающей среды перестало быть абстракцией, оно пришло почти в каждый дом, в каждую семью. Целые области подверглись облучению, сотни тысяч людей участвовали в Чернобыле в мероприятиях по ликвидации последствий взрыва на реакторе, переселении населения с зараженных мест, сооружении саркофага и т.п. За это знакомство с разбушевавшейся ядерной стихией люди заплатили своими жизнями и здоровьем. А тут стали выясняться еще почти забытые события катастрофы под Челябинском, испытания атомных и водородных бомб, в ходе которых тысячи солдат, участвовавшие в них, получили большие дозы радиации. Мы уже не говорим об огромных запасах химического оружия, которое было создано в годы холодной войны, и которое, если его не уничтожить в ближайшие годы, смертельно опасно.

На втором месте идет *снижение жизненного уровня, обнищание общества*. Есть все основания для такого суждения, ибо за последние годы происходило не только сокращение объема производства, но и поистине катастрофическое падение жизненного уровня населения. И это в одной из самых богатых по природным ресурсам стран мира, и, добавим, с очень высоким уровнем образования народных масс. Если сейчас еще нет голода, то это результат богатейшего наследства, которое оставили наши предки в виде огромных запасов нефти, газа и др. полезных ископаемых, за счет которых мы сейчас покрываем две трети нашего потребления. И это тревожит всех.

Россиян тревожат и страшат и экологические, и экономические вопросы. При этом они знают, что ни одна проблема не может быть решена в условиях полного беззакония. Пафос этого утверждения, конечно же, направлен прежде всего против государства, от которого респонденты себя чувствуют отчужденными, которому они не доверяют, от которого ожидают (как показывает история) любых фокусов. Тяжелейшими периодами в истории советской власти (после Великой Отечественной войны 1941-45 гг.) они считают годы сталинских репрессий.

На четвертом месте — *криминализация общества*. Такого разгула преступности, как сейчас, Россия не знала. Преступность растет год от года, и она как бы оправдывается официальной идеологией, средствами массовой информации, которые пропагандируют вседозволенность. На полном серьезе обсуждается вопрос о капитуляции перед мафиозными кланами. Надо, дескать, пустить их во власть и тогда они лучше, чем милиция, наведут свой мафиозный порядок.

Очень тревожат россиян *массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний*. Это весьма симптоматично, поскольку здесь респонденты выступают не просто как россияне, а, если хотите, как граждане мира. В самом деле, СПИД еще не стал в России таким массовым заболеванием, как, скажем, в США. Значит нужна определенная экологическая грамотность и информированность, чтобы осознавать грозящую опасность. Здесь, видимо, положительную роль сыграли акции экологического движения в России и средства массовой информации, просвещая наше население.

То, что респондентов тревожит более всего экологический фактор, очень важно. Становится понятно, почему наиболее опасными и губительными для себя и близких и наиболее вероятными они назвали опасности и угрозы второй экологической группы.

Обнищание (2), беззаконие (3) не требуют специальных комментариев. Об этом в основном пишут газеты и другие средства массовой информации.

Следует назвать последнюю пятерку в этом перечне страхов. Как видно, это нашествие ислама, масонство, сионизм, захват Земли инопланетянами, перенаселение. То, что сионизм идет рядом с захватом Земли инопланетянами, очень симптоматично. Это лишний раз свидетельствует о традиционной терпимости россиян и опровергает распространяемую до недавнего времени по нашим средствам массовой информации легенду о массовом антисемитизме.

Такое распределение ответов на вопросы о том, что вызывает постоянный страх и сильную тревогу, естественно сказывается и на уверенности респондентов в своем будущем. Большинство из них, скорее, не уверены (36,6) или совершенно не уверены (22,5). Вполне уверены — 86,3, скорее, уверены — 20,3. Думая о будущем, 73,3 имеют в виду себя и своих близких. Лишь 12,6 — Россию и ее граждан и 3,8 — человечество в целом.

Из тех, кто сказал, что не уверен в своем будущем, большинство (45,2) испытывают некоторое беспокойство, 38,1 — сильную тревогу и 16,7 — постоянный страх.

Большинство респондентов считают, что эту тревогу они стали испытывать за последние несколько лет (39,8), с начала реформ в стране (22,9), (21,0) полагает, что это началось с тех пор, как он (она) стал задумываться над жизнью. При этом 52,4% из них убеждены, что большинство россиян (56,8%) так же испытывают тревогу и страх.

Две трети (62,6) опрошенных, говоря о причинах страха, уверены, что он вызван своим собственным восприятием событий и угроз, и только 32,1% думают, что эти страхи, тревоги породили телевидение, радио и газеты.

Для более конкретного анализа помимо индексов катастрофизма были рассчитаны (на основе вопроса 23 интервью) коэффициенты ситуативной тревоги. При этом оказывается, что при довольно пессимистическом взгляде на будущее (не забудем, что почти 60% респондентов не уверены в своем будущем), при расчете коэффициента ситуативной тревоги 80,4% россиян находилось в рамках “нормального” состояния и лишь одна пятая в ярко выраженном дискомфортном тревожном состоянии. Отметим, что индекс катастрофизма минимален у “нетревожных”, повышается в два раза у средней группы (“небольшая тревога”) и еще в два раза у группы “тревожных”.

Специальная группа вопросов была посвящена изучению готовности респондентов в той или иной мере предотвратить грозящую катастрофу или смягчить ее последствия. Анализ показывает, что больше половины респондентов ограничивается обсуждением с родными и близкими (53,1), лишь 3,1 пытаются организовать друзей, соседей, еще меньше (1,6) стараются обратить на угрозу внимание властей или средств массовой информации (0,2). Около трети (30,0) полагают, что все бесполезно, ничего сделать нельзя. Тем не менее, если эта катастрофа произойдет, 41,3% намерены предпринять какие-то меры, чтобы ослабить эту опасность, хотя 58,7% убеждены, что от их действий ничего не зависит.

На вопрос, в какой мере вы лично готовы предпринять или уже предпринимаете какие-то усилия, чтобы обезопасить себя от преступности, — 40,2% уже предпринимает возможные меры, а 30,6% намерены так поступать, еще больший процент опрошиваемых делает все от них зависящее, чтобы предотвратить эту опасность для близких. При этом 23,6% настроены фаталистически: надо просто перетерпеть опасности и лишения.

Этот общий фон тревог и страхов, охарактеризованный выше, надо иметь в виду и при более конкретном исследовании вопросов, в частности, политических предпочтений россиян.

В связи с отношением к различным вариантам экономических преобразований: у сторонников идеалов социализма индексы катастрофизма и тревожности выше, чем у тех, кто выступает за рыночные реформы. И тем не менее индекс катастрофизма и индекс тревожности у сторонников частной собственности выше, чем у сторонников государственной собственности.

Видимо, нет уверенности, что частная собственность это всерьез и надолго, что при новом раскладе политических сил не может быть попятного движения. Больше половины респондентов (52,5%) выступают за смешанную экономику.

При анализе политических преобразований у тех, кто выступает за президентскую республику, индексы катастрофизма и тревожности ниже, чем у тех, кто выступает за парламентскую республику. У тех, кто голосовал за коммунистов в 1995 году, индексы катастрофизма и тревожности значительно выше, чем у тех, кто голосовал за “Наш дом — Россия”. Наконец, у тех, кто считает, что Президентом России должен быть Ельцин, индекс катастрофизма и тревожности значительно ниже, чем у сторонников Зюганова.

Все это в целом можно по-разному интерпретировать. Анализируя результаты первого этапа президентских выборов в России и, в частности, потерю голосов Ельциным в тех слоях и регионах, где его позиции всегда были наиболее прочными (среди москвичей, жителей европейского севера), директор ВЦИОМ Ю.А. Левада справедливо отмечал, что здесь сказалась какая-то самоуспокоенность, размягченность ельцинского электората” (39). На наш взгляд, катастрофическое сознание, свидетельство неуверенности в правильности своего выбора, своей жизненной позиции. Во всяком случае, у тех, кто уверен в своем будущем, ИК значительно меньше (0,057), чем у тех, кто неуверен (0,104). Определенное влияние на такое сознание оказывает и образование: как правило, чем выше образование, тем ниже индекс катастрофизма. Благодаря неуверенности и тревоге создается предрасположенность этой части электората к воздействию средств массовой информации. Это было в полной мере использовано Ельциным и его командой в ходе президентских выборов. Впрочем, здесь не потребовалось каких-то гигантских усилий, поскольку, по нашим данным, на вопрос, за кого вы голосовали в первом туре президентских выборов 1996 г., Ельцина хотели видеть Президентом России 38,9% против 25,0% у Зюганова.

Динамика страхов: от 1-го к 3-му этапу

Одной из особенностей методики массового опроса россиян в 1996 г. явилось то, что выборочная совокупность была разбита на три этапа. Это в первую очередь было обусловлено тем, что в 1996 году проходили выборы президента России, от результатов которых во многом зависело будущее страны: продолжатся ли начатые в 1992 г. реформы или в случае поражения реформаторов во главе с Ельциным этот процесс будет прерван. Поэтому в качестве дополнительной цели исследования мы намечали проанализировать динамику страхов россиян в ходе избирательной кампании.

В соответствии с этим было намечено, что из общей выборочной совокупности примерно одна треть респондентов интервьюируется до начала избирательной кампании, другая треть — между первым и вторым туром и, наконец, последняя треть опрашивается после завершения избирательной кампании. Учитывая уникальность этой избирательной кампании, поскольку в начале ее рейтинг Ельцина был весьма низкий и поэтому потребовались очень большие силы и средства, чтобы изменить эту ситуацию. Ведущие банкиры, которые тогда выступили как единая команда, выделили для этого огромные средства, в штаб вошли представители основных средств массовой информации, которые делали все возможное и невозможное для победы Ельцина.

В ходе этой беспрецедентной акции происходили крупные кадровые передвижки. Были отправлены в отставку начальник охраны президента Коржаков и директор ФСБ Барсуков и др. Вернулся и фактически возглавил штаб по выборам президента Чубайс. Мы напоминаем об этом потому, что это была не просто избирательная кампания, а полная драматических событий борьба за власть в стране. И здесь команда Ельцина сражалась не жалея сил, долларов и рублей, ибо речь шла буквально о жизни и смерти, поскольку поражение Ельцина означало для членов команды потерю своей собственности, своих властных позиций и перспектив своего существования в этой стране.

Все эти события заслуживают особого всестороннего исследования, которое станет возможным, когда станут доступны многие ныне неизвестные документы и факты. Поэтому не следует переоценивать наш анализ этих событий, который мы реализуем через призму страхов и тревог населения России, их динамики в ходе избирательной кампании. Тем не менее возможно и он будет интересен для современного читателя и будущего историка.

Отметим особенность коммунистического электората по сравнению с ельцинским. Она состоит в том, что к оппозиции примыкали люди, напуганные, с повышенным чувством страха и тревоги, в то время как к ельцинскому электорату относились те, кто более спокойно воспринимал сегодняшнюю действительность. Помимо них существовало и большое “болото”, люди, не определившиеся или часто менявшие свои оценки и предпочтения. Вот за них-то в первую голову и развертывалась избирательная борьба.

Что же произошло, по нашим данным, с оценками страхов и тревог с 1-го по 2-й этап?

Надо отметить, что президентской команде удалось в кратчайший срок повысить рейтинг Ельцина. Это нашло отражение и в динамике страхов и тревог. В подтексте пропагандистская кампания этой команды как бы умиротворяла, успокаивала тех, кто еще не принял решения, и тем самым вовлекала их в ельцинский электорат, существенно увеличивая его. Начнем с общих цифр. С 1-го по 2-й этап произошло заметное снижение страхов и тревог по 36 видам, в том числе по наиболее существенным. По 7 видам, однако, отмечался некоторый рост. Это распространение ядерного оружия и угроза ядерной войны, космическая катастрофа, бессмысленность жизни, масонство, перенаселение, захват власти инопланетянами. Любопытно, что, несмотря на активную антикоммунистическую пропаганду, опасения по поводу прихода к власти коммунистов уменьшились.

Но главное, уменьшились страхи по поводу снижения жизненного уровня, химического и радиационного заражения земли, воды, продуктов, полного беззакония, криминализации, массовых эпидемий, коррупции власти, уничтожения лесов, гражданской войны, терроризма, неурожая, истощения ресурсов, озоновых дыр, скопления отходов, генетического вырождения, утраты русских традиций, природных бедствий, кризиса семьи, диктатуры и массовых репрессий, сокращения рождаемости, неверия в Бога, американизации жизни, нападения соседних государств, глобального потепления, геноцида, неонацизма, преобладания иммигрантов, конца света, исчезновения белых, нашествия ислама, сионизма и др.

Те 7 видов, по которым наблюдался рост, касался не внутренних проблем развития страны, а разного рода внешних опасностей. Поэтому мы можем еще раз фиксировать, что с 1-го по 2-й этап произошло заметное снижение страхов и тревог по 36 из 43 видов, причем по самым болезненным и существенным. Это, на наш взгляд, способствовало переходу в президентский электорат части населения и в конечном счете обеспечило победу Ельцина.

Однако после победы Ельцина, т.е. при переходе от 2-го к 3-му этапу начинается откат. Похоже, начинаются массовые разочарования. По 20 видам тревог и страхов начинается рост, в том числе по самым существенным: химическое и радиационное заражение земли, воды, продуктов, снижение жизненного уровня, полное беззаконие, криминализация, массовая безработица, коррупция властных структур, гражданские и межэтнические войны, терроризм, диктатура, американизация жизни и т.п. Словно люди очнулись от массового гипноза и вдруг вновь увидели, что все плохо и ничего не меняется.

Подобные маятниковые колебания в настроении, тревогах и страхах россиян весьма важно изучать. Они — ключ к пониманию многих вопросов практической политики. Здесь еще раз раскрывается демагогичность заявлений большевиков, которые они делали каждый год: “Народ сделал свой выбор”. Да, он сделал свой выбор и тут же пожалел о нем.

Глава 11 (В.Шубкин). География страхов

Сначала мы не собирались вести статистическую разработку полученных материалов обследования в разрезе отдельных метарегионов. Но потом все-таки сделали ее. И, как оказалось, не зря.

Уже при анализе суммарных индексов катастрофизма обнаружилось, что разрыв между регионами весьма значителен: так, на Севере и Северо-Западе индекс катастрофизма 0,51, в то время как на Юге и Юго-Западе он составляет 1,08, т.е. превышает первый более чем в два раза. Почти такой же, как на Севере и Северо-Западе, индекс катастрофизма в Сибири и на Дальнем Востоке (0,55). В Центре — 0,59, в Поволжье и на Урале — 0,67.

При этом постоянный страх испытывают примерно в два раза больше женщин, чем мужчин, как отмечалось раньше. Так, в Центре ИКсум. у мужчин 0,33, у женщин 0,77, на Севере и Северо-Западе соответственно 0,37 и 0,63, на Юге и Юго-Западе 0,83 и 1,28, в Поволжье и на Урале 0,37 и 0,85, в Сибири и на Дальнем Востоке 0,38 и 0,68.

Если перейти от суммарного индекса катастрофизма к индексам катастрофизма по отдельным группам опасностей, то в принципе мы наблюдаем ту же тенденцию. Так, ИК1 в Центре — 0,54, в том числе у мужчин 0,23 и у женщин 0,76, на Севере и Северо-Западе 0,56, в т.ч. у мужчин 0,34, у женщин 0,74, на Юге и Юго-Западе 1,10, в т.ч. соответственно 0,75 и 1,37, в Поволжье и на Урале 0,79, в т.ч. 0,33 и 1,09, в Сибири и на Дальнем Востоке 0,50, в т.ч. 0,25 и 0,71.

Довольно высокие индексы катастрофизма и по группе экологических опасностей. Так, ИК2 в Центре 0,66, в т.ч. 0,36 и 0,87, на Севере и Северо-Западе 0,46, в т.ч. 0,41 и 0,50, на Юге и Юго-Западе 1,26, в т.ч. 0,98 и 1,48, в Поволжье и на Урале 0,74, в т.ч. 0,44 и 0,93, в Сибири и на Дальнем Востоке 0,64, в т.ч. 0,41 и 0,82.

ИК3 в Центре 0,83, в т.ч. 0,49 и 1,07, на Севере и Северо-Западе 0,73, в т.ч. 0,52 и 0,90, на Юге и Юго-Западе 1,42, в т.ч. 1,19 и 1,60, в Поволжье и на Урале 0,80, в т.ч. 0,49 и 1,00, в Сибири и на Дальнем Востоке 0,71, в т.ч. 0,58 и 0,81. Наконец, ИК4, который заметно ниже вышеуказанных опасностей. Так, в Центре он составляет 0,32, в т.ч. 0,24 и 0,38, на Севере и Северо-Западе 0,31, в т.ч. 0,20 и 0,39, на Юге и Юго-Западе 0,53, в т.ч. 0,34 и 0,68, в Поволжье и на Урале 0,33, в т.ч. 0,20 и 0,41, в Сибири и на Дальнем Востоке 0,34, в т.ч. 0,27 и 0,39.

Уже здесь при анализе индексов катастрофизма по группам опасностей начинают проявлять себя некоторые особенности. Обнаруживаются как бы метарегионы-антагонисты. Наибольшие индексы катастрофизма мы наблюдаем на Юге и Юго-Западе, наименьшие — на Севере и Северо-Западе. Остальные метарегионы занимают промежуточное положение, хотя можно было бы сказать, что Сибирь и Дальний Восток тяготеют к Северу и Северо-Западу, а Поволжье и Урал к Югу и Юго-Западу.

Пока мы здесь не будем пытаться искать экономических, исторических, политических и иных причин этих социально-психологических особенностей. Просто отметим для себя это как своеобразный намек. К нему мы должны, видимо, вернуться после того, как мы проанализируем не в укрупненном виде, а более дифференцированно страхи и тревоги, которые испытывает население различных метарегионов по поводу конкретных опасностей и угроз.

Как видно из таблицы, по первой группе опасностей угроза ядерной войны вызывает наибольшую тревогу и страх в Сибири и на Дальнем Востоке (43,8%), меньше всего — в Центре (24,7%). Терроризм значительно больше тревожит особенно на Юге и Юго-Западе (60,3%), меньше всего в V метарегионе. Нападением соседних государств обеспокоены всего 17,2 на Севере и Северо-Западе и максимально 26,6 в III метарегионе. А вот гражданскими и межэтническими войнами, которые уже стали элементами повседневной жизни в нашей стране, на Юге и на Юго-Западе опасаются более 60% населения и этот процент не опускается ниже 40%. Страшится геноцида больше всего жители Центра, а меньше всего во II метарегионе. Больше половины респондентов на Юге и Юго-Западе пугает возможность захвата власти экстремистами, меньше всего эта опасность тревожит в V метарегионе.

Диктатура и массовые репрессии вызывают тревогу и страх у трети респондентов III метарегиона, опять наименьший показатель в V метарегионе. Больше половины опрошенных на Юге и Юго-Западе боятся катастрофического неурожая, а в Центре — всего 27,4%. Природные бедствия страшат почти 40% в III метарегионе и менее четверти в Центре. Несмотря на большое количество респондентов считающих себя православными, сравнительно боятся конца света: больше всего в IV метарегионе, меньше всего — во II метарегионе.

Во второй группе — рекордный процент более трех четвертей респондентов в метарегионе Юг и Юго-Запад боятся химического и радиационного заражения воды, воздуха, продуктов. Даже минимальный процент в Сибири и на Дальнем Востоке превышает шестьдесят процентов. В остальных метарегионах процент от 63 до 71. Около семидесяти процентов (69,2 в III метарегионе) боятся массовых эпидемий, распространения СПИДа и других смертельных заболеваний. Минимум по этому показателю в V метарегионе (53,9). Больше половины респондентов (за исключением IV метарегиона, где этот показатель 48,6) испытывают сильную тревогу и постоянный страх в связи с уничтожением лесов на планете. Особенно обеспокоены (44,7%) истощением природных ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке, наименее в I метарегионе. В III метарегионе почти 42% респондентов опасаются озоновых дыр в атмосфере и опять минимум по этому показателю в Центре. Глобальное потепление климата тревожит 30% на Юге и Юго-Западе, а на Севере и Северо-Западе в два раза меньше. Сокращением рождаемости в России наиболее обеспокоены в Центре (30,3), а меньше всего (15,1) на Севере и Северо-Западе. Что касается такой опасности, как гибель земель в результате космической катастрофы (столкновение с астероидами, кометами и т.п.), то она страшит 19% в III метарегионе, и всего 12% в Центре. Наконец, перенаселение из опасностей второй группы страшит на Юге и Юго-Западе 18,3% респондентов, а на Севере и Северо-Западе всего 0,3%.

Теперь относительно опасностей и катастроф, объединенных в третью группу. Здесь на первом месте беззаконие. Его страшатся 75% в третьем метарегионе. Наименьшее значение этого показателя на Севере и Северо-Западе. Но и здесь он более 60%. Примечательно, что в III метарегионе он выше такого важнейшего показателя, как снижение жизненного уровня, обнищание общества 73,7% и криминализация общества — 71,2%. Хотя необходимо отметить, что во втором метарегионе больше всего тревог с обнищанием и криминализацией. Весь букет реальных угроз (обнищание и криминализация) несколько ниже в Сибири и на Дальнем Востоке (соответственно 58,6 и 62,5). Массовая безработица опять больше страшит респондентов III метарегиона (67,7%) и меньше половины — в Центре (48,8%). Наиболее тревожит коррупция в III метарегионе (64,8), затем идет Центр (54,8%), IV и V метарегионы и в конце Север и Северо-Запад. Кризисом семейных ценностей наиболее обеспокоены в Сибири и на Дальнем Востоке, меньше всего во II метарегионе. Центр, как и следовало ожидать, больше всего страшится перенаселения городов (24,4%), а Север и Северо-Запад — меньше всех (6,5%). Скопление неиспользуемых отходов тревожит больше всего респондентов III метарегиона (47,7%), Центра (44,5%), меньше всего — V метарегион. Преобладание иммигрантов, которые не хотят или не способны освоить нашу культуру, язык, образ жизни, больше всего страшит респондентов Центра, а меньше всего — Севера и Северо-Запада. Здесь же в Центре сильную тревогу вызывает осознание бессмысленности жизни и неизбежности смерти (18,5%), а в IV метарегионе — только 11,4%. Наконец, больше всего страшит утрата чувства коллективизма, взаимопомощи, крайний индивидуализм респондентов из Сибири и Дальнего Востока (31,5%), а меньше всего — во II метарегионе.

Наконец, угрозы и опасности четвертой группы. Здесь, пожалуй, больше всего беспокойств связано с распространением ядерного оружия. В III метарегионе — 61,2%, в Центре — 48,7%. Меньше всего в V метарегионе 43,1%. Страшит и беспокоит респондентов генетическое вырождение. В III регионе 42,9%, меньше всего в V метарегионе 26,9%. Следовало бы так же отметить тревогу, связанную с утратой русских традиций. В III регионе (38,1%), в Центре — 37,8%, наименее в V метарегионе — 31,7%. Американизация жизни тревожит от 14,2% во II метарегионе, до 27,3% в III метарегионе. Нашествие ислама больше, чем другие

регионы, страшит Центр (11,9%), Юг и Юго-Запад 10,5%, меньше V метарегион 6,6%. Сионизм и еврейские заговоры тревожат 10,6% на Юге и Юго-Западе, в остальных регионах процент колеблется от 3,1 до 5,5. Масонство почему-то дает более высокий процент, чем предыдущая угроза: 12,5% на Юге и Юго-Западе и минимум 5,8% в IV метарегионе. Распространение неонацизма и ему подобных сил тревожит в два раза большее число респондентов. Еще больше страшит особенно в Центре (44,5%) приход к власти радикальных коммунистов. Исчезновение “белой расы” как результат высокой рождаемости у народов с другим цветом кожи тревожит 18,2% в III и лишь 11,0% в IV метарегионе. Американизация жизни в России тревожит 27,3% в III метарегионе, 26,4% — в V, 21,5% в Центре и лишь 14,2% во II. Что касается такой полуфантастической опасности, как захват Земли инопланетянами, то ее страшатся от 5,5 до 7,6%. Наконец, опасности, связанные с неверием в Бога, грубым материализмом, бездуховностью, тревожат почти 30% респондентов в Центре, и лишь 19,2% на Юге и Юго-Западе.

Все эти описанные выше показатели, безусловно, в определенной мере персонифицируют респондентов из разных метарегионов и дают важную дополнительную информацию по сравнению с той, которой мы располагали вначале, при общем недифференцированном анализе обследования. Можно сказать, что теперь проступают как бы типы разных метарегионов, которые можно попытаться интерпретировать с позиций исторических, экономических, географических и политических.

Перед нами прежде всего необычный метарегион. Это Юг и Юго-Запад. Присмотримся к нему еще раз внимательней. Он, безусловно, является лидером в тревогах и страхах. В самом деле: из 43 вовлеченных нами в анализ угроз и опасностей по 31 он дает максимальный процент переживающих сильную тревогу и постоянный страх респондентов. В том числе как терроризм, нападение соседних государств, гражданские и межэтнические войны, захват власти экстремистами, диктатура и массовые репрессии, катастрофический неурожай, природные бедствия, перенаселение, химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов, опасность уничтожения различных видов животных, массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний, возникновение озоновых дыр, уничтожение лесов, потепление климата, гибель Земли в результате космической катастрофы (столкновение с астероидами, кометами и т.п.), массовая безработица, криминализация общества, коррупция властных структур, полное беззаконие, скопление неиспользуемых отходов, снижение жизненного уровня, обнищание общества, сионизм и еврейские заговоры, масонство и его попытки захватить мир, распространение неонацизма и ему подобных сил, американизация жизни в России, распространение ядерного оружия, генетическое вырождение нации, утрата русских традиций.

При этом наибольшие тревоги и страхи вызывают:

1. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов — 75,3%
2. Полное беззаконие — 75,0%
3. Снижение жизненного уровня, обнищание общества — 73,7%
4. Криминализация общества — 71,2%
5. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний — 69,2%

Метарегион Центр лидирует лишь по 8 видам угроз и опасностей. Это приход к власти радикальных коммунистов (44,5%), преобладание иммигрантов, которые не хотят или не способны освоить нашу культуру, язык, образ жизни (30,4%), сокращение рождаемости в России (30,3%), неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность (29,6%), геноцид, т.е. массовые преследования людей по этнонациональной принадлежности (27,4%), опасное перенаселение городов (24,4%), осознание бессмысленности жизни и неизбежности смерти (18,5%), нашествие ислама (11,9%).

Метарегион Сибирь и Дальний Восток лидирует по 5 видам опасностей и угроз. Это истощение природных ресурсов (44,7%), ядерная война (43,8%), кризис семейных ценностей

(43,1%), утрата чувства коллективизма, взаимопомощи, крайний индивидуализм (31,5%), захват Земли инопланетянами (7,6%).

Метарегион Поволжье и Урал больше всех страшится лишь одного вида угроз — конца света (16,2%). Что же касается Севера и Северо-Запада, то здесь нет ни одной опасности или угрозы, которые респонденты страшились бы больше, чем в других метарегионах.

Итак: Юг и Юго-Запад — 31, Центр — 8, Сибирь и Дальний Восток — 5, Поволжье и Урал — 1, Север и Северо-Запад — 0!

Чем же Юг и Юго-Запад отличен от других регионов? Как видно, здесь меньше бояться прихода к власти коммунистов, не страшатся преобладания иммигрантов, сокращения рождаемости, неверия в Бога, бездуховности, геноцида, перенаселения городов, осознания бессмысленности жизни и неизбежности смерти, нашествия ислама. Здесь не так, как в Сибири и на Дальнем Востоке, опасаются истощения природных ресурсов, ядерной войны, утраты чувства коллективизма и взаимопомощи, не говоря уже о захвате Земли инопланетянами или конца света. Но почти три четверти респондентов этого метарегиона указывают пять самых грозных опасностей и плюс 26 других.

Самым важным результатом анализа в метарегионах является безусловно определение эпицентра страхов и тревог в России. Им, безусловно, является Юг и Юго-Запад. Теперь, когда мы рассмотрели не только укрупненно индексы катастрофизма, но и конкретные данные об опасностях и тревогах, мы можем решительно утверждать, что если Россия сегодня это “общество всеобщего риска”, как пишет О.Н.Яницкий (40), то Юг и Юго-Запад страны это место, где социально-психологическое состояние населения характеризуется не просто катастрофическим сознанием, но близко к тотальной панике.

Чем же это вызвано?

Выборка, как отмечалось выше, строилась так, что в метарегионе Юг и Юго-Запад опрашивались из Черноземного центра жители г.Семилуки Воронежской области и из Северо-Кавказского экономического района жители г.Волгодонска Ростовской области.

Районы Юга и Юго-Запада в России — это традиционно богатейшие районы России, где благоприятные природные условия счастливо сочетались с умелым и трудолюбивым населением, что превращало их в настоящую житницу страны. Поэтому сельские районы избежали здесь того массового “раскрестьянивания”, которое типично для районов Севера и Северо-Запада, для современного пейзажа которых так характерны брошенные или умирающие деревни. Поэтому нужны были какие-то чрезвычайные обстоятельства, чтобы привести население Юга и Юго-Запада страны в состояние паники.

Здесь, видимо, сказывается прежде всего близость этих районов к Кавказу, который нынче является эпицентром этнических конфликтов и войн, которые неизбежно порождают высокую интенсивность тревог, страхов, катастрофического сознания. Тем более, что здесь живет память об Отечественной войне, которая так же прокатилась по этим регионам.

Не следует забывать, что это традиционно казачьи районы, рассказывание которых началось еще в годы Гражданской войны, а в годы Советской власти казачество было истреблено и репрессировано, ликвидировано как класс. Оно лишь совсем недавно было реабилитировано и стало возрождаться. Но до последнего времени казаки, готовые с оружием в руках отстаивать свои права и защищать свой дом, свои семьи, были лишены организации и оружия, оказавшись с голыми руками против вооруженных до зубов весьма агрессивных рядов народов Северного Кавказа, и прежде всего против чеченцев, которые под флагом суверенитета и мести по-прежнему открыто объявляют о своих намерениях организовать диверсии и террористические акты против России. Поэтому состояние сильной тревоги и постоянного страха характерно здесь не только для женщин, но и для мужчин.

Как показывает анализ, антиподом Югу и Юго-Западу, безусловно, является Север и Северо-Запад. За цифрами словно проглядывает как бы коллективный образ респондента из этого региона, который видит реальные угрозы и опасности, дифференцирует их, но делает все это спокойно, без паники и ажиотации. Может быть, не случайно А.И.Солженицын в

своей знаменитой статье “Как нам обустроить Россию?” большие надежды на будущее связывал именно с Севером России.

Что же касается Центра, то он более политизирован. Здесь не могла не сказаться активная антикоммунистическая кампания Ельцина и его команды в период президентских выборов. Отсюда высокая оценка опасности прихода к власти коммунистов. При этом Центр, с одной стороны, боится преобладания иммигрантов, нашествия ислама, перенаселения городов, но тут же решительно выступает против геноцида. Здесь респонденты против неверия в Бога, за духовность и в связи с этим опасаются бессмысленности жизни и неизбежности смерти. Такой вот сложный и внутренне противоречивый конгломерат тревог и страхов. В какой-то мере это свойственно и районам Поволжья и Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Однако при этом наибольшие тревоги и страхи, хотя и в разной последовательности, связаны с той основной пятеркой, которую мы выделили при анализе Юга и Юго-Запада. В этом смысле мы, конечно, могли бы предполагать, что процессы, которые происходят в этом метарегионе, несомненно должны со временем проявиться и в других. Юг и Юго-Запад, таким образом своеобразный “маяк” катастрофического сознания России.

Глава 12 (В.Шубкин). Страхи у россиян и у иммигрантов из России в США

Мы уже отмечали, что пока в США не было проведено репрезентативного обследования, аналогичного нашему. Поэтому мы не имеем возможности сопоставлять американские и российские данные. Тем больший интерес представлял для нас опрос, который провел по нашей анкете Самуэль Клигер (13) среди иммигрантов из России, проживающих в Нью-Йорке и Бостоне. Он для обследования отобрал две группы:

1. Группа в 50 человек в Бостоне. Эта группа имела следующие основные характеристики: им в среднем около 60 лет и они проживают в Америке 2 года.

2. Вторая группа тоже 50 человек была отобрана в Нью-Йорке из относительно молодых людей (в среднем 25 лет), которые проживают в США только 2 месяца.

Обе группы характеризуются высоким уровнем образования (более 60% окончили вузы).

Самуэль Клигер приводит данные о проценте респондентов, переживающих тревогу и страх в Советском Союзе в 1989-90 гг. (по данным ВЦИОМа), в России в 1996 г. (по нашим данным) (второй этап обследования), а также среди иммигрантов в Нью-Йорке и Бостоне в 1996 г. Эту таблицу мы сократили и модернизировали, введя вместо данных по второму этапу нашего исследования, который использовал Клигер, полные данные по 1350 интервью.

Как видно, по сравнению с Советским Союзом процент тех, кто боится в России возврата массовых репрессий, возрос в 2 раза, тирании и беззакония — в 3 раза, нищеты, криминализации, национальных конфликтов — в 4 раза. При этом снизился процент тех, кто боится ядерной войны и природных катастроф.

Что же касается иммигрантов, то уровень страхов и тревог по всем показателям (за исключением страха смерти и возврата к массовым репрессиям у молодых нью-йоркцев) значительно ниже, чем в России. При этом такие показатели, как беззаконие, национальные конфликты, возврат к массовым репрессиям, выше у тех, кто недавно прибыл в США и у кого еще свежи воспоминания о современной жизни в России. Однако нищеты больше боятся пожилые иммигранты в Бостоне, чем молодые в Нью-Йорке.

В России и в США респонденты отвечали на вопрос, в какой мере они уверены в своем будущем.

Таблица 1
Уверенность в будущем в 1996 г.
(в %)

	В Рос- сии	Российские иммигранты	
		В Нью-Йорке	В Бостоне
Вполне уверен	8,3	23,3	9,3
Скорее уверен	20,3	34,9	20,9
Скорее не уверен	36,6	20,9	34,8
Совершенно не уверен	22,5	4,7	18,8

Меньше трети россиян уверены в своем будущем. В этом они очень похожи на пожилых бостонцев. Напротив, почти две трети молодых иммигрантов в Нью-Йорке уверены в своем будущем и лишь четверть из них не уверены. Любопытно отметить, что более длительный срок пребывания иммигрантов в США не укрепляют их уверенность в будущем.

Что же касается подоплеку страхов о будущем, то в интервью были вопросы, которые позволяют представить ответы в виде такой таблицы. Вопрос ставился так: “Вы сказали, что не уверены в будущем людей, занимающих такое же общественное положение, как Вы. Как бы Вы охарактеризовали такое состояние?”

Таблица 2

Испытывали сильную тревогу и постоянный страх, думая о людях (%)

	В Рос- сии	Российские иммигранты	
		В Нью-Йорке	В Бостоне
1. Той же социальной группы	63,1	20,9	23,3
2. Проживающих в том же городе или регионе	33,3	11,6	9,4
3. Той же этнической группы	83,3	23,3	25,6
4. Того же поколения	52,3	9,3	30,2
5. Россия	66,4	37,3	27,9

Российские иммигранты испытывали более сильные тревогу и страх по поводу будущего России, чем по поводу своей социальной, этнической группы или по поводу жителей своего региона или своего поколения. Однако они озабочены этим в два-три раза меньше, чем жители России.

Специально следует сказать об уровне тревог в России и среди иммигрантов в США.

Таблица 3

Процент тех, кто сказал “да”

Утверждения	В Рос- сии	Российские иммигранты	
		В Нью-Йорке	В Бостоне
1. Взаимоотношения с окружающими стали очень сложными	32,4	17,3	32,6

Утверждения	В Рос- сии	Российские иммигранты	
		В Нью- Йорке	В Бос- тоне
2. Ваш сон прерывается кош- марами и бессонницей	27,7	17,3	34,9
3. Вы стали нервны и раздра- жительны	49,1	48,8	46,5
4. Каждый день преследуют мысли о работе	31,1	53,5	25,6
5. Вы потеряли способность что-либо решать	11,8	11,6	18,6
6. Вы думаете, что все поте- ряло ценность и жизнь более не интересна	14,9	4,7	14,0
7. Вы тяжело переносите трудности	33,7	25,6	48,8
8. Вы подвергаетесь критике и недоброжелательности со стороны окружающих	18,0	17,3	11,6
9. Бывает так, что Вы спорите, зная, что Вы неправы	28,5	32,6	9,3
10. Вещи вокруг Вас стали непонятными и странными	16,4	7,0	11,6
11. Вы испытываете ощущение бодрости	37,9	39,5	20,9

При анализе этой таблицы бросается в глаза близость данных по России и Бостону. С другой стороны, как и следовало ожидать, молодых иммигрантов постоянно преследуют мысли о работе (53,5%), они чаще спорят, зная, что они неправы и, конечно, ощущают бодрость в два раза больше, чем пожилые бостонцы. В целом, если и есть различия между россиянами и иммигрантами, то они не столь разительны как при анализе страхов и тревог, связанных с конкретными угрозами и опасностями, к анализу которых мы сейчас приступаем.

Прежде всего отметим, что россияне, безусловно, превосходят иммигрантов своими тревогами и страхами по всем позициям. Исключением является угроза захвата власти радикальными коммунистами (здесь у иммигрантов 39,6% и 51,1% против 21,6% у россиян), распространение неонацизма и насилия (соответственно — 55,8 и 58,2% против 17,7% в России), нашествие ислама (18,6% и 39,5% против 9,0% у россиян), геноцид 44,2% и 41,8% против 19,7 в России). Что касается терроризма, то у иммигрантов 44,2% и 48,9%, а у россиян 45,4%. Итак, отметим, иммигранты в отличие от россиян боятся геноцида, ислама, неонацизма и коммунизма.

Существенно отличаются россияне от иммигрантов своими страхами полного беззакония, криминализации, захвата власти экстремистами или мафией, ядерной войны, гражданских и этнических войн, нападением со стороны других государств. Так, нападения других государств в России боятся 21,8%, в Бостоне — 7%, а в Нью-Йорке — 0. Здесь, вероятно, сказывается почти отключенность тех, кто оказался за океаном, от реальных проблем, которые не могут игнорировать россияне.

Может быть, поэтому же иммигранты не очень обеспокоены и экологическими бедами, которые вызывают сильные тревоги и страхи в России. Природные бедствия, катастрофический неурожай, истощение природных ресурсов, химическое и радиационное заражение во-

ды, воздуха, продуктов, исчезновение лесов и животных, накопление отходов, глобальное потепление — все это заметно меньше тревожит новых американцев, чем россиян.

Иммигранты из всего перечня страхов и тревог лидируют по 4 показателям: геноцид, ислам, неонацизм и коммунизм. Т.е. если говорить по группам опасностей, их страхи в основном связаны с бедствиями, порождаемыми так называемыми враждебными силами (группа IV), где у россиян, напротив, самые низкие показатели, особенно по сравнению с социально-экономическими потрясениями (группа III) и экологическими катастрофами (группа II).

Попробуем подвести итоги.

1. Прежде всего нужно отметить, что по сравнению с данными по Советскому Союзу (1989-90 гг.) в современной России (1996 г.) процент тех, кто боится возврата массовых репрессий, вырос в 2 раза, тирании и беззакония в 3 раза, нищеты, криминализации, национальных конфликтов в 4 раза. Это свидетельствует о том, что катастрофичность сознания россиян катастрофически возросла в годы так называемых демократических реформ.

2. Уровень страхов и тревог у иммигрантов по всем показателям значительно ниже, чем у россиян. При этом такие показатели, как беззаконие, национальные конфликты, возврат к массовым репрессиям выше у тех, кто недавно прибыл в США и у кого, видимо, еще свежи воспоминания о современной жизни в России.

3. Что касается чисто психологических тревог, то здесь обнаруживается большое сходство между россиянами и пожилыми бostonцами. Молодых же иммигрантов в Нью-Йорке постоянно преследуют мысли о работе, они чаще спорят, сознавая, что они неправы. При этом у них, естественно, ощущение бодрости почти в два раза выше, чем у бostonцев.

4. Менее трети россиян уверены в своем будущем. В этом на них весьма похожи бostonцы и заметно отличаются от молодых иммигрантов в Нью-Йорке, у которых этот показатель в два раза выше.

5. Российские иммигранты испытывают более сильную тревогу и страх по поводу будущего России, чем по поводу своей социальной, этнической группы или по поводу жителей своего региона или своего поколения. Однако вряд ли их можно назвать патриотами, поскольку они озабочены этим в два-три раза меньше, чем россияне.

6. Конкретный анализ всего перечня страхов и тревог показывает, что существенно отличаются россияне от иммигрантов своими страхами полного беззакония, криминализации, захвата власти экстремистами или мафией, ядерной войной, гражданскими и межэтническими войнами, нападением со стороны других государств. Последнего боятся в России 21,8%, в Бостоне 7%, в Нью-Йорке — 0. Здесь, видимо, сказывается отключенность тех, кто оказался за океаном, от реальных проблем, которые не могут игнорировать в России. Из всего перечня страхов и тревог иммигранты сфокусированы на 4 показателях, по которым они и лидируют с большим отрывом: геноцид, ислам, неонацизм и коммунизм.

Глава 13 (В.Шубкин). Сюрпризы в исследовании

Если на минуту оторваться от цифр, таблиц, графиков, то что же можно сказать нового о страхах россиян? В чем они совпадают и в чем они отличны от стереотипов и привычных схем, распространяемых политологами, социологами, средствами массовой информации?

Поскольку аналогичных обследований в других странах не проводилось, и поскольку в нашей выборке более 90% русские, мы в качестве основы для сопоставлений попытались использовать некоторые данные, почерпнутые в одной из лучших книг последних лет по этим вопросам (К.Касьянова “О русском национальном характере”). Она привлекала нас не только теоретической позицией автора, опирающейся на сформулированное Эмилем Дюргеймом в своем труде “Элементарные формы религиозной жизни” позиции: “Общество основывается... прежде всего на идее, которую оно само о себе создает”. “К чему обычно апеллируют

при постановке каких-то общенародных задач? — пишет К.Касьянова. — К представлениям народа о самом себе: что он народ может, чего хочет. А это последнее представление обязательно включает в себя понятия не только о том, как должно данному народу жить (в смысле создания себе определенных условий быта и деятельности), но и о том, чему он должен служить, т.е. к чему он призван в общеисторическом мировом процессе, представления о котором также входят в культуру любого, даже самого малого по размерам, этноса”. (41)

Согласно развиваемой К.Касьяновой концепции, ценностная структура личности “погружена” в ее архетипы, а те элементы, которыми личность соприкасается с окружающим миром — “типичные действия” — и составляют ее этнический характер, лежащий в основе характера индивидуального. Для изучения социальных архетипов необходима разработка такой методологии, которая учитывала бы не только те ценностные ориентации, которые могут быть выявлены путем опроса, но и бессознательные структуры социальных архетипов, которые находятся за пределами вербальной сферы. Для получения таких данных автор книги использует тест ММРІ — Миннесотский многофакторный личностный опросник, который впервые был предложен в 1941 г. американскими учеными Хозевеем и Мак-Кинли и который был адаптирован к российским условиям.

Сопоставление американских и российских данных по одним и тем же переменным позволило констатировать разницу между нашей этнической культурой и тем эталоном, который постоянно принимается нашей русской интеллигенцией за выражение более высокой степени общечеловеческого развития, и которого мы вроде бы не можем полностью достигнуть в силу нашей извечной отсталости, дикости и неразвитости. Автор приходит к выводу, что наши этнические архетипы чрезвычайно устойчивы и главная наша культура в отличие от западноевропейской исходит из другого представления о мире и о месте человека в нем и потому (а не по причине незнания, неумения или неразвитости) задает другую модель поведения.

Так, анализируя шкалу Р (репрессия) как глобальную модель “ответа” на ситуацию, К.Касьянова рассматривает два главных принципа существования общества и культуры: либо изменение и приспособление к себе окружающей среды, либо сохранение ее и приспособление себя к ней. Первый принцип максимизируется сейчас в западноевропейской культуре; там человек борец, созидатель, преобразователь окружен благовейным почтением и эти его качества стали ценностью, эталоном. Мы же на уровне “социальных архетипов”, по видимому, реализуем второй принцип. Сознание нашего народа единодушно с православной религией, которая в отличие от протестантизма, видящего в труде смысл и предназначение человека в мире и главное средство очищения и созидания его души, отрицает за трудом такое значение.

“В целом, — пишет К.Касьянова, подводя итоги своего исследования русского характера, — перед нами предстает культура очень древняя и суровая, требующая от человека сильного самоограничения, репрессии своих непосредственных внутренних импульсов, репрессии своих личных, индивидуальных целей в пользу глобальных культурных ценностей. Все культуры в какой-то степени построены на таком самоограничении и на такой репрессии, без них нет культуры вообще. Но здесь важна так же и сама степень. В нашей культуре эта требуемая от человека степень необычайно высока.”

И затем, рассмотрев возможности нерепрессивной культуры, ориентированной на идеалы чувственные и гедонистические, не ограниченные никакой религиозно-моральной нормативностью, автор приходит к выводу, что это величайший соблазн и весьма опасно для современного мира. “Западная культура сделала всему миру “прививку” активности и динамичности, теперь она сама нуждается в “прививке”, которая бы подняла в ней ценность самоограничения”. Это требуется прежде всего в сфере экологии, где извечное равновесие между человеком и природой нарушено.

Из этой основополагающей черты характера произрастают и отношения русских ко многим угрозам и опасностям современной жизни.

Главным сюрпризом, безусловно, в том числе для исследователей, явились данные о том, что наибольшие тревогу и страх вызывают возможности экологических катастроф. Среди многих и в России, и на Западе распространено мнение, что россияне характеризуются весьма низким экологическим сознанием. Дескать, страна велика и обильна и поэтому население привыкло брать у природы сколько ему вздумается. Однако тот факт, что самой главной опасностью россияне признают химическое и радиационное заражение воды, воздуха и продуктов, что этот показатель страшит больше, чем нищета, что он выше, чем у иммигрантов в Бостоне и Нью-Йорке, опровергает эту точку зрения. Может быть, она и была справедлива несколько десятилетий назад. Однако после Чернобыля, после ряда других катастроф, кажется, ситуация изменилась.

Здесь полезно еще раз вернуться к ПРИЛОЖЕНИЮ с тем, чтобы подчеркнуть, что практически и по всем другим экологическим показателям страхи и тревоги россиян значительно выше, чем у иммигрантов. Выпишем их:

Действительно богатство природных ресурсов в России многие столетия стимулировало то легкомысленное, то хищническое отношение к ним. Теперь же, судя по серьезной обеспокоенности населения, в России начинает складываться новое экологическое сознание.

Патриотизм, насилие над человеком, насилие над природой

Экологические заботы оказываются в своеобразной связке с патриотизмом. К сожалению, за последние годы это понятие стало едва ли не ругательным. Его все время пристегивают то к тем, то к другим политическим движениям и в ходе межпартийной борьбы используют как оскорбительный ярлык.

Между тем быть патриотом — это совершенно естественное состояние нормального гражданина, который заботится о своей стране, своих соотечественниках, своей земле, воздухе, морях, озерах и реках. Уже из этого перечня видно, что патриотизм как бы накладывается на экологию страны, а в иных случаях почти совпадает с ней. Патриотизм — это не только предмет гордости.

Владимир Соловьев едко высмеивал такой патриотизм, основанный на демографическом зазнайстве. “Прислушиваюсь к разговорам, — свидетельствует Владимир Соловьев в 1898 году в статье “Россия через сто лет” после путешествия в вагоне второго класса пассажирского поезда Николаевской железной дороги. — Доказано наукою, — возглашает звучный баритон, — что Россия через сто лет будет иметь четыреста миллионов жителей, тогда как Германия только девяносто пять миллионов, Австрия — восемьдесят, Англия — семьдесят, Франция — пятьдесят. А потому...” (42)

Высмеивая эти некорректные расчеты, основанные на экстраполяции данных восьмидесятых годов прошлого века, автор продолжает: “Для человека, не покупающего свой духовный хлеб готовым в какой-нибудь булочной, а вырабатывающего его собственным трудом, какие мучения приносит хотя бы, например, чувство патриотизма! Если вы не верите, чтобы патриотам мог доставлять действительные мучения, я согласен выразиться мягче, — скажу мучительные тревоги. В каком состоянии находится отечество? Не показываются ли признаки духовных и физических болезней?”

Изглажены ли старые исторические грехи? Как исполняется долг христианского народа? Не предстоит ли еще день покаяния? — Все это только варианты двух роковых вопросов, в корне подрывающих наивный и самоуверенный оптимизм “почтеннейшей публики”. (43)

И автор решительно выступает за патриотизм — размышляющий и тревожный. Именно такой патриотизм сегодня является основой для возрождения России — дела, к которому весьма равнодушны миллионы россиян.

Только 25% иммигрантов считают, что религия играет важную или очень важную роль в их жизни. Что касается россиян, то 59,4% относят себя к православным. При этом 54,4% считают, что их вера помогает им преодолевать страх перед опасностью, которой они боятся больше всего.

Здесь, конечно, легко впасть в соблазн некритического отношения к результатам опроса. Возможно, некоторые считают себя верующими без серьезных оснований. Но то, что они стали об этом задумываться, дает основание надеяться, что они из тех, кто свой духовный хлеб вырабатывает собственным трудом, что они из патриотов размышляющих и тревожатся о своей Родине.

Всегда, когда сталкиваюсь с разницей в вере на Западе и в России, приходит в голову мысль, что дело-то в том, что христианство на Западе само умирает, а в России было насильственно убито. Потому оно и возрастает теперь так быстро. А там, где оно своей смертью умерло, — там надежды нет.

Таблица 1
Политические предпочтения россиян и
иммигрантов “это мне наиболее близко” (в %)

	В Рос- сии	У российских имми- грантов	
		В Нью- Йорке	В Бостоне
1. Партии и движения, отстаивающие идеалы социализма	27,7	9,3	18,6
2. Партии и движения, отстаивающие курс на продолжение рыночных реформ и включение России в мировое сообщество	51,7	62,8	62,8
3. Партии и движения, выступающие за восстановление России как великой державы	69,7	23,3	18,6

Ведь если чем-то решительно отличаются россияне от своих бывших сограждан, проживающих ныне в США, то заботой о восстановлении России как великой державы. Процент респондентов по этому показателю превышает процент иммигрантов в Нью-Йорке в три, а в Бостоне почти в четыре раза. И, конечно, здесь не следует забывать и данные, на основе которых был сделан вывод о том, что тот, кто тревожится об экологии своей страны не де юре, а де факто является патриотом.

“Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастий размышляй...” — говорил Екклесиаст. Может быть, потом, что так много на Руси дней несчастий здесь раньше других философы серебряного века стали размышлять о единстве социума и природы. В нем находит отражение и то космическое сознание, которое в отличие от рационалистического, индустриального было более свойственно русским мыслителям. А известно, что русский космизм “альтернативен” социоцентризму. “Русская самобытная философия, — писал А.Ф.Лосев, — представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным гасио и восточнохристианским, конкретным богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижения иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом”.

Современную эпоху многие мыслители называют реставрационной. В самом деле она, прежде всего, является постиндустриальной, характеризуется экологическими прозрениями и запретами на безудержный технологический активизм. Но она же является и посттоталитарной, связанной с культурологическими прозрениями и запретами на революционарист-

ские эксперименты с обществом. “Раньше всех соответствующие предостережения сформулировала причем на достаточно рафинированном научном языке русская культура серебряного века. По сути, она совершила попытку российской цивилизационной альтернативы западным принципам жизнестроения, породившим крайне жесткие промышленные и политические технологии, эгоистично не рассчитанные на завтрашний день человечества”. (44)

Большая часть наших респондентов, скорее всего, не очень разбирается в рафинированном научном языке русской культуры серебряного века. Но то, что сегодня среди них наибольшую тревогу и страх вызывают эти проблемы, что начинает все более отчетливее проявляться новое экологическое сознание — все это дает основания полагать, что предвосхищения русских философов не только вызывают возросший интерес среди ученых мужей, но и все больше проникают в народную массу.

Сейчас, после конца холодной войны, глобальные проблемы существования человечества все еще не осмыслены и не решены. Мир вновь на распутье. Только очень недалекие люди могут считать, что правда на стороне победителя. Перефразируя Симону Вейль, можно сказать, что истина, как и справедливость, всегда беглянка из стана победителей. И совсем не очевидно, кто сегодня предложит человечеству выход из тупика, в который оно само в очередной раз загоняет себя. Кто знает, может быть России, сполна испытавшей в XX веке все мыслимые и немыслимые страдания и беды, цена которым десятки миллионов жизней, суждено предложить миру новую цивилизованную альтернативу — понимание, что, наряду с проблемой ликвидации тоталитаризма, политического насилия над человеком, сегодня будущее нашей планеты определяется, преодолевающей эгоизм людей, нации, стран, борьбой всего человечества с индустриальным насилием над природой.

Так что же лучше: насилие над человеком или насилие над природой? Оба хуже, но насилие над природой не оставляет никаких надежд. Горбатого лишь могила исправит. И это будет могила всей нашей планеты.

Глава 14 (В.Ядов). Структура и побудительные импульсы тревожного сознания

Предметом нашего исследования является катастрофическое сознание. Но сущность и рамки этого феномена требуется уточнить, опираясь на фактические данные. В какой мере мы сталкиваемся с эффектом повышенного невротизма (например, страх перед нашествием инопланетян) и социальной тревожностью, имеющей реальные основания в сегодняшней жизни? Что, собственно, следует отнести к катастрофизму в массовом сознании, а что — к иным его состояниям (например, тревожности, озабоченности)? Какова латентная структура массовых страхов и тревог? И, наконец, какие действия для самосохранения (защиты себя и других) от разного рода опасностей люди предпринимают или намерены предпринять? Программа исследования предусматривала возможность поиска ответов на эти вопросы, хотя бы в первом приближении¹.

Эпидемия социальной тревожности

Предполагалось, что в известной мере беспокойства и страхи могут быть вызваны повышенным уровнем индивидуального невротизма. В современном мире, в индустриальных, урбанизированных обществах невротизм становится нормой. Но даже если это и так, то всегда найдутся более или менее уравновешенные люди, которые адекватно реагируют на окружающее, и такие, которые видят опасность там, где психически уравновешенный человек ее не усматривает. Поэтому правомерен вопрос: насколько тревоги и беспокойства, связанные с реальными или предположительными (иногда и воображаемыми) угрозами, объясня-

¹ Обработка данных выполнена В.А.Тупиковым, предварительный анализ по первому разделу проведен И.В.Задориным.

ются общеличностной, индивидуальной тревожностью людей. Последняя фиксировалась стандартным тестом общей обеспокоенности (General anxiety): бессонница, низкая самооценка, неадаптированность к ситуации versus, уверенность в себе, ощущение бодрости и т.п. (табл.1).

62,5% опрошенных в нашей выборке могут быть отнесены к умеренно тревожным: 50% из них сообщают, что стали раздражительны, 27,7% – что страдают бессонницей, 35% – что не испытывают чувства бодрости и т.д., а иные испытывают некоторые из этих состояний одновременно. Около 20% ощущают полный или почти полный синдром, диагностирующий высокую общеличностную тревожность.

Таблица 1
Распределение по тесту общей тревожности

	min ← значения теста → max									
N	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
%	17,9	17,0	19,3	14,7	11,6	8,2	6,0	3,1	1,3	0,9
%	17,9	62,5				19,6				
Тип	Норма	Несколько тревожные				Высокотревожные				

Большинство опрошенных утверждают, что начали испытывать беспокойство и страхи с началом реформ (23%) или в последние годы (48%). Около 20% испытывали беспокойства “с момента, когда начали задумываться над жизнью”, — это те же 20% страдающих высокой общеличностной тревожностью.

Высокая тревожность по индексу катастрофизма В.Н.Шубкина (то есть опасения конкретных социальных и природных событий), равно как и по тесту общей тревожности, более явно выражена в группе лиц 40-49-летнего возраста и старше 60 лет, а также у женщин в сравнении с мужчинами и у лиц с низким уровнем образования. Иными словами, тревоги в восприятии реальности выше у наименее адаптируемой части населения, менее защищенной в силу материального и физического состояния и с относительно меньшим информационным потенциалом.

Проверялась гипотеза: насколько страхи и обеспокоенность людей различными проблемами связаны с их представлениями о том, что теми же проблемами обеспокоены и другие. Иными словами, можно ли сказать, что исследуемая нами тревожность (катастрофизм) переживается, ощущается людьми как явление *социальное*, а не как их особое, индивидуальное состояние.

Коэффициент сопряженности для признака “В какой мере перечисленные ниже бедствия кажутся опасными лично для вас и ваших близких?” (это довольно опасно; очень опасно, это губельно; затрудняюсь ответить) и признака “Как вы думаете, как много людей обеспокоены перечисленными ниже опасностями?” (весьма немногие; достаточно много; большинство людей; затрудняюсь ответить) по всем классам опасностей – социально-экономических, экологических, вызванных глобальными силами зла и т.д., – значим на уровне 0,001% и колеблется в пределах 0,41-0,44². Такие же связи получены для таблиц сопряженности: представление об опасностях лично для себя versus опасностях для себя и своих близких – от 0,39 до 0,42 (p<0,001); представления об опасностях лично для себя versus насколько другие люди опасаются того же самого” – от 0,39 до 0,45 (p<0,001).

Например, более 50% из тех, кто сообщает, что их лично очень тревожат неожиданные природные, или экономические, или политические бедствия, считают, что то же самое тре-

² Коэффициенты Пирсона 0,35-0,41 и Кендалла 0,29-0,37 при p<0,001.

возит большинство людей, 30% полагают, что это тревожит достаточно многих граждан. Из тех, кто считает достаточно вероятными экологические бедствия, 43% полагают, что этим же обеспокоено большинство, и 12% — многие. И, напротив, люди, которые не испытывают особого беспокойства или затрудняются определить свое отношение к этим проблемам, полагают, что и другие мало обеспокоены или же, как и они, не могут выразить своего определенного отношения. Из тех, например, кто не знает, насколько вероятны упомянутые в опросе опасности, около 30% не знают, обеспокоены ли этим другие, 30% считают, что этим обеспокоены немногие. Зона неопределенности составляет здесь около 60%. Для тех же, кто выражает явное беспокойство, зона неуверенности в обеспокоенности других сужена до 30-40%.

Из этого краткого анализа можно сделать следующие выводы: немалая часть населения (в среднем двое из десяти человек) страдает повышенной общеличной тревожностью, усугубляемой социально-экономической нестабильностью, хотя истоки их невротизма глубже и должны быть объяснены фактами их биографии. Кроме того, до 70% опрошенных обнаруживают более или менее выраженное состояние социальной тревожности. Свои страхи и беспокойства, в отличие от первой группы, они считают типичными для многих других или для большинства населения и прямо связывают с реформами и нестабильностью общества в наше время. Следовательно, мы имеем дело с проявлениями именно *социальной, эпидемиологической тревожности* в том смысле, что она порождается в качестве массового явления как социально обусловленная эпидемия страхов и беспокойств.

Катастрофическое и депривированное сознание

Насколько уверенно можно утверждать, что предмет нашего исследования — катастрофическое сознание? В.Э.Шляпентох в своей теоретической разработке проекта (рукопись) отмечает, что в узком смысле катастрофизм связывается с природными бедствиями, например, массовым исчезновением биологических видов или вторжением космических объектов [1]. В социальной жизни разрушительные события воспринимаются таковыми в рамках определенной системы ценностей. Так, для одних распад СССР — национальная катастрофа, для других — праздник независимости России. Во всяком случае, ощущение катастрофы — *это восприятие жизненного пространства как непригодного для жизни.*

Здесь мы вынуждены обратиться к теории относительной депривации [2]. Исходный принцип депривационного подхода состоит в анализе величины разрыва между желаемым и достигнутым с учетом потребностей человека или группы населения. Понятно, что все элементы формулы относительной депривации многозначны. Потребности детерминированы социокультурно, связаны с общественным положением, зависят от личностных притязаний. Желаемое испытывает те же влияния и во многом определяется социально-статусными, региональными и иными формами дифференциации, неравенства в условиях жизни, а также их оценкой как легитимных или нелегитимных. Оценка достигнутого опять-таки зависит от уровня и социальных, и индивидуальных притязаний. Критериальным в нашей культуре является несомненное доминирование ценности социальной справедливости, правда, понимаемой по-разному.

Как показано в публикуемой выше статье В.Н.Шубкина, в некоторых регионах страны ощущение катастрофизма, тревожности массового сознания заметно выше, чем в других, ибо люди сравнивают положение в своем регионе с положением в других и полагают это несправедливым.

В отличие от угрозы относительной депривации, *угроза депривации абсолютной связана с невозможностью обеспечения элементарных жизненных потребностей.* Уровень абсолютной депривации оценивается расчетами нормативов жизнеобеспечения. В нашем же случае — это субъективные оценки опасностей, угрожающих жизни. Так, ленинградские блокадники не соотносили свое положение с положением других по критерию справедливости,

страдающая от абсолютной депривации. Ощущение катастрофы близко к состоянию абсолютной депривации, то есть восприятию наличных условий как угрожающих самой жизни. Под этим углом зрения мы и рассмотрим латентную структуру тревог и страхов, переживаемых населением России.

Латентная структура тревожного сознания

Помимо ответов на вопросы, насколько люди обеспокоены теми или иными опасностями из 43 поименованных позиций, интервьюер просил респондента указать лишь одно бедствие, наиболее вероятное и наиболее страшное (табл.2).

Таблица 2

Самые опасные бедствия, открытый вопрос

Явление:	% ответов
ядерная война	14,6
снижение жизненного уровня, обнищание	9,9
гражданские и межэтнические войны	9,3
массовая безработица	7,7
химическое и радиационное заражение среды	7,4
полное беззаконие, криминализация общества	7,3-6,4
массовые эпидемии, СПИД	5,1
терроризм, опасность захвата власти экстремистами	2,7

Таблица 2а

Наименее вероятные бедствия, открытый вопрос

Явление:	% ответов
космическая катастрофа	10,8
нашествие ислама	5,6
сионизм и еврейский заговор, масонство	4,8-3,7
исчезновение белой расы	3,1
осознание бессмысленности жизни	2,7
перенаселение планеты	2,5

Имея в виду эту статистику, но, опираясь на данные ответов в закрытой форме, рассмотрим, какова структура социально-тревожного сознания, то есть как взаимосвязаны тревоги и беспокойства относительно 43 перечисленных в анкете возможных и реально переживаемых бедствий.

Обратимся к данным факторного анализа (Приложение, табл.7).

Первый фактор ($V=24,4\%$) вообрал в себя с положительными нагрузками все 43 наименования источников тревог и беспокойств и может быть назван фактором *общей тревожности*. С наибольшими нагрузками в нем лидируют тревоги относительно загрязнения и разрушения среды обитания: уничтожения лесов (0,60), химического отравления среды (0,60), скопления радиационных отходов (0,59), уничтожения животного мира (0,59), а также опасения массовых эпидемий (0,59), истощения природных ресурсов (0,56), глобального потепления климата (0,55) и т.д.

В числе страхов и беспокойств с достаточно высокой нагрузкой (более 0,50) в общем факторе мы находим: захват власти экстремистами или мафией (0,56), геноцид (0,51), полное беззаконие (0,52) и утрату чувства коллективизма (0,52).

Страх перед угрозой самой жизни в этом последнем синдроме оказывается в одном ряду с опасениями утраты одной из главных социальных ценностей — взаимопомощи, взаимной поддержки. Наименьшими нагрузками в общем факторе обладают беспокойства в связи с возможностью прихода к власти радикальных коммунистов (0,20), нашествием ислама (0,34), захватом власти инопланетянами (0,38). Ни одно из этих опасений не попало в список наиболее возможных, наиболее опасных (табл.2).

Второй фактор, биполярный ($V=6,7\%$), обнаруживает две подструктуры связей. С достаточно высокими положительными нагрузками в него входят опасения, вызываемые: захватом мира масонами (0,63), еврейским заговором (0,63), нашествием ислама (0,59), распространением неонацизма (0,42), исчезновением белой расы (0,37), — то есть страхи, порождаемые ксенофобией.

Противоположный полюс в этом факторе составляют беспокойства, вошедшие в фактор с относительно невысокими отрицательными нагрузками и вызываемые: опасностью химического и радиационного заражения (-0,32), уничтожением лесов (-0,30), массовыми эпидемиями (-0,29), уничтожением животных (-0,27), истощением природных ресурсов (-0,27), глобальным потеплением климата (-0,27). Это — полюс рациональных опасений за сохранение среды обитания человека (и человечества).

Очевидно, что данный фактор поляризует подструктуры беспокойств и тревог, провоцируемых относительной депризацией идеологизированного сознания в противоположность беспокойствам, связанным с достаточно прагматическими опасениями относительно загрязнения среды обитания человека и сохранения природы — опасениями абсолютной депривации. Назовем этот фактор *“ксенофобия — экологическая тревожность”*.

Третий фактор ($V=5,3\%$) поляризует следующие две подструктуры: страх перед ядерной войной (0,45), концом света (0,48), нападением соседних государств (0,41), стихийными бедствиями (0,34) и космической катастрофой (0,33). Очевидный полюс катастрофизма. С высокими отрицательными корреляциями в этом факторе присутствуют: коррупция властных структур (-0,51), криминализация общества (-0,48), снижение жизненного уровня (-0,35), полное беззаконие (-0,31) и... кризис семейных ценностей (-0,26).

Данный фактор с полным основанием можно назвать фактором собственно *“катастрофизма”*. Оба его полюса выражают страх перед угрозой самой жизни. Эти угрозы поляризованы на исходящие от природных или космических сил и социогенные. Заметим, что в ряду последних, правда, с небольшой нагрузкой, — кризис семейных ценностей.

Четвертый фактор ($V=3,8\%$) включает с положительными нагрузками: опасения перед терроризмом (0,31), гражданскими и межэтническими войнами (0,30), нападением извне (0,31), захватом власти экстремистами (0,29) и массовой безработицей (0,24). С отрицательными нагрузками в этом факторе лидируют: возникновение озоновых дыр (-0,40), глобальное потепление климата (-0,36), уничтожение лесов на планете (-0,35), уничтожение животных (-0,37), природных ресурсов (-0,22), химическое (радиационное) заражение (-0,23), скопление отходов (-0,22), приход к власти радикальных коммунистов (-0,24).

Это, видимо, фактор, который поляризует подструктуры страхов перед насилием и уничтожением против страхов перед уничтожением среды обитания, к коим присовокупляются беспокойство в связи с возвратом к тоталитаризму: фактор *“терроризм — экологическая катастрофа”*. Этот фактор мы можем отнести к подструктуре катастрофического сознания.

Пятый фактор ($V=3,6\%$) включает с положительными нагрузками: страх перед геноцидом (0,43), захватом земли инопланетянами (0,35), диктатурой и массовыми репрессиями (0,37), распространением неонацизма (0,20) и с отрицательными нагрузками: неверие в бога (-0,37), американизация жизни (-0,36), преобладание иммигрантов (-0,34), приход к власти

радикальных коммунистов (-0,34)³, утрата чувства коллективизма (-0,34), осознание бессмысленности жизни (-0,22). Назовем его фактором “*тоталитаризм — русская самобытность*”. Это фактор, поляризующий страхи перед возможной кровавой диктатурой и страхи утраты исконно русских ценностей. То есть в нашей концепции — фактор относительной депривации, поляризованный разными системами ценностей.

Шестой фактор ($V=3,2\%$) поляризует страхи перед осознанием бессмысленности жизни (0,40), давлением иммигрантов иной культуры (0,33) и космической катастрофой (0,22) versus страхов перед сионизмом (-0,27), нашествием ислама (-0,25), масонством (-0,22), неонацизмом (-0,22), ядерной войной (-0,22), химическими заражениями (-0,22), истощением природных ресурсов (-0,22). Это фактор поляризации двух комплексов катастрофизма – краха духовного versus краха и физического и духовного, то есть фактор *максимизации катастрофического сознания*.

Общая структура социально-тревожного сознания, если судить по описанным факторам, исчерпывающим 43,8% вариаций факторной матрицы, представляется следующей. Страхи перед загрязнением природной среды, угрозой самой жизни вследствие беззакония и преступности — системообразующее ядро *социальной тревожности*. Ксенофобия на одном полюсе и боязнь природных катастроф — на другом (второй фактор) выявляют подструктуру обостренной *социальной тревожности*, возбуждаемой по принципу взаимного отторжения: либо я боюсь природных катастроф и равнодушен к ксенофобии, либо я боюсь заклятых врагов чуждой веры или национальности (цвет кожи и т.д.), что отодвигает на второй план страхи перед стихийными бедствиями.

В структуре собственно *катастрофизма* поляризуются страхи перед концом света (ядерная война, космические катастрофы) и страхи перед угрозой криминализации общества и обнищания. Озабоченность повседневными проблемами отодвигает на второй план озабоченность судьбами человечества. Это поляризация двух типов идентификаций — с ближайшим социальным окружением и с человечеством как глобальной общностью. Статистически последний тип солидарности в нашей выборке представлен минимально.

Фактор поляризации “*тоталитаризм — русская самобытность*” (пятый фактор) есть, как мы думаем, фактор относительной депривации, ибо прямо связан с ценностными позициями людей, их ориентациями на идеалы демократии или ценности патриотизма, каковые (те и другие) находятся под угрозой. В последнем, шестом, факторе мы имеем подструктуры максимизации катастрофического сознания ($V=3,2\%$), его обнаженный нерв. Безумные страхи на одном полюсе (бессмысленность жизни, космическая катастрофа) противостоят столь же обостренным страхам перед гибелью российской культуры и экологической катастрофой⁴.

Вращение факторов методом VARIMAX проясняет описанную структуру, не меняя ее природы. Отвечая на вопрос, какое же сознание мы исследуем, можно заключить:

- мы регистрируем социально-тревожное сознание, в структуре которого катастрофизм как ощущение опасности для самой жизни играет не последнюю (но и не первую) роль;
- катастрофизм — это подструктура тревожного сознания, питающая его в большей мере опасениями природных катастроф, беззаконием, обнищанием и угрозой войн, нежели страхами, связанными с идеологизированной картиной социального пространства;
- ксенофобия составляет слабую подструктуру национального самосознания, но утрата коллективизма, как и кризис семейных ценностей, представляются многим гражданам

³ Приход к власти радикальных коммунистов вошел в два фактора с сильными нагрузками. В четвертом факторе эти страхи входят в экологический синдром и свидетельствуют об антикоммунистических установках тех, кто особенно озабочен состоянием природной среды обитания (это — преимущественно жители городов, а также более квалифицированные и более образованные). В пятом факторе страх перед радикальными коммунистами сопряжен с опасениями утраты национальной самобытности, то есть след реакции на атеистическую пропаганду и лозунг интернационализма.

⁴ Убедительно подтверждается заключение В.Н.Шубкина о глубинной связи патриотизма и озабоченности сохранением природных ресурсов страны.

России (40-60% опрошенных) столь же разрушительными, как уничтожение природной среды обитания;

- в концепциях относительной и абсолютной депривации наблюдается доминанта страхов перед абсолютной депривацией, то есть угрозами самой жизни в большей мере, чем жизни достойной, желаемой. Иными словами — самосохранительные установки на выживание определенно господствуют.

Страхи, тревоги и беспокойства как побудители к действию

В какой степени обеспокоенность той или иной опасностью или угрозой побуждает к действиям, направленным против этой угрозы? В качестве показателя уровня обеспокоенности различными угрозами примем сопряженность между ответом на вопрос “В какой мере вы уверены в своем будущем?” (вполне уверен, скорее уверен, скорее не уверен, совершенно не уверен и отсутствие ответа) и уровнем обеспокоенности каждой из 43 поименованных выше опасностей. Наименьшие значения коэффициента (0,10-0,15) получены для таких угроз, как: нашествие ислама, масонство, сионизм, угроза исчезновения белой расы, захват Земли инопланетянами, перенаселение городов и некоторые другие. Наибольшие ассоциации с неуверенностью в своем будущем фиксируются в отношении страхов массовой безработицы (0,31), снижения жизненного уровня (0,28), американизации жизни (0,26), утраты чувства коллективизма (0,25), криминализации общества (0,23). Неуверенность в своем будущем сопряжена с экологическими тревогами на уровне 0,16-0,19⁵.

Приведем статистику распределения ответов на вопросы о характере действий для упреждения тех угроз, которые названы как наиболее вероятные и страшные. Первый вопрос — проективный (табл. 3), второй — установка готовности (табл. 4) и третий — установка действия (табл. 5). Иными словами, мы предложили своего рода “воронку” установочных “готовностей”.

Таблица 3

Ответ на вопрос:

Если это (то есть, по вашему мнению, особо опасное) бедствие все-таки произойдет или уже произошло, то как вы будете себя вести ?

(% к N=1346)

Буду или уже предпринимаю какие-то меры, чтобы предотвратить или ослабить эту опасность	41,3
Считаю, что от моих действий ничего не зависит	58,7

В проективной ситуации отношение терпеливых фаталистов к обеспокоенным и действующим составляет 6:4, но в двух других ситуациях соотношение оборачивается в пропорцию 3:7 и теперь уже — в пользу намеренных действовать или уже предпринимающих какие-то меры для самосохранения.

При этом действующих за себя и своих близких почти в 10 раз больше, чем действующих не только за себя, но и за “незнакомых других”, за некоторые сообщества или общество в целом: 70% не принимают коллективных действий против наиболее опасной угрозы и не высказывают намерений что-то предпринять в общенародных интересах. Напомним, что в ряду особо опасных не было названо каких-либо фантастических угроз (табл.2).

⁵ Все коэффициенты значимы на уровне $p \leq 0,01-0,03$.

Вряд ли такой результат говорит об отсутствии чувства коллективизма, ибо, как мы знаем, утрата чувства коллективизма переживается нашим народом исключительно остро. Скорее всего, основная причина отсутствия намерений к солидарным действиям против наиболее опасных угроз — неверие в способность рядового гражданина даже коллективными действиями повлиять на изменение общей ситуации в стране, то есть недоверие к

Таблица 4

Ответы на вопрос:

“В какой мере вы лично готовы предпринять или уже предпринимаете какие-то усилия, чтобы обезопасить себя от угрозы, представляющей вам наиболее вероятной и наиболее опасной?”

(в % к N = 1346)

Действия	Я уже это делаю	Я намерен (а) так поступить	Это не для меня
Все возможные меры для ограждения себя от этой опасности	40,2	30,6	29,2
Все, что от меня зависит для предотвращения этой опасности для близких	37,9	35,8	26,4
Все возможное для предотвращения этой опасности для нашего народа	4,6	25,9	69,5
Объединяюсь с другими, кто также видит эту опасность и принимает меры к ее предотвращению	7,5	24,9	67,7
Полагаю, что надо просто перетерпеть опасности и лишения	23,6	10,4	66,0

Таблица 5

Ответы на вопрос:

“Предпринимаете ли вы что-нибудь для того, чтобы предотвратить наиболее вероятную и наиболее опасную, с вашей точки зрения, угрозу или для того, чтобы смягчить ее последствия?”

(в % к N = 1346)

Действия	%
Обсуждаю с родными и знакомыми	53,1
Пытаюсь организовать друзей, соседей	3,1
Стараюсь обратить на эту угрозу внимание властей	1,6
Обращаюсь к средствам массовой информации	0,2
Полагаю, что это не моя забота	8,1
Считаю, что все бесполезно, ничего сделать нельзя	30,3
Другое	3,7

органам государственной власти. Именно они, по общему мнению, призваны гарантировать от обнищания, преступности, уничтожения среды обитания, обеспечить сохранение нацио-

нальной культуры и защиту от внешнего врага. Если же взглянуть на данные о действиях, направленных на упреждение вполне конкретных опасностей, то нетрудно заметить следующее: чем выше способность собственного контроля за ситуацией повседневной жизни, тем выше уровень личной активности для упреждения угрозы, что вполне объясняется и здравым смыслом, и теорией.

Доказательства этого утверждения: для предотвращения угрозы безработицы не намерены что-либо предпринимать 14%, в подавляющем большинстве — пожилые люди. В попытках возместить недостаток средств к существованию полностью пассивных нет вообще; готовых просить подаяние — 8% (малоквалифицированные и пожилые); готовых продавать вещи или жить на средства родственников без максимизации собственных усилий, иждивенцев — нет.

Все остальные активно предпринимают самые разные меры: прирабатывают — 22%, намерены прирабатывать — 46%, получают доход по денежным вкладам или намерены это делать — 30%, пользуются продуктами от своего земельного участка — 70%, планируют это делать — 12%.

Действия для предохранения от преступности и загрязнения среды также достаточно активны, но прежде всего и главным образом самозащитные, не коллективные (табл. 6).

Из таблицы видно, что соотношение фаталистов и активно настроенных или уже действующих опять же 3:7 в пользу активных. Готовых к солидарным действиям — около трети.

Итак: пассивность и фатализм в отношении невзгод, даже тех, что могут быть как-то ослаблены собственной активностью, свойственны примерно 1/3 граждан (в основном это более пожилые люди); чем выше вероятность личного контроля над повседневной жизнью, тем выше поведенческая готовность к действию; чем ниже такая вероятность (например, угроза атомной войны), тем ниже готовность к действию; люди в большинстве своем склонны опираться на собственные, индивидуальные усилия, не готовы к солидарным действиям для предотвращения угроз и опасностей, что вытекает из отсутствия доверия к власти, способной прислушаться к мнению граждан, и/или объясняется отсутствием общенациональной солидарности; неуверенность в собственном будущем сопряжена почти в равной мере с обстоятельствами, которым люди могут как-то противостоять (угроза безработицы, низкие доходы), и с обстоятельствами, которым они противостоят, по их мнению, бессильны: загрязнение среды, преступность, возможность межэтнических конфликтов, ядерной войны, разрушение национальных ценностей, “американизация жизни”, утрата чувства коллективизма и т.д. Отсюда следует прогноз высокого уровня социальной тревожности на весь период до начала стабилизации экономики и социальных институтов.

Таблица 6

Ответы на вопрос:

“В какой мере вы лично готовы предпринять или уже предпринимаете какие-то усилия, чтобы обезопасить себя от преступности / от загрязнения окружающей среды?”

(в % к N = 1346)*

Действия	Я уже это делаю	Я намерен (а) так поступить	Это не для меня
Все возможные меры для того, чтобы обезопасить себя от этой опасности	40,2 42,9	30,6 30,8	29,2 26,3

Все, от меня зависящее, чтобы предотвратить эту опасность для близких	37,9 39,7	35,8 34,8	26,4 25,5
Все возможное, чтобы предотвратить эту опасность для нашего народа	4,6 9,6	25,9 28,7	69,5 61,7
Объединяюсь с другими, кто также видит эту опасность и принимает меры для ее предотвращения	7,5 8,3	24,9 25,3	67,7 66,4
Полагаю, что надо перетерпеть опасности и лишения	23,6 20,8	10,4 9,8	66,0 69,4

* Верхняя строка — проценты, выражающие отношение к преступности, нижняя — к загрязнению среды.

Динамика страхов в России в конце XX века.

Глава 15 (В.Иванова, В.Шубкин). Динамика страхов в России в конце XX века. (По материалам социологического исследования 1998 г.)

По мере приближения к третьему тысячелетию множится число предсказателей и пророчеств о будущем человечества. В “Известиях” (№38 за 1998 год) с весьма любопытной статьей выступил Александр Бовин, который на этот раз подписался не как политический обозреватель, а, подчеркивая научный характер своей статьи, как академик РАЕН.

А.Бовин пишет: “Впереди, пусть извинят меня физики, нас ждет мир Ньютона, когда история станет единой и когда исторические часы во всех культурах будут показывать одно время”. Рассматривая два измерения современного кризиса: первое — отношения между социальными группами, второе — отношения между Культурой и Природой, автор делает вывод: “Я бы рискнул предположить, что в XXI столетии люди научатся не только гасить уже возникшие конфликты, но и предотвращать их”. Что же касается конфронтации Культуры и Природы, то автор признает, что “с усердием маньяков мы продолжаем рубить сук, на котором сидим...”. Следовательно, чтобы выжить, чтобы решить задачу номер один XXI века — обеспечить мирное существование человека и окружающей среды, обеспечить устойчивое равновесие между ними, чтобы — вспомним Вернадского — добраться до неосферы, необходим прорыв к новой технике, переход к новому технологическому укладу”. Как обеспечить этот “прорыв”, автор не указывает.

И заканчивает Бовин на оптимистической ноте. “Преодоление кризиса цивилизации, с которым мы вступим в третье тысячелетие, не заложено в генах истории. Но возможность выйти из кризиса, перейти на новый уровень цивилизации, несомненно, есть”. Из этого “несомненно есть”, видимо, и родился бодрый заголовок статьи “В XXI веке жить станет проще”. Не претендуя на ответ на эти весьма сложные вопросы жизни человечества, посмотрим теперь, как россияне оценивают свое настоящее (в какой-то мере и ближайшее будущее), какова динамика их страхов и тревог в конце XX века, какие “гены истории” отложились в них. Нет, не для того, чтобы грубо экстраполировать их на XXI век. Просто представить себе, с каким социальным и психологическим багажом вступят соотечественники в третье тысячелетие.

* * *

Как отмечалось выше, в 1996 году были проведены массовые обследования (интервью) по проблемам катастрофического сознания россиян, охватывающие всю территорию страны [1]. Уже тогда, в 1996 году мы подчеркивали необходимость проанализировать катастрофическое сознание не только в статике, но и в динамике. Актуальность такого анализа в огромной степени возрастает в последние годы второго тысячелетия. Для глубокого и корректного анализа российских данных необходим не только мониторинг, но и сопоставление данных с результатами аналогичных исследований в других странах. Только благодаря таким сравнениям можно выявить, кто мы, откуда, каковы субъективные мотивы поведения индивидов и социальных групп в критической ситуации. Сейчас, когда проведены исследования в ряде стран [2], такой сравнительный анализ становится реальным.

В 1998 году проблема, связанная с выборкой, осложнилась. При сокращении финансирования, мы, естественно, не могли охватить все пять метарегионов. Пред нами стояла задача отобрать два метарегиона. При изучении интенсивности географии страхов, нами было установлено, что метарегион Юг и Юго-Запад являются лидерами по числу тревог и страхов (Юг и Юго-Запад — по 31, Центр — 8, Сибирь и Дальний Восток — 5, Поволжье и Урал — 1, Север и Северо-Запад — 0). Исходя из этих данных, было принято решение взять крайние, полярные метарегионы Юго-Запад, который лидировал по 31 показателю и Северо-Запад — 0. В этих двух метарегионах структура выборки была та же, что и в 1996 году. Плановый объем выборки — 310 человек. Реальный объем выборки составил 310 респондентов. В обработку были включены все анкеты. Все дальнейшие расчеты представлены исходя из данного количества респондентов. Эти ограничения необходимо учитывать и при интерпретации результатов.

1998 год в сравнении с 1996 годом

При проведении обследований в 1996 году нам было очевидно, что в связи с проведением выборов Президента, которые состоялись летом, а подготовка к ним шла, по сути, с начала 1996 года, мы неизбежно получим деформированные результаты, в которых отразится “промывание мозгов” через средства массовой информации. Учитывая это, мы пытались добиться получения более чистых результатов, проведя исследование в три этапа: 1/3 респондентов интервьюировались до начала избирательной кампании, другая — между первым и вторым турами, и, наконец, третья — опрашивалась после завершения избирательной кампании. Команда Ельцина добивалась своих целей не жалея сил, долларов и рублей, ибо речь шла буквально о жизни и смерти, поскольку поражение Ельцина означало для членов его команды потерю своей собственности, своих властных позиций, а может быть и перспектив существования в этой стране.

Цель, которую ставили перед собой Ельцин и поддерживавшие его “олигархи”, была достигнута. Однако после победы Ельцина, то есть при переходе от второго этапа к третьему, начинается откат, массовое разочарование, рост страхов и тревог, в том числе по самым существенным показателям: химическое и радиационное заражение земли, воздуха, продуктов, снижение жизненного уровня, полное беззаконие, криминализация, массовая безработица, коррупция властных структур, гражданские и межэтнические войны, терроризм, диктатура, американизация жизни и т.п. Люди словно очнулись от массового гипноза и вдруг вновь увидели, что все плохо и ничего не меняется.

Судя по полученным в 1998 году данным, этот процесс продолжается. Резко снизилась уверенность в своем будущем. Напротив — возросла неуверенность.

Таблица 1

Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы уверены в своем будущем? (в %)

	1996 год	1998 год
Вполне уверены	8,3	6,1
Скорее уверены	20,3	15,5
Скорее не уверены	36,6	41,6

Совершенно не уверены	22,5	24,5
Трудно сказать	12,3	12,2

Как видно, общий процент уверенных в своем будущем снизился с 28,6% до 21,6%. В то же время процент неуверенных вырос с 59,1% до 66,1%. Иначе говоря, 2/3 респондентов не уверены в своем будущем.

По регионам картина вырисовывается так:

Таблица 2 (в %)

	Северо-Запад 1996	Северо-Запад 1998	Юго-Запад 1996	Юго-Запад 1998
Вполне уверены	6,2	5,3	9,0	6,9
Скорее уверены	20,7	19,3	17,6	11,9
Скорее не уверены	42,4	44,7	31,1	38,8
Совершенно не уверены	19,3	20,7	24,7	28,1
Трудно сказать	11,4	10,0	17,6	14,4

Общий процент уверенных в своем будущем сократился на Северо-Западе с 26,9% до 24,6%, а на Юго-Западе с 26,6% до 18,8%. При этом процент неуверенных вырос с 61,7% до 65,4% на Северо-Западе и с 55,8% до 66,9% на Юго-Западе.

Это касается и главных страхов, которые были фиксированы и в 1996 и в 1998 годах.

Здесь мы приведем те, которые вызывают наиболее сильную тревогу и постоянный страх.

Таблица 3 (в %)

Опасность	1996	1998
1.Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов	67,7	74,1
2.Снижение жизненного уровня, обнищание населения	67,2	76,4
3.Криминализация общества	65,4	60,6
4.Массовые эпидемии, распространение СПИДа и др. смертельных заболеваний	63,9	50,0
5.Массовая безработица	61,4	69,3
6.Коррупция властных структур	53,2	53,9

Новый российский лидер страхов 1998 — обнищание

Как видно, одним из наиболее впечатляющих результатов исследований 1998 года в России является смена лидеров. Прежде, интерпретируя результаты 1996 года, мы писали, что для нас сюрпризом был выход на первое место экологического страха (химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов). И этим мы, вроде бы, заметно отличались от болгар. По нашим новым результатам 1998 года, оказывается, что мы приблизились к их оценкам.

В свое время мы отмечали, что последствия развала СССР должны были быть еще более катастрофичными, чем они были, а население его было бы обречено на страшный голод и вымирание, если бы из глубины веков нам не протянули руку помощи наши предки, которые колонизировали и освоили огромную территорию с величайшими запасами полезных

ископаемых, прежде всего газа и нефти, которые мы теперь, по сути, меняем на продовольствие и одежду. 2/3 импорта мы оплачиваем за этот счет. Тогда мы писали: “Отнимите эти 2/3 и тогда можно представить себе реальную картину жизни в России”.

Похоже, наше невольное пророчество начинает сбываться. В значительной мере в связи с резким падением цен на нефть и газ страна оказалась в тяжелейшем экономическом и финансовом кризисе. Он сейчас стал осязаем и для самых благополучных районов страны. В том числе для столиц. Однако, похоже, что население уже в начале этого года почувствовало первые симптомы экономического и финансового неблагополучия. Уже в мае 1998 года, когда проводился опрос, произошло резкое изменение рейтинга страхов: на первое место вышло снижение жизненного уровня и обнищание. А самым страшным периодом в истории страны наши респонденты, вслед за болгарами, стали называть “настоящее время”. Чем меньше дает труба, тем ближе мы оказываемся к болгарам, тем увереннее звучат голоса тех, кто предупреждал и предупреждает, что нельзя строить жизнь такого огромного государства без развития своей собственной промышленности и сельского хозяйства, ориентируясь на кредиты и подачки международных финансовых организаций.

Впрочем, не следует и преувеличивать значение этой рокировки в группе лидеров страхов: выход на первое место снижения жизненного уровня, обнищания населения. Экологический фактор, в частности химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов, сохраняет в России очень важную роль. Так, когда мы в интервью задали своеобразный контрольный вопрос: “Укажите одно из возможных бедствий, которое представляется Вам наиболее вероятным и наиболее страшным”, на первое место вышел страх перед химическим и радиационным заражением воды, воздуха, продуктов, на второе — ядерная война и лишь на третье — снижение жизненного уровня, обнищание. В метарегионе Юго-Запад процент опасавшихся химического и радиационного заражения воды, воздуха, продуктов вырос более, чем в два раза, а на Северо-Западе на 30%. Поэтому выводы, которые мы делали за 1996 год, в своей основе верны.

Действительно, из-за богатых природных ресурсов в России долгие годы существовало то легкомыслие, то хищническое отношение к ним. Судя по серьезной обеспокоенности населения, и в 1996, и в 1998 годах в России начинает складываться новое экологическое сознание. Хотя оно, как видно, не может конкурировать с обнищанием и голодом.

Самая страшная эпоха в истории России (1996 и 1998 года)

Обратимся теперь к вопросу: “Можно ли сказать, что в истории нашей страны после 1917 года были тяжелейшие периоды, если да, то могли бы Вы назвать такие периоды?”.

Таблица 4 (в %)

	1996 г.	1998 г.
Великая Отечественная война (1941-1945гг.)	34,3	11,3
Перестройка и нынешний период (реформы 90-х гг.)	12,5	11,3
Коллективизация и голод в 20-е-30-е годы	10,5	8,7
Послевоенный период(1946-50 гг.)	7,4	5,2
Годы сталинских репрессий	13,3	3,9

“Можно ли сказать, что в российской истории до 1917 года были катастрофы? Если да, то что бы Вы назвали такой катастрофой?”.

Таблица 5 (в %)

	1996 г.	1998 г.
Первая мировая война	28,7	6,1
Периоды эпидемий, голода	-	3,2
1905 год и кровавое воскресенье	7,2	2,3
Убийство царя и революция 1917	5,5	0,6
Отечественная война 1812 года	10,7	0,3

На фоне отмеченных выше чудовищных катастроф россияне отрицательно оценивали период перестройки и нынешний период в 1996 году. Он занимал третье место после Великой Отечественной войны и сталинских репрессий. Теперь в 1998 году и здесь ситуация изменилась. На первое место россияне поставили (наряду с Великой Отечественной войной) — перестройку и нынешний период.

Из катастроф до 1917 года россияне назвали в 1996 году первую мировую войну, Отечественную войну 1812 года, “все войны”, татаро-монгольское иго, 1905 год и кровавое воскresенье. Как видно, в сознании респондентов запечатлелись в основном события, связанные с войнами, революциями, когда гибли миллионы сограждан. Тем более история распорядилась так, что Россия во всех этих событиях играла одну из главных ролей, выносила на своих плечах, платила своей кровью за те тяжелейшие испытания, которые в конечном счете меняли карту Европы и всего мира.

Социально-политические подвижки в сознании россиян

Все эти процессы не могли не сказаться и на социально-политических изменениях в России в 1998 году. Наиболее характерным является отношение к политическим партиям и движениям. Здесь, прежде всего, рост безразличия. Больше половины респондентов именно так определяет свое отношение к партиям, отстаивающим идеалы социализма (59,4%), и к партиям, ориентированным на продолжение рыночных реформ (51,6%), и к партиям, отстаивающим русскую самобытность (51,6%). При этом респонденты все-таки не равнодушны к партиям, выступающим за восстановление России как великой державы, хотя здесь показатель и снизился с 69,7% до 63,2%.

Представление о предпочитаемом пути экономических преобразований России характеризует следующая таблица. (Табл. 6.)

Как видно, заметно снизилась привлекательность пути, связанного с укреплением частной собственности и развития рыночных реформ. Несколько возросла популярность укрепления государственной собственности и централизованного планирования. Но почти половина респондентов выступает за смешанную экономику, сочетание плана и рынка. Испытав все прелести современного политического строя, ориентированного на президентскую республику, респонденты резко разочаровались и в президентской республике (падение с 41,6% до 24,5%) и в парламентской республике (падение с 14,6% до 13,2%). На этом фоне симптоматично, что возросла популярность советской власти (с 18,1% до 20,3%) и даже монархии (с 2,4% до 5,2%). Правда, возросло и число респондентов, отвечающих “не знаю, трудно сказать” (с 23,4% до 36,8%).

Таблица 6 (в %)

	1996	1998
Дальнейшее укрепление частной собственности и развитие рыночных реформ	15,1	10,0
Укрепление государственной собственности и развитие централизованного планирования народного хоз-ва	17,3	17,4
Смешанная экономика, т.е. сочетание государственной и частной собственности, плана и рынка	52,5	47,1
Я не имею никаких экономических предпочтений	5,6	12,9
Не знаю, трудно сказать	9,5	12,6

Характерны и ответы на вопрос: “Если бы очередные президентские выборы проводились в ближайшее время, за кого из перечисленных кандидатов Вы бы, скорее всего, проголосовали?”

Таблица 7

	ЦИРКОН 1998 год %	ФОМ 31.05.98. %
Г. Зюганов	19,4	21
А.Лебедь	15,5	14
Г.Явлинский	10,3	10
Ю.Лужков	9,0	9
Б.Ельцин	4,2	5
Б.Немцов	2,9	5
В.Черномырдин	2,6	4
В.Жириновский	1,9	5
Против всех	10,0	8
Я бы не участвовал в выборах	14,5	6
Затрудняюсь ответить	9,7	14

Ответы на эти вопросы довольно тесно коррелируются с данными проведенного так же в мае 1998 года всероссийского опроса Фонда Общественного Мнения (ФОМ). Как видно, главные герои нашей современной политической сцены не набирают и 5% голосов избирателей. Могут сказать, что Ельцин в 1996 году тоже начинал с очень низкого рейтинга, но потом его “раскрутили”. Однако ситуация в 1998 году, а тем более в 2000 году такова, что надеяться на “раскрутку” Ельцина вряд ли можно. Страхи, которые мы изучали, показывают, что растущее обнищание населения при фантастической дифференциации в доходах между олигархами и основными массами таково, что народ считает современные реформы самым тяжелым периодом в истории страны.

* * *

Как видно, наше сравнительно небольшое обследование, проведенное в 1998 году, которое играло своеобразную контрольно-зондажную роль, тем не менее свидетельствует, что катастрофизм в сознании россиян, особенно по основным показателям, возрастает, хотя структура страхов и тревог претерпела определенные изменения. Здесь же следует отметить, что общая интенсивность страхов и тревог у россиян выше, чем у болгар. Это обусловлено драматическими событиями русской истории, особенно в XX веке. Если по А.Бовину “Основные проблемы XX века, его краски, его мелодии связаны, с одной стороны, с Октябрьской революцией, с “Интернационалом”, а с другой — с революцией в физике, со знаменитой формулой $E=mc^2$ ”, то нашим респондентам запомнилось другое. Не революции там, революции здесь, а жуткий страх за свою жизнь и жизнь своих близких.

На первое место в России в 1998 году вышло снижение жизненного уровня, обнищание населения. Представляется, что уже один этот факт весьма важен для понимания настроений, с которыми россияне вступают в период, когда им предстоит делать серьезный политический выбор. Мы имеем в виду выборы в Государственную Думу в 1999 году и выборы Президента в 2000 году. Чрезвычайно важно также изменение акцентов в оценке наиболее трагических эпох в истории России после 1917 года. Здесь на первое место (наряду с Великой Отечественной войной) вышел современный период, период перестройки и реформ. Такая характеристика нашей современной жизни звучит как приговор современным политикам и, прежде всего, Ельцину и его ближайшему окружению. Оно свидетельствует о том, что в обществе накоплен такой огромный заряд социального динамита, что без радикального изменения социально-политических и экономических условий в ближайшие два года Россия не сможет обойтись. Иначе хаос и распад России неизбежны.

Следует напомнить: наши исследования проводились в канун XXI века. А на стыке тысячелетий усиливаются самые невероятные тревоги и страхи. Так было тысячу лет назад, так происходит и сегодня.

“Взгляд церкви на вопрос о конце нынешней истории укоренен в Священном Писании и православном Предании, разъясняет позицию православной церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй. Да, церковь учит, что перед концом зло в мире будет умножаться и недобрая воля восторжествует до крайней степени, когда носители зла будут истопленно уничтожать природу, друг друга и самих себя. Знаками приближения конца времен станут войны, катастрофы, стихийные бедствия, иные подобные катаклизмы. Духовное и нравственное оскудение общества достигнет предела.

Временное облегчение принесет антихрист — псевдодуховный лидер, который решит многие чисто земные проблемы, но украдет у людей их души, заставив отвергнуть следование Истинному Богу и принудив поклоняться антихристу. За кратким правлением антихриста последует низложение сил зла силою Божией. Греховное земное бытие закончится и праведники, последовавшие Истинному Богу, увидят “новое небо, новую землю”, наполненные блаженством” [7].

На фоне приведенных в статье цифр, тенденций, пророчеств церкви о конце мира трудно присоединиться к благостному прогнозу Александра Бовина о том, какой будет жизнь в XXI веке. Увы, похоже, она будет не проще, а значительно сложнее, опаснее и конфликтнее. Это явственно ощущают и наши запуганные и оголодавшие респонденты.

Глава 16 (В.Иванова, В.Шубкин). Катастрофическое сознание на Украине

Хотя и не сразу, но, кажется, все отчетливее начинает осознаваться роль, которую играл страх в нашем обществе. Вот недавно по этому поводу высказался и наш весьма популярный кинорежиссер и политик Никита Михалков: “Почему распался СССР? — спрашивает он и отвечает: — Потому что сама идея была ложной. Кто из нас предполагал, что за три дня все грохнет? Но как только вынули стержень, выяснилось, что все держалось только на страхе. Без страха все рассыпалось, потому что внутри людей не было ничего, что бы удерживало систему. Не было морали, которую может поддерживать только вера”.

Уже первые результаты анализа полученных данных дают основания утверждать, что страхи почти так же живучи, как радиация. Они хранятся в сознании и подсознании народов, сказываются на его социальном и политическом поведении. Складывается впечатление, что внутри людей на территории постсоветского пространства по-прежнему нет ничего, что удерживало бы эти новообразования: нет морали, нет веры, нет пресловутой национальной идеи. Есть лишь широкий набор разного рода страхов и тревог, которые, во всяком случае, вероятно, конституируют эти страны, определяют важнейшие характеристики общества, оказывают существенное влияние на жизнь граждан.

Великий передел.

Для понимания особенностей отношения к различным бедствиям и опасностям в России и на Украине важное значение приобретает исторический фон развития этих стран. История двух ветвей славянского этноса тесно переплетена уже не одно столетие и сегодня, после обретения Украиной независимости, толкование ее вызывает споры и разногласия. Поэтому имеет смысл остановиться на тех фактах, которые зафиксированы в исторических документах.

Возникновение первых поселений на территории Украины относят к 1 в. до н. э. Однако рассматривая дохристианский период, историки утверждают, что единства или единодержавия в это время не было. (1) Основой для формирования народности, из которой впослед-

ствии образовались три восточно-славянских народа — украинцы, русские и белорусы, стала Киевская Русь (9 — 12 вв.). С 11 века единое государство начало распадаться под влиянием как внутренних причин: междоусобицы, так и внешних: набеги Литовского и Польского княжеств (особенно это касалось Юго-Западной части); в 13 веке оно подверглось монгольским завоеваниям. Украинская народность как таковая сложилась примерно к 15 веку. В 16 веке образовалась Запорожская Сечь — центр украинского казачества. 16-17 века в истории Украины наиболее беспокойные и кровавые: по стране прокатилась волна казацких восстаний. В 1654 году война против Польши и Литвы за независимость Украины под руководством Богдана Хмельницкого (длившаяся 6 лет) завершилась воссоединением Украины с Россией. В результате чего Левобережная Украина получила автономию в составе России. (1, 2) Во второй половине 18 века южноукраинские земли были освобождены от турецкого ига, а к концу 18 столетия Правобережная Украина воссоединилась с Россией. В 19 веке уже ставшая Малой Россией Украина значилась среди множества подвластных России земель в длиннейшем титуле российских самодержцев. В результате советско-польской войны (1920) Западная Украина отошла к Польше. В 1922 году УССР вошла в состав Советского Союза. В 1939 году Западная Украина была присоединена к УССР. В Великую Отечественную войну Украина подверглась тяжелой оккупации, от которой была освобождена только в 1944 году. В 1945 году к УССР была присоединена Закарпатская Украина. В 1954 году в состав УССР вошла Крымская область. С 1991 года — Украина — это независимая страна, участница СНГ.

Таким образом, геополитические и геоэкономические реалии свидетельствуют, что Украина и Россия были единым народом, поэтому вступаем в XXI век и прорываемся в постиндустриальную эпоху мы хотя и порознь, но почти в равных условиях и уж точно с одинаково большим багажом подсознательного страха.

Итак, XXI век Украина встречает как суверенная страна, выступающая на международной арене как участница СНГ. В 1991 году, когда бывшая “малороссия” отделилась от России, люди на Украине были довольны уже тем, что нет войны, что правительство, депутаты и президент — свои и обещают обустроить новое независимое государство на европейский манер, мафия — национальная, от московской мафии независимая; что в магазинах и на рынке не переводятся продукты и товары, вода питьевая есть, горячая тоже идет, газ на кухне горит, транспорт ходит, — словом, жизнь продолжается и без Москвы, без Советского Союза. Все семь лет правительству Украины, несмотря на почти полную зависимость от российских нефти и газа, удается держать Москву на расстоянии. Киев отказался от огромного ядерного арсенала, завершив летом 1996 года процесс ядерного разоружения. Президент страны ориентирует страну на Запад. Украинская армия участвует в военных учениях совместно с США и странами Европы. Кучма в последние годы стал с большим энтузиазмом относиться к расширению НАТО, что служит еще одним из аспектов крена в сторону Запада и отхода от Москвы. Украина стала членом Совета Европы.

Однако такие показатели новой геополитической роли Киева в мире не производят особого впечатления на простых украинцев. Судя по полученным в 1998 году данным, уверенность в будущем у украинцев крайне невелика.

Табл.1

<i>Уверенность в будущем</i>	<i>Украина</i>	<i>Россия</i>
вполне уверены	8,2	6,1
скорее уверены	13,7	15,5
скорее не уверены	22,4	41,6
совершенно не уверены	42,4	24,5
затрудняюсь ответить	13,3	12,3

Общий процент уверенных в своем будущем примерно одинаков в России и на Украине: в России — 21,6%, на Украине — 21,9%. То есть 2/3 респондентов обеих стран с сильной

тревогой смотрят в XXI век. Причем на Украине люди испытывают даже более сильное беспокойство (среди украинских респондентов ответили “совсем не уверен в будущем” 42,4%, среди российских — 24,5%).

По прошествии 7 лет автономного существования Украины уже явно просматривается массовое разочарование и высокий уровень страхов и тревог, в том числе по самым существенным показателям: сильную тревогу и постоянный страх у населения Украины вызывают: снижение жизненного уровня населения, химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов, полное беззаконие, массовая безработица, массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных болезней, криминализация общества, коррупция властных структур, катастрофический неурожай, природные бедствия, распространение ядерного оружия. Люди словно очнулись от массового гипноза “независимости” и вдруг увидели, что все плохо и ничего не меняется.

Когда СССР распался, Украина, казалось бы, с точки зрения экономики находилась в весьма выгодном положении. Черный уголь, металлургия, машиностроение, сельское хозяйство, собственные запасы полезных ископаемых — все это предполагало, что именно Украина с ее небольшим по сравнению с Россией территорией и населением способна легче всего адаптироваться в “автономном плаванье”, превратившись из советской республики в самостоятельное независимое государство.

Огромный по своим масштабам промышленный потенциал (атомные электростанции, военные и машиностроительные заводы и центры научных исследований, связанных с космосом) и запасы основных видов природных ресурсов страны объективно создавали базу для обеспечения экономической независимости и динамичного развития. Но за семь лет существенных сдвигов не произошло. Наоборот, Украина все больше отстает от своих конкурентов по СНГ, не имеющих такого потенциала. Динамика валового внутреннего продукта государств СНГ в 1991-1996 гг. представлена в табл.2.(3)

Анализ таблицы показывает, что в четырех государствах Содружества — Таджикистане, Украине, Молдавии и России 1996 год завершился с существенным снижением объемов валового внутреннего продукта. Фактически в 1997 году экономический спад продолжался на Украине(4,3%) и в Молдавии (4,3%). В России можно говорить о некотором росте (0,4%). (3)

Положительное сальдо внешней торговли в первом полугодии 1997 года сложилось только в России — 18,4 млрд долларов, в Казахстане — 1,2 и Азербайджане — около 3 млрд долларов. А в остальных странах — отрицательное, ниже всего показатель на Украине — 2 млрд долларов или 10% ВВП (для сравнения в Белоруссии 919, в Армении — 326 млн. и т.п.). (3)

Табл. 2
(в % к предыдущему году)

	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Азербайджан	99,3	77,4	76,9	80,3	88	101,3
Армения	88,3	58,2	91,2	105,4	106,9	105,8
Белоруссия	98,8	90,4	92,4	87,4	89,6	102,6
Грузия	79,9	55,1	70,7	108,7	103,3	111,2
Казахстан	89	94,7	89,4	87,4	91,8	101,1
Кыргызстан	92,2	86,1	84,5	79,9	94,6	105,6
Молдавия	82,5	71	98,8	69,1	98,1	92,0
Россия	95	85,5	91,3	87,7	95,9	95,1
Таджикистан	-	-	82,7	87,3	87,6	83,3
Узбекистан	99,5	88,9	97,7	94,8	98,8	101,6
Украина	91,3	90,1	85,8	77,1	87,8	90

По Содруже- ству	94	86,1	90,3	86	94,7	95,4
---------------------	----	------	------	----	------	------

Увы, в 1991 году оценки экспертов, более ориентированные на национальные чувства, чем на реальные обстоятельства, оказались слишком оптимистичными. И довольно быстро выяснилось, что украинские угольные шахты почти выбраны, что металлургия не может работать в условиях угольного дефицита, а машиностроение не способно наращивать темпы при дефиците металла, сельское хозяйство за годы колхозно-совхозной системы развалилось окончательно и без значительных капиталовложений и реструктуризации не может прокормить даже собственный народ. За семь лет романтическая эйфория прошла, а реальные будни не дают оснований для благодушия.

Новая экономическая политика страны, разрыв экономических связей с бывшими республиками СССР привели Украину, как, впрочем, и другие страны бывшего Союза, в том числе и Россию, к глубокому кризису и тяжело сказались на жизненном уровне населения. Однако в 1997 году в некоторых странах СНГ уже наметился некоторый рост экономических показателей. Рост реального ВВП наблюдается в Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Белоруссии, Узбекистане. На Украине идет обратный процесс.(3) За 1992-1996 годы валовой внутренний продукт, производство промышленной продукции на Украине уменьшились вдвое, производство аграрной продукции — на четверть, реальные доходы населения уменьшились втрое. (4) В первом квартале 1996 года объем производства сократился на Украине на 11,8% — это самый крутой спад среди стран бывшего Советского Союза. (3)

Табл.3

Инфляция на Украине и в России. (5)

	Инфляция (индекс потребительских цен) в % к прошлому году	
	1992	1993
Россия	1400	3500
Украина	1500	900

Украина стремится преодолевать кризис с помощью поспешного привлечения западных инвестиций и кредитов. И прилагает немало усилий в этом направлении. Отчасти ее усилия приносят плоды.

Украина привлекает внимание западных стран, прежде всего США, которые стали крупнейшими инвесторами в этой стране. С 1992 по 1996 год США израсходовали на помощь Украине почти миллиард долларов. И в 1996 году Украина заняла третье место по объему американской помощи, опережая даже Россию, и уступая лишь Израилю и Египту. (6) От Украины, находящейся в центре бывшего восточноевропейского блока, в огромной степени зависит политическое будущее Европы через 10-15 лет. В настоящее время она занимает важное с точки зрения европейской безопасности место, и ее роль и поведение имеют особое значение, когда рассматривается судьба НАТО в Европе. Больше всего США боятся потенциальной угрозы хаоса на Украине, и это главная причина предоставления помощи стране. Тем более, что она позволяет себе содержать одну из крупнейших армий в Европе. Однако сегодня общая сумма иностранных инвестиций, учитывая размеры Украины, заметно снижается. В первом полугодии 1997 года в экономику Украины поступило 340 млн. долларов иностранных инвестиций при потребности в них не менее 8-10 млрд. долларов в год.(6) Западный мир, насколько бы богатым он ни был, не способен взять на содержание 52-миллионный украинский народ. В настоящее время внешний долг Украины составляет более 9 млрд долларов. Оплата этого долга поглощает 11% госбюджета. При этом дефицит бюджета в 1998 году вырос в два раза, а кредиторская задолженность почти половины убыточных предприятий и организаций — в 1,6 раза, за 1 год. (7)

Некогда крупная, богатая и оснащенная ядерным оружием Украина, уступавшая среди советских республик лишь России, сегодня остается только крупной страной. Многие граждане этого независимого государства с завистью смотрят на относительные экономические успехи бывших соседей по СССР.

Последнее десятилетие войдет в историю как одно из наиболее событийно насыщенных, резко изменившее жизнь всех граждан Советского Союза. Начало перестройки, отстранение от власти компартии, крушение идеологии, господствовавшей на протяжении 75 лет, образование независимых государств и последовавшие за этим реформы способствовали резкому изменению всех пластов жизни. Ушла в прошлое, пусть на низких жизненных стандартах, стабильность существования и для большинства людей на всем пространстве бывшего Союза, как бы в одночасье, законы и условия жизни изменились.

Наше время напоминает ситуацию, описанную Ремарком в “Черном обелиске” с его описанием галопирующей инфляции во времена Веймарской республики — рушатся прежние установки, старые взгляды на жизнь отходят в прошлое. Так что ситуация России или Украины конца XX века вовсе не уникальна. Нынешняя ситуация не первый в истории обеих стран крах, не первый передел власти и собственности, не первый даже в самом конце XX века. Однако распад СССР увеличил поле передела и возможности последнего. Причем нынешний крах в чем-то гораздо серьезнее катастрофы 1917 года. Несмотря на то, что в начале века рухнула целая цивилизация, что Российская империя и все прилегающие к ней государства переживали глубокий кризис, тогда к власти пришли люди, у которых была пусть утопическая, но глобальная идея, мировой проект. Те же люди, которые пришли к власти сейчас, судя по последнему десятилетию, не имеют не только никакого проекта, общей идеи, но и вообще смутно представляют себе мир, в котором живут. Поэтому можно сказать, что ситуация вокруг России и Украины, занимающей сегодня важное с точки зрения европейской безопасности геополитическое положение, в конце XX века гораздо сложнее, чем в его начале.

Простому обывателю нет дела до Веймарской республики. Ему некогда предаваться размышлениям. В такой ситуации он думает о хлебе насущном. Конечно, нельзя сказать, что в течение многих и многих лет нами движет только страх. Но страх давно уже стал важнейшей составляющей частью нашей жизни. Мы боялись власти, боялись лагерей, боялись сказать лишнее, боялись самих себя. Казалось, что с крахом коммунизма все должно измениться. Однако один страх уступил место страхам другого рода. Теперь мы боимся голода, беззакония, коррупции, безработицы, анархии. Боимся ночами ходить по улицам. Боимся, что локальные конфликты перерастут в гражданскую войну.

Страхи в России и на Украине. Общее и специфическое.

При анализе основных страхов и тревог в России и на Украине четко просматривается близость основных показателей. И там и тут на первое место выходят не духовные, а сугубо материальные биологические и социальные вопросы. Это неудивительно, поскольку тот уровень падения общественного производства и благосостояния, который произошел, поставил эти народы поистине на грань выживания.

Сравнительный анализ страхов в России и на Украине выявил следующие общие тенденции:

1. Очень высокий уровень массовых страхов. Следует отметить, что общий уровень страхов и тревог на Украине по всем показателям значительно выше российских.

2. Сходство основных массовых страхов.

Первые десять вероятных опасностей в России (вызывающих сильную тревогу и постоянный страх) включают в себя первые семь опасностей, выделенных украинскими респондентами.

3. Сходство наименьших опасностей.

Четыре наименее опасных явления с точки зрения российских респондентов входят в четверку наименьших опасностей, обозначенных украинскими респондентами. Украинцы, как и россияне, мало обеспокоены распространением масонства, засильем сионизма, захватом земли инопланетянами и перенаселением планеты.

4. Низкий уровень социальной активности россиян и украинцев в противостоянии различным угрозам и вероятным опасностям.

Просматривается определенная специфика в рейтинге основных страхов. Наиболее сильную тревогу и постоянный страх сегодня **на Украине** вызывают:

1. Снижение жизненного уровня, обнищание населения (86,7%).
2. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов (80,9%).
3. Полное беззаконие (79,2%).
4. Массовая безработица (78,4%).
5. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных болезней (78,1%).
6. Криминализация общества (73,7%).
7. Коррупция властных структур (68,4%).
8. Катастрофический неурожай (66,8%).
9. Природные бедствия (60,6%).
10. Распространение ядерного оружия (53,4%).

В России этот рейтинг несколько иной:

1. Снижение жизненного уровня, обнищание населения (76,4%).
2. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов (74,1%).
3. Массовая безработица (69,3%).
4. Полное беззаконие (61,0%).
5. Криминализация общества (60,6%).
6. Коррупция властных структур (53,9%).
7. Распространение ядерного оружия (47,7%).
8. Генетическое вырождение нации (46,0%).
9. Уничтожение лесов на планете (45,2%).
10. Опасность уничтожения различных видов животных (38,8%).

Прежде всего стоит еще раз отметить, что уровень страхов на Украине по всем показателям выше, чем в России. Особенно сильно по сравнению с Россией на Украине опасаются: массовых эпидемий, распространения СПИДа и других смертельных болезней (78,1% на Украине против 18,4% в России), катастрофического неурожая (66,8% на Украине против 37,4% в России), природных бедствий (60,6% на Украине против 37,3% в России), диктатуры и массовых репрессий (37,1% на Украине против 14,6% в России), геноцида и массовых репрессий (28,1% на Украине против 8,7% в России), полного беззакония (79,2% на Украине против 61,0% в России), неверие в Бога, грубого материализма, бездуховности (40,0% на Украине против 18,4% в России) опасного перенаселения городов (20,1% на Украине против 5,8% в России) и конца света (28,0% на Украине против 9% в России).

На первые места в рейтинге страхов и в России, и на Украине вышли падение жизненного уровня и обнищание населения, массовая безработица, полное беззаконие, криминализация общества и коррупция властных структур. За последнее время в обеих странах происходило и происходит сокращение объемов производства и поистине катастрофическое падение жизненного уровня населения.

Реформы проходят стихийно. Усиливается социальный раскол в обществе. Свободный рынок должен был сделать богатыми и сытыми всех, в конечном счете “богатыми и сытыми” стали лишь “новые русские”, которые, в принципе, ничем не отличаются от “новых украинцев”. В России в результате реформ учителя, работники высшей школы, медицинских учреждений, ученые и пенсионеры оказались в числе наиболее бедных слоев населения. На Украине работники сфер образования, медицины и пенсионеры получают примерно 2/3 от зарплаты (пенсии) россиян. Уровень обнищания на Украине поистине катастрофический.

Непростые виражи структурной перестройки экономической жизни России и Украины лишили немалую часть активного населения работы. Уровень безработицы в России в 1998 году крайне высок. Лишь 18% регулярно получают зарплату, 57% не получают ее совсем. (8) Последний тотальный экономический кризис, который поразил экономическую, финансовую и политическую жизнь россиян и масштабы которого еще не вполне осознаны населением, лишил работы еще не один миллион человек. На Украине сегодня в некоторых отраслях промышленности, особенно в западном регионе, “отдыхают” 80% высококвалифицированных рабочих. По самым скромным подсчетам на 1996 год на 20 миллионов активного трудоспособного населения не работает или занято на производстве неполную рабочую неделю почти 20% населения и процент оставшихся без работы только увеличивается. (8)

Бичом остается коррумпированная и смотрящая в прошлое политическая элита, в которой господствующие позиции занимают бывшие коммунисты и новые социалисты. На протяжении последних семи лет правительства в обеих странах менялись с завидным постоянством — на Украине одних лишь премьеров перебивало на этом посту 7 человек. Около 70% украинских и более 50% российских респондентов выразили крайнюю обеспокоенность полным беззаконием в стране и катастрофическим ростом преступности. Развал тоталитарного строя превратился в развал страны. Демократию восприняли как полную свободу действий.

Очень тревожит и российских, и украинских респондентов химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов. На Украине этот показатель выше (Россия 74,1%, Украина — 80,9%, второе место в рейтинге после обнищания в обеих странах). После Чернобыля радиационное заражение перестало быть абстракцией. Радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии в той или иной мере подверглась территория, равная почти 1 млн. кв. км, на которой проживает более 10 млн. человек. (9) Прогнозы медиков, сделанные после “черного” 26 апреля в закрытых докладах, подтверждаются статистикой минувших 12 лет. За последнее пятилетие население Украины сократилось на полтора миллиона человек. Эксперты прогнозируют, что до конца столетия эта цифра удвоится. Уровень общей смертности в стране — наивысший среди стран Европы. Средняя продолжительность жизни на Украине на 8-10 лет меньше, чем в среднем на Западе. По оценке же состояния здоровья людей всех возрастных групп, страна (из 52 млн. населения здесь насчитывается 1,5 млн. инвалидов и около 14 млн. пенсионеров) стоит на 65 месте в мире. Особенно высок уровень заболеваемости людей в трудоспособном возрасте. Среди такой категории умерших 81% мужчины, смертность которых в 4,2 раза превышает смертность женщин. Особое место в печальном перечне занимают “ликвидаторы”. Заболеваемость их за эти годы возросла в 3 раза, смертность — в 7 раз. (10) Сильную тревогу и постоянный страх (5 место в рейтинге) у украинских респондентов вызывают массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных болезней (78,1%), в России эта проблема волнует 18,4% респондентов (24 место в рейтинге). Однако, когда респондентов попросили указать только одно бедствие, представляющееся им наиболее страшным в России, на первое место вышло химическое и радиационное заражение, на второе — угроза ядерной войны.

Табл.4

Укажите только одно бедствие, то, чего Вы действительно боитесь больше всего, думая о ближайшем или более далеком будущем.

	Россия %	Украина %
Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов	14,1	9,8
Ядерная война	11,3	11,1
Обнищание	9,0	15,5

Безработица	9,0	11,6
Массовые эпидемии	8,7	7,5
Полное беззаконие	7,1	5,7
Гражданские и межэтнические войны	6,8	3,4
Катастрофический неурожай	-	6,8

При такой постановке вопроса видно, что главная беда на Украине — это обнищание и безработица. Возможно, экономический кризис в стране просто вытеснил на второй план любые другие страхи.

Украинцев сильно волнует проблема катастрофического неурожая. В общем рейтинге опасностей это бедствие занимает 8 место (сильную тревогу и постоянный страх это вызывает у 66,8% украинских респондентов), тогда как в России — 12 место (37,4%). В Табл.4. по частоте упоминаний это бедствие находится на 6 месте, а среди ответов российских респондентов вообще не представлено.

Украина всегда славилась своими богатыми черноземами и благоприятным климатом, хлеб для украинцев — символ благополучия. Однако сегодня аграрный сектор Украины убыточен. Его фондооснащенность в 3-5 раз ниже, чем в промышленных отраслях, в то время для нормального функционирования должна быть в 2-4 раза выше. (11) Богатство страны — земля фактически не принимает участия в формировании прибыли. Аграрная реформа проводится медленными темпами; ценообразование на сельскохозяйственную продукцию неотрегулировано. Сильный удар по сельскому хозяйству Украины был нанесен высокой инфляцией 1992-1994 годов. Если в целом по странам СНГ в 1995 году объем валовой сельскохозяйственной продукции составил 64% от уровня 1990 года, то на Украине — 61% (11). В стране наблюдается резкий спад посевных площадей и сокращение производства продовольствия.

Все это, по-видимому, сильно угнетает население и для этого действительно есть все основания. Украина некогда была житницей Советского Союза.

Примерно одинаково волнуют и россиян, и украинцев такие опасности, как генетическое вырождение нации (Россия — 46,0%, Украина — 48%), терроризм (Россия — 36,1%, Украина — 44,1%), полная утрата традиций и культуры (Россия — 33,2%, Украина — 34,4%), американизация жизни в стране (Россия — 16,5%, Украина — 17,8%), исчезновение “белой расы” (Россия — 10,7%, Украина — 13,9%).

Социальная активность украинцев и россиян.

Периоды массовых репрессий, периоды страшного отчуждения граждан друг от друга, которые прошли Россия и Украина, оставили определенный след в сознании народов. Длительный и жесткий период тоталитаризма, военного режима приучил наши народы к социальной пассивности. Поэтому, когда мы анализируем сравнительные данные о готовности совместно противостоять разного рода бедам, мы получаем следующую картину: практически по всем параметрам украинские и российские респонденты проявляют крайне низкую социальную активность в достижении личного и общественного благополучия.

Около 1/3 украинских и российских респондентов на вопрос: “Предпринимаете ли Вы что-нибудь, чтобы предотвратить опасности или смягчить их последствия?” — отвечают: “Все бесполезно, ничего нельзя сделать” (Россия — 27,6%, Украина — 30,3%). На вопрос: “Если это бедствие все-таки произойдет, то как, по Вашему предположению, вы стали бы себя вести?” 55,7% российских респондентов и 62,9% украинских ответили: “Думаю, что от моих действий ничего не зависит”. В украинской анкете этот вопрос представлен более расширенно. И ответы респондентов распределились следующим образом: “Не знаю” ответили 19,0%, “Все бесполезно и ничего нельзя сделать” и “Что-то буду делать, но еще не знаю точ-

но, что именно” ответили 11,1%, “Этим должно заниматься Правительство” ответили 7,9%. В целом украинские респонденты более индифферентно относятся к происходящему в стране. Процент ответивших: “Не знаю”, “Это меня не касается” на вопросы, связанные с тем, какие меры респонденты намерены предпринять в борьбе с безработицей, преступностью, экологическими катастрофами больше среди украинцев, нежели среди россиян.

Высок на Украине и уровень социально-тревожного сознания.

Табл.4

Относятся ли к Вам следующие утверждения?

	Россия % (да)	Украина % (да)
Взаимоотношения с окружающими стали очень сложными	34,8	43,9
Ваш сон прерывается кошмарами или бессонницей	29,4	24,5
Вы стали нервны и раздражительны	49,7	54,5
Каждый день Вас преследуют мысли о работе	40,3	33,6
Вы потеряли способность что-либо решать	15,5	18,2
Вы думаете, что все потеряло ценность и жизнь более не интересна	16,8	22,4
Вы тяжело переносите трудности	34,6	32,8
Вы подвергаетесь критике и недоброжелательству со стороны окружающих	15,2	23,9
Бывает так, что Вы спорите, зная, что Вы не правы	35,8	28,9
Вещи вокруг Вас стали непонятными и странными	15,2	36,5
Вы испытываете ощущение бод- рости	44,6	24,6

Тяжелейшие периоды в истории России и Украины.

Для понимания причин этих различий и сходств важную роль играет исторический фон развития этих стран, особенно отношение к тем событиям общей для России и Украины недавней истории, которые наиболее запечатлелись в памяти людей.

Для этого обратимся к вопросу: “Можно ли сказать, что в истории страны после 1917 года были тяжелейшие периоды, если да, то могли бы Вы назвать их?”.

По частоте упоминаний они располагаются так:

На Украине:

1. Великая Отечественная война (41,0%)
2. Голод и коллективизация на Украине 1933 года (27,2%)
3. Период реформ 90-х годов (27%)
4. Ленинско-сталинский период(7,8%)¹
5. Голод на Украине в 1947 году (7,4%)

¹ В Украинской анкете этот вопрос сформулирован таким образом: “Time of Lenin and Stalin”.

В России:

1. Великая Отечественная война (11,3%)
2. Перестройка и нынешний период (11,3%)
3. Коллективизация и голод в 20-е — 30-е годы (8,7%)
4. Послевоенный период (1946-50) (5,2%)
5. Годы сталинских репрессий (3,9%).

И к вопросу: “Можно ли сказать, что в истории страны были катастрофы? Если да, то что бы Вы назвали такой катастрофой?” Правда, в российской анкете респондентов просят назвать катастрофы до 1917 года, а в украинской — любые за весь период существования нации. Поэтому имеет смысл привести только данные по Украине, так как украинские респонденты при ответе на этот вопрос упомянули лишь катастрофы, произошедшие после 1917 года. Ответы на вопрос: “Какие периоды в истории страны Вы можете обозначить как катастрофы?” по частоте упоминания на Украине распределились следующим образом:

1. Чернобыльская катастрофа (53,2%)
2. Голод и коллективизация на Украине 1933 года (11,3%)
3. Великая Отечественная война (9,5%)
4. Периоды репрессий (5,3%)
5. Нынешний экономический кризис (3,9%)

И в России, и на Украине, говоря о трагических периодах истории, респонденты на первое место ставят Великую Отечественную войну (1941-1945 гг.). Это было тяжелейшим испытанием для населения обеих стран или бывших республик одного государства. Воспоминания о нем врезались в память народа, ведь трудно найти такую семью, где не было бы убитых, покалеченных, пропавших без вести. Почти половина украинских респондентов (Россия — 11,3%, Украина — 41,0%) считают Великую Отечественную войну самым тяжелым периодом в истории страны. Длительный период немецкой оккупации на Украине и последовавшие в связи с этим жесточайшие репрессии, особенно в западной части республики, не только искалечили людей, но и создали империю страха.

На втором месте по частоте упоминания среди украинских респондентов — коллективизация и голод на Украине в 1933 году. Сплошная коллективизация на Украине в основном проходила под лозунгом: “ликвидация кулачества, как класса. “Раскулачивание” на Украине по сравнению с российским шло значительно более болезненно, так как хозяйства были действительно зажиточные и преуспевающие, а не полуразрушенные, как в России, особенно это относится к районам Волыни и Полтавщине. Постановление СНК УССР “О борьбе с саботажем в хлебозаготовках” от 6 декабря 1932 года надолго останется в памяти украинского народа. Страшный голод 30-х годов, поразивший Украину, унес жизни миллионов людей. По сведениям некоторых западных исследователей, на Украине от голода погибло 5,5 млн. человек. (12) Такого массового истребления народа история не знала. Поэтому, говоря о катастрофах в истории страны, украинцы тоже ставят период коллективизации и голода 1933 года на второе место после Чернобыльской аварии.

Не забыли украинцы и о послевоенном периоде репрессий. Недавно обнародованы цифры о количестве сельских жителей Украины, осужденных и высланных в отдаленные районы страны по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года “О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни”. За 5 лет репрессиям подверглись почти 50 тысяч украинских крестьян и членов их семей. (13) Даже в тех районах республики, где коллективизация была проведена еще в 30-е годы после войны 1941-1945 годов в силу различных причин усилилось негативное отношение к колхозам. В западных областях Украины после войны насчитывалось 1,4 миллиона единоличных хозяйств, а коллективизированных — всего 157 тысяч, или чуть больше 10% от общего их количества. Началась очередная кампания по коллективизации. Произвол и насилие при этом были настолько массовыми и вопиющими, что сам Сталин принял решение об освобождении части заключенных как “неправильно высланных”. (13)

Среди ответов российских респондентов довоенный и послевоенный периоды репрессий также входят в пятерку наиболее часто упоминаемых тяжелейших периодов в истории страны.

Основатели первого в мире социалистического государства сумели оледенить у людей кровь в жилах на несколько поколений вперед. Память об ужасах Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны, “Большого террора”, а потом и Великой Отечественной войны отложилась не столько на рациональном уровне, но и в подсознании населения.

Однако на фоне этих чудовищных катастроф, пережитых совместно, украинцы и россияне, отрицательно оценивая современный период реформ 90-х годов, относятся к нему все же по-разному. Для россиян, при оценке наиболее трагических событий в истории страны после 1917 года, перестройка и нынешний период вышли на первое место наряду с Великой Отечественной войной, для украинцев же нынешний экономический кризис занимает третье место после Великой Отечественной войны и сопряженной со страшным голодом коллективизации 1933 года. Хотя экономическая ситуация на Украине сегодня хуже, чем в России, в сознании украинцев события, связанные с гибелью миллионов сограждан в 30-х — 40-х годах, выглядят как более трагические.

Главной катастрофой для украинцев всегда была и будет Чернобыльская авария. За минувшие после трагедии 12 лет общественность осознала, что это была не просто авария, а глобальная катастрофа, апокалипсис XX века.

* * *

Первый вывод, который может быть сделан из полученных в ходе исследования результатов, тривиален: на Украине сегодня живется еще тяжелее, чем в России. Но, чтобы это понять, не нужно проводить социологических опросов. Достаточно съездить к Киевскому вокзалу и посмотреть на толпы людей, приезжающих в Москву, чтобы продать свои товары или потолковать с рабочими-украинцами, строящими очередную дачу в ближнем Подмосковье. Но это лишь самый поверхностный аспект исследуемой проблемы.

Ответить на вопрос, почему уровень страхов на Украине так высок, почему Россия, еще недавно казавшаяся абсолютным чемпионом по катастрофичности сознания, внезапно передает пальму первенства своей самой близкой родственнице, невозможно без проведения серьезных репрезентативных исследований. И оказывается, что страхи почти так же живучи, как радиация. Если не в сознании, то в подкорке хранит народ память о минувшем. Не забыли украинцы ни Гражданской войны, ни Гуляй-Поля с батькой Махно, ни голода, от которого погибли миллионы людей, ни Великой Отечественной войны, когда по украинской земле прокатились гигантские катки аж четырех Украинских фронтов, ни Чернобыля, от которого вздрогнул весь мир, ни экспериментов современных политиков и экономистов на теле украинского и русского народов.

Казалось бы, мало ли что наговорят или напишут респонденты интервьюерам. Но сбавывает закон больших чисел и понемногу проясняются картины в посткоммунистических странах. Сопоставляем данные о россиянах и болгарах — уровень страхов в России выше. Сравниваем данные российских коренных жителей и тех, кто уехал в США, — опять, у тех, кто живет в России, — выше. И уже хочется повторить за великим писателем: “И тогда я понял, что хуже, чем в России, быть не может”. Но провели компаративные исследования с Украиной и оказалось — может. И не по одному или двум показателям. По всем сорока трем. Такой вот исследовательский сюрприз.

В прежние времена за эти данные с удовольствием ухватились бы штатные пропагандисты: “Вот, видите, у нас не хуже всех! Есть и хуже. Поэтому терпите и дальше, россияне”. Но мы не будем радоваться тому, что соседу хуже, чем нам. Тем более сосед-то близкий, родной. Сколько мы вместе крови за их и нашу свободу пролили. Какая уж тут радость? Одна печаль. И время не злорадствовать, а думать о том, как эту печаль развеять, как, не забывая о прошлом, выкарабкаться поскорее из нашего ужасного настоящего.

Глава 17 (В.Иванова, В.Шубкин). Страхи в Литве

Между Востоком и Западом.

Литва выбрана как предмет исследования не только потому, что это государство непосредственно соседствует с Россией. Сюжет — богаче, и корни его уходят глубоко в историю.

Литовские племена, населявшие территории между Балтийским морем и Рижским заливом, а также по обеим сторонам реки Двины, до XIII века не представляли из себя государства. Однако частые нападения немецких рыцарей привели к быстрому их объединению. К середине XIII века образовалось Великое княжество Литовское, по мощи сравнимое с Киевской Русью. Основателем его могущества считается князь Гедемин. Во времена его правления Литовское княжество присоединило к себе Киевскую, Полоцкую, Витебскую и некоторые другие русские земли. В XIV веке между Москвой и Литвой идет ожесточенная борьба, предметом которой стала целая полоса княжеств, расположенных между двумя государствами. В конце XIV века Литва объединяется с Польшей для противостояния набегов немецких крестоносцев и усиливает свое влияние на русские земли. В то время граница между Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским проходила возле подмосковного города Серпухов. Сила немецкого ордена была сломлена под Грюнвальдом (1410), при этом Литва все больше попадает под польское влияние, и особенно оно усиливается после принятия страной католичества. В 1569 году Литва объединяется с Польшей в Речь Посполитую. (4, 5)

Литва возникла на пространстве, бывшем долгое время объектом ожесточенного политического, культурного и экономического соперничества. После разделов Речи Посполитой в конце XVIII века борьба за цивилизационное господство над этой территорией не только не прекратилась, но и по-своему обострилась. Это не была борьба Запада и Востока в сегодняшнем понимании — между модернизацией и традиционализмом. Прежде всего это было столкновение католицизма и православия, борьба Польской и Российской империй за землю. Поводом для открытых выступлений стали польские восстания 1830 и 1863 годов с попытками распространить свое влияние на восток от территорий, где преобладало этнически польское население. Не случайно этот конфликт в России называли “проклятым вопросом”:

За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва? —

так описывал Александр Сергеевич Пушкин предмет этих распрей в 1830 году.

Проблема была сформулирована исследователями (18) как конфликт польского и русского представлений об идеальном отечестве. Немаловажную роль в этом вопросе сыграла и борьба католичества и православия. Поляки называли эту территорию “своими” восточными окраинами и не мыслили существование своей империи без Литвы, Белоруссии и Западной Украины. Русские же говорили об “исконно русских” западных землях, опираясь на “триединство” русской нации. Литву в русский образ идеального отечества не включали в силу религиозных различий, но и полякам отдавать тоже не хотели.

Не имея достаточно сил сопротивляться могущественному восточному соседу Литва была склонна заключить союз скорее с католической Польшей. Литва хотела видеть себя частью Центральной Европы, подчеркивая духовную и культурную общность, общность судеб и опасностей, сближающие народы региона, особенно в противостоянии России. Тем более, что в конце XIX века широкое распространение получили вопросы о цивилизационных различиях между западной и восточной частями Западной Европы.

После конфликта уже Советской России и Польши в 1920 году район Вильнюса был занят Польшей, а Литва получила статус независимого государства. Лишь в 1939 году в связи с разделом Польши и сфер влияния между Гитлером и Сталиным Западная Украина и Западная Белоруссия отошли к УССР и БССР, а Вильнюс — к тогда еще буржуазной Литве. Но вскоре (1940) Литва была “добровольно” присоединена к СССР и тут же начался террор и массовая высылка литовцев в Сибирь. Неудивительно, что крах советской системы и объединение с Западом воспринимаются Литвой как “возвращение домой”.

Литва активно стремится утвердить свою принадлежность к Центральной Европе. За последние годы Вильнюс не раз менял тактику своего продвижения на Запад: сначала Литва пробовала делать это вместе с Латвией и Эстонией, затем — с Польшей, а позднее — самостоятельно, а после подписания хартии безопасности с США, снова вместе с балтийскими странами. Вильнюс видит в России большого, политически важного, но нестабильного соседа, с которым следует развивать торгово-экономические связи. Вместе с тем ни одна из реальных политических сил Литвы не считает Россию “историческим ориентиром” или “стратегическим партнером”. Ее устойчиво воспринимают как часть Евразии, тогда как свое собственное историческое место Литва видит только в Европе в силу духовных, культурных и геоэкономических причин. (19)

В январе 1999 года Парламент Литвы принял обращение к парламентам государств-членов НАТО, в котором содержится просьба “не применять в отношении Литвы термин “бывшая советская республика”. В нем, в частности, говорится: “Литва с точки зрения суверенитета и международного права никогда не была республикой, входящей в состав СССР, а была лишь суверенным иностранным государством, оккупированным в 1940-1990 годах двумя тоталитарными агрессорами. И ее незаконную аннексию, инкорпорирование в состав СССР Российская Федерация осудила в договоре об основах межгосударственных отношений с Литвой от 29 июля 1990 года. Поэтому термин “бывшая советская республика или постсоветская” в отношении Литвы, твердо решившей интегрироваться в НАТО, не может быть применим”. (20)

Вместе с тем движение Литвы в направлении НАТО наталкивается на серьезные подводные камни. НАТО недостаточно высоко оценивает военно-техническую, политическую и финансовую готовность Вильнюса к вступлению в альянс. В Брюсселе считают, что прием Литвы откладывается на период после 2005 года, а предпочтение отдается Эстонии.

По сравнению с Украиной и Россией Литва несомненно находится в лучшем экономическом положении: к 1996 году экономика Литвы стабилизировалась, несколько вырос жизненный уровень. Однако по темпам роста литовская экономика отстает от своих балтийских соседей. Так, по данным департамента статистики Литвы, ее ВВП в первом полугодии 1997 года вырос на 2,5%. Аналогичный показатель в Латвии составил 4,6%, в Эстонии — 11,7%. Даже по сравнению с прошлым годом темпы роста ВВП Литвы несколько замедлились (они составляли около 4%, и это примерно соответствовало уровню соседей). Еще хуже дело обстоит с индексом промышленного производства. Если в Эстонии за 9 месяцев этого года прирост промышленного производства составил 12%, то в Литве он снизился на 1,1% (по сравнению с соответствующим периодом прошлого года). Тем не менее успешно продолжается обуздание инфляции. Одобренный правительством проект нового бюджета содержит следующие индикативные показатели 1998 года: инфляция 6%, рост ВВП 7%, дефицит госбюджета 1,6% ВВП. Однако достигнутая немалыми усилиями (достаточно вспомнить банковский кризис 1995 года) финансовая стабилизация по-прежнему не приводит к экономическому росту. (21)

Сближение России с Литвой идет не через восстановление “старых” отношений, а через экономическое пространство. Россия и сейчас продолжает оставаться ее главным торговым партнером (в отличие от Эстонии, например, переориентировавшей свою внешнюю торговлю на Финляндию). Основные сферы их сотрудничества: российский экономический и военный транзит (за который Россия платит по действующему временному соглашению), поставки нефти, газа и ядерного топлива для Игналинской АЭС, единственной в Прибалтике атом-

ной электростанции, имеющей особое значение для региональной энергетической и экологической безопасности, туризм. Внешнеторговый оборот с Россией составляет 20-22% всего импорта и экспорта Литвы. (21)

К 1997-98 годам литовцы, озабоченные повседневными проблемами “переходной экономики”, начинают видеть в России “обычное” иностранное государство, не лучшего, но и далеко не самого худшего соседа. Кроме того, победа на президентских выборах в начале 1998 года американца Валдаса Адамкуса укрепила веру литовцев в стабильность своего положения.

Чего боятся сегодня литовцы.

Наше исследование показало, что наиболее сильную тревогу сегодня в **Литве** вызывают следующие явления:

1. Массовые эпидемии и распространение СПИДа и других смертельных болезней (53,6%)
2. Массовая безработица (52,7%)
3. Снижение жизненного уровня, обнищание населения (51,8%)
4. Криминализация общества (45,8%)
5. Коррупция властных структур (43,5%)
6. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов (41,0%)
7. Полное беззаконие (39,4%)
8. Ядерная война (32,9%)
9. Распространение ядерного оружия (31,5%)
10. Терроризм (31,3%)

Главная беда для литовцев — опасность массовых эпидемий, распространения СПИДа и других смертельных болезней. Живя в мире глобальной экономики и всевозрастающих связей между странами и континентами, ни одна страна не может застраховаться от того, чтобы завтра не оказаться в эпидемиологической ситуации. Тем более это вызывает опасения у нации, чье население составляет 3,8 млн. человек, живущей в окружении стран (Россия, особенно ближайший к Литве Калининградский район, Белоруссия и Украина), которые находятся на грани крупномасштабной вспышки ВИЧ-инфекции, которая еще не встречалась ни в одном регионе мира, включая США и Африку.(23) С точки зрения литовских респондентов опасность распространения смертельных болезней и эпидемий представляет большую угрозу для нации, чем экономический кризис. В этом тоже проявляется своеобразие литовского менталитета, особое национальное самосознание.

При сравнении массовых страхов в Литве, России и на Украине бросается в глаза то, что **интенсивность массовых страхов** в Литве значительно ниже, чем на Украине и в России. Очень резкий разрыв. Уровень страхов в Литве по всем показателям, кроме одного (преобладание иммигрантов, которые не хотят или не способны освоить их культуру, язык и образ жизни), ниже, чем на Украине, и по большинству показателей ниже, чем в России. Прежде всего стоит сопоставить данные по Литве с данными по российским регионам за 1996 год: для северо-западных регионов страны вообще не характерно обостренное катастрофичное восприятие жизни, паническое состояние, скорее это свойственно Южной части и Центру.

Сравнительно низким уровнем страха Литва обязана, с нашей точки зрения, и некоторым другим причинам. Не все успели уничтожить в Литве за годы советской власти. И, прежде всего, стремление маленького народа с большой историей сохранить свою самобытность и независимость. В Литве, самой обособленной советской республике, сохранилась мораль, которая опиралась на традиционно сильную католическую веру. Католическая церковь оказывала и оказывает сильное влияние на общественно-политическую жизнь страны и в советский период и сейчас, она стала тем самым спланивающим фактором в противостоянии русским оккупантам.

Нельзя не отметить и тот факт, что последствия развала СССР для Литвы, бывшей одной из самых богатых советских республик, были значительно менее катастрофичны, чем для Украины и России. В отличие от Латвии и Эстонии Литва, за годы пребывания в составе СССР, не потеряла, а приобрела территории: ей был возвращен Вильнюсский край и передан Клайпедский (Мемельский) край. После выхода из СССР Литве остались Игналинская АЭС, обеспечивающая сейчас более 80% потребностей страны в электроэнергии, построенная на средства единого союзного бюджета. В распаде СССР, а затем в налаживании отношений между постсоветскими государствами и Россией именно Литве принадлежала особая роль. Она первой из бывших союзных республик провозгласила свою независимость. Вильнюс быстрее и безболезненнее других урегулировал политико-правовой статус русскоязычного населения. Другая особенность положения Литвы заключается в том, что сегодня она граничит не с материковой Россией, от которой ее отделяют Латвия и Белоруссия, а с калининградским анклавом. Российское восприятие Литвы определяется прежде всего такой геополитической реальностью, как расположение Калининградской области. Литва всегда будет оставаться для России проблемной зоной, с которой необходимо поддерживать добрососедские отношения. (19)

Низкий уровень страхов в Литве наводит на мысль, что литовцы воспринимают действительность так же, как российские иммигранты. Интенсивность страхов и тревог по основным показателям в Литве такая же. Такой же низкий уровень по сравнению с Украиной и Россией.

Много общего и в структуре страхов. (См. ПРИЛОЖЕНИЕ). И там, и здесь лидируют массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных болезней (литовцы — 53,6%, иммигранты — 51,2%), ядерная война (соответственно 32,9% и 30,2%), химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов (соответственно 41,0% и 55,8%), терроризм (31,3% и 48,9%).

Табл.4

Страхи и тревоги российских иммигрантов, литовцев, украинцев и россиян, %

	Россий- сий- ские имми- гранты	Постсоветское пространст- во		
		Литва	Украи- на	Россия (1998)
Ядерная война	30,2	32,9	47,9	36,8
Природные катастро- фы	25,6	26	60,6	37,3
Тирания, беззаконие	30,2	39,4	79,2	61,0
Нищета	51,1	51,8	86,7	76,4
Криминализация	46,5	45,8	73,7	60,6
Возврат массовых ре- прессий	25,6	17,8	37,1	14,6
Химическое и радиа- ционное заражение воды, воздуха, про- дуктов	55,8	51,8	80,9	74,1
Массовые эпидемии, распространение	51,2	53,6	78,1	18,4

СПИДа и других смертельных болезней				
Скопление неиспользуемых отходов	9,3	14,5	51,1	37,8

Существенное различие между литовцами и российскими иммигрантами — иммигранты меньше обеспокоены материальными, реальными осязаемыми опасностями, что и понятно. После двух лет проживания в одном из самых благополучных и респектабельных городов США страх нищеты, безработицы, коррупции и полного беззакония у них ослаблен.

Единственная опасность, которой литовцы опасаются даже больше, чем украинцы, и больше, чем россияне, — это “преобладание иммигрантов, которые не хотят или не способны освоить их культуру, язык и образ жизни”. Сильную тревогу и постоянный страх это вызывает у 24% литовцев (практически у каждого четвертого), у 20,7% украинцев и всего лишь у 11,3% россиян.

Проблема эта, скорее всего, унаследована от советского прошлого — положение русскоязычного населения. В целом иммигранты составляют 20% населения Литвы, 10% из которых — русские. (19)

Отношение литовского населения к России в течение последнего десятилетия заметно менялось. В марте 1990 Литва первой из бывших республик СССР провозгласила свою независимость. Однако на Литве Россия впервые опробовала нефтяную блокаду, как инструмент политического давления. Затем 13 января 1991 года последовал ввод советских танков в Вильнюс и захват городской телебашни. Нефтяная блокада 1990 года обернулась для населения Литвы сильнейшими тяготами. Армия “чужой страны” служила дополнительным психологическим раздражителем, нагнетавшим антисоветские настроения. Поэтому обострение социальных проблем в результате общего обвала постсоветской экономики Литвы приобрело “национальную” окраску. Литовцы, привыкшие быть одной из самых богатых советских республик, винили во всем “оккупантов” и “чужих” рабочих, которые заняли “их” рабочие места. Антирусские настроения сохранялись и продолжают сохраняться сегодня у пожилых людей, оказавшихся жертвами сталинских репрессий, и радикальной националистической молодежи. В отличие от поляков русским так и не удалось создать единую политическую партию, которая представляла бы их интересы в литовском парламенте. Поляки составляют 6% населения Литвы, но их партия имеет своих депутатов в Сейме.

Эта проблема часто всплывает и на Украине, правда, последнее время все реже. Русское население Украины (по максимальной оценке 22% населения страны) довольно многочисленно, но вне Крыма меньшинством себя не осознает и порой вообще не имеет выраженного этнического самосознания. (23) Независимо от этнической принадлежности и языка (считается, что русский — основной разговорный язык для 40-50% граждан Украины), большинство жителей не видит противоречия между враждебностью по отношению к российскому государству и чувством общности с русской культурой и русским народом. Более трети территории Украины вошло в состав Русского государства еще до конца XVIII века, оставшуюся часть южных и центральных областей страны Россия подчинила себе между серединой XVIII века и окончанием Наполеоновских войн.

При всех различиях в украинских общественных настроениях нет никаких оснований полагать, будто русские резко отличаются от украинцев по политическим взглядам, если те живут в том же регионе, принадлежат к тому же поколению и имеют тот же социальный статус. Английский исследователь Джеймс Шерр отмечает такой факт, что опрос, проведенный в Киеве в январе 1995 года, когда общественное разочарование достигло высшей точки, показал: 62% этнических украинцев и 58% этнических русских высказались в поддержку независимости, а против нее — 16% украинцев и 10% русских. (23)

Особенное в исторической перспективе положение Литвы тоже оказало свое влияние на структуру страхов и тревог населения.

Проведенное нами исследование показало, что литовские респонденты, по сравнению с российскими сильно опасаются геноцида, массовых преследований людей по этнонациональной принадлежности. Это вызывает сильную тревогу и постоянный страх у 8,7% россиян и у 15,1% литовских респондентов. Присоединение Литвы к России вызывает сильную тревогу и постоянный страх у 11,8% литовских респондентов.

Полувековое проживание под коммунистической диктатурой, запомнившееся литовцам (впрочем, как и россиянам, и украинцам) геноцидом, депортациями и репрессиями, обострило их страхи в отношении своей нации. Диктатура и массовые репрессии вызывают сильную тревогу и постоянный страх у 17,8% литовских и у 14,6% российских респондентов, приход к власти радикальных коммунистов — у 10,9% литовских и 7,3% российских респондентов. 13,1% литовских респондентов опасаются усиления власти КГБ.

В эссе “Нищета малых восточноевропейских государств”, где речь шла о государствах, которые сегодня называют ядром Центральной Европы, венгерский мыслитель Иштван Бибо отметил особую психологическую черту народов Польши, Венгрии и Чехии, характерную и для менталитета нашего непосредственного соседа на западе — Литвы — экзистенциальный страх, переживаемый на коллективном уровне, перед реальной или воображенной угрозой гибели национальной общности в результате лишения ее государственной самостоятельности, депортации или геноцида. Этот страх был связан с поляками, позже с немцами, а впоследствии с Россией. После второй мировой войны Германию перестали воспринимать как непосредственную угрозу. Этот экзистенциальный страх, воспитанный веками непредсказуемого, зачастую катастрофического развития, последние полвека сосредотачивался на СССР, а после 1991 года был перенесен на Россию. (18)

Проклятое наследство.

При анализе основных страхов и тревог в России, Литве и на Украине четко просматривается близость основных показателей. Все три страны, вышедшие из СССР, похожи тем, что у населения явно доминируют сугубо материальные и биологические страхи. Влияние марксистской идеологии не прошло бесследно.

В целом наибольший страх у российских, украинских и литовских респондентов вызывают опасности, которые можно условно разделить на четыре группы: экономические: снижение жизненного уровня, обнищание, массовая безработица, катастрофический неурожай; социальная патология: криминализация общества, полное беззаконие, коррупция властных структур, терроризм; экологические и связанные со здоровьем людей: химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов, массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных болезней; военные: распространение ядерного оружия, ядерная война.

Связаны они в основном с катастрофой, выразившейся в развале СССР. Социальные выражения этой катастрофы общеизвестны: социальная дезинтеграция, разрыв экономических связей, небывалое падение объемов и темпов производства, рост цен и падение жизненного уровня большинства населения, тяжелейший инвестиционный кризис, разгул преступности, беззаконие, широкая неудовлетворенность материальным и социальным положением.

Чернобыльская катастрофа стала своего рода катализатором для резкого роста экологического сознания и экологической культуры в постсоветском пространстве. Радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской аварии в той или иной мере подверглась территория, равная почти 1 млн. кв. км. (12)

Сильную тревогу ощущают респонденты по поводу массовых эпидемий и распространения смертельных болезней. В этом отношении все постсоветские страны переживают две главные проблемы: кризис в системе здравоохранения и резкое ухудшение здоровья нации в результате снижения качества жизни.

Пережитые украинским, русским и литовским народами на протяжении всей истории войны революции, перевороты, репрессии представляли собой не только демографическую,

но и генетическую катастрофу. С ее последствиями мы и наши потомки вынуждены будем считаться и в XXI веке. Об этом свидетельствует и очень высокий уровень страхов и тревог в отношении насилия — преступности, захвата власти в стране экстремистами или мафией, терроризма, массовых репрессий, геноцида. Эти потери не только искалечили людей, создали империю страха, но и крайне отрицательно сказались на генофонде страны. Когда на протяжении сравнительно короткого исторического периода из состава и численности различных форм (аллелей) разных генов в населении срезаются самые активные и жизнестойкие — это не может не сказаться на качественном составе популяции, на распространении разного рода наследственных болезней, уродств, не может не влиять на социальные характеристики общества, в частности на его духовный потенциал, высокий уровень катастрофического сознания, социальный иммунитет к разного рода злоупотреблениям власти.

Примерно одинаково волнуют литовцев и россиян такие проблемы, как ядерная война (Литва — 32,9%, Россия — 36,8%), терроризм (Литва — 31,2%, Россия — 36,1%), возникновение озоновых дыр (Литва — 29,6%, Россия — 28,4%), гибель земель в результате космической катастрофы (Литва — 14%, Россия — 14,6%), перенаселение городов (Литва — 4,6%, Россия — 5,8%) и нашествие ислама (Литва — 5,5%, Россия — 4,5%).

Как ни удивительно, значительно меньшее количество литовцев по сравнению с россиянами озабочено проблемой генетического вырождения нации (Литва — 20,8%, Россия — 46%), снижением рождаемости (Литва — 9,55, Россия — 27,4%), американизацией жизни в стране (Литва — 8,8%, Россия — 16,5%) и распространением неонацизма (Литва — 6,4%, Россия — 11,8%). На Украине по всем вышеперечисленным показателям респонденты проявляют значительно большую обеспокоенность.

Социальная активность на постсоветском пространстве.

Здесь мы скажем несколько слов о том, в какой степени страх той или иной угрозы побуждает российских, украинских и литовских респондентов к действиям, направленным против нее. Для этого обратимся к следующим вопросам анкеты.

Табл.6

Если бы это (особо опасное) бедствие все-таки произошло или уже произошло, то как Вы будете себя вести?

Реакция респондентов	Россия (да) %	Украина (да)%	Литва (да) %
1. Будете предпринимать какие-то меры, чтобы ослабить эту опасность	44,3	37,1	48,6
2. Вы думаете, что от Ваших действий ничего не зависит	55,7	62,9	50,1

На вопрос: “В какой мере Вы лично готовы предпринять или уже предпринимаете какие-то усилия, чтобы обезопасить себя от преступности?” ответы распределились следующим образом:

“я делаю все возможное, чтобы предотвратить эту опасность для своих близких” ответили “да” 26,9% российских, 28,1% украинских и 31,8% литовских респондентов.

“это не для меня: делать что-либо, чтобы предотвратить эту опасность для нашего народа” ответили “да” 72,1% российских, 74,5% украинских и 60,8% литовских респондентов.

На вопрос: “В какой мере Вы лично готовы предпринять или уже предпринимаете какие-то усилия, чтобы обезопасить себя от загрязнения окружающей среды?” ответы распределились следующим образом:

“я делаю все возможное, чтобы предотвратить эту опасность для своих близких” ответили “да” 31,3% российских, 25,7% украинских и 47,6% литовских респондентов.

“это не для меня: делать что-либо, чтобы предотвратить эту опасность для нашего народа” ответили “да” 57,1% российских, 64,4% украинских и 37,6% литовских респондентов.

Интересно будет сравнить полученные данные с ответами болгарских респондентов. Напомним, исследование в Болгарии проводилось в 1997 году по аналогичной анкете.

Преступность. 56.7% болгарских респондентов уже делают все от них зависящее, чтобы обезопасить своих близких. 20.6% болгарских респондентов делают все возможное, чтобы предотвратить эту опасность для всего народа.

Экология. 50.2% болгарских респондентов делают в настоящее время все от них зависящее, чтобы обезопасить своих близких от загрязнения окружающей среды. 25.5% болгарских респондентов делают все возможное, чтобы предотвратить эту опасность для своего народа.

В Болгарии, как и в Литве, катастрофы, поставившие народ на грань выживания, как это не парадоксально, стимулируют своеобразный микроколлективизм. Сплачиваются семьи для коллективного выживания, улучшаются отношения между родителями и детьми, то есть все-таки на этом уровне происходит своеобразное объединение людей.

Все эти оценки достаточно субъективны. Россия не сравнима по размерам и населению с Литвой и Болгарией. Длительный и жесткий период тоталитаризма, военного режима приучил российских граждан к социальной пассивности. Не прошли Болгария и Литва такого страшного отчуждения граждан друг от друга, как Россия в период массовых репрессий.

Тем не менее получается, что около 1/2 литовских и болгарских респондентов предпринимают некоторые действия для борьбы с разными опасностями. Среди российских респондентов таких — 1/3, среди украинских — 1/4.

Вряд ли такой результат говорит об отсутствии чувства коллективизма или любви к ближнему¹. Скорее всего, основная причина социальной пассивности — неверие в способность рядового гражданина даже коллективными действиями повлиять на изменение общей ситуации в стране, то есть недоверие к органам государственной власти, ибо именно они, по общему мнению, призваны гарантировать защиту от преступности, обнищания, уничтожения среды обитания. Потеря веры в то, что объединившись можно что-то сделать.

Один из парадоксов советской коммунистической идеологии заключался в том, что, клянясь на каждом углу верности коллективу, люди на самом деле жили в состоянии настоящего животного страха. Трудно представить более атомизированное общество, чем общество советского типа. И материалистическая идеология вкупе с атомизацией явилась причиной разрушения духовности, веры, морали. Это затронуло и Литву, но в меньшей степени. Большевики победили еще и потому, что православие не было столь большой противосилой, как католичество с его непогрешимостью и всепроникающей властью. Главное, что показала Литва, — это объединение нации, сплоченность в борьбе с общим врагом СССР. Замкнутость в противостоянии оккупанту помогла Литве сохранить то, что мы сегодня никак не можем найти, — национальную идею, в основе которой лежит сильная общая эмоция. Это проявилось и в отстаивании Литвой своей независимости, и в борьбе с иммигрантами.

Подведем некоторые итоги.

1. Прежде всего, анализ результатов исследования свидетельствует, что о страхах нельзя говорить в прошедшем времени. Союз распался, а страх царит на постсоветском пространстве.
2. Страхи, разумеется, модифицировались в зависимости от обстоятельств места и времени. Это особенно важно иметь в виду в последние годы XX века, когда происходит своеобразное

¹ См. В.А.Ядов. Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания. Социологический журнал. №3, 1997.

разная интерференция реальных опасностей и угроз с мистическими ожиданиями и ужасами.

3. Сравнительный анализ показал, что чемпионом по страхам, буквально по всем индикаторам, является не Россия, а Украина. Ситуация на этой многотрадной земле граничит с паникой.
4. Напротив, в Литве интенсивность страхов заметно ниже, чем в России, не говоря уже об Украине. Оценки литовцев очень близки к индикаторам российских иммигрантов, осевших в США (Бостон) два года назад. Словно Литва стала страной-иммигранткой.
5. Этот феномен заслуживает специального анализа, но пока мы предварительно могли бы указать, что резкому снижению страхов и тревог в Литве, возможно, способствовали такие факторы, как осознание общей угрозы, общего врага; католицизм, вера, которая не была дискредитирована и разгромлена в такой мере, как православие в России и обусловленное этим сохранение общественной морали.
6. Характерно, что высокая интенсивность страхов в России и на Украине сочетаются с крайне низким уровнем способности населения к самоорганизации для противостояния вероятным опасностям (во всяком случае, ряда из них). В советское время под всеобщие заклинания о верности коллективизму происходила чудовищная атомизация общества, оказалось, что “спасение утопающих — дело рук самих утопающих”.
7. Высокий уровень и интенсивность страхов в России и на Украине может стать причиной (а поводы при существующей сейчас политической и социально-экономической напряженности легко найдутся) серьезной паники и катаклизмов. При наличии огромных запасов оружия массового поражения (прежде всего ядерного, химического и бактериологического) эти кризисы могут приобрести планетарный характер. Поэтому высоким уровнем и интенсивностью страхов в этих государствах должны быть озабочены и другие страны мирового сообщества.

**Часть III. Страхи на посткоммунистическом пространстве (П.-Эм.
Митев, В.Иванова, В.Шубкин)**
**Глава 18. Страхи и тревоги в Болгарии. (По материалам социологи-
ческого исследования 1998 года)**

Методологические замечания.

В рамках международного проекта “Катастрофическое сознание в современном мире”, проводимого Университетом Штата Мичиган (В. Шляпентох) и Российской Академией Наук (В. Шубкин и В. Ядов), Болгарская Социологическая Ассоциация под руководством П.Е. Митева провела ряд социологических исследований (стандартизированные интервью, контент-анализ прессы и предвыборных политических программ, экспертные оценки) на тему “Катастрофическое сознание в современной Болгарии”.

Особенности анкеты.

В анкету-интервью были включены все 47 вопросов, характеризующих социально-демографические данные респондентов, их уверенность в будущем, отношение к разным видам опасностей, а также интенсивность страхов и тревог, что позволяет сравнивать его с другими исследованиями. Однако учитывая национальные особенности и специфику развития страны, в последнее время анкета дополнена некоторыми вопросами.

В болгарскую анкету были внесены некоторые изменения. Так, вопрос 18 касается актуальной для современной Болгарии проблемы распространения религиозных сект. Обеспокоенность господством грубого материализма и бездуховности в обществе и страх утраты веры в Бога были разделены. Ибо, на взгляд болгарских исследователей, атеисты тоже имеют свои представления о духовных идеалах. Проблемы истощения природных ресурсов, химического и радиационного заражения воды, воздуха, продуктов рассматривались более дифференцированно. (В российской анкете этот вопрос звучит так: Как вы думаете, как много людей обеспокоены нижеперечисленными опасностями: истощением природных ресурсов?) “Истощение природных ресурсов в Болгарии” и “Истощение природных ресурсов на Земле в целом”; “Химическое, токсическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов” — “Вблизи моего места жительства”, “В Болгарии в целом”, “На Земле в целом”. Это позволило выстроить существующую в сознании людей цепочку страхов в их иерархической последовательности и проследить за трансформацией от частных страхов до беспокойств на глобальном уровне.

По следующим направлениям в анкету были добавлены вопросы.

1. Отношение к будущему страны. Вопрос 55 “Какие из приведенных высказываний Вам ближе: а) мир становится все более враждебным, б) в ближайшие 30 лет мир станет лучше”. Эти же вопросы задавались болгарам в конце 70-х годов и сегодня можно сравнить результаты.

2. Общая концепция развития Болгарии в недалеком прошлом, в настоящем и в ближайшем будущем. Вопрос 45 “Как вы оцениваете жизнь в стране в последние 45 лет, более конкретно, период с 9 сентября 1944 года до 10 ноября 1989 года”. Вопрос 46 “Как Вы оцениваете последние 7 лет жизни страны?”. Вопрос 53 “Какие высказывания о будущем страны Вам ближе всего: (1) не думаю, что жизнь в Болгарии сильно изменится в ближайшие несколько лет, (2) уверен, что в ближайшем будущем наступят перемены к лучшему, (3) уверен, что все перемены в ближайшем будущем только ухудшат нынешнее положение, (4) перемене-

ны в ближайшем будущем обязательно будут, но не знаю, плохими они будут или хорошими”. Вопрос 54 “В каком направлении будет развиваться Болгария?”.

3. Ожидания, связанные с развитием населенного пункта, где живет респондент. Вопрос 52 “Какие утверждения о будущем города/деревни, где вы живете, Вам наиболее близки?”.

4. Прогнозы о финансовом благополучии семьи. Вопрос 56 “Как, по Вашему мнению, изменится финансовое положение Вашей семьи в ближайшем будущем : (1) значительно улучшится, (2) немного улучшится, (3) останется прежним, (4) немного ухудшится, (5) значительно ухудшится, (6) не знаю”.

5. Отношение к внешней политике Болгарии, на которую возлагаются сегодня большие надежды. Вопрос 48 “Чувствуете ли вы себя не только гражданином Болгарии, но и европейцем?”. Вопрос 49 “Как скоро, по Вашему мнению, Болгария станет членом Европейского Сообщества?”. Вопрос 50 “Как Вы оцениваете вступление Болгарии в ЕС?”. Вопрос 51 “Как вы оцениваете вступление Болгарии в НАТО?”.

6. Социальная активность. Вопрос 41 “Выдвигали ли Вы когда-нибудь какие-либо предложения по устранению социальной несправедливости?”.

7. Личный травматизм. Вопрос 34 “Подвергались ли Вы или Ваши близкие преступному нападению, насилию, ограблению и т.п.?”

8. Отношение к периодическим изданиям. Вопрос 35 “Какие статьи в печатных изданиях привлекают ваше внимание в первую очередь?”.

9. Духовная жизнь респондентов. Вопрос 36 “Если Вы хотите посмотреть новый фильм и единственное, что о нем известно — это жанр, то что Вы предпочли бы?”. Вопрос 37 “Какое художественное произведение Вы читали недавно или же читаете сейчас?”.

10. Отношение респондента к религии. Вопрос 71 “ Вы можете сказать о себе: (1) я очень религиозный человек, (2) я не очень религиозен, (3) скорее нерелигиозен, (4) я атеист.”

11. Отношение к опросу. Вопрос 74 “Показалось ли данное интервью Вам интересным?”.

Полевые работы.

В 1997 году были проведены массовые стандартизированные обследования по теме международного проекта. Полевые работы выполнены специалистами Национального Болгарского Центра Изучения Общественного Мнения. В целом отношение к опросу было позитивным и проблем в процессе работы не возникало. Аннулированных интервью практически не было. Ответы на соответствующие вопросы были закодированы.

Объем выборки — 1040 человек. Выборка представила население Болгарии по следующим параметрам: половозрастная структура, структура населенных пунктов (соотношение городского и сельского населения) в соответствии со статистическими данными конца 1996 года.

Сравнительные параметры выборки по России и Болгарии.

	Россия	Болгария
ПОЛ		
женский	57,0	51,5
мужской	43,0	48,3
ВОЗРАСТ		
до 20 лет	4,6	3,3
20-29 лет	19,4	14,3
30-39 лет	22,5	18,2
40-49 лет	20,8	16,0
50-59 лет	14,2	15,8
старше 60 лет	18,4	32,4

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ		
русский / болгарин	90,3	85,4
другая	9,7	14,6
ОБРАЗОВАНИЕ		
высшее	19,5	11,5
незакончен. высшее	3,4	1,3
среднее специальное	27,9	26,1
среднее проф-техн.	13,8	9,8
среднее общее	20,2	19,8
9 классов и меньше	15,2	31,6
В КАКОМ НАСЕЛЕННОМ ПУНКТЕ ПРОЖИВАЕТ		
София / Москва, С.-Петербург	10,0	13,8
обл./ районный центр	24,8	34,2
в других городах	41,6	21,0
в сельском населенном пункте	23,6	31,1

Вспомогательные обследования.

Дополнительная информация по поводу тревог и страхов, характерных для населения Болгарии, была получена из проведенного Центром Изучения Национальных Меньшинств Болгарии “Сравнительного исследования жизни болгар-мусульман и болгар-христиан” (май-июнь 1997 года). В анкету были включены вопросы, характеризующие отношение респондентов к различным видам опасностей, а также интенсивность страхов и тревог. Прежде всего это вопросы : “В какой мере Вы уверены в своем будущем?”, “Насколько Вас тревожат вышеперечисленные опасности: криминализация общества, ядерная война, нападение соседних государств, гражданские и межэтнические войны, этническая и религиозная дискриминация, исламский фундаментализм, политические репрессии, катастрофические неурожаи, эпидемии, беззаконие и коррупция властных структур, кризис семейных ценностей, снижение культурного уровня населения, природные катастрофы, конец света?”, “Как Вы считаете, мир станет враждебнее в ближайшие 30 лет или лучше?”, “Что повлияет на будущее страны : (1) политика Турции, (2) исламский фундаментализм, (3) албанское вторжение на Балканы”, “Есть ли вероятность новой войны на Балканах?”, “Что может заставить Вас покинуть Болгарию?”, “Согласитесь ли Вы на ограничение Ваших демократических прав и свобод для наведения порядка в стране и улучшения экономического положения?”, “Бойтесь ли Вы остаться без работы?”. Объем выборки данного исследования — 2432 человека, среди которых христиане, мусульмане, этнические турки и румыны.

Кроме того, данные были получены из проведенных в августе 1997 года обследований “Социальная интеграция и степень политической активности молодежи Болгарии” и “Формирование европейского сознания у болгарской молодежи”. Первый раз эти обследования проводились сразу после окончания серьезного политического кризиса в стране. Повторное обследование отразило изменение настроений и aspirations молодежи через полгода. В анкету-интервью были включены следующие вопросы: “Каково Ваше отношение к молодежным волнениям в январе/феврале 1997 года?”, “Достигли ли эти протесты своей цели?”, “Ожидаете ли Вы повторных выступлений, если условия жизни не изменятся?”, “Каково ваше отношение к изменению системы школьного образования в Болгарии?”. Здесь отразились все страхи нового поколения.

Болгарскими учеными был проведен контент-анализ политических манифестов и предвыборных программ (1991-1997) и государственной программы “Болгария 2001”, принятой сразу после выборов 19 апреля 1997 года с точки зрения катастрофизма.

Полустандартизированный опрос на эту же тему был проведен среди 78 человек из 28 населенных пунктов (18 городов и 10 деревень) по вопросам: “Есть ли у Вас на сегодняшний день ощущение катастрофы?”, “Это чувство личное или всеобъемлющее?”, “Это сказывается на Вашем отношении к религии?”.

Кроме того, было опрошено 68 экспертов, включая членов Парламента из всех политических партий и группировок, различных религиозных деятелей, гражданских служащих, работников, занятых в интеллектуальных сферах, и фермеров. Им были заданы те же вопросы (что и в полустандартизированном опросе), касающиеся влияния страхов на духовную жизнь человека.

Под руководством профессора кафедры психологии факультета философии Софийского университета П. Александрова среди 200 респондентов (100 болгар-христиан, 100 болгар-мусульман) был проведен суггестивный тест на следующие понятия: “катастрофа”, “кризис”, “Болгария”, “политика”, “демократия”, “НАТО”, главной целью которого было выяснить, какие ассоциации вызывают эти понятия, то есть какими основными словами респонденты характеризуют состояние кризиса в стране.

В январе/феврале и в августе/сентябре 1997 года был проведен контент-анализ прессы с целью выяснить, насколько негативная информация, сообщения о различных мировых катастрофах влияют на формирование катастрофичного сознания.

Интердисциплинарные аспекты.

Лингвистический аспект.

Понятие “катастрофа” имеет греческие корни, и в болгарском языке представляет нечто среднее между русским словом “катастрофа” и французским “catastrophe”. В крупнейшем исследовании общепотребительного болгарского языка, которое проводил Найден Геров на протяжении 40 лет во второй половине XIX, такое слово не встречается. Тем не менее термин этот появился в болгарской литературе и широко использовался такими ее классиками, как Христо Ботевым и Иваном Вазовым, и применяется в настоящее время.

В толковом словаре болгарского языка издания 1993 года, т.7 (под ред. К. Чолаковой) слово “катастрофа” имеет 5 основных значений:

1. Несчастный случай с разрушениями и человеческими жертвами, причина которого — транспортное происшествие.
2. Непредвиденные обстоятельства, повлекшие за собой крах, или же событие, имеющее трагические последствия.
3. Неожиданный поворот в социальной, политической жизни, который приводит к полной дестабилизации, беспорядкам и гибели людей.
4. (спец.) Механическое изменение структуры поверхности Земли или иных космических тел, вызванные природными катаклизмами.
5. Трагическое развитие событий в драматическом произведении, особо характерное для древних трагедий.

Таким образом, становится понятно, что слово “катастрофа” в болгарском языке имеет широкий спектр значений, которые могут быть классифицированы следующим образом: механическое, онтологическое, социальное, природное и театральное. В данном контексте имеет смысл обратиться к социальной трактовке.

В Словаре Современного Болгарского Языка 1955 года, т.1 (под ред. академика С. Романски) присутствует понятие “национальная катастрофа”, которое приобрело в болгарском языке и в болгарской истории особое значение.

В официальных документах часто встречается такой термин, как “человеческая катастрофа”. Однако здесь есть некоторые нюансы. Понятие “национальная катастрофа” относится только к тем, кто непосредственно проживает на территории страны в настоящее время, а понятие “человеческая катастрофа”, в отношении болгар, охватывает и тех, кто проживает за территорией страны. Наиболее часто упоминаемый синоним катастрофы в этом случае — “поражение” (с оттенком “национальное поражение”).

С началом демократических преобразований в Болгарии (1989 год) термин “национальная катастрофа” вновь появился в обиходе, теперь уже в качестве предмета для полемики (особенное внимание ему уделяла Коммунистическая партия). Он часто появлялся в политических документах.

Имеет смысл отметить две особенности болгарского языка: во-первых, существует отдельное понятие социального бедствия — “национальная катастрофа”, во-вторых — события современной истории Болгарии обозначаются как серия национальных катастроф, каждая из которых имеет свой порядковый номер: “первая”, “вторая” и (вероятно) “третья”.

Такое усиленное внимание к понятию “национальная катастрофа” отражает высокую тревожность нации. А такие изменения языка говорят о том, что катастрофичность стала структурным элементом национального сознания.

Исторический аспект.

Особенности развития государства.

После освобождения Болгарии от турецкого ига (1878 г.) внутренняя политика страны была полностью направлена на создание единого в национальном отношении государства. Формировалась сильная, хорошо обученная армия. В 1885 году образовался так называемый “союз” между княжеством Болгария и Восточной Румынией. И во времена Первой Балканской войны, объединенная болгарская армия добилась некоторых побед. Однако впоследствии глубокие противоречия между Балканскими коалициями по поводу раздела бывшего турецкого наследия вылились во Вторую Балканскую войну (1913 г.). Поражение Болгарии в этой войне было предопределено, несмотря на то, что ею в действительности не было проиграно ни одно сражение. Для страны важно было на тот период сбросить иго и объединиться в борьбе. Но война была проиграна.

Национальная катастрофа.

Термин “национальная катастрофа” впервые прозвучал в Болгарии в 1913 году. Им обозначили тот крах, разрушение, слом, которые происходили в социальной и политической жизни страны, и страшный эмоциональный упадок нации после поражения в двух войнах. В статьях и листовках, распространявшихся в огромном количестве летом и осенью 1913 года и особенно в 1914 году, ставились одни и те же вопросы, касающиеся поражения: ошибки дипломатических приготовлений, плохое руководство военными операциями, ошибки политиков и Правительства, роль королевской династии во всем этом. Общественное мнение пришло к единой точке зрения: Болгария пережила настоящую национальную катастрофу с ужасающими последствиями. Понятия “национальная катастрофа” и “человеческая катастрофа” объединяли поражение, трагедия, коллапс.

В самом начале 1914 года вопрос о национальной катастрофе был вынесен на Национальную Ассамблею. В итоге чего был создан специальный совет для расследования причин сложившейся ситуации. Было официально объявлено, что расследование не имеет политической подоплеки. “Необходимо поймать и наказать тех, по чьей вине произошла катастрофа”, “оздоровить атмосферу в стране и очистить людские души” (Радев). Совет просуществовал с 21 апреля по 10 мая 1914 года. Создание такого совета должно было дать выход всем негативным эмоциям, накопившимся в душах людей. Не случайно было отмечено в официаль-

ных заявлениях, что “болгарская катастрофа — это набор нелепых случайностей, в которых просматриваются влияние соседей и неблагоприятное прошлое” (Саказов).

Со стороны общественных партий звучали в адрес совета обвинения в бездействии и утаивании фактов виновности действующего правительства. Дебаты по этому поводу носили целиком обвинительный характер и относились к области философии истории. “Война была вызвана исторической необходимостью” (Генадиев). Как показали последующие события, следственный комитет положил конец “эре надежд”. “Наши ожидания были обмануты, и снова мы склоняем свои головы и становимся рабами”. Споры и дебаты прекратились с началом расследования отрицательной роли правительства, которое возглавляли во время войны Гешев и Данев. Итогом работы следственного совета стал объемный труд (4 тома, 2500 страниц), который предоставили на суд широкой общественности. Но никакого решения по данному вопросу вынести не удалось — страна была вовлечена в новую войну, которая тоже стала для страны национальной катастрофой. В попытке предотвратить вторую национальную катастрофу (избежать участия в первой мировой войне) большую роль сыграл лидер Болгарского Аграрного Союза Александр Стамболийски. На встрече с королем Фердинандом он предупредил монарха: “Любая, предпринятая Вами совместно с нынешним правительством акция обречена заранее, ибо катастрофа 16 июня 1913 года окончательно подорвала доверие к Вам как к великому дипломату; люди потеряли всякое доверие к разрозненным партиям, стоящим во главе Болгарии, и все ужасы Балканской войны еще живы в сознании людей”.

Вся предвыборная стратегия Болгарского Аграрного Союза (самой популярной партии того времени) перед парламентскими выборами 1919 года строилась на требовании уголовной ответственности для виновников национальной катастрофы. В ноябре 1919 года, после подписания Нейилского мирного договора, XVIII Национальная Ассамблея приняла закон “О наказании всех виновных в человеческой катастрофе в Болгарии”, который впоследствии был назван “некрологом за прошедшие 40 лет и на долгие годы вперед” (Чешмедьев). Только после этого стали явными причины и последствия этого величайшего кошмара в истории страны. В Законе было отмечено, что “катастрофа нанесла такой удар по Болгарии, устранить последствия которого практически невозможно” (Ботев).

В 1921 году на XIX Национальной Ассамблее обсуждался и был принят закон (на основании референдума) о “Возложении вины и ответственности за непоследовательное проведение войн и за катастрофические для страны результаты этих войн на министров кабинета Гешова (16 марта 1911-1 июня 1913), Данева (1 июня — 4 июля 1913) и Малинова (21 июля — 18 октября 1913)”. Основанием для принятия такого закона стала политическая борьба, развернувшаяся в то время: “Вместо того, чтобы признать свои грехи после катастрофы, бывшие министры толкнули страну к новой катастрофе”.

Тема национальной катастрофы возникла вновь после окончания второй мировой войны. На очередной Национальной Ассамблее (1946) обсуждался вопрос о том, быть ли Болгарии монархией или же стать парламентской республикой. Выступая на заседании, премьер-министр Георгиев (общественное объединение “Звено”) сказал, что представители королевской династии “вовлекли нас в период бесконечных неудач, благодаря чему страна пережила лишь три национальные катастрофы, ибо случай не дал им возможности вовлечь Болгарию в очередную катастрофу”. Глава радикальной партии Габровски не был настолько категоричен, но тем не менее заявил: “Последствия той пагубной для страны политики до сих пор свежи в памяти людей национальные катастрофы 1913, 1918 годов; третья катастрофа 1944 года была предотвращена народным фронтом ценой больших потерь и усилий”.

В учебниках по истории, изданных после 1989 года, содержится уже более мягкое толкование событий того времени, с точки зрения нарастания катастроф с 1913 по 1918 года и виновности конкретных политиков за них. Но даже в самых общих рассуждениях о событиях того времени присутствуют слова: “первая национальная катастрофа”, “первое национальное поражение”, “вторая национальная катастрофа”.

События тех лет оказали поистине травматическое воздействие на психологию нации. В 30-е годы было популярным выражение “болгарский синдром”, имеющее непосредственное отношение к событиям того времени.

Крупнейший болгарский социолог Иван Хадъиски (1907-1945) расшифровал значение этого феномена: “это непродуманные, кое-как проведенные наспех, без всякой цели, мероприятия и к тому же при несчастливом стечении обстоятельств, итог которых — грандиозный скандал”. В лингвистической практике других стран ничего подобного не встречается, не существует ни в одном языке аналогичной дефиниции, которая бы говорила о национальном качестве в столь уничижительном значении. Мир не знает такого французского, английского, сербского, румынского или латиноамериканского синдрома. Это можно объяснить только тем, что в сознании болгар очень силен “катастрофический комплекс”.

Выводы.

1. Понятие “национальная катастрофа” появилось в Болгарии в 1913 году и прочно вошло в историографию страны. Появились понятия: “первая национальная катастрофа”, “вторая национальная катастрофа”. Этот термин встречается и в официальных документах, и в законодательных актах, и в учебниках истории.

2. Понятие “катастрофа” не пропало со временем. Оно прочно вошло и в болгарский язык, и в сознание населения.

3. Ответственность и вина политиков за происходившие в стране события, за войны и прочее обрели смысл: “вина за национальную катастрофу”.

4. В разное время понятие “национальная катастрофа” имело разное влияние на общественно-политическую жизнь страны. Сначала им обозначали тот драматический опыт, который страна приобрела за столь непродолжительный период, позже оно стало важным инструментом политической борьбы.

5. В 60-х годах в Болгарии появилось понятие “третья национальная катастрофа”. Ожиданием этой катастрофы была проникнута жизнь болгар 40-х — начала 50-х годов.

6. В учебниках истории, появившихся после 1989 года, авторы стремились объяснить все события лишь с точки зрения провала или успеха политики национального единства интересов страны.

7. Болгарские историографы столкнулись с серьезной проблемой: как обозначить все те негативные события в истории страны, которые привели к развитию катастрофического комплекса у нации.

Политический аспект.

В самом начале переходного периода в Болгарии (10 ноября 1989 года) обстановка в стране была названа кризисной. Это признавала и находящаяся тогда еще у власти коммунистическая партия и только-только сформировавшаяся оппозиция. В свете последовавших политических изменений слово “кризис” оказалось явно несоответствующим обстановке.

Интенсивность политической борьбы того времени отразилась в предвыборных манифестах и программах. Особый интерес в рамках данного исследования представляет язык этих документов на предмет использования катастрофической лексики. Ключевыми словами политических дискуссий стали: экологическая катастрофа, экономическая катастрофа, производственный кризис, демографическая катастрофа, политическая катастрофа, национальная катастрофа. Одни партии утверждали, что катастрофа уже произошла, другие — что она вот-вот наступит, третьи говорили уже о результатах катастрофы. Все сходились в одном — катастрофа где-то рядом.

К 1997 году ситуация достигла апогея. В политических документах уже встречаются высказывания, что “в настоящий момент страна переживает самый тяжелый за всю историю страны кризис”, речь шла не о гибели государства, а о третьей национальной катастрофе.

Обратимся к истории: в 1913 — 1919 годах термином “национальная катастрофа” характеризовали военное поражение страны, в результате чего Болгария потеряла часть издавна принадлежавших ей земель. В 1945-46 годах, несмотря на сильную прокоммунистическую пропаганду, болгары считали, что страна находится на грани национальной катастрофы. Все это в основном касалось территориальных потерь или притеснений. Между тем вновь вошедшее в обиход в 1990 году понятие “национальная катастрофа” не имело уже никакого отношения к территориальным потерям страны. Поэтому нельзя говорить о полной неактуальности слова “кризис” в 90-х годах. Или же о полном единстве политической лексики этого периода.

Болгарскую кризисно-катастрофическую политическую лексику 1990-х годов условно можно классифицировать следующим образом:

1. Синонимы катастрофизма: поражение, опустошение, крах, гибель, коллапс, бедствие.
2. Существительные, принимающие катастрофическое значение только в определенных обстоятельствах: дезинтеграция, обвал, трагедия, провал, разгром, беспорядок.
3. слова, непосредственно характеризующие катастрофу: голод, дно, мусор.
4. Слова, усиливающие катастрофическое значение: насилие, опасность, агрессия, пагубный.

Во многих политических документах встречаются и понятия более сильные, чем “катастрофа”: гибель, геноцид.

К катастрофической лексике обращались все политические партии. Партия социалистов и партия радикальных коммунистов крайне мало используют “сильные” катастрофические языковые единицы. Возможно потому, что свое отстранение от власти, спровоцированное массовыми волнениями, они восприняли как личную трагедию.

Основная антикоммунистическая группировка Объединенные Демократические Силы — тоже почувствовали себя в специфической обстановке. Они приняли существующую власть *de facto* и старались провести свою программу, ориентированную в основном на позитивные перемены, поэтому тоже избегали “сильных” эпитетов, хотя катастрофическую лексику использовали довольно широко.

Больше всего слов катастрофического значения встречается в программе Бизнес Блока Болгарии, который усиленно эксплуатировал негативные настроения и тенденции в populistских целях.

Меньше всего использовала эту лексику либеральная коалиция Союз Национального Спасения, несмотря на то, что само название является антонимом катастрофизму и подразумевает апеллирование именно к подобной терминологии. Движение за Права и Свободы, среди приверженцев которой в основном этнические турки и мусульмане, отличалось крайней сдержанностью в оценке происходящих событий с точки зрения катастрофы. Меньше всех остальных партий катастрофическую лексику использовала Болгарская Евро-Левая партия, которая полностью строила свою программу на поиске оптимального политического и экономического варианта развития страны. Это также относится и к типичным либеральным партиям, не представленным в Парламенте.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Политический язык переходного периода в Болгарии многолик и наполнен катастрофической лексикой.

2. Сама катастрофическая лексика достаточно разнообразна. Ее активно использовали политические партии от крайне левых до крайне правых. Долгое время партии спорили, что именно обозначить катастрофой: коммунистическое прошлое или демократическое настоящее. Отрицание было популярно, однако неплохие шансы на победу были у партий, предлагающих позитивную трактовку будущего. В 1994 году Болгарская Социалистическая Партия победила на выборах с лозунгом: “Прекратим разорение страны! За обновление Болгарии!”. Но продержалась она у власти не долго. После провала социалистов вперед выдвинулись Объединенные Демократические Силы Болгарии.

3. В катастрофическом “словаре” 90-х годов многие значимые термины отсутствуют, тогда как другие представлены в избытке. Почти не встречаются, например, такие понятия, как гражданские и межэтнические войны, геноцид, терроризм, политический экстремизм, глобальная катастрофа. Все внимание сосредоточено на экономических, экологических, демографических и политических аспектах. Широко обсуждаются проблемы социальной патологии: преступность, коррупция, мафия, ухудшение здоровья нации, кризис моральных ценностей.

4. Особое внимание в ходе политической борьбы уделяется поиску виновных в кризисе (или катастрофе).

5. Можно отметить чрезмерное внимание к катастрофической лексике. Можно сказать, что рассуждения о кризисе настоящего, заменяющие поиск возможных вариантов развития страны, лишь способствуют дальнейшему развалу страны, не смотря на хороший экономический и человеческий потенциал страны.

Незадолго до начала переходного периода Збигнев Бжезинский в своей книге “Обвал”(1989) писал, что среди всех коммунистических стран восточной Европы и даже Азии Болгария является наиболее устойчивой и стабильной. И как ни странно, именно в Болгарии поднялся такой шум по поводу надвигающейся катастрофы.

Болгария стала развиваться по так называемой “биполярной” модели, и борьба политических сил завершилась со счетом 0:0. На политической арене происходили острые столкновения между сильной еще коммунистической партией, которая сумела победить на двух демократических выборах, и антикоммунистической оппозицией, которая в итоге пришла к власти уже на более длительный период. Экономические реформы были отложены в результате этой борьбы, которая закончилась лишь осенью 1998 года.

6. Еще нет в стране здравомыслящих политиков, которые противостояли бы “идеологии тревог”. Между тем уже всюду идут поиски оптимальных экономических реформ и сплочение основных политических сил.

В апреле 1998 года, после окончательной победы своей партии, лидер Объединенных Демократических Сил Костов сказал, что его не очень радует победа, потому что принимает власть в разваливающемся государстве. Несмотря на это, в государственной программе “Болгария 2001” нет никаких намеков на катастрофу. Это экономическая программа, нацеленная на выход из кризиса и возврат к нормальной жизни.

Журналистский аспект.

Свобода слова.

Вплоть до 1989 года, болгарская пресса, радио и телевидение пользовались исключительно языком официальной политики. Даже популярная в начале 90-х годов в Болгарии российская печать эпохи перестройки и гласности, которая оказала значительное влияние на общественное мнение и прессу того времени, не сразу смогла переломить эту тенденцию.

10 ноября 1989 года. Конец эпохи коммунизма. Болгарской журналистике необходимо было в очень короткий период переосмыслить прошлое и оценить настоящее. Периодическая печать перестраивалась очень медленно и долго не могла определиться. Обвинения в адрес прошлого не были конкретными, критика существующего положения дел — символическая.

Прорыв произошел только в 1990 году. С одной стороны, новоиспеченная оппозиционная пресса вполне легально публиковала диссидентские материалы, с другой стороны, независимые издания широко обсуждали политические события. Но довольно быстро наиболее массовые еженедельные и ежедневные издания заняли позицию героя Алеко Константинова: “Все вокруг мошенники!”. Наибольшую популярность обрели ежедневная газета “24 часа” и еженедельник “168 часов”. Держась в стороне от основных политических сил и оппозиции, они совершенствовались “новый язык болгарской прессы”, язвительно и цинично высмеивая всех политиков без исключения. Большинство изданий подхватило этот саркастический тон,

благодаря чему люди вскоре потеряли всякое уважение к политическим лидерам и государственным институтам. Чтобы привлечь к себе больше внимания, пресса “окучивала” не только простых граждан, но и разные политические партии, подыгрывая то тем, то этим.

Таким образом, суть “нового политического языка Болгарии” сводилась к отрицанию. Обличение, осмеяние, отрицание любых идеалов и социальных институтов, не только политических. Исключение составляли только ангажированные партийные издания (“Дума”, “Демократия”). Критика в адрес правительства, парламента смешивалась с чисто популистскими лозунгами. Язык средств массовой информации стал грубым и вульгарным (более 90% всех СМИ).

Болгарская пресса переняла, главным образом, черты американских и английских СМИ (макеты, верстка, внешний облик) и предназначалась для неприхотливого массового читателя. Мнение отдельного журналиста, обычно достаточно посредственное, выдавалось за гражданскую позицию.

Процесс слияния политического жаргона и публицистики и принято считать отходом от официозной прессы. Осмеяние политических институтов и культивирование идеи невозможности построения гражданского общества в Болгарии вкупе с сильной конкуренцией среди СМИ, которая заставляла использовать любые средства для привлечения аудитории, — все это создало потенциальную опасность для демократических начинаний. Конфронтация перешла любые границы. В идеологии царил такой же хаос, как и в политике.

Не ограниченная ничем конкуренция между так называемой независимой и официозной прессой привела к сильнейшей вульгаризации языка средств массовой информации. Гласность была воспринята как свобода слова в буквальном смысле. Язык массовой периодики опустился до уровня выкриков подвыпившего ковбоя из второсортного вестерна. В результате чего возникла острая необходимость в языковых, идеологических и политических табу. Демократическая цензура могла появиться лишь с возникновением новых ценностей и новых демократических институтов, но этого не произошло. Страна жила отрицанием прошлого, ощущая пустоту настоящего.

Однако ответственность за это нельзя целиком возложить на средства массовой информации. Создание новой болгарской политической модели происходило в условиях сильной конфронтации, спонтанно и хаотично. Слишком долго политики оттачивали фразеологию, и сейчас уже сложно установить, кто первый потерял к ним доверие: общество или пресса. В любом случае, пресса способствовала процессу.

Царивший в стране хаос, массовые колебания, стресс, политическая и экономическая дестабилизация поставили СМИ перед выбором: выживание, коммерческий успех или защита вечных ценностей. Условия рынка таковы, что тот, кто не плывет по течению, погибает.

Негативная информация.

Профессор Д. Градев и профессор Л.Андреева (кафедра психологии, факультет философии, Софийский университет) провели в 1997 году пилотажный контент-анализ пяти самых массовых по тиражу газет (“Труд”, “24 Часа”, “168 Часов”, “Стандарт”, “Новинар”) на предмет использования негативной лексики. Эти издания имеют статус “независимых”, не отражают точку зрения правительства или одной из правящих партий.

Полтора месяца тщательному анализу подверглись все материалы этих изданий на следующие темы: экономика, политика, образование, преступность. Результаты показали, в каждом выпуске любого из вышеперечисленных изданий содержалось от 10 до 14 статей негативного содержания. Негативные статистические данные публиковались без интерпретации и часто без особой логической необходимости. Никаких возможных путей улучшения социальной жизни в подобных статьях не содержалось, только отрицание. В рамках исследований было опрошено 45 человек (нестандартизированные интервью) различного возраста и социального статуса на предмет влияния на них негативной информации через СМИ. Дополнительно было опрошено 12 специалистов, которые по роду своей деятельности обязаны читать газеты и журналы. Основной результат этого исследования может быть кратко выражен в следующем: большинство людей ощущают тревогу не только благодаря своему жизненно-

му опыту, но и благодаря нагнетанию обстановки средствами массовой информации. Болгары уверены, что среди всех постсоветских стран Восточной Европы их страна занимает последнее место по уровню жизни, несмотря на то, что проводимые сейчас в стране реформы нацелены на процветание нации. Такой нигилизм оказывает сильнейшее влияние на национальную психологию населения Болгарии. Это характерно не только для массового сознания, но и для поведения на индивидуальном уровне. Результат таких изменений — рост безразличия и социальная пассивность. На уровне психологии это означает, что большинство населения Болгарии страдает синдромом беспомощности, не принимает настоящее, что приводит к нарушению процесса социальной адаптации и к эскапизму. Одной из причин такого положения — безответственное поведение СМИ, которые публикуют данные без всякой на то причины, не представляя никаких объяснений, поэтому люди не знают, меняется что-то или нет, и ощущают себя некомфортно.

Выводы

1. СМИ в Болгарии широко используют катастрофическую лексику.
2. Гипотеза, выдвинутая автором международного проекта, о том, что основным распространителем негативной информации является оппозиционная пресса, — подтвердилась.
3. Что касается политически ангажированных изданий, то негативную информацию они распространяют только в отношении своих противников, что касается независимой прессы — она распространяет такую информацию обо всех и обо всем.
4. Самыми массовыми по тиражу изданиями Болгарии (“часовыми” “24 часа” и “168 часов”) был создан специфический бульварный язык — “ширпотреб”, отличающийся своим нигилизмом, сарказмом. В самом начале перестройки общественных отношений он действительно помог преодолеть косность и догматичность тоталитарной журналистики, но сегодня эти издания уже просто эксплуатируют катастрофический комплекс нации.

Психологический аспект.

Сравнительный ассоциативный тест выявил интересную особенность в отношении к словам “катастрофа” и “кризис”. Первый термин вызывает у людей вполне разумные, нормальные ассоциации (особенно это относится к христианской части населения). Понятие “кризис” вызывает чрезмерно негативные ассоциации. Картина станет яснее, если взглянуть на ассоциации болгарских респондентов, в зависимости от значений слова “катастрофа”, представленных в толковом словаре.

	<i>Христиане</i>	<i>Турки</i>	<i>Всего</i>
транспортное	17	10	27
онтологическое	27	31	58
социальное	7	9	16
природные катаклизмы	1	4	5
театральное (драма)	4	0	4
оценочное	20	31	51
общее	19	11	30
другое	6	3	9

Как видно из таблицы, в сознании людей преобладают онтологические и оценочные ассоциации. В онтологическом смысле с катастрофой связывают следующие слова: смерть, кровь, голод, больница, женщины, жертва, болезни, убийства, человеческая жизнь. Большинство этих ассоциаций вполне нормальны и связаны с тем негативным значением, которое в него и заложено. Оценочные ассоциации слишком эмоциональны — зло, плохое, худшее, или скрытый психологический смысл — беспокойство, волнение, страшный, страх, ужас, сожаление, боль, кошмар, отвратительный.

Транспортные ассоциации сводятся к одной единственной — автокатастрофа. В целом к этой группе относят все виды транспорта: телега, легковая машина, грузовик, автобус, поезд, самолет, а также все, что связано с движением, — пешеход, светофор, поворот, шоссе.

Социальные ассоциации связывают респонденты в основном с политикой. Главенствующая идея: политики ответственны за все происходящее в стране. Другие сразу же думают о массовых акциях — митингах и демонстрациях, что вполне понятно: совсем недавно, когда в Болгарии встала практически вся промышленность, множество людей вышло на демонстрации. “Катастрофа” ассоциируется также со словами “экономическая” и “инфляция” и связывается с такими общими понятиями, как человечество, государство, наша нация. Заслуживает внимания тот факт, что часто люди ассоциировали “катастрофу” с Болгарией как таковой.

Мало внимания люди обращают на природные катаклизмы. Основные ассоциации — град, дождь, буря. Такое восприятие типично было и для довоенной Болгарии, что отметил знаменитый поэт П.Яворов: в своем стихотворении “Град” он горько жалеет, что современное поколение слишком урбанизировано — его больше волнуют дорожные происшествия, чем дождь или град на улице.

О сценическом, театральном значении этого слова вспоминают только, когда говорят о “трагедии”.

Общие, глобальные ассоциации в некотором смысле объясняют сущность катастрофического сознания. В этой группе встречаются и “высокие” слова (апокалипсис) и ежедневные (опасность, проблемы, препятствия, несчастный случай).

Странно, что в ассоциациях болгарских респондентов отсутствуют такие немаловажные, как экологическая катастрофа, геноцид.

Понятие “кризис” вызвало значительно больше ассоциаций с социальным коллапсом: голод, болезни, кошмары, несчастье, ужас, страх, зло, современная жизнь в Болгарии, политика, катастрофа. Чаще всего опрашиваемые связывают кризис с ежедневными экономическими проблемами: безработица, бедность, нищета, нужда, дефицит, попрошайничество, налоги, еда. Прямые ассоциации в отношении продуктов: масло, сыр, вода, хлеб и деньги. Некоторые даже говорят о более сильных понятиях, характерных скорее для слова “катастрофа”: проклятие, месть, терроризм, богохульство, разврат. Почти во всех случаях респонденты идентифицируют это слово со своей страной. На идеологическом уровне это — расизм, тема ответственности прослеживается через такие ассоциации: их способ управлять государством, коррупция, политические партии, Объединенные Демократические силы Болгарии, Болгарская Социалистическая партия, валютный коридор, эмбарго.

Понятие “демократия” достаточно амбивалентно. Ассоциации респондентов распределились следующим образом: рациональные — 79 респондентов, эмоционально-положительные — 21, негативные — 59, амбивалентные — 39, нейтральные — 2. Иногда респонденты называют такие слова: приятный, хороший, свобода, любовь, любовь к свободе, обновление, правосудие, равноправие, права, порядок, законы, согласие, мечта, даже встречается слово святой. Есть и диаметрально противоположные ассоциации — анархия, несвобода, какофония, рафинированный, ложь, демагогия, беспорядочность и даже разврат и порнография. Многие воспринимают демократию в тесной связи с тем, что происходит сегодня в Болгарии: болгарский путь, много шума из ничего, ничего нового. Связующей нитью между пессимистами и оптимистами служат такие ассоциации: утопия, вымысел, миражи, иллюзии, сказки, — они отражают реальный результат демократических процессов в Болгарии.

Многие считают, что демократия — это сказка, некоторые задаются риторическим вопросом: доживем ли мы до такого? Но в любом случае болгары смотрят на эту проблему достаточно реалистично и на вопрос, доживем ли мы до этого, отвечают — да.

При том разнообразии ассоциаций со словом “демократия”, ассоциации со словом “политика”, наоборот, поражают своим однообразием: рациональные ассоциации — 72 респондента, эмоционально-положительные — 2, негативные — 115, нейтральные — 2. Никакие понятия этой же группы, включая даже “коммунизм”, не вызывают такого негативного отношения. Политику смешивают с проституцией, называют мерзостью, грязью, гомосексуализмом, мошенничеством, глупостью, говорят, что там процветает взяточничество, жульничество и чаще всего говорят, что все политики — грязные махинаторы. Коммунисты награждают демократов такими эпитетами, демократы — коммунистов. Видимо, это длительное рассматривание грязного белья отложилось в сознании нации. Все политические деятели в сознании болгар — негодяи.

Выводы

1. Слово “катастрофа” вызывает широкий круг ассоциаций. По вертикали они варьируются от беды до ужаса, от несчастного случая до апокалипсиса. Для данного социологического исследования это очень важно, потому как эти ассоциации охватывают весь спектр вопросов, представленных в анкете-интервью, — беспокойство, сильная тревога, постоянный страх. По сути, этот тест играет роль методологической проверки точности вопросов анкеты.

2. Проведенный тест показал, что в Болгарии достаточно устойчивая тенденция придавать ежедневным проблемам “катастрофическое” значение. С точки зрения вертикального распределения страхов — уровень тревоги не очень высокий. Горизонтальное же распределение свидетельствует о господстве онтологических и транспортных ассоциаций. Это дает возможность интерпретировать данные опроса несколько в другом ключе.

3. Понятие “катастрофа” в большинстве случаев — субъективно. При оценке катастрофы на первое место выходит либо уже имеющийся опыт либо чисто субъективное отношение к проблеме. В любом случае разумно-рациональные ассоциации доминируют. Наблюдается сильное расхождение между простым человеческим восприятием катастрофы и тем, как это преподносят СМИ. СМИ обращают внимание только на идеологический подтекст, индивидуумы — на онтологический смысл.

Глава 19. Социологические аспекты и результаты исследований в Болгарии

Уверенность в будущем.

1. В целом для болгарских респондентов характерна высокая степень неуверенности в будущем. Каждый четвертый респондент отвечает “совершенно не уверен”.

2. Динамика процесса. Полученные данные свидетельствуют, что за достаточно короткий период (полгода) произошли серьезные изменения в отношении к будущему. В феврале наблюдалась кульминация социальной напряженности и начало нового этапа политической жизни. Страны: устранение социалистов из органов исполнительной власти. (4.02.97., исследования проводились в конце месяца). В апреле прошли предварительные парламентские выборы, и это событие стало для болгар крушением всяческих прежних надежд. К июлю 1997 года стало абсолютно ясным, что любые ожидания улучшения экономической ситуации были утопичны изначально.

Эти данные по Болгарии по всем параметрам сравнимы с российскими данными. В России из всего числа опрошенных — 59% неуверены в будущем, в Болгарии — 56,4%. В целом в обеих странах доминирует ответ “скорее неуверен”.

Идентификация неуверенности.

На основе ответов болгарских респондентов на вопрос “Когда Вы говорите, что уверены или неуверены в будущем, о ком прежде всего вы думаете?”, можно сделать следующие выводы:

- а. Больше всего люди беспокоятся о своем будущем и будущем своих близких;
- б. На втором месте стоит будущее Болгарии и ее граждан;
- в. На третьем месте — будущее людей своего поколения.

Меньше всего респонденты озабочены будущим человечества и планеты в целом, но при этом высказывают некоторые опасения за будущее своей нации.

Социологов, занимающихся проблемами молодежи, вряд ли удивит такая озабоченность будущим людей своего поколения. Понятие “люди моего поколения” ближе людям, чем “социальная, этническая или территориальная группа”, “когорта”. То есть это означает, что диахроникальная идентификация (в географическом и социальном пространстве) в данном случае важнее, чем положение. Понятие “этническая группа” сближается в сознании респондентов с понятием “гражданин этой страны”, а оба понятия объединяются в “жители Болгарии”. Поэтому в целом обеспокоенность будущим людей, “проживающих в Вашем регионе, занимающих то же положение, что и Вы”, не вызывает особого удивления.

Беспокойство о будущем своего поколения чаще всего выражают пенсионеры и молодежь. Это характерно для 12% молодых людей в возрасте 15-20 лет, 6% для людей 30-39 лет, что еще раз доказывает, что молодежь совершенно особенная социальная группа.

В целом отношение к будущему в Болгарии и России выглядит так:

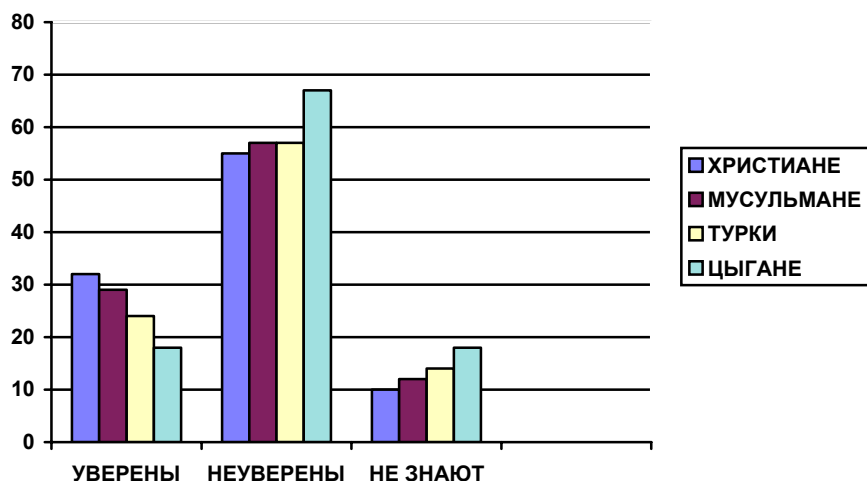
Когда Вы говорите, что уверены или неуверены в своем будущем, о ком Вы прежде всего думаете?

	Болгария, %	Россия, %
о себе и своих близких	71,0	73,3
о гражданах Болгарии / России	9,6	12,6
о людях моего поколения	8,1	5,4
о людях, занимающих такое же социальное положение, что и я	4,0	2,2
обо всем человечестве	3,0	3,8
о людях, живущих в моем регионе	2,2	2,2
о людях, принадлежащих к той же этнической группе, что и я	1,5	0,6

Этнический аспект.

Общую картину можно представить по следующей таблице.

Уверенность в будущем среди представителей различных этнических групп (%).



Каждый третий христианин в Болгарии, каждый четвертый турок и каждый шестой цыган вполне уверен в своем будущем. Объяснение этому будет дано чуть дальше в разделе *Этнические факторы*. Их общий смысл сводится к тому, что 2/3 цыганской общины не уверены в своем будущем из-за сильной маргинализации и своего рода гонений по отношению к этой группе.

Будущее Болгарии.

В отношении будущего своей страны мнения болгарских респондентов разделились: 1/4 всех опрошенных твердо уверены в будущем своей страны — 25,2%, больше 1/3 опрошенных — 37,2% ощущают некоторое беспокойство по этому поводу, а менее 1/3 — 30,3% чувствуют сильную тревогу и страх. Большая часть респондентов находится где-то между уверенностью и неуверенностью. В целом степень неуверенности в Болгарии ниже, чем в России. В России доминирует ответ “испытываю сильную тревогу по этому поводу”, а в Болгарии — “некоторое беспокойство”. Если не принимать во внимание эти факты, то все равно трудно назвать нормальной ситуацию, когда лишь 1/4 населения страны уверена в будущем!?

Проблема в Болгарии осложняется еще и тем, что большинство населения считает, что страна развивается не в правильном направлении. В принципе, такие опасения характерны для населения всех стран Восточной Европы. Причина — крайне тяжелый этап перехода этих стран к рыночной экономике. В Болгарии к этому прибавилась и сильная политическая поляризация общества. Только 39% респондентов считает, что страна развивается в правильном направлении. 1/3 думает совершенно противоположно (32,3%), а 27,9% респондентов вообще не имеет мнения на этот счет. Заметно в последнее время и некоторое улучшение ситуации. В 1996 году ответы на этот вопрос распределились таким образом: 10% считали, что страна развивается в правильном направлении, 73% думали противоположное. Партия социалистов уже израсходовала кредит доверия даже среди своих приверженцев. В августе 1997 года социальный и психологический климат в стране был более благоприятный, не только потому, что существовало некоторое доверие к правительству, но и благодаря вниманию к Болгарии со стороны мировой общественности.

Ответы на вопрос “Как, по вашему мнению, выглядит будущее страны?” распределились следующим образом:

Как Вам представляется будущее страны (%)

1	Не думаю, что жизнь в Болгарии сильно изменится в ближайшие несколько лет	24%
2	Я думаю, что произойдут серьезные положительные изменения в ближайшем будущем	29%

3	Я думаю, что изменения будут негативными в ближайшем будущем	10,6%
4	Я ожидаю каких-то перемен, не знаю, положительных или негативных	26,9%
5	Не знаю	8,2%

Из таблицы видно, что люди ожидают скорее негативных изменений. Более 1/3 опрошенных не могут определиться. Если к этому прибавить респондентов, выбравших ответ №1, то получится больше половины. Картина выглядит не очень оптимистичной. Тем более, что опрос проводился в период политического затишья.

Да, нельзя сказать, что болгары с оптимизмом смотрят в будущее. Однако каждый пятый респондент уверен в будущем, несмотря на то, что он не всегда уверен, что страна развивается в правильном направлении. Лишь 5% респондентов чувствуют абсолютную уверенность в отношении будущего, несмотря на те негативные процессы, которые происходят в стране. Уверенность можно отследить на тактическом и стратегическом уровнях. Даже небольшое количество оптимистично настроенных. Можно еще упомянуть о различиях места проживания, что тоже влияет на этот показатель, но эти факторы будут подробно рассмотрены далее.

Будущее человечества.

Естественно, значительно большее число респондентов беспокоится о будущем страны, а не о будущем человечества. Но тем не менее 29% опрошенных с оптимизмом смотрят на будущее Планеты, 35,3% ощущают некоторое беспокойство по этому поводу, а 19,9% — ощущают страх и постоянную тревогу, не имеют определенного мнения — 15,1% (больше, чем в предыдущих разделах!).

Какое из приведенных ниже высказываний Вам ближе всего(%).

Мир станет более жестоким	39%
Мир станет значительно лучше и добрее в ближайшие 30 лет	33,7%
Не знаю	26,9%

Здесь тоже можно выделить три категории респондентов: пессимисты, оптимисты и не определившиеся. Пессимисты доминируют. Оптимистично смотрит в будущее человечества только каждый третий. Оптимистов больше среди мужчин — 38% (женщины — 29%), молодежи 15-29 лет — 42% (люди старше 60 лет — 24%). Одинаково пессимистично настроены как жители Софии (38%) так и те, кто живет в деревнях (40%), люди с высшим образованием (37%) и люди с начальным образованием (38%).

Конечно, нельзя делать серьезные выводы, основываясь только на этих данных. Пессимистическое видение мира обусловлено самыми различными причинами, и зависимость здесь не такая простая, как в отношении оптимистов.

Можно закончить эту главу тем, что отношение к будущему страны и к будущему человечества тесно взаимосвязаны.

Вероятные опасности.

В целом вероятность четырех групп опасностей, представленных в проекте по данным опроса, в Болгарии ниже, чем в России. Самые большие различия наблюдаются в отношении к предсказываемым специалистами экономических катастроф и к социально-экономическим потрясениям длительного действия. По оценкам болгарских респондентов наиболее вероятными являются неожиданные, внезапные природные, экономические или политические бед-

ствия (они беспокоят от 1/3 до 1/2 опрошенных); применительно к этой группе преобладает ответ “достаточно вероятно”.

Мнение болгарских и российских респондентов о возможности различных опасностей. (%) (ответ “достаточно вероятно”).



Наблюдается и некоторая зависимость в отношении людей к тому или иному катастрофическому сценарию. К примеру, те, кто ожидает политический и экономический хаос, тот считает и экологические проблемы вполне вероятными (57,2%). И наоборот, те, кто считает, что экологическая катастрофа вполне вероятна, в большинстве случаев (69,7%) уверены, что экономический хаос тоже возможен.

Закономерности в отношении к вероятным опасностям мы выявили следующие:

- а) наиболее вероятны для большинства респондентов — неожиданный экономический или политический хаос;
- б) вероятны меньше, чем для 1/2, но больше, чем для 1/3 респондентов — экологические бедствия;
- в) вероятны для 1/3 респондентов — неожиданные социально-экономические катаклизмы.

Парадокс, но опасности, действительно наиболее вероятные в современных условиях (социальные и экономические потрясения длительного действия), реже всего называются респондентами среди наиболее вероятных. Справедливым кажется утверждение, что “то, что видно лучше, всегда скрыто для глаз”. Гиперинфляция и массовые волнения, охватившие страну в 1997 году, воспринимаются респондентами не как неизбежный этап периода экономического кризиса, а как экономический хаос совсем не “длительного действия”.

Наглядное представление о полученных данных дает следующая таблица.

Распределение ответов “наиболее вероятны” в отношении различных катастрофических сценариев (%).

Нет ответа	24,2
1 ответ	25,5
2 ответа	21,7
3 ответа	17,0
4 ответа	11,6
всего	100

1/4 часть опрошенных не восприняла ни одну из предложенных опасностей, как вероятную. Около 1/2 опрошенных (47%) называют вероятными один или два сценария и 29% уверены, что возможны три варианта.

Мнение респондентов о степени тревожности других членов общества тоже кажется достаточно интересным. Нередко получается так, что опрашиваемые свои собственные опасения и другим членам общества.

В какой мере нижеперечисленные бедствия кажутся опасными лично для Вас и для Ваших близких? (%).

	Мало-вероятны	Достаточно вероятно	Не знаю
Неожиданные, внезапные, не-	36%	50%	14%

	Мало- вероят- ны	Доста- точно вероят- ны	Не знаю
предсказуемые природные эконо- мические или политические — любые			
Предсказываемые многими спе- циалистами экологические ката- строфы	39%	39%	22%
Социально-экономические по- трясения длительного действия	46%	29%	24%
Бедствия, порождаемые внешни- ми враждебными силами	42%	29%	29%

Виды опасностей.

Все вероятные опасности, выделенные в Проекте, мы условно разделили на десять основных групп: экономические, социально-патологические, правительственные, идеологические, моральные, демографические, военные, экологические, природные, универсальные (абсолютные). Некоторые взаимно пересекаются: социально-патологические — правительственные, идеологические — моральные.

Отношение к различным группам опасностей в России и Болгарии (вызывают тревогу и постоянный страх)(%).

Группы	Болгария, %	Россия, %
экономические	53	56
социальная патология	43	56
экологические	30	43
демографические	15	25
природные	21	19
идеологические	21	10
моральные	20	25
военные	20	36
правительственные	17	28
универсальные	16	15

Разные типы страхов провоцируют разную степень тревоги. И в Болгарии, и в России доминируют экономические страхи и страхи социальной патологии. Хотя в Болгарии уровень этих страхов в целом ниже, тем не менее он достаточно высок. Наибольшие различия выявляются в отношении войны (16%) и экологии (13%). Во многом это объясняется различием исторического прошлого (далекого и близкого) обоих государств. Болгария участвовала во второй мировой войне, однако ее жертвы не сравнимы с потерями России. После 1945 года, несмотря на то, что обе страны находились в едином военном блоке, лидирующая роль в противостоянии Западу во времена Холодной войны принадлежала России (бывшему СССР). В недалеком прошлом Болгария не вступала в военные конфликты, в то время как Россия пережила ряд волнений в бывших южных республиках и войну в Чечне.

То же касается и экологических страхов. Чернобыльская катастрофа стала своего рода катализатором для резкого роста экологического сознания и экологической культуры россиян. Болгария тоже почувствовала на себе последствия этой катастрофы.

Конечно, сравнение российских данных с болгарскими было бы более корректным при полной идентичности вопросов. (В болгарском интервью вопрос экологии несколько более расширенный: “токсичное, химическое и/или радиационное загрязнение воды, воздуха в Болгарии в целом, загрязнение воды, воздуха, продуктов вблизи моего личного места обитания, загрязнение воды, воздуха на Земле в целом.”)

Что тревожит болгар сегодня.

В ходе исследования выявился следующий ранговый порядок страхов:

1. Снижение жизненного уровня, обнищание (66%).
2. Криминализация общества (59,2%)
3. Полное беззаконие (57,3%).
4. Коррупция властных структур (54,4%).
5. Массовая безработица (51,5%).
6. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных болезней (50%).

1. Обнищание.

2/3 болгарских респондентов чувствуют сильную тревогу и постоянный страх по поводу резкого снижения уровня жизни. Страна находится в состоянии гиперинфляции. К 1997 году жизнь подорожала в 6,8 раз. В основном это отразилось на ценах на продукты и алкоголь, которые выросли соответственно на 617% и на 618%. В июне 1997 года батон хлеба стоил 650 левов, килограмм курицы — 4470 левов, литр молока — 512 левов, килограмм сыра — 3350 левов, литр растительного масла — 1350 левов, килограмм сахара — 1461 лев. В то же время минимальная месячная зарплата составляла 41290 левов (25\$), а средняя — 82\$. Становится понятно, что большинство населения вынуждено было тратить 50% заработной платы на продукты питания. Чтобы картина стала яснее, проследим ее в динамике.

В начале 1996 года минимальная месячная зарплата составила 39\$, в июне — 22\$, в сентябре — 18\$, в ноябре — 15,5\$, а в феврале 1996 года — 4,2\$. Страна оказалась в состоянии гиперинфляции и это обстоятельство сыграло решающую роль в организации и проведении всеобщей забастовки и проведении новых выборов. Ко времени проведения обследования ситуация улучшилась, и изменения в денежной политике привели к некоторой стабилизации. Болгарский лев сравнялся с немецкой маркой. А осенью 1997 года минимальная заработная плата составляла уже 24\$. Здесь стоит напомнить и последовательность развития событий.

1. Постепенное ухудшение качества жизни после 1989 года.
2. Резкое снижение уровня жизни в период с декабря 1997 года по февраль 1998 года, коллапс.
3. Постепенное улучшение ситуации, связанное с изменением денежной политики и сменой правительства.

Опрос населения проводился в специфической социально-психологической атмосфере, когда еще свежи были воспоминания о недавнем кризисе, но уже появилась надежда на улучшение в связи со сменой правительства. Только россияне могут представить царящий в то время в Болгарии хаос. Кризис стимулировал население Болгарии перевести всю имеющуюся наличность в твердую валюту (доллары и немецкие марки). До сих пор многие держат свои сбережения дома. Люди заготавливали продукты питания на своих приусадебных участках и хранили все это дома в подвалах и кладовках, которые стали символом выживания. Воспоминания о финансовом кризисе еще очень свежи. На 1998 год прогнозируется повышение минимальной зарплаты до 27\$, для деятелей культуры она составит — в среднем —

67\$, для квалифицированных врачей -117\$, для педагогов — 77\$. Среди всех постсоциалистических стран (включая Боснию и Герцеговину) по уровню жизни Болгария сегодня занимает последнее место.

Преступность.

Рост преступности и криминализация общества вызывает немалое беспокойство у болгарских респондентов, сравнимое разве что с тревогой по поводу обнищания. Преступность ассоциируется у болгар с 1) посягательством на жизнь и на личную собственность; 2) воровство и коррупция среди чиновников, то есть посягательство на государственную собственность. Вся нация единодушна во мнении, что причина такого кризиса в неправильном распределении национальных ресурсов. Ни одна политическая партия не отрицает своей причастности, дело лишь в том, кто и в какой мере виноват. Проблема преступности в Болгарии имеет ярко выраженный политический и идеологический оттенок. Демократическая оппозиция не могла не обвинить провалившихся реформы социалистов в преступном, поистине варварском отношении к народу и его богатствам. Антикоммунисты-радикалы в свою очередь называли социалистов “криминальной группировкой” и объявили марксизм-ленинизм “криминальной идеологией”. Самым популярным лозунгом на митингах стал лозунг: “Партия социалистов была, есть и всегда будет мафией!”. Наконец, в апреле 1997 года Объединенным Демократическим силам Болгарии удалось привлечь к себе большие массы избирателей и во многом потому, что они обещали “объявить войну организованной преступности и не допустить замену социальных и политических институтов мафиозными группировками”. Позже стало распространенной идея о том, что коррумпированность — черта всех политических партий. После победы на выборах демократы действительно провели ряд мер, направленных против роста преступности, но до победы еще далеко. Словосочетание “криминальное государство” в отношении Болгарии еще часто встречается в прессе.

Беззаконие.

Больше половины респондентов выразили крайнюю обеспокоенность полным беззаконием в стране и катастрофическим ростом преступности. Развал тоталитарного строя превратился в развал страны. Демократию восприняли как полную свободу действий.

В социальной жизни налицо явные признаки анархии, которые вполне соответствуют основному, достаточно специфическому значению болгарского слова “svobodija” — избыточная свобода. С началом перемен прекратил свое существование централизованный контроль за порядком в стране — Государственная Служба Безопасности была расформирована. Офицеры высшего состава, большинство из которых составляли опору тоталитарного режима, теперь применяли полученные навыки далеко не на благо страны.

С другой стороны, антикоммунистическая оппозиция не набрала большинства голосов на первых демократических выборах и стремилась добиться своих целей обойдя парламент. Таким образом, в стране существовало двоевластие: власть государственных институтов и власть уличных манифестаций. Такое положение просуществовало 7 лет с перевесом в разные стороны и закончилось победой “уличных сил”. Слабые государственные институты власти и полнейший законодательный вакуум не давали бывшей номенклатуре возможности занять ведущие экономические посты. При этом беспомощность государственных институтов не позволила антикоммунистической оппозиции воспользоваться своими психологическими и идеологическими преимуществами.

Коррупция правительства.

Главная причина тотального беззакония и недоверия государственным институтам коренится в массовом убеждении, что правительство страны, да и все чиновники страшно коррумпированы. Не для кого не секрет, что именно чиновники обогатились за этот короткий срок. Во многом это результат эмбарго против бывшей Югославии. Парадокс в том, что наиболее коррумпированными сегодня оказались именно те службы, задача которых бороться с коррупцией: полиция, суды и прокуратура. Количество раскрытых преступлений ничтожно мало. В адрес судебной власти со стороны исполнительной власти постоянно звучат обвинения в неэффективности и продажности. В 1997 году было обнародовано несколько особо

громких процессов, что еще больше подорвало доверие населения к судебной власти. В 1997 году Болгария занимала 8 место среди самых коррумпированных стран мира. Поэтому инвесторы не очень стремились в Болгарию. В январе 1998 года в крупных городах страны проводился опрос на тему “В каких социальных сферах, по Вашему мнению, коррупция развита сильнее всего?”. Ответы распределились следующим образом: таможня — 73%, юриспруденция — 58%, полиция — 54%, здравоохранение — 51%, налоговая служба — 50%, муниципальные службы — 43%, министерства — 42%, автоинспекция — 41%, образование — 17%, государственные предприятия — 15%, министерство защиты — 8%, связь — 6%, др. — 5%.

Вероятно, высокий уровень коррупции — необходимое условие перехода к цивилизованному обществу. На сегодняшний день основная проблема — перевод государственной собственности в частную, то есть приватизация. Этот процесс в условиях полного беззакония позволяет многим лично или коллективно участвовать в перераспределении национального богатства, что и объясняет такие политические страсти, делает политическую борьбу осмысленной и еще более ожесточенной и естественно объясняет коррумпированности правительства и чиновников.

Массовая безработица.

Как и в других постсоциалистических странах Европы после развала прежней системы экономики в стране сформировалась армия безработных. В самом начале переходного периода уровень безработицы в Болгарии резко подскочил. И он продержался в стране больше 12 месяцев. Это и выдвинуло Болгарию на первое место в этом не самом лучшем рейтинге.

Безработица в странах восточной Европы (%).

	1995	1996	1997	1998*
Чехия	2.9	3.5	5.0	6.0
Венгрия	10.4	10.5	10.0	9.0
Россия	8.8	9.3	9.1	9.0
Болгария	11.0	12.5	16.5	19.0
Польша	14.9	13.6	11.9	11.5
Румыния	8.9	6.1	9.2	9.0

*На 1998 год прогноз.

В 1997 году уровень безработицы выше, чем в 1996. Именно сейчас страна вступает в период приватизации и реструктуризации экономики. Поэтому вероятнее всего беспокойность нестабильностью работы усилится в 1998 году.

Массовые эпидемии.

В этом отношении Болгария переживает две главные проблемы: кризис в системе здравоохранения и резкое ухудшение здоровья нации. Многие больницы закрылись, оставшиеся — не соответствуют никаким нормам. Цены на медикаменты, особенно импортные, резко повысились. В СМИ часто появляются материалы о массовых эпидемиях и особо тяжелых заболеваниях. Прежняя система здравоохранения, построенная на принципах хорошей организации и морали, разрушена, новая еще не создана. Поэтому здравоохранение сильно коррумпированная область. Однако после неоднократных случаев массовых отравлений продуктами питания и алкоголем, потрясших всю страну, вопрос о качестве здравоохранения был поднят на правительственном уровне. Газеты писали: “Систему здравоохранения можно изменить, переделать, само здоровье — нет, катастрофа в том, что болгары постепенно превратились в одну из самых больных наций мира”. В январе 1998 года в качестве первоочередной задачи социалисты выдвинули улучшение системы здравоохранения. Но проблема намного сложнее и шире: до сих пор в стране не проведена продуманная, социально приемлимая, подкрепленная законом реформа.

Религиозные секты.

Сильную тревогу высказывают болгарские респонденты по отношению к активизации в стране деятельности различных религиозных сект, что напрямую связано со специфическим положением Церкви в Болгарии. Православная церковь никогда не оказывала на общественность Болгарии такого влияния, как в России. Появившейся после краха коммунизма возможностью овладеть массовым сознанием она не воспользовалась. Сегодня в Болгарии два Синода, два Патриарха и множество всевозможных религиозных сект: мормоны, мунисты, адвентисты седьмого дня, кришнаиты и т.п. Сегодня, к примеру, более 10% цыган считают себя протестантами. В самом начале переходного периода таковых среди них не было вообще. Очень устойчивы исламские секты, включая и фундаменталистов. СМИ ведет широкомасштабную кампанию против сект.

Какую политику в отношении религиозных сект должно проводить государство?(%).

	христиане	мусульмане	этно. турки	цыгане
Не вмешиваться	4	5	10	10
Способствовать развитию	1	3	2	6
Ограничивать деятельность	12	5	12	14
Запретить законодательно	67	62	42	32
Не знаю	14	24	33	37

Общественность Болгарии настроена крайне отрицательно к этому феномену общественной жизни.

Загрязнение окружающей среды.

Оппозиционное движение в Болгарии ведет свое начало с акции в защиту окружающей среды (экологическая катастрофа в городе Руса, 1987). На экологическом Форуме в Софии (1989) оппозиция открыто выступила против правящей партии по этому поводу. Самым популярным движением “зеленых” в Болгарии начала эпохи реформ стало “Экогласность”(1990). Позже оно переориентировалось на политические интересы и раздробилось. В Болгарии присутствуют все виды экологических загрязнений. Особо негативную роль играют выхлопы автомобилей, так как здесь еще используются материалы, давно запрещенные в Европе. Специалисты подсчитали: для того чтобы стабилизировать экологическую ситуацию в стране и ликвидировать все последствия и приблизиться к европейским стандартам, Болгарии необходимо 10 миллионов долларов.

Катастрофический неурожай.

Традиционно Болгария считается аграрной страной. И хлеб в сознании населения — символ благополучия. Тем не менее обследования показали, что 41% респондентов ощущают тревогу по этому поводу. И есть для этого все основания. В 1995 году разгорелся грандиозный скандал, который выявил проблемы семенного запаса страны. Начался массовый психоз. Проблема эта возникла, естественно, не в один год. Бывшие социалистические сельскохозяйственные кооперативы в 1992 году были расформированы без всякого на то согласия их членов. Землю разделили поровну. Социалисты торопились поскорее довести этот процесс и не довели до конца реструктуризацию бывшего централизованного технического обеспечения. Техника бывших кооперативов была моментально разграблена, зерновые и животноводческие хозяйства пришли в упадок. До войны в Болгарии существовало всего несколько фермерских хозяйств, в коммунистический период большие массы населения насильственно загоняли в кооперативы. Перераспределение земли восстановило справедливость, но привело к существованию множества разрозненных малопродуктивных хозяйств. Перераспределение

земли и оставшейся техники еще не закончено и не ясно, чем завершится этот процесс. На сегодняшний день в Болгарии нет ни устойчивых хозяйств, ни рынка земли.

Сокращение рождаемости.

Этот процесс начался в Болгарии еще несколько десятилетий назад. Рождаемость падала постепенно и вот сегодня уровень рождаемости стал ниже уровня смертности. В начале XX века прирост населения составлял 20/1000, а сегодня — 6/1000 человек. Одновременно с этим молодежь стремительно покидает страну, в надежде обустроиться за границей. СМИ регулярно публикуют неутешительные демографические прогнозы. Кто-то уже даже назвал точный год исчезновения болгарской нации с лица Земли — 2084 (!). Здесь следует отметить разницу в уровне рождаемости у различных этнических групп. Среди цыган, к примеру, уровень не снижается, не-смотря на экономическое положение (они считаются самыми малообеспеченными в стране). Поэтому страх депопуляции носит в Болгарии этнодемографический характер, то есть велика опасность уменьшения количества болгар среди населения страны.

Исламский фундаментализм.

Тревоги по этому поводу у православной части населения действительно велики (1/3 всех опрошенных христиан). В 1994 году считалось, что угрозу Болгарии представляет лишь Турция, но сегодня диапазон страхов существенно расширился. Эхо манифестаций в Северной Африке и на Ближнем Востоке отозвалось и в Болгарии.

Сравнительный анализ страхов в России и Болгарии выявил следующие закономерности:

1. Уровень страхов в Болгарии ниже, чем в России, по всем показателям.
2. Сходство основных массовых страхов.

Первые восемь вероятных опасностей в России (вызывающих сильную тревогу и постоянный страх) включают в себя первые шесть опасностей, выделенных болгарскими респондентами.

3. Сходство наименьших опасностей.

Четыре наименее опасных явления, с точки зрения российских респондентов, входят в шестерку наименьших опасностей, обозначенных болгарскими респондентами. Болгары, как и россияне, мало обеспокоены распространением масонства, засильем сионизма, захватом земли инопланетянами и перенаселением планеты.

4. Наличие “специфических” страхов в Болгарии.

Это особая озабоченность следующими проблемами: распространение религиозных сект, снижение рождаемости, нашествие ислама.

5. Наличие “специфических” страхов в России.

Это особая озабоченность следующими проблемами: экологические страхи, уничтожение лесов, распространение ядерного оружия, гражданские и межэтнические войны, терроризм.

Дополнительные исследования.

Болгарским респондентам было предложено сопоставить все предложенные опасности и выбрать одну, наиболее серьезную. При такой формулировке на первое место вышел страх безработицы.

ОПАСНОСТЬ	% РЕСПОНДЕНТОВ
безработица	18
обнищание	13
криминализация	9
природные бедствия	6
полное беззаконие	5
ядерная война	5

коррупция	4
сокращение рождаемости в стране	4
катастрофический неурожай	3
нашествие религиозных сект	3

Таблица выявила следующие тенденции:

1. Выборочность страхов. Из 48 вероятных опасностей менее половины — 21 вышли на первое место.

2. Взаимосвязь страхов. От 1% до 5% указали множество страхов, то есть в сознании респондентов грань между некоторыми страхами нечеткая (например, “химическое заражение воды, воздуха и продуктов в Болгарии” и “конец света”).

3. Концентрация страхов. Наиболее часто упоминаемые опасности отмечены 40% респондентов, а все остальные в целом 49% от всего числа опрошенных.

4. Реструктуризация. С одной стороны, заполненные анкеты свидетельствуют о том, что лидер страхов в Болгарии в 1998 году — обнищание. Но с другой стороны, при иной постановке вопроса на первое место выходит страх безработицы. Иная постановка вопроса смещает акценты. Например, “конец света” оказывается страшнее “экологического бедствия”.

Таким образом, в сознании болгарских респондентов катастрофа — это прежде всего безработица, снижение жизненного уровня, обнищание и криминализация общества. Все они тесно связаны между собой и по сути своей — причина одного и того же явления. Высокий уровень безработицы и обнищание населения — это две составляющие социально-экономического кризиса, который переживает страна. Политологи и социологи различают две проблемы современной Болгарии: нищета и преступность.

Угроза, о которой всегда стоит помнить.

Болгарским респондентам было предложено ответить на вопрос: “О какой опасности мы должны постоянно помнить?”. Всего в обобщенном варианте было представлено 30 опасностей. Некоторые явления социальной жизни, которые сами по себе рожают опасность (коммунизм, фашизм, эмигранты), в таком виде в анкете не присутствуют, а лишь подразумеваются. Здесь они были представлены как реальные опасности. Это выявило следующую закономерность:

Угроза, о которой всегда стоит помнить, %.

№	Угроза	%
1.	Преступность	17,2
2.	Экологические катастрофы	14,0
3.	Войны	12,9
4.	Угроза ядерной войны	7,4
5.	Природные бедствия	6,7
6.	Экономические потрясения	6,0
7.	Обнищание	4,7
8.	Утрата моральных ценностей	4,7
9.	Болезни и массовые эпидемии	4,2
10.	Коммунизм	3,5
11.	Нашествие сект	2,8

Естественно, ответы зависят от того, как задан вопрос. К примеру, война, по результатам анализа основной анкеты, не входила в первую десятку вероятных опасностей, зато здесь — она входит в тройку первых. Объяснить это можно тем, что после окончания холодной войны напряженность в отношениях между европейскими странами спала. Кроме того, у Болгарии в целом сейчас неплохие отношения с соседними странами. Но

тем на менее войны в истории страны играли не последнюю роль. Поэтому страх войны всегда присутствует где-то в подсознании, о нем не забывают. В любом случае первое место занимает страх преступности.

Малозначимые опасности.

Меньше всего болгарских респондентов волнуют сионизм, еврейские заговоры и попытки масонства захватить мир. И для болгарских, и для российских респондентов характерен низкий уровень страха по отношению к перенаселению городов, к преобладанию эмигрантов, захват земли инопланетянами, перенаселение земли. Как ни странно, примыкают к ним геноцид и нападение соседних государств. Что говорит о толерантности болгарского народа.

Меньше всего стоит опасаться следующих опасностей (%).

Опасность	%
1. Захват земли инопланетянами	30,2
2. Конец света	21,4
3. Ядерная война	7,8
4. Перенаселение земли	2,6
5. Исчезновение белой расы	2,4

Самым маловероятным, с точки зрения болгар, оказалось нашествие инопланетян и конец света (наименьший страх это вызывает более чем у 1/2 респондентов). Интересно отношение к ядерной войне. Для некоторых эта опасность стоит в числе первых, для других – в числе самых маловероятных. Конечно, ядерную войну человеку трудно представить. Но как ни печально, обычно самые нереальные события имеют самые трагичные результаты. Вероятнее всего, такое отношение к ядерной войне результат изменения отношений в Европе после падения берлинской стены.

Глава 20. Катастрофическое сознание болгар через призму социально-экономических, политических и культурных позиций

Национальная катастрофа.

Эта проблема рассматривается через следующий вопрос: «Можно ли сказать, что в истории нашей страны были тяжелейшие периоды. Если да, то могли бы Вы назвать такие периоды?» и «Можете ли Вы сказать, что в истории Болгарии были катастрофы?». Вопросы похожи по смыслу на российские, но формулировка несколько отличается: в российском интервью первый вопрос охватывает период после 1917 года, второй вопрос – до 1917 года. Болгарский вариант дает возможность ответить, что катастроф не было. Но таких ответов – 3,8%. Были и такие ответы: «вся история страны – череда катастроф». В целом ответы распределились таким образом.

ТЯЖЕЛЕЙШИЕ ПЕРИОДЫ В ИСТОРИИ БОЛГАРИИ.

1. Переходный период, настоящее время	47%
2. Турецкое иго	21.3%
3. Коммунизм	11.3%
4. Вторая мировая война	9.0%
5. Войны вообще	4.9%

КАТАСТРОФЫ В ИСТОРИИ БОЛГАРИИ.

1. Переходный период, настоящее время	34.1%
2. Первая мировая война	15.0%
3. Турецкое иго	12.5%
4. Балканские войны	11.4%
5. Коммунизм	11.2%

Часто при ответе на эти вопросы респонденты давали очень субъективные объяснения и комментарии. Например: «катастрофа – это когда человек в конце XX века не может купить даже хлеба», «катастрофа – это отторжение болгарских земель в результате первой мировой войны», у меня очень маленькая пенсия – это катастрофа», «золотой век Болгарии давно прошел», «катастрофа – это 9 сентября 1944 года», «самая большая катастрофа – январь 1997 года».

Тяжелые периоды в истории страны (%).

Период	Тяжелейший период	Катастрофа
До 1878 года	22,6	13,3
1878 -1944 год	21,3	42,0
1944 — 1989 год	11,3	11,2
После 1989	47,0	34,1
Неконкретные ответы	6,1	11,3

Выводы напрашиваются следующие.

1. Проблема национальной катастрофы актуальна всегда, но имеет ярко выраженный временной характер. Тяжелейшим периодом в истории страны назвали период от второй мировой войны до нашего времени – 2/3 респондентов, а последние 8 лет 1/2 респондентов называет тяжелейшим периодом, а 1/3 – катастрофой. Источник таких ассоциаций – сильнейшие потрясения, переживаемые болгарами за последние годы. Именно события последних лет укрепили их в мысли, что катастрофы в истории страны не редкость.
2. Взаимопроникновение понятий «катастрофа» и «тяжелейший период». Часто катастрофы обозначаются респондентами и как тяжелейшие периоды, и наоборот. Например, последние 8 лет. Исключение составляет турецкое иго. В два раза больше респондентов обозначает его как тяжелейший, а не как катастрофу.
3. Представления респондентов не соответствуют историографическим. К «первой и второй национальным катастрофам» относят равно как турецкое иго, кризис начала века, коммунизм, нынешний период.
4. Катастрофичность или некатастрофичность того или иного события респонденты определяют только по собственному мнению. То есть СМИ используют катастрофическую лексику в чисто популистских целях. Массового влияния на общественное сознание или существенного влияния на формирование катастрофического сознания СМИ не оказывают. Это не значит, что СМИ не играют никакой роли в жизни общества. Политические идеи они все-таки проводят в жизнь.
5. Выделение катастроф респондентами очень важно для определения степени катастрофичности сознания болгар.

Экономический фактор.

Этот параметр представлен индикаторами, отражающими качество жизни респондентов: среднемесячный доход на одного члена семьи за последний месяц, социальная группа, финансовая перспектива на ближайший год. Люди с доходом не более 40 000 левов (22\$) от-

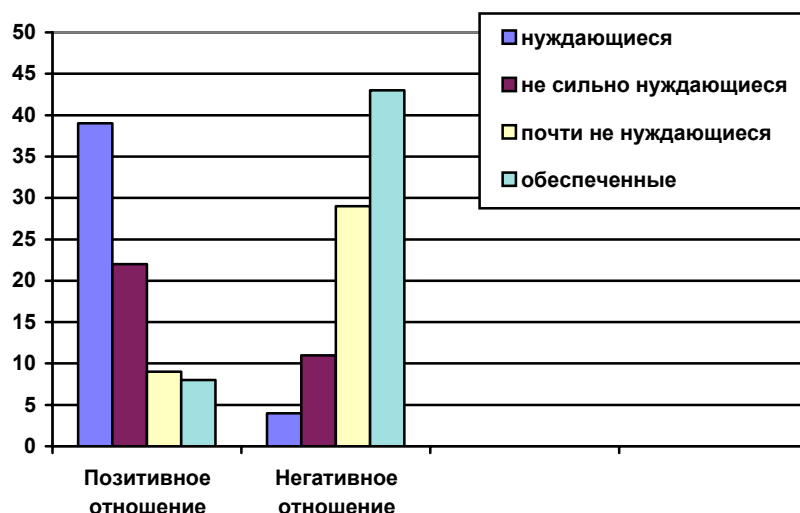
носят себя к беднейшим слоям населения, с доходом от 40 000 до 120 000 левов (22-66\$) – к среднему классу, а с доходом от 120 000 до 200000 левов (66-110\$) к состоятельным. Ожидания в отношении будущего во многом зависят от нынешних доходов респондентов. Вполне уверены в своем будущем только те, кто не сильно нуждается в настоящем (в основном это люди с высшим образованием); они не ожидают ни экономического, ни политического хаоса в ближайшее время, они мало подвержены другим экологическим, гражданским и онтологическим страхам. Бедные ожидают бедности, ухудшения жизни и дальнейшего расслоения общества. Специалисты прогнозируют то же самое.

Живущие сегодня в нужде больше волнуются о своем здоровье, думают о бессмысленности жизни и о неизбежности смерти. Чем меньше люди нуждаются, тем больше они беспокоятся о бездуховности общества и утрате ценностей.

Совершенно равную степень тревоги вызывает у разных социальных слоев кризис семейных ценностей.

Людей со стабильным доходом значительно больше, чем малоимущих, волнует проблема ухудшения озонового слоя. А малообеспеченных, в свою очередь, больше волнуют репрессии, природные катаклизмы, экологические катастрофы, массовые эпидемии («сильное беспокойство» у малоимущих – 48-50%, у людей с большими доходами – 5%).

Ожидания в отношении будущего (финансовое улучшение) (%).

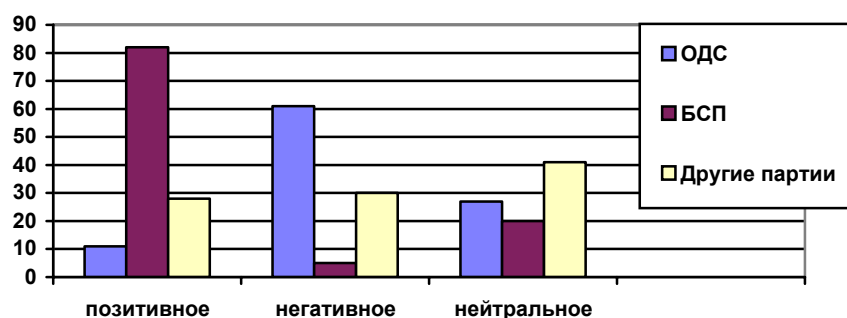


Политический и идеологический фактор.

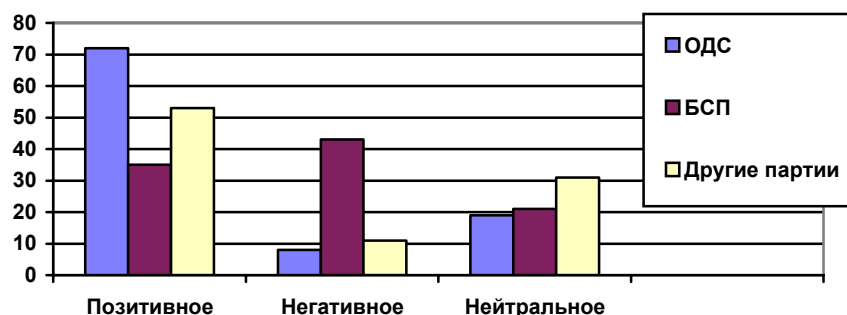
В болгарском интервью есть три дополнительных индикатора, которые коррелируются между собой: отношение к социалистическому прошлому, к переходному периоду и социальная активность. Наглядно помогают представить полученные данные следующие таблицы.

Какой путь экономических преобразований представляется Вам предпочтительным? (%)

А. Укрепление государственной собственности и развитие централизованного планирования (%).



Б. Развитие рыночных реформ (%).



Тот факт, что каждый четвертый респондент готов выступать за укрепление частной собственности, что само по себе уже большой прогресс.

Современную политическую систему Болгарии характеризует так называемая «биполярность». Борьбу за власть в стране ведут бывшая коммунистическая партия, которая до сих пор собирает под свои знамена множество людей, и антикоммунистическая евро-левая партия социально-демократической направленности, окончательно оформившаяся только в 1997 году. Антикоммунистическое движение возникло в Болгарии в самом начале переходного периода (Союз Демократических Сил) и было достаточно многочисленным. Движение это усиленно взаимодействовало с другими партиями и объединениями, привлекая к себе все новых и новых сторонников, и постепенно превратилось в сильную политическую партию, появилась партия Объединенные Демократические Силы (UtDF), которое и победило в итоге на выборах. Приверженцы Объединенных Демократических Сил Болгарии это — македонские националисты, монархисты, партия «зеленых», два аграрных союза и болгарские националисты, которые опираются на идеи нацистов, времен второй мировой войны. Идеологическая платформа партии еще не устоялась: несмотря на то, что объединение считается антикоммунистическим, среди ее приверженцев есть и социалисты.

Левая фракция это – Болгарская Социалистическая Партия (BSP). По сравнению с социал-демократами, которые представляют собой коалицию, БСП – монолит, состоящий из быстро обогатившейся в период перераспределения собственности бывшей партийной номенклатуры и людей пенсионного возраста. Интересно, что среди социалистов встречаются и приверженцы рыночных идей.

В Болгарии нет партии националистов. Благодаря насильственной «болгаризации» турецкого населения страны, проведенной во второй половине 80-х годов Тодором Живковым, этот вопрос остается открытым. Становится понятным, почему в отличие от стран центральной Европы, бывшие коммунисты прежде всего старались сыграть на национальном вопросе. Действительно, самый сложный барьер, который пришлось преодолеть социал-демократам, — именно национальный.

Согласно новой конституции (1991) Болгария является парламентской республикой. В течение всего переходного периода, король Болгарии Симеон II всячески старался напомнить о своем существовании и достаточно тактично отстаивал свои интересы. Его возвраще-

ние в Болгарию в 1996 году было триумфом. Как политическая фигура он проявился в Болгарии в 1997 году во время парламентских выборов. Он примкнул к Партии национального спасения, в рядах которой были в основном турки. Монархические объединения в Болгарии многочисленны и не имеют особого влияния. Некоторые из них просто примыкают к Объединенным Демократическим Силам Болгарии. Экс-президент страны считает, что Болгария могла бы избежать такого кризиса, будь она президентской республикой.

К сожалению, в Болгарии еще не сформировалась устойчивая политическая система, но страна очень стремится к этому. Слишком много значения еще придается так называемым «прото-партиям». Тем не менее политические предпочтения респондентов говорят о том, что в стране на сегодняшний день имеют вес две партии: Объединенные Демократические Силы и Болгарская Социалистическая Партия. Экономические предпочтения соответствуют политическим пристрастиям.

Политические предпочтения болгарских респондентов отражает следующая таблица.

Какой политический строй, по Вашему мнению, необходим сегодня Болгарии? (%)

Политический режим	ОДС	БСП	Другие партии	Для страны в целом
Парламентская республика	43	47	48	41
Президентская республика	27	9	14	20
Монархия	18	-	9	12
Власть советов	4	36	8	13
Не знаю	9	8	22	14

При анализе этих данных следует учитывать, что электорат этих партий сильно различается по социально-демографическим показателям. Социалисты – в основном – люди пожилого возраста, с более низким уровнем образования и их значительно больше среди жителей сельской местности. Демократы – в основном жители больших городов, с высшим образованием, среднего возраста. Поэтому среди социалистов чаще встречается ответ «не знаю», особенно в отношении глобальных проблем, причины чего скорее в образовании, чем в политических предпочтениях.

Отношение к разного рода опасностям.

Ко многим опасностям люди различных политических убеждений относятся примерно одинаково. Прежде всего к бедствиям глобального характера (ядерная война, истощение природных ресурсов, экологические катастрофы, массовые эпидемии, перенаселение городов, конец света) и к специфическим болгарским проблемам (снижение рождаемости, истощение природных ресурсов, нашествие сект и пр.). Но есть серьезные расхождения. Социалисты значительно больше обеспокоены чисто социальными проблемами (обнищание, преступность), деятельностью правительства (беззаконие: БСП – 65%, ОДС – 23%, коррупция: БСП – 60%, ОДС – 54%, захват власти в стране экстремистами: БСП – 30%, ОДС – 23%) и идеологическими проблемами (американизация жизни в стране: БСП – 26%, ОДС – 13%, утрата болгарских традиций: БСП – 34%, ОДС – 24%, неонацизм: БСП – 21%, ОДС – 11%, нашествие ислама: БСП – 25%, ОДС – 17%, потеря чувства коллективизма: БСП – 33%, ОДС – 23%). Всего по нескольким параметрам демократы проявляют большую тревогу: приход к власти коммунистов: ОДС – 19%, БСП – 6%, генетическое вырождение нации: ОДС – 31%, БСП – 24%, геноцид: ОДС – 14%, БСП – 8%, исчезновение белой расы: ОДС – 14%, БСП – 8%.

Степень общей обеспокоенности.

Дискомфорт острее ощущают социалисты: 25,6% демократов и только 14,4% социалистов довольны своей жизнью и чувствуют себя прекрасно.

Отношение к национальным катастрофам.

Здесь расхождения особенно заметны. Тяжелейшим периодом в истории Болгарии последние 7 лет считают 40,6% демократов и 48,1% социалистов, турецкое иго – 20,6% демократов и столько же социалистов, коммунизм – 15,2% демократов, вторую мировую войну – 5,9% демократов и столько же социалистов. Катастрофами в истории Болгарии последние 7 лет считают 22,6% демократов и 36% социалистов, первую мировую войну – 17,6% демократов и 12% социалистов, коммунизм – 13% демократов, турецкое иго – 11% демократов и столько же социалистов.

Несмотря на политические разногласия, приверженцы обеих партий сходятся во мнении, что последние 7 лет – самый ужасный период в истории страны, и процент социалистов, уверенных в этом, даже больше.

Прошлое, настоящее и будущее.

Данные эмпирического исследования дают прекрасную возможность проследить отношение приверженцев различных партий к прошлому, настоящему и будущему.

Оценка периода с 9 сентября 1944 года до 10 ноября 1989 года и ожидания экономического и политического хаоса (%).

Оценка	Ожидания политического и экономического хаоса			
	Мало вероятно	Достаточно вероятно	Не знаю	%
Счастливые для страны годы	22	57	21	100
Больше достижений, чем промахов	24	66	10	100
В чем-то хорошие, в чем-то плохие годы	38	53	9	100
Больше потерь	45	45	10	100
Плохой период	49	38	13	100
Не знаю	31	38	31	100

Позитивное отношение к прошлому рождает большие тревоги по поводу вероятности экономического и политического хаоса в будущем. Это характерно и для тех, кто просто терпимо относится к прошлому. И наоборот, чем хуже отношение к прошлому, тем больше надежд возлагается на будущее.

Оценка последних семи лет и уверенность в своем будущем (%).

	Уверенность	Некоторое беспокойство	Сильная тревога	Постоянный страх	Не знаю	%
Счастливые для страны годы	42,0	33,6	14,3	2,5	7,6	100
В чем-то хорошие, в чем-то плохие годы	32,2	42,1	16,4	2,8	6,5	100

Больше потерь	21,8	41,6	22,1	5,9	8,6	100
Плохой период	15,3	32,1	35,2	11,5	5,9	100
Не знаю	29,9	29,9	25,4	4,5	10,4	100

Отношение к настоящему и будущему страны влияет и на отношение к будущему человечества. Здесь присутствует двойная экстраполяция: временная и пространственная. Начало – сегодняшний день, конец – будущее человечества.

Оценка последних 7 лет и отношение к будущему человечества (%).

	Уверенность	Некоторое беспокойство	Сильная тревога	Постоянный страх	Не знаю	%
Счастливые для страны годы	47,1	28,6	8,4	5,0	10,9	100
В чем-то хорошие, в чем-то плохие годы	38,2	39,6	7,1	2,4	12,7	100
Больше потерь	28,1	36,3	12,2	5,6	17,8	100
Плохой период	17,1	34,6	22,4	10,1	15,7	100
Не знаю	34,3	31,3	16,4	3,0	14,9	100

Вывод.

Исследования выявили тесную связь между ностальгией по прошлому, отношением к настоящему, тревогами по поводу будущего страны и опасениями в отношении будущего человечества. Взгляд с этой позиции открывает новые методологические возможности для изучения феномена катастрофического сознания. Неуверенность в будущем усиливает ностальгию по прошлому и это становится подчас специфическим фактором формирования электората, в данном случае – социалистов.

Особенности внешней политики Болгарии.

Главные вопросы этой части анкеты: приоритеты в области внешней политики страны, отношение к возможному вступлению Болгарии в Европейский Союз и в НАТО. Этот блок вопросов отсутствует в российском интервью. Такие дополнения были внесены потому, что проблемы эти действительно сегодня актуальны для Болгарии и занимают умы многих ее граждан. Болгария – маленькая страна, расположенная в зоне постоянного столкновения геополитических интересов разных государств, всегда испытывала определенные трудности в своей внешнеполитической ориентации. Вступление в Варшавский Договор на длительный период решило эту проблему. Однако сегодня после развала социалистического сообщества проблема это снова появилась. Ключевым вопросом новой внешней политики страны стал выбор между ориентацией на Россию, Германию или Великобританию, что прежде всего

проявилось в изменении школьных и вузовских программ. До первой мировой войны болгары в основном изучали французский язык, между войнами – немецкий, а после второй мировой войны, соответственно, русский. После 1989 года главным стал английский. Русский сегодня стоит на четвертом месте после немецкого и французского. Болгария стремится отойти от пророссийской политики, однако это еще достаточно сложно для населения страны.

Приоритеты во внешней политике.

Главные темы здесь это отношение к интеграции Болгарии в Европейское сообщество и двойственное отношение болгар к вступлению в НАТО. Приоритеты выстраиваются следующим образом: за интеграцию в ЕС выступают 53,8%, за сближение с Россией – 22,6%, за сближение с США – 5,6%. Болгары считают, что присутствие США больше всего ощущается в Хорватии (39%), Албании (36%), Румынии (35%), Македонии (29%) и Югославии (20%); и среди этих стран прорусские настроения сильны только в Югославии (19%). Сравнительный анализ показал, что пророссийски настроенные болгары значительно больше обеспокоены будущим страны (41%), чем западники (22%). Поэтому не боятся утери болгарских традиций 32% западников и 24% русофилов. Здесь, однако, следует оговориться. Русофилия в Болгарии не идентична югославской славянофилии. Основные объекты болгарского национализма – турки, греки и сербы.

Отношение к интеграции в Европу.

Положительное отношение к вступлению Болгарии в ЕС характерно для респондентов с высокой уверенностью в будущем и невысоким уровнем опасений по поводу экономического и политического хаоса. После развала Варшавского договора Болгария усиленно пытается найти поддержку в других странах и больше всего надеется на Европу. Вступление в ЕС воспринимается как гарантия хороших перспектив развития страны. С другой стороны, болгарские респонденты волнуются, что быстро переориентироваться будет сложно из-за сильных еще пережитков прошлого режима.

Болгары уверены, что раз в большинстве европарламентов господствуют партии социалистов, то и их социалисты ориентированы на либеральную политику. Но разница между европейскими социалистами и бывшими коммунистами, нынешними болгарскими социалистами огромная.

Отношение к вступлению Болгарии в ЕС и к вероятным опасностям (%).

Отношение	Экономический и политический хаос	Экологические катастрофы	Социальные и экономические катаклизмы	Бедствия, порождаемые внешними силами
Позитивное	47,5	43,5	62,9	54,5
Скорее негативное, чем позитивное	30,1	41,4	49,3	42,1
Негативное	21,0	33,9	32,3	19,4
Не знаю	15,8	22,0	26,8	25,3

Отношение к НАТО.

Здесь прослеживается некоторая холодность по сравнению с отношением к ЕС. Те, кто симпатизирует американцам (их не так-то много), настроен, как правило, за такой альянс, кто симпатизирует русским, – против. Положительно высказываются на эту тему в основном те,

кто не сильно опасается ядерной войны, нападения соседних государств и нашествия ислама. Выглядит это вполне естественно после сильной проатлантической пропаганды в 1996-1997 годах, связанной в основном с выборами.

Вывод.

В болгарской внешней политике с 1997 года произошел резкий поворот. Страна развернулась лицом к Европе (при активной поддержке своих граждан). В политическом смысле, разворачиваясь лицом к Европе, Болгария автоматически поворачивается спиной к России.

Социально-культурный фактор.

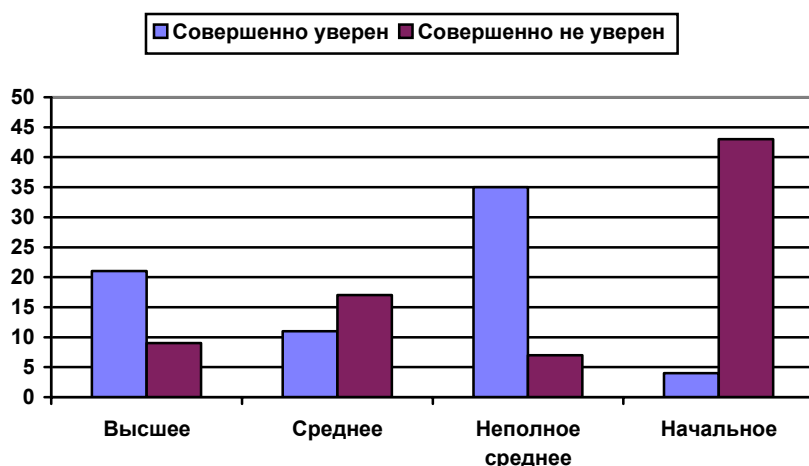
Индикаторами в этом секторе служат: уровень образования, отношение к СМИ, к кино, литературе и в некотором смысле к религии.

Образование.

Здесь выявилось несколько закономерностей:

1. Высокая степень тревожности характерна для людей с низким уровнем образования. Плохое образование сегодня означает низкий доход и соответствующий социальный статус. Люди с высшим образованием лучше могут себя защитить, тогда как для людей с низким уровнем образования процесс выживания усложняется. Это повышает уровень их чувствительности, что проявляется в первую очередь в их отношении к будущему.

Насколько Вы уверены в будущем ? (%)



2. Средний уровень тревоги при слабой уверенности в будущем и низком уровне образования. Хорошо иллюстрирует это утверждение отношение к вероятности экономического и политического хаоса. Ответили «достаточно вероятен» — 50% респондентов с высшим образованием, 48% без него. Чем ниже уровень образования, тем больше неуверенности. Для таких людей характерны ответы «не знаю» или отсутствие информации. На вопрос «Чувствуете ли Вы угрозу экономического и политического хаоса?» люди с высшим образованием чаще отвечали «сильную тревогу», а среди людей со средним и начальным образованием одновременно мало ответов «не чувствую».
3. Повышенная чувствительность при высоком уровне образования. Ярче всего это проявляется в отношении к проблемам экологии: разрушение озонового слоя, глобальное потепление и некоторые идеологические проблемы (неонацизм беспокоит 9% людей с начальным образованием, 11% людей со средним образованием и 17% людей с высшим образованием, сионизм беспокоит 2% людей с начальным образованием и 11% людей с высшим). Нельзя утверждать, что люди с начальным образованием нечувствительны к проблемам культурной сферы. Неверие в бога и грубый материализм беспокоят 22% лю-

дей с начальным уровнем образования, 16% людей со средним образованием и 14% людей с высшим образованием.

Средства массовой информации.

По тому, какие материалы СМИ респонденты читают относительно регулярно, тоже можно выяснить, чего они опасаются. И образование играет при этом немаловажную роль. Проблемы внутренней политики государства интересуют 63% выпускников университетов, 59% людей со средним образованием и 5% людей с начальным образованием. Такое же отношение и к новостям экономического характера. Плохообразованные люди проявляют мало интереса к культурным новостям. Повышенный интерес они проявляют к криминальным сообщениям, к новостям спорта и к гороскопам.

Среди тех, кто постоянно чувствует ухудшение жизненных стандартов, 23% читают новости спорта, 36% регулярно просматривают экономические новости. Среди тех, кто боится безработицы, 30% читают новости спорта, 46% интересуются экономическими сообщениями. Среди тех, кто опасается коррупции, 50% следят за изменениями во внутренней политике государства, 25% следят за событиями в мире. Среди тех, кто опасается беззакония, 42% следят за событиями в стране, 21% — за событиями в мире.

Трудно делать определенные выводы по этим данным, но тем не менее можно утверждать, что страхи и тревоги заставляют людей выборочно читать материалы СМИ.

Кино.

Респондентов попросили обозначить в анкете один из жанров кино, который им наиболее близок. Результаты получились следующие. Сильную тревогу и постоянный страх по поводу бессмысленности жизни и неизбежности смерти больше всего ощущают любители мелодрам и комедий (41%) и меньше всего те, кто предпочитает боевики (22%) и триллеры (21%). Трудно назвать такой результат случайным.

Страх по поводу ухудшения уровня жизни выше всего у любителей мелодрам (74%) и социально-психологического кино (69%) и самый низкий (58%) у любителей боевиков. Мелодрамы в основном смотрят люди с небольшим доходом и соответственно с ограниченными возможностями, а боевики и триллеры — те, кто имеет стабильный доход. Несчастные (имеются в виду бедные) стремятся найти в фильмах то, чего нет у них в жизни, а состоятельные ищут лишь развлечений и острых ощущений.

Среди тех, кто ощущает беспокойство по поводу утраты семейных ценностей, 44% предпочитают социально-психологические фильмы, 38% мелодрамы, 25% комедии, 25% триллеры. Социально-психологическое кино предпочитают жители сельской местности.

Среди страшящихся беззакония больше всего любителей триллеров, детективов и меньше всего любителей комедий.

Отношение к религии.

На вопрос «Помогает ли Вам религия преодолевать страх?» респонденты в основном дают положительный ответ.

Помогает ли Вам религия преодолевать страх? (%)

	Да	Нет	Ино-гда	Не знаю	%
Глубоко верующий	84,5	1,4	14,1	-	100
Скорее верующий	30,4	11,0	11,0	4,3	100
Скорее неверующий	9,3	37,2	37,2	11,6	100
Атеист	16,7	55,6	55,6	22,1	100

С одной стороны, вера помогает только 1/3 людей, назвавших себя верующими. С другой стороны, она в какой-то мере помогает и атеистам, учитывая тот факт, что каждый пятый

из них вообще не уверен, атеист он или верующий. Чаще всего встречается ответ «в некоторой степени я считаю себя религиозным человеком», что и объясняет некоторую противоречивость полученных результатов. К сожалению, факт остается фактом: религия в Болгарии не играет большой роли даже в тех случаях, где это наиболее ожидаемо. Так, тревогу по поводу бессмысленности жизни испытывают 15% верующих и 14% атеистов. Потеря чувства коллективизма беспокоит 26% верующих и 33% атеистов. Большинство атеистов – бывшие члены компартии, для которых коллектив всегда имел особое значение. В принципе можно было ожидать противоположных результатов, так как в Болгарии достаточно сильны экуменические настроения. Неожиданный результат проявился в отношении к проблеме утраты семейных ценностей. Меньше всего это беспокоит верующих 22%, достаточно религиозных респондентов – 34%, скорее нерелигиозных – 32%, атеистов – 28%. В отношении к будущему уровень тревожности одинаковый и у атеистов, и у верующих – 37%, то же самое и по отношению к бездуховности и преобладанию грубого материализма – верующие 28%, атеисты – 26%.

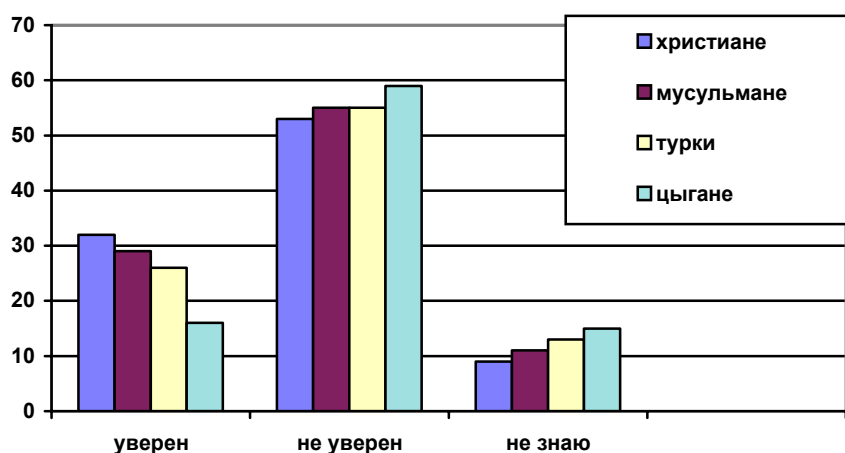
Результаты выглядят достаточно категорично и поднимают вопрос о роли веры в формировании катастрофического сознания.

Этнический фактор.

Данные исследования показали, что степень уверенности в будущем и отношение ко многим опасностям тесно связаны с принадлежностью респондентов к той или иной этнической группе. Для всех групп характерна достаточно высокая тревожность, но сильнее всего она проявляется у цыган: 2/3 респондентов ощущают сильную тревогу и постоянный страх, в то время как хорошие перспективы для себя видит только 16% цыган.

Из всех этнических общностей в тяжелом экономическом положении находятся цыгане – среди них наибольшее количество людей находится за чертой бедности, кроме того, болгар-христиан больше, чем цыган, почти в 3 раза. Определенные различия в отношении к будущему видны и среди мусульман, турков и христиан, что объясняется, в основном, различиями религиозного характера, укладом жизни и эмиграцией. Сильнее всего различия между этими тремя этническими группами проявляются в отношении к природным катастрофам, нападению соседних государств, репрессиям.

В какой степени Вы уверены в будущем?(%).



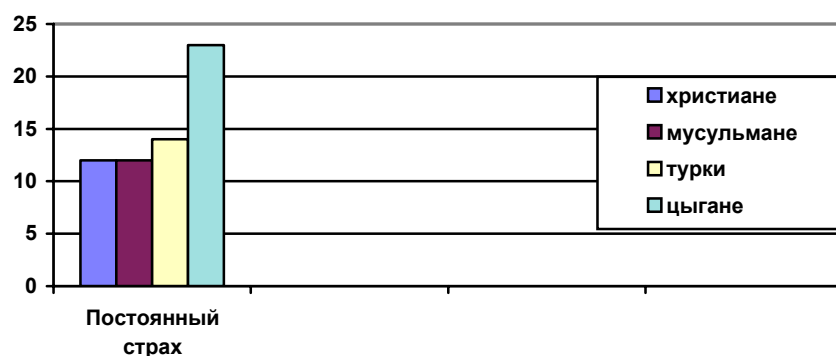
Отношение к различным опасностям среди христиан, мусульман и этнических турков.

Все этнические группы, за исключением цыган, испытывают примерно равную степень тревоги в отношении многих опасностей. Постоянный страх эти этнические группы испыты-

вают в отношении этнической, религиозной дискриминации. Особенно этот показатель высок у цыганской коммуны. Высокий уровень страхов проявляется и в отношении к апокалипсическим опасностям.

Регулярные исследования уровня жизни всех четырех этнических групп выявляют сильный разрыв между цыганами и тремя остальными общностями. Для цыган характерны низкое качество жизни, высокий уровень преступности. Как правило, СМИ, сообщая о грабежах и нападениях, всегда делают акцент на цыганских группировках. Растет в обществе и степень отчуждения. Уже были случаи погромов и столкновений. В целом дискриминация в отношении этой группы достаточно велика.

Отношение различных этнических групп к этнической и религиозной дискриминации (%).



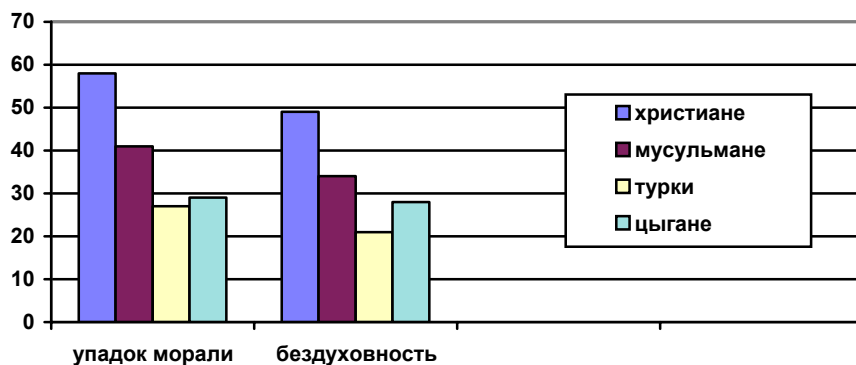
Цыгане славятся любовью к оккультным наукам. В связи с этим интересно, как распределились ответы на вопрос «Верите ли Вы в гадания и гороскопы?». «Да» ответили 11% христиан и 23% цыган.

Различия религиозного характера.

Как и ожидалось, отношение к проблеме распространения исламского фундаментализма напрямую зависит от религиозных воззрений респондентов. Больше других это беспокоит христиан – 19%, затем идут мусульмане и цыгане (12-13%), на последнем месте турки (7%). Отношение к этому виду опасности выражалось как напрямую, так и через отношение к проблеме бездуховности.

В обоих случаях христиане выражают наибольшую тревогу, турки наоборот. Это можно объяснить сильным консерватизмом, присущим небольшим коммунаам, особенно это характерно для турков. Не меньшее значение здесь играет и мусульманская религия, которая сильнее, чем христианство, регулирует частную и общественную жизнь членов коммуны, а также изоляция группы и достаточно специфический уклад жизни турецких деревень и коммун.

Отношение различных этнических групп к бездуховности общества и упадку морали (%).



Различия в гражданской позиции.

Незначительные различия наблюдаются и в отношении разных этнических групп к беззаконию, преступности и коррупции.

Разница объясняется специфическим социальным климатом, обостренным чувством коллективизма и взаимопомощи, которые характерны для небольших коммун. Это несколько снижает общий уровень тревожности.

Обратные зависимости.

Самые неожиданные результаты выявились в отношении респондентов различных этнических групп к проблеме обнищания и безработицы («Сравнительное исследование жизни болгар-христиан и болгар-мусульман, 1997 год»). Самый высокий уровень безработицы наблюдается среди цыган, а самый низкий – среди христиан. Но тревога по этому поводу совершенно обратная. Эти проблемы волнуют 70% болгар-христиан и 64% цыган. Картина имеет скорее психологическое, чем какое-либо еще объяснение: нищие болгары-христиане сильно отличаются от нищих цыган. На самом дне общества страхи несколько приглушены. Как гласит пословица «Слишком низко, чтобы падать». То есть те, кому есть, что терять (болгары-христиане), боятся обнищания значительно больше.

Вывод.

Данное исследование выявило высокий уровень страхов и тревог и сильную их дифференциацию среди различных этнических групп Болгарии. Причина различий не в политическом статусе, а скорее в гражданском.

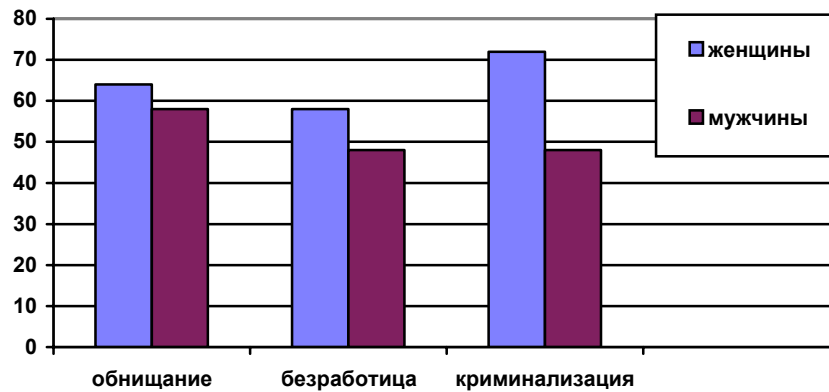
Социально-биологические, социально-профессиональные и биографические факторы.

Индикаторами в этом секторе стали следующие сведения о респондентах: пол, возраст, образование, семейное положение, место жительства, профессиональный статус, принадлежность к социальной группе, доход. Определенную роль здесь сыграло и место проживания респондента. В болгарское интервью был добавлен вопрос «Не были ли Вы жертвой преступления?».

Мужчины и женщины.

Влияние полового признака сказывается в 36 вопросах из 48. Женщины, как правило, больше подвержены всякого рода страхам и тревогам.

Отношение к ухудшению уровня жизни, к безработице



В основном различия связаны с физиологическими особенностями полов. Коллапс института социальной защиты, который произошел в переходный период, повлиял на психологическое состояние не только различных социальных и этнических групп, но и полов. Женщины по сравнению с мужчинами оказались в более сложном положении. Им тяжелее в таких условиях найти работу и легче стать жертвой преступления. Согласно данным официальной статистики, в переходный период насилию подвергались не только молодые женщины, но женщины 70-80 лет. Все это не могло не сказаться на уровне женской тревожности. Издавна женщина считается хранительницей домашнего очага. Основная ее роль — воспитывать детей и поддерживать в семье мир и спокойствие. Поэтому главное различие сказалось в отношении женщин и мужчин к кризису семейных ценностей, распространению сект, утрате чувства коллективизма, бездуховности общества. Различия в отношении полов к социальным и экологическим угрозам не так существенны. Проблема коррупции волнует 53% мужчин и 55% женщин, беззакония — 55% мужчин и 59% женщин, глобальное потепление климата — 26% мужчин и 29% женщин, истощение природных ресурсов 13% мужчин и 16% женщин, массовые эпидемии 36% мужчин и 54% женщин.

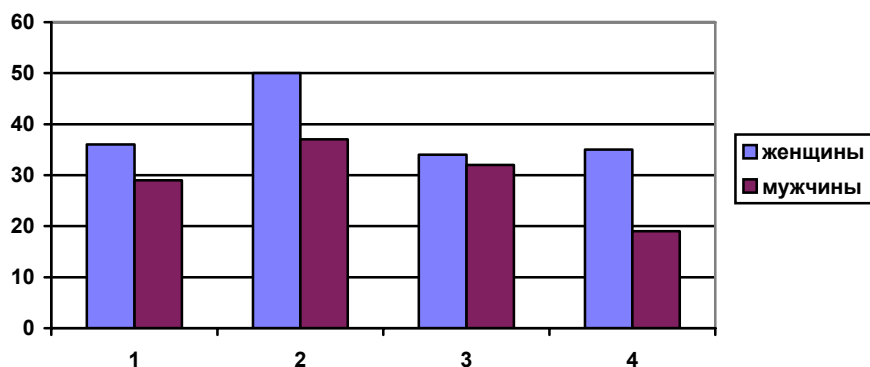
Чем больший опыт борьбы с различными жизненными коллизиями приобретает женщина, тем меньше она уверена в будущем.

Женщины сталкиваются с большими психологическими проблемами. Они больше зависимы от настроения, расположения духа, они более нервны и раздражительны, более восприимчивы и доверчивы, чем мужчины, чаще чувствуют свою беспомощность и не всегда в состоянии принять решение, они в целом большие пессимисты, чем мужчины. Они чаще, чем мужчины, говорят, что жизнь не имеет смысла и что больших трудностей они не переживают.

Мужчины сталкиваются с иными проблемами. Основные тревоги сильной половины человечества связаны с востребованностью в профессиональном плане. Они чаще говорят, что отношения с другими стали сложнее, что они стали более замкнутыми и циничными, раздражительными и подчас продолжают спорить, даже если знают, что не правы.

Реакция на трудности у мужчин и женщин различна. Мужчины чаще занимают активную позицию, чаще, чем женщины, полагаются на свои физические и материальные возможности.

Чувствуете ли Вы тревогу по поводу: кризиса семейных ценностей (1), нашествия религиозных сект(2), утраты чувства коллективизма (3), засилья грубого материализма и бездуховности общества(4) (%).



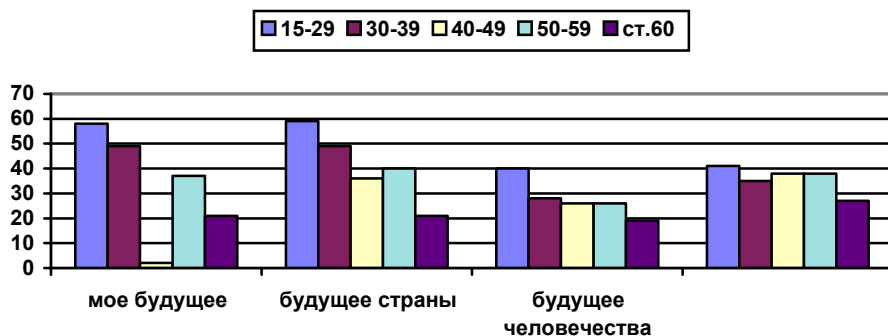
Оптимизм молодежи и пессимизм пожилых.

Возраст оказывает не такое сильное влияние на отношение респондентов к различным опасностям, как пол. Самый разительный контраст между молодежью и пожилыми людьми в отношении к будущему.

Контраст проявился между тремя основными возрастными когортами: молодежью, людьми среднего возраста и пенсионерами. Молодежь, что вполне естественно, единственная группа, среди которой уверенность в будущем достаточно велика. При этом надо заметить, что молодые люди в будущем человечества уверены несколько больше, чем в будущем Болгарии.

Пенсионеры не придают особого значения проблеме безработицы. Молодежь меньше обеспокоена американизацией жизни в стране. Новое поколение достаточно толерантно и открыто миру. Его мало волнуют такие проблемы, как нашествие сект, исламский фундаментализм, снижение уровня рождаемости, скорее, это беспокоит людей старшего поколения. Бездуховность общества и экологические катастрофы вызывают одинаковую тревогу у людей всех поколений. Большие надежды молодежь питает в отношении рыночной экономики и мало беспокоится по поводу вероятных экологических катастроф.

Отношение к будущему людей различного возраста (%).



Вывод.

Молодые люди Болгарии уверены в своем будущем и достаточно толерантны в отношении настоящего.

Комплекс провинциальности и столичное высокомерие.

Глубокая пропасть лежит между столицей и провинцией. Уверенно смотрят в свое будущее только жители Софии. Одновременно в будущем страны столичные жители уверены меньше других, но при этом больше уверены в будущем человечества.

Провинциалы оказались пессимистами в отношении своего будущего, оптимистами в отношении будущего страны и скептиками по отношению к будущему человечества. Жители столицы, наоборот, оптимистично смотрят на свое личное будущее, пессимистично на будущее страны, но такие же скептически относятся к будущему человечества.

Жители столицы в 2 раза чаще по сравнению с деревенскими жителями и в 3 раза чаще, чем жители районных центров, говорят, что довольны жизнью. Они менее нервны и раздражительны, меньше чувствуют, что отношения с другими стали сложнее, лучше спят, меньше беспокоятся о работе, реже теряют способность принимать решения и реже приходят к выводу, что им все тяжелее переживать трудности. Однако они чаще, чем остальные, говорят, что вещи вокруг стали непонятными и странными. Что тоже объяснимо: София стала центром политической борьбы и экономических экспериментов. На одной и той же площади происходят митинги, акции протеста, праздники и карнавальные шествия. Бывший мавзолей Георгия Димитрова некоторое время использовался как общественная уборная. Дом Парламента подвергался атакам и осаде (1997). Последователи президента и лидера Союза Демократических Сил публично сожгли портреты своих любимцев. Действительно, за короткий период произошло множество странных событий.

Тревоги жителей сел и бывших районных центров не сравнимы с тревогами жителей столицы (у жителей столицы все страхи на уровне 20%, у жителей райцентров, небольших городов и деревень не меньше 60%).

В социалистическое время между городом и деревней, между районным центром и столицей существовала гигантская пропасть в уровне жизни, которая активно поддерживалась. Такие же процессы происходили и в других социалистических странах, например, в России. В деревнях безработица и нищета всегда были выше, чем в городах и в столице. Поэтому естественной выглядит спокойствие столичных жителей в отношении разного рода трудностей. Политический фактор тоже играет немаловажную роль. Провинция всегда более консервативна, там сильнее так называемое «красное» движение, меньше связи с центром.

Самым удивительным оказалась разница в тревогах по поводу коррумпированности правительства. Только 15% столичных респондентов чувствуют тревогу по этому поводу. В бывших районных центрах – 62%, в малых городах – 59%, в деревнях – 59%. Особенно странным выглядит этот факт в свете того, что жители деревень считают центр «рассадником» коррупции.

Причина все в той же провинциальной застенчивости и некоторой столичной заносчивости.

Социально-профессиональный статус.

Между категориями «социальный статус» и «профессиональная принадлежность» наблюдается теснейшая связь: образование – социальная группа, социальная группа – род занятий, социальная группа – доход. Среди респондентов, занимающихся частной предпринимательской деятельностью, имеющих свое дело, в 2 раза больше уверенных в будущем, чем среди занятых на госпредприятиях. По сравнению с пенсионерами, среди частных предпринимателей уверенных в будущем в три с половиной раза больше. Они же и больше уверены в будущем людей своей социальной группы и Болгарии в целом. Среди остальных в будущем страны больше уверены специалисты технического профиля и квалифицированные рабочие (40%).

Политического хаоса ожидает примерно одинаковое количество предпринимателей и государственных служащих («достаточно вероятно» ответили 53-55%).

Экономический хаос кажется более вероятным для квалифицированных рабочих (59%), чем для разнорабочих (48%). Специалисты производственного и сельскохозяйственного секторов тоже чувствуют определенную тревогу по этому поводу (55-57%), правда, чуть большую, чем руководители разных уровней (48%) и специалисты в области науки, культуры, здравоохранения и образования (44%).

Экологические катастрофы больше всего волнуют специалистов сферы науки, образования и здравоохранения (54%), технических специалистов и квалифицированных рабочих (44%).

Руководители различных уровней ощущают примерно равную степень тревоги по отношению к безработице и ухудшению стандартов жизни. В обоих случаях разнорабочие чувствуют самую сильную тревогу. Квалифицированные рабочие и специалисты технического

профиля в два раза сильнее напуганы угрозой обнищания, чем все остальные. Распределение отношения социальных групп по поводу обнищания такое же, как и в отношении преступности. Можно смело предположить, что всех их объединяет ощущение социальной незащищенности. Различные социальные группы выражают одинаковую озабоченность по поводу репрессий и диктатуры. Экологические проблемы больше всего волнуют интеллигенцию (51%), разнорабочие и специалисты технического профиля высказывают по этому поводу наименьшую тревогу (37-38%). Разница в отношении различных социальных групп к проблеме бездуховности небольшая. Среди руководителей разного уровня озабоченных этой проблемой составляет 36%, среди разнорабочих – 20%. Нашествия ислама опасаются 29% руководителей подразделений и квалифицированных рабочих и 17% разнорабочих. Разнорабочие больше других озабочены утратой чувства коллективизма 34% (технические специалисты 16%). Разнорабочие и руководители подразделений больше других социально-профессиональных групп озабочены утратой болгарских традиций.

О бессмысленности жизни больше задумываются те социальные группы, которым сложнее реализовать себя в профессиональном смысле (разнорабочие в два раза больше обеспокоены этим, чем квалифицированные рабочие).

Различия в отношении к возможным опасностям во многом обусловлены разницей в образовании и доходах.

Социальный статус и биографические данные.

Индикаторами здесь стали следующие параметры: наличие детей, возраст и принадлежность к этнической группе. Ухудшение жизни волнует как состоящих в браке (64%), так и одиноких (65%), то же самое в отношении преступности и безработицы. Различия проявляются в отношении к снижению уровня рождаемости. Состоящих в браке это волнует несколько больше (33%), чем одиноких (23%). При наличии у респондентов детей картина меняется. Преступность волнует, правда, и тех, и тех примерно одинаково (57-60%). Различно их отношение к проблеме безработицы. Те, кто не имеет детей или имеет 1-2 детей, волнуются значительно больше, чем имеющие более 3 детей. К последней категории относятся в основном этнические меньшинства, поэтому этот фактор приобретает этническую окраску. Этим же объясняется и странное отношение к нашествию сект: по этому поводу волнуются только имеющие от 1 до 2-х детей.

Что касается вопроса «Подвергались ли Вы когда-нибудь насилию?», то отношение людей, испытавших насилие, к разным видам опасностей мало чем отличается от прочих респондентов. Респонденты, ставшие жертвой какого-либо преступления (их 28,6% опрошенных), лишь, как правило, чаще остальных читают колонки криминальных новостей в СМИ.

Заключение.

Методологические выводы.

Тема исследования выглядит, в некотором смысле, интеллектуальным развлечением. На практике такое обследование прекрасно иллюстрирует исключительно важный аспект социальной психологии: показывает степень массовой (социально-психологической) тревожности населения и раскрывает специфические страхи. Проникновение катастрофического сознания людей разных стран дает неожиданные возможности проследить его тесную взаимосвязь с особенностями жизни людей и с их культурным уровнем. Мы можем проследить, как осуществляется взаимопроникновение социального пространства и социального времени. В этом аспекте полученные данные интересны не только с точки зрения социологии, социальной психологии и политологии, но и с точки зрения философской логики.

Гипотезы.

1. Различия среди индивидуумов.

1.1. *Образование оказывается самым противоречивым фактором, влияющим на формирование катастрофического сознания.* С одной стороны, люди с высшим образованием больше озабочены глобальными страхами, потому что более информированы. С другой стороны, люди с низким уровнем образования больше озабочены реальными, повседневными, осязаемыми страхами, потому что в этой группе ниже доход и социальная защищенность.

Сильнее всего жителей современной Болгарии волнует проблема выживания, а именно: проблемы обнищания, безработицы, и чем выше уровень образования, тем меньше степень этого страха. Более образованные люди тоже подвержены страхам, но они оптимистичнее смотрят на жизнь.

С социологической точки зрения катастрофизм — это не только идея, но и способ познания. В Болгарии основной тезис о “третьей национальной катастрофе” успешно распространяется именно политически озабоченной интеллигенцией. Эта идея попадает на благодатную почву сильно обеспокоенных проблемой выживания простых граждан страны и не требует развития или логического объяснения. Любые попытки нейтрализовать катастрофические идеи влекут за собой риск появления нового “коммунизма”.

1.2. *Хорошее образование и стабильно высокий доход снижают катастрофичность.* Чем менее прочна финансовая стабильность людей в настоящем, тем более неизбежной им представляется скорая катастрофа. Нищий чувствует большую тревогу и меньшую уверенность в своем будущем, особенно в период экономического кризиса и политического хаоса; находясь в состоянии некоторой паники, он не всегда может различить, где настоящая катастрофа, а где искусственно созданная.

2. Различия среди групп.

2.1. *Чем сильнее положение оппозиции существующему режиму, тем более катастрофично население видит свое будущее.* Именно сильная оппозиция сгущает тучи и говорит, что при существующем режиме будущее выглядит ужасным. Ярким примером может служить пост-коммунистическая Болгария. Существенное значение при этом играет время. “Время работает на нас, смотрите, чем дальше, тем хуже”. Козырем антикоммунистической оппозиции было прошлое. В основном использовался страх: что случится, если бывшие коммунисты останутся у власти? А в ход пускались бывшие коммунистические лозунги типа “светлого будущего”. СМИ только нагнетали обстановку: мрачная картина настоящего, если правящая партия находится в оппозиции, и нескончаемый оптимизм, если к власти придут “те, кто нужно”.

3. Различия среди наций.

3.1. *Устойчивость или неустойчивость катастрофического сознания зависит от истории наций.* Это болгарский случай. Болгария дважды теряла свою независимость. Второй раз на целых пять столетий. В XX веке уже обновленная Болгария дважды терпела жестокое поражение, и оба они расценивались как национальные катастрофы. Благодаря чему в сознании нации сформировался устойчивый комплекс.

3.2. *Наличие катастрофического сознания зависит от геополитического положения страны,* что тоже характерно для Болгарии. Страна находится на пересечении интересов Запада и Востока. В Средние века Болгария перенесла ряд нашествий из Азии. В XX веке на Балканы пытались “поделить” крупнейшие мировые державы. И Болгария, как самая развитая из балканских стран, была вовлечена в конфликт со своими соседями. Во время Второй мировой войны за Балканы Болгария практически в одиночку противостояла Сербии, Греции, Турции, Румынии. Ощущение такой геополитической концентрации интересов обусловило развитие устойчивого комплекса катастрофичности в периоды с 1913 по 1919 года. И по сегодняшний день все существовавшие правительства Болгарии, вне зависимости от своей направленности крайне осторожны в отношении своих балканских соседей. Интеграция в европейское сообщество воспринимается болгарской общественностью, как решение проблемы сложного геополитического положения.

3.3. *Зависимость катастрофичности сознания от уровня жизни.* Этот постулат не требует объяснений. Вне всяких сомнений та ситуация, в которой оказалась страна после

1989 года: отсутствие рынка, кризис промышленности сельского хозяйства и, соответственно, низкий уровень жизни населения — определили мрачное отношение к будущему. Но крах сам по себе открыл новую зависимость: благосостояния и катастрофизма.

3.4. *Зависимость катастрофизма от уровня развития общества.* В ходе исследования выявилось два варианта экстраполяции: 1) движение — переход от одного строя к другому; 2) историческая перспектива — попытки использовать опыт прошлого. Сочетание этих двух факторов объясняет, почему и в обновленной прессе, и в неформальных беседах муссируются одни и те же темы: потеря национального суверенитета и исчезновение с лица земли болгарской нации, то есть катастрофа.

3.5. *Зависимость катастрофичности от господствующей религии.* Эта гипотеза не подтвердилось. В Болгарии традиционно господствовали две религии: православие и ислам. Большинство населения — православные христиане. Но влияние на общественное сознание Православной Церкви ослабло. Поэтому можно сказать, что религия оказывает ничтожное влияние на уровень страхов и тревог населения Болгарии.

3.6. *Идеология и катастрофизм.* Крах прежнего режима привел к идеологическому вакууму. Коммунистическая партия сегодня отошла от прежних убеждений, но не приблизилась к демократическим тенденциям. Антикоммунистическое движение объединило в себе множество течений (консерваторы, либералы, националисты, монархисты, социал-демократы) и пока не имеет четкой политической и идеологической позиции. Этот вакуум заполнили нигилизм и популизм. Переходный период в Болгарии характеризуется идеологической многоликостью.

3.7. *Что порождает катастрофизм.* В переходный период появились новые идеи и новые проекты, преступные и гуманные. Одни считают, что весь социалистический лагерь стал жертвой страшной катастрофы, виновник которой Горбачев и его болгарский последователь Луканов. Другие обвиняют бывшую номенклатуру во всех смертных грехах: нечестное обогащение и вывоз денег за границу, гигантские расходы на силовые министерства, идеологическое непостоянство. Появились книги, в которых раскрываются связи бывших лидеров компартии и нынешнего руководства страны с масонами и мировыми преступными группировками.

4. Катастрофизм.

4.1. Идея о том, что *катастрофические настроения оказывают сильное влияние на социальные и экономические процессы*, как нельзя более точно определяет ситуацию в современной Болгарии. В 1989 году страна еще имела неплохой экономический потенциал. Бывшие коммунисты прекрасно разбирались в коммерческой деятельности, так как ни один год занимались “левым” бизнесом. Для того чтобы отстранить этих людей от власти, антикоммунистическая коалиция успешно провела кампанию по их обличению и вытащила наружу массу компрометирующих материалов и документов. Отрицание шло без всякой меры. Отрицание проявилось не только в полном отказе от прошлого, но и в полном отсутствии консенсуса в настоящем. Такой иррационализм оттолкнул интеллигенцию от политической жизни. И произошло то, что и должно было произойти: политическая борьба стала похожа на уличную драку и поэтому сформировалась довольно специфическая политическая элита.

То есть те, кто пришел после 1989 года к власти с лозунгом “Прекратить разрушение”, воплотили его в жизнь.

4.2. *Высокий уровень катастрофизма и политическая поляризация обусловили друг друга.* Борьба велась без всяких правил. Официально в Болгарии не существует экстремистских партий, а ими просто являются две ведущие партии — социалисты и демократы.

4.3. *Иррациональное поведение граждан только усиливает катастрофические тенденции.* В тот самый момент, когда страна переживала кризис, население не только не объединилось, но и не желало сохранять все то хорошее, что имело. Шло массовое разграбление страны, перераспределение собственности, то есть настоящее мародерство. Чувство надвигающейся катастрофы объединяет людей для разграбления национального богатства. Хотя, с

другой стороны, усиливающееся чувство коллапса в конечном итоге заставляет людей прекратить разграбление.

4.4. Разрушение социальных связей стимулирует рост преступности.

Рост катастрофичности в обществе сначала ведет к моральному упадку общества. Случай Болгарии показывает всем остальным странам, что прежде чем начинать какие-либо преобразования в стране, нужно избавиться от катастрофического комплекса. Иначе насилие, которое сперва происходит только на улице, затем переместится и в правительство и станет регулировать политические отношения в стране. Катастрофизм зажигает социальную активность масс, но и сам ее убивает.

4.5. Тесная связь между катастрофизмом и распространением мистических настроений в обществе.

Что доказывает большая популярность гороскопов и пророчеств в отношении будущего страны. Гадалки, прорицатели стали популярнее политиков в Болгарии. При этом не следует забывать о том, что у цыган, которые во все времена славились своей любовью к оккультным наукам, согласно данному исследованию, самая высокая степень катастрофичности сознания и самое негативное отношение к будущему.

4.6. и 4.7. Высокий уровень катастрофизма в обществе и ведет к росту индивидуализма.

Каждый стремится в кризисные периоды “спасти свою собственную шкуру”. Эта гипотеза подтвердилась в Болгарии. Дезинтеграция охватила все сферы: политические партии, общественные организации, церковь, спортивные клубы. Но одновременно в условиях катастрофизма сплотились семьи. Социологические исследования выявили, что конфликты между родителями и детьми достигли самого низкого показателя за последние 30 лет именно в период кризиса.

4.8. Национальные конфликты и катастрофизм.

Однако болгарский случай, скорее, нетипичен. К началу переходного периода в стране обострился конфликт между существующим режимом и положением этнических турков в стране. Демократические процессы улучшили положение этой этнической группы и напряжение спало. Но, тем не менее националистические настроения в отношении цыган только усилились. В основном это связано с высоким уровнем преступности среди этой этнической группы.

4.9. Повышенная активность апокалиптических религиозных сект в условиях повышенного катастрофизма.

В условиях обнищания и ухудшения условий жизни активизировалась деятельность различных сект. Стала актуальной проблема распространения исламского фундаментализма. Общество настроено крайне отрицательно к этому явлению общественной жизни.

4.10. Цепная реакция.

Это явление имело место в Болгарии зимой 1996/97 годов. Сильные катастрофические настроения привели к коллапсу политических институтов, что в свою очередь привело к серьезным проблемам в промышленности и в сельском хозяйстве. Иностранные компании, развернувшие свою деятельность на территории Болгарии, обанкротились. Национальное производство оказалось в глубочайшем кризисе.

4.11. Смещение ориентиров.

В период кризиса на первый план вышла проблема приватизации. Приватизация — это только первый шаг на пути к достижению мировых стандартов. Но усиление катастрофических настроений в обществе заставило людей направить всю свою энергию на решение сиюминутных задач и удовлетворение ежедневных потребностей. И проблема национального производства и экономики в целом была быстро забыта.

4.12. Специфические формы выживания.

Экономический хаос заставил людей самостоятельно искать пути выживания. Большинство населения переводило всю имеющуюся наличность в твердую валюту и хранило ее

дома, что практически заблокировало функционирование банковской системы в Болгарии и привело к гиперинфляции. Символом выживания стали приусадебные хозяйства.

4.13. Утечка умов, денег и рабочей силы.

В основном из страны уезжала наиболее трудоспособная часть населения — образованная молодежь и молодые турецкие рабочие. Именно те люди, основываясь на которых страна предполагала выйти из кризиса. Турецкая часть населения Болгарии в основном занята на табачном производстве: молодые турецкие рабочие имеют низкую квалификацию, но большую продуктивность. Утечка капитала из страны — тема достаточно закрытая. Она не часто обсуждается даже на страницах периодической печати. Многие предпочли вложить средства в недвижимость в других странах, отправить детей учиться в престижные школы и университеты мира или просто хранить деньги на счетах зарубежных банков. Это дестабилизировало экономику страны.

4.14. Высокий уровень катастрофизма и кризис в стране ограничил иностранные инвестиции.

Среди стран бывшего советского блока в Болгарии меньше всего заинтересованы иностранные инвесторы. Курорты, которыми славится Болгария, тоже находятся не в лучшем виде. Идет борьба за их приватизацию. Только во время войны в бывшей Югославии болгарские курорты процветали.

5. Повседневная жизнь.

5.1. Чем выше уровень катастрофизма, тем сложнее предотвратить катастрофу и бороться с ее последствиями.

Последствия дестабилизации оказались сильны не только для Болгарии, но и для других стран, для международных организаций. Международный Валютный Фонд и Мировой Банк предоставили Болгарии заём для развития промышленности. Но не известно, что будет дальше. Многие жители страны стремятся иммигрировать на Запад, и одновременно Болгария обращается к западным странам за гуманитарной помощью. И многие страны заинтересованы в экономической стабилизации страны.

5.2. Высокий уровень тревожности ухудшает здоровье отдельно взятых граждан страны и здоровье нации в целом.

5.3. Катастрофизм рождает высокий уровень насилия и преступности.

Социальные конфликты и ухудшение стандартов жизни подготовили прекрасную почву для организованной преступности. Подорванное психическое здоровье нации подготовило прекрасную почву для агрессии.

В целом случай Болгарии доказывает, что катастрофические ожидания ведут к катастрофическим результатам.

Глава 21. Сравнительное исследование катастрофического сознания в Болгарии и России

Катастрофа — крутое слово, но им все чаще пользуется современная пресса, радио, телевидение, да и в обычных разговорах оно употребляется все чаще и чаще. И не только в России, где, как известно, без упоминания катастроф редко обходится сводка последних известий, а “катастрофы недели” стали популярными рубриками почти во всех средствах массовой информации. Болгария по праву может соперничать с нами по частоте упоминания этого термина. Наряду с ним идут: Апокалипсис, Агония, Коллапс, Кома, Крах, Смерть, Конец света и др.

Крушение и развал империи, военных и экономических блоков и трагедии, которыми они обернулись для миллионов простых людей, словно по какому-то дьявольскому плану пришлось на самый конец XX века. А периоды перехода от одного тысячелетия к другому, как свидетельствует история, сами по себе обычно заряжены колоссальной мистической энергией, ожиданиями апокалипсических ужасов и бедствий. В результате происходит как

бы интерференция реальных страхов и тревог с мистическими настроениями и ожиданиями, что порождает такую картину мира, которую социологи, пользуясь доступными им средствами, обязаны попытаться запечатлеть.

Вот почему предложенный профессором Мичиганского Штатного Университета В.А. Шляпентохом проект “Катастрофическое сознание в современном мире” российские ученые поддержали и уже в 1996 году начали массовые опросы населения. [1] В 1997 году к нашему исследованию присоединился президент Болгарской Социологической Ассоциации профессор Петр-Эмиль Митев, который провел массовые обследования в Болгарии по методике, которая позволяет вести корректное сопоставление с данными российских социологов и пытаться выявить особенности и общее в катастрофическом сознании, страхах и тревогах населения этих двух стран.

Предварительные замечания.

На первый взгляд сравнение страхов в Болгарии и России не представляет особых трудностей: провел опрос здесь и там, выстроил цифры в две колонки и сопоставляй, где больше боятся, где меньше. Но это лишь при самом поверхностном подходе. В действительности, если исследователь хочет хотя бы приблизиться к истине, задача чрезвычайно осложняется: уж очень велики различия исторические, культурные, географические, геополитические.

Одна — небольшая балканская страна с числом жителей, равным населению Москвы. Другая — огромная северная держава, занимавшая шестую часть земной суши. Господствующая религия — православие. И та, и другая в недалеком прошлом входила в единый социалистический лагерь, в Варшавский пакт; вместе противостояли международному империализму во главе с США. Однако у каждой из них есть такие крупные особенности, которые игнорировать нельзя. Для Болгарии это, прежде всего, ее геополитическое положение, на границе христианского и мусульманского миров. За это ей пришлось многократно тяжело платить кровью своих граждан. Достаточно вспомнить 500-летие османского ига, в результате которого страна была отуречена, во многом изменила свой облик. Правда, свой духовный строй она сохранила, и не случайно освобождение Болгарии Россией в 1877-78 гг. стало одним из важнейших событий ее новейшей истории. Да, Болгария была партнером Германии во второй мировой войне, но в отличие, скажем, от Венгрии и Румынии ее войска не принимали участия на советско-германском фронте. Ее участие было как бы символическим, а не реальным. И поэтому Советскую Армию народ встретил в конце войны как армию освободителей, что облегчило быстрый приход к власти в стране коммунистов.

На Болгарии никогда не лежал груз исторической ответственности за мировую революцию. В отличие от СССР, она не была базой мирового революционного движения, оплотом мировой революции, отечеством пролетариев всех стран. Поэтому в довоенные годы она развивалась как обычная восточно-европейская страна. Без того невиданного напряжения всех сил и ресурсов, которое испытывал советский народ, без той борьбы за власть, за подавление всех инакомыслящих, которые были характерны для СССР в предвоенные годы. Болгария по существу избежала и гражданской войны и последовавшей за ней массовой насильственной коллективизации и чудовищных репрессий, в результате которых в СССР произошла демографическая катастрофа, когда было уничтожено около 100 миллионов сограждан.

Этим Болгария разительно отличается от СССР. Ее демографическая пирамида не была так порушена в предвоенные годы и в годы войны.

В период холодной войны, гонки ракетно-ядерных вооружений основной груз несли две сверхдержавы, стремясь обеспечить свое превосходство, во всяком случае стратегический паритет. И здесь Болгария, как член Варшавского договора, хотя и принимала активное участие, но ее роль была периферийной. Она не несла на себе тяжести гигантских затрат,

которые взвалил на себя Советский Союз. А к этому можно было бы добавить войну в Афганистане и Чечне, которые стоили России миллиарды долларов и тысяч человеческих жизней.

Поэтому Болгарии, когда окончилась холодная война и гонка вооружений, было в чем-то легче падать, чем СССР, который, достигнув “зияющих высот”, обеспечив паритет в вооружениях, теперь должен был ликвидировать более половины всей своей промышленности.

Развал СССР должен был быть еще более катастрофичен, чем он был, а население его было бы обречено на страшный голод и вымирание, если бы из глубины веков нам не протянули руку помощи наши предки, которые колонизировали и освоили огромную территорию с величайшими запасами полезных ископаемых, прежде всего газа и нефти, которые мы теперь по сути меняем на продовольствие и одежду. Две трети импорта мы оплачиваем за этот счет. Отнимите эти две трети, и тогда мы можем представить себе реальную картину жизни в России. В этом отношении Россия оказалась в более выгодном положении, чем Болгария, которая не располагала такими огромными природными ресурсами.

Это, разумеется, имеет самое прямое отношение к характеру и количественной оценке страхов и тревог, которые мы сегодня фиксируем в этих странах. И хотя они имеют сходное происхождение, но обвал, который начался после распада социалистического лагеря, прекращения холодной войны и гонки вооружений, выражался по-разному. Так, как видно из табл.1, годовые темпы падения ВВП и промышленного производства (в %) с 1991 года по 1994 год в России постоянно (за исключением падения промышленного производства в 1991 году в Болгарии) были значительно выше, чем в Болгарии. А в 1994 г. Болгария уже смогла обеспечить, хотя и небольшой, положительный прирост ВВП.

Табл.1

Годовые приросты ВВП и промышленного производства (в %). [12]

	1991		1992		1993		1994	
	ВВП	про м. пр- во	ВВП	про м. пр- во	ВВП	про м. пр- во	ВВП	про м. пр- во
Россия	- 12,8	-8,0	- 19,2	- 18,0	-12 14,1	- 14,1	-15 20,9	- 20,9
Болга- рия	- 11,7	- 22,2	-5,7 15,9	- 15,9	-1,5 10,0	- 10,0	0,2 2,0	2,0

Не было в Болгарии и такого фантастического прироста (в 15 раз) потребительских цен, как в России с 1991 по 1992 гг.(Табл.2). Однако по безработице Болгария оказалась на первом месте среди стран Центральной и Восточной Европы (Табл.3.).То, что безработица оказалась в России почти в два раза меньше, чем в Болгарии, может объясняться тем же нефтегазовым доходом, в результате чего в торговлю было вовлечено более 10 миллионов “челноков”, а также хронической скрытой безработицей.

Табл.2

Годовые приросты потребительских цен (в %). [13]

Страна / год	1991	1992	1993	1994
Россия	100,0	1468,0	875	303,0
Болгария	254,3	79,4	72,9	96,0

Табл.3

Безработица в странах Центральной и Восточной Европы. [14]

Страна / год	1995	1996	1997*	1998**
Чехия	2,9	3,5	5,0	6,0
Венгрия	10,4	10,5	10,0	9,0
Россия	8,8	9,3	9,1	9,0
Болгария	11,0	12,5	16,5	19,0
Польша	14,9	13,6	11,9	11,5
Румыния	8,9	6,1	9,2	9,0

*предварительные данные

** прогноз

Все эти экономические и социальные макропоказатели безусловно сказываются на структуре и соотношении страхов и тревог в России и Болгарии.

В небольшой статье нет возможности подробно охарактеризовать результаты, полученные при опросах населения этих двух стран, поэтому отметим лишь некоторые наиболее существенные.

Общее и специфическое.

При анализе основных страхов и тревог в Болгарии и России следует отметить сходство, близость основных показателей. И там, и тут на первое место выходят не духовные, а сугубо материальные биологические и социальные вопросы. Это неудивительно, поскольку тот уровень падения общественного производства и благосостояния, который произошел, поставил эти народы на грань выживания.

Но есть и определенная специфика. Прежде всего мы должны отметить, что общий уровень страхов и тревог в России по большинству показателей выше болгарских. Из 43 видов страхов и тревог (см. ПРИЛОЖЕНИЕ) лишь 15 у болгар выше российских. Особенно сильно по сравнению с Россией в Болгарии опасаются : нашествия ислама (23% в Болгарии против 9% в России), сокращение рождаемости (33% против 22,9%), утрата чувства коллективизма, крайний индивидуализм (27% против 22%). Больше болгары боятся и таких опасностей, как коррупция властных структур, катастрофического неурожая, природных бедствий, неверия в Бога, грубого материализма, бездуховности, глобального потепления климата, гибели землян в результате космической катастрофы, конца света, исчезновения белой расы, масонства, сионизма, захвата земли инопланетянами, перенаселения. По всем остальным показателям уровень страхов и тревог в России значительно выше.

Есть определенная специфика в рейтинге основных страхов. Мы уже отмечали, что наиболее сильную тревогу и постоянный страх в России вызывают:

1. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов (67,7%).
2. Снижение жизненного уровня, обнищание населения (67,2%).
3. Полное беззаконие (66,7%).
4. Криминализация общества (65,4%).
5. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний (63,9%).
6. Массовая безработица (61,4%).
7. Коррупция властных структур (53,2%).

В Болгарии этот рейтинг несколько иной:

1. Снижение жизненного уровня (66%).
2. Криминализация общества (59%).
3. Полное беззаконие (57%).

4. Коррупция властных структур (54%).
5. Массовая безработица (51%).
6. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний (50%).
7. Нашествие сект (44%).

При интерпретации этих данных следует учитывать некоторую особенность болгарского исследования. Так, пункт “Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов” был разбит на 3 вопроса: 1. “Загрязнение воды, воздуха в Болгарии в целом” (42%), 2. “Загрязнение воды, воздуха вблизи моего личного места обитания” (41%), “Загрязнение воды, воздуха на Земле в целом” (36%). Однако, даже если попытаться приблизительно, в целях сопоставления, найти средний показатель из этих трех вопросов все равно этот пункт не претендует на первое место. Вот почему можем принять с достаточными основаниями, что если в России наибольшую тревогу и страх вызывает химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов, то в Болгарии на первом месте — снижение жизненного уровня населения. Болгарские исследователи, учитывая особенности развития страны за последние годы, ввели также специальный вопрос, связанный с нашествием и массовым распространением различных сект. Как видно, эта опасность вошла в семерку тех, которые наиболее страшат болгар.

Остальные главные страхи и тревоги в России и Болгарии те же самые, хотя они занимают в рейтинге разные места: одно и то же место, правда, занимает “полное беззаконие”, в Болгарии повысили свой ранг “криминализация общества” и “коррупция властных структур”, а также “массовая безработица”. Что касается эпидемий, то их боятся в Болгарии несколько меньше. При этом не следует забывать, что все эти рассуждения касаются рангового анализа, по абсолютному проценту страшящихся всех этих бед Россия заметно превосходит Болгарию.

Тяжелейшие периоды в истории России и Болгарии.

Для понимания причин этих различий очень важную роль играет исторический и политический фон развития этих стран, отношение к тем событиям, которые наиболее запечатлелись в памяти народа.

Для этого обратимся, во-первых, к вопросу в российском интервью “Можно ли сказать, что в истории нашей страны после 1917 года были тяжелейшие периоды, если да, то могли бы Вы назвать такие периоды?”.

По частоте упоминаний они располагаются так:

1. Великая Отечественная война (1941-1945 гг.) (34,3%).
2. Годы сталинских репрессий (13,3%).
3. Перестройка и нынешний период (реформы 90-х годов) (12,5%).
4. Коллективизация и голод в 20-е-30-е годы (10,5%).
5. Послевоенный период (1946-50 гг.) (7,4%).

“Можно ли сказать, что в российской истории до 1917 года были катастрофы? Если да, то что бы Вы назвали такой катастрофой?”.

Первая пятерка выглядит так:

1. Первая мировая война (28,7%).
2. Отечественная война 1812 года (10,7%).
3. “Все войны” (8,6%).
4. Татаро-монгольское иго (7,4%).
5. 1905 год и “кровавое воскресенье” (7,2%).

Эти вопросы несколько отличны в болгарском интервью: “В истории нашей страны были тяжелейшие периоды. Если да, то не могли бы Вы назвать такие периоды?” и “Согласны ли Вы с утверждением, что в истории Болгарии были катастрофы?”.

Ответы респондентов распределились следующим образом:

*

Тяжелейшие

периоды в истории Болгарии:

1. Переходный период, настоящее время (47%).
2. Турецкое иго (21,3%).
3. Коммунизм (11,3%).
4. Вторая мировая война (9%).
5. “Войны вообще” (4,%).

*

Катастрофы

в истории Болгарии

1. Переходный период, настоящее время (34,1%).
2. Первая мировая война (15%).
3. Турецкое иго (12, 5%).
4. Балканские войны (11,4%).
5. Коммунизм (11,2%).

Данные, приведенные выше по России и Болгарии, безусловно заслуживают специальной интерпретации. Уж очень различны ближняя и дальняя память у этих, казалось бы, близких, особенно в прошлом, народов.

Начнем с России. Здесь респонденты на первое место ставят Великую Отечественную войну (1941-1945 гг.). Это было для россиян тяжелейшим испытанием после 1917 года. Воспоминание о нем врезалось в память народа, ведь трудно найти такую семью, где не было бы убитых, покалеченных, пропавших без вести.

Не менее трагичен и второй пункт, который называют россияне после Великой Отечественной войны — сталинские репрессии. С ними неразрывно связаны 4 и 5 пункты: коллективизация и голод в 20-е — 30-е годы и послевоенный период (1945-1950 гг.), когда массовые репрессии продолжались и голод поразил целые республики (например, Молдавию). Такого массового истребления народа история не знала. По сравнению с ним даже первая мировая война кажется незначительным эпизодом, о котором респонденты почти не вспоминают.

Эти потери не только искалечили людей, создали империю страха, но и крайне отрицательно сказались на генофонде страны. Когда на протяжении сравнительно короткого исторического периода из состава и численности различных форм (аллелей) разных генов в населении срезаются самые активные и жизнестойкие — это не может не сказаться на качественном составе популяции, на распространение разного рода наследственных болезней, уродств, не может не влиять на социальные характеристики общества, в частности на его духовный потенциал, высокий уровень катастрофического сознания, социальный иммунитет к разного рода злоупотреблениям власти.

Как видно, материалы многочисленных исследований свидетельствуют о том, что пережитые после Октябрьского переворота испытания представляли собой не только демографическую, но и генетическую катастрофу. С ее последствиями мы и наши потомки вынуждены будем считаться и в XXI веке. Об этом свидетельствует и очень высокий уровень страхов и тревог в России по сравнению с другими странами. Невероятные опасности, гибель близких, трудности выживания потеснили у многих людей все мысли о правах и гражданском достоинстве. Человек биологический, боящийся всего и всех, не доверяющий никому и ничему, стал главным героем этого времени.

На фоне этих чудовищных катастроф россияне отрицательно оценивая период перестройки и нынешний период, тем не менее не считают его самым тяжелым. Он занимает третье место после Великой Отечественной войны и сталинских репрессий. Это заслуживает специальной интерпретации, которая кратко дана нами в Предварительных замечаниях.

Из катастроф до 1917 года россияне называют первую мировую войну, Отечественную войну 1812 года, “все войны”, татаро-монгольское иго и 1905 год и “кровавое воскресенье”. Как видно, в сознании респондентов запечатлелись в основном события, связанные с войнами, революциями, когда гибли миллионы сограждан. Тем более история распорядилась так,

что Россия во всех этих событиях играла одну из главных ролей, выносила на своих плечах, платила своей кровью за те тяжелейшие испытания, которые в конечном счете меняли карту Европы и всего мира.

Совсем по-другому оценивают тяжелейшие периоды в истории своей страны болгарские респонденты.

Пусть читатель обратит пристальное внимание на то, что болгары самым тяжелым периодом считают “переходный период, настоящее время”. По их мнению, никогда не было хуже. Даже турецкое иго, даже вторая и первая мировые войны, коммунизм, балканские войны и “войны вообще” не могут сравниться с современной катастрофой, которую переживает болгарский народ.

Здесь позиция болгар выражена так решительно и категорично, что принципиально отличается от российских данных и это требует краткого комментария.

Начнем со второй мировой войны. В марте 1941 года Болгария была вовлечена в Берлинский пакт 1940 года фашистских держав. Войска Германии были введены на болгарскую территорию. Однако реально болгарские солдаты не участвовали в боях, прежде всего в сражениях на советско-германских фронтах в отличие от румын и венгров. То ли такая позиция Болгарии объясняется искусной политикой ее властей по отношению к Гитлеру, то ли он сам считал, что болгарские солдаты ненадежны, ибо традиционно болгары сохраняли чувство признательности русскому народу, который в ходе русско-турецкой войны 1877-78 годов освободил Болгарию от турецкого ига. Как бы то ни было кровопролитнейшей из всех войн — вторая мировая война прошла для болгар как бы стороной. Естественно, что они не называют ее самым тяжелым периодом своей истории.

Однако на втором месте в истории национальных катастроф респонденты называют первую мировую войну. Тогда Болгария выступала также в союзе с Германией, потерпела поражение и была наказана. По Нейнскому мирному договору 1919 года она потеряла значительные территории, выход к Эгейскому морю. Это были весьма чувствительные потери. Тем более, что незадолго до первой мировой войны, в ходе Второй Балканской войны (Балканские войны респонденты ставят на 4 место) Болгария, потерпев поражение в борьбе против Греции, Сербии, Черногории, к которым присоединились Румыния и Турция, по Бухарестскому мирному договору 1913 года уступила Румынии Южную Добруджу, Турции — Южную Македонию и часть Западной Фракии, Сербии — почти всю Северную Македонию.

Период коммунизма для болгар (они ставят его на 3, 5 места), похоже, также выглядит иначе, чем для россиян. Последние не могут не отождествлять его с десятками миллионов погибших в ходе сталинских репрессий, коллективизации, гражданской войны.

Болгарии в этом отношении как бы повезло. Да, были отдельные политические процессы, но ничего похожего на перманентную войну против своего собственного народа здесь не было. Массовые репрессии, естественно, болгарские респонденты и не отмечают среди тяжелейших катастроф. К тому же вскоре после окончания второй мировой войны лидером здесь стал весьма авторитетный в коммунистических кругах Георгий Димитров, который наблюдал всю вакханалию, называвшуюся строительством социализма в СССР, и совсем не хотел повторять все глупости и преступления, которые были в Советском Союзе. Вот и не встречаем мы среди перечня катастроф в Болгарии и коллективизации сельского хозяйства, хотя она там тоже проводилась, но осторожно без раскулачивания и гибели крестьян. Напротив, отыскивались такие формы кооперации, которые создавали бы заинтересованность у крестьян. Да и Тодор Живков, правивший страной больше 30 лет, при всей своей хитрости и изворотливости в отношениях с советскими лидерами в серьезные авантюры, грозившие катастрофами, свой народ не втягивал, благодаря этому жизненный уровень болгар в эти годы был не ниже, а по ряду показателей даже выше, чем в СССР, который все сильнее втягивался в бесконечную и бесплодную гонку вооружений с США, вся тяжесть которой падала на народ.

Главная болгарская беда.

Вот почему болгарский народ и считает современную катастрофу, настоящее время тяжелейшим периодом за всю историю Болгарии. Вот почему на первом месте среди страхов и тревог здесь оказались не экология, а катастрофическое обнищание населения.

Две трети респондентов чувствуют сильную тревогу и постоянный страх по поводу резкого снижения уровня жизни. Страна находится в состоянии гиперинфляции. К 1997 году жизнь подорожала в 6,8 раз. В основном это отразилось в ценах на продукты и алкоголь, которые выросли соответственно на 617% и на 618%. В начале 1996 года минимальная зарплата составляла 39\$, в феврале 1997 года — 4,2\$. Ко времени проведения обследования ситуация несколько улучшилась, и изменения в денежной политике привели к некоторой стабилизации. Минимальная зарплата осенью 1997 года составила уже 24\$ и держится на этом уровне до настоящего момента. Однако воспоминания о финансовом кризисе еще очень свежи. На 1998 год прогнозируется повышение минимальной зарплаты до 27\$, для деятелей культуры она составит — в среднем — 67\$, для квалифицированных врачей -117\$, для педагогов — 77\$. В ряду постсоциалистических стран (включая Боснию и Герцеговину) по уровню жизни Болгария сегодня занимает последнее место.

Больше половины респондентов выразили крайнюю обеспокоенность полным беззаконием в стране и катастрофическим ростом преступности. Развал тоталитарного государства превратился в развал страны. Демократию восприняли как полную свободу действий. К 1997 году Болгария занимает 8 место среди самых коррумпированных стран мира.

Как и в других постсоциалистических странах Европы после развала прежней системы экономики в стране сформировалась армия безработных. В 1997 году уровень безработицы выше, чем в 1996. Сейчас, когда страна вступает в период приватизации и реструктуризации экономики, специалисты предполагают, что обеспокоенность нестабильностью работы в 1998 году усилится.

Резко усилилась активность религиозных сект. А Православная церковь не воспользовалась открывшимися возможностями для распространения своего влияния после краха коммунизма. Сегодня в Болгарии два Синода, два Патриарха и множество всевозможных религиозных сект: мормоны, мунисты, адвентисты седьмого дня, кришнаиты и т.п.

Из приводившихся ранее данных видно, что болгары крайне отрицательно относятся к активизации сект.

Эмоциональное восприятие опасностей.

Стандартный тест на общую обеспокоенность населения выявил высокую степень психической неустойчивости у жителей Болгарии. Судя по показателям, они более невротичны, чем россияне. Почти во всех случаях болгарские респонденты проявляют большую невротичность.

Можете ли Вы сказать о себе следующее (%).

Утверждения	да		нет		не знаю	
	Бол- гария	Россия	Бол- гария	Россия	Бол- гария	Россия
Взаимоотношения с окружающими стали очень сложными	67,5	32,4	28,7	55,7	3,7	11,9
Вы стали нервны и раздражительны	50,3	49,1	43,8	41,0	5,9	9,9

Каждый день Вас преследуют мысли о работе	46,3	31,6	49,6	61,9	4,1	6,4
Вы тяжело переносите трудности	42,4	33,7	48,9	44,7	8,7	21,6
Вещи вокруг стали непонятными и странными	33,7	16,4	50,5	65,5	15,9	18,1
Ваш сон прерывается кошмарами или бессонницей	31,0	27,7	64,5	64,5	4,5	7,8
Вы подвергаетесь критике и недоброжелательству со стороны окружающих	29,9	18,0	59,7	63,2	10,4	18,8
Вы думаете, что все потеряло ценность и жизнь более не интересна	28,5	14,9	62,2	74,7	9,2	10,4
Бывает так, что Вы спорите, зная, что вы не правы	20,4	28,5	69,1	57,4	10,6	14,0
Вы испытываете ощущение бодрости	23,6		64,8	35,0	11,6	27,1

Каждый четвертый болгарин не ощущает себя в стрессовой ситуации, тогда как в России – каждый третий. Только в одном случае россияне проявляют большую невротичность – в спорах (вопрос: «Бывает, что Вы спорите, зная, что не правы?»). В целом из таблицы следует, что болгарские респонденты более эмоционально подавлены («Правда, ли, что все вещи вокруг стали непонятными и странными?»). В России положительно ответили 16,4% респондентов, в Болгарии — 3,7%, в два раза больше.

Как давно Вы испытываете страхи и тревоги?

	Болгария	Россия
Совсем недавно	4,0	5,1
Чуть больше года	6,3	8,8
Последние несколько лет	49,8	39,8
Сразу после начала изменений в стране	22,9	22,9
Всегда	12,9	21,0
Не помню	4,0	2,3

Высокая степень тревожности появилась у болгар в переходный период, то есть с начала 90-х годов. Поэтому можно с большой долей уверенности сказать, что основная причина такого поведения – недавние события, социально-политические и экономические кризисы, конец эпохи коммунизма и переход к новой эпохе, но какой, еще не известно.

То есть нестабильность в стране оказывает более сильное воздействие на общее психическое спокойствие людей, чем на более локальные проблемы. Ответы на вопрос «Как Вы думаете, многие ли лидеры в Болгарии испытывают беспокойство и тревогу?» распределились так: немногие – 45%, таких людей немало – 31%, их большинство – 11%. Ответы болгарских респондентов демонстрируют высокую степень отчуждения между обществом и его духовными и политическими лидерами.

К сожалению, нельзя сопоставить эти данные с российскими результатами, так в российской анкете присутствует только один вопрос на эту тему: «Как Вы считаете, много ли людей в стране испытывают страх и тревогу?».

Болгары утверждают, что в большинстве случаев беспокойство вызвано общением с другими людьми (41%), собственным восприятием окружающего мира (36%), сообщениями средств массовой информации (31%). Судя по результатам, в России люди больше уделяют значения общению с другими, хотя болгарские респонденты чаще указывают «другое», а в российской анкете «затрудняюсь ответить».

Неформальное общение – лучший источник информации в отношении страхов и тревог. Для болгарских респондентов это особенно важно. Именно в процессе неформального общения появляются или исчезают страхи и тревоги, что дает человеку эмоциональный импульс. Отсюда напрашивается вывод, что именно социально-психологическая атмосфера со своими позитивными и негативными доминантами, где люди вместе рефлексируют, имеет для человека крайне важное значение.

Социальная активность.

Поведение респондентов, их социальная активность позволяет рассматривать катастрофическое сознание на более высоком уровне, чем эмоциональное поведение. В этом отношении респондентов можно разделить на три группы:

1. Пассивные. Многие респонденты не могут внятно ответить на вопрос, предпринимают ли они что-нибудь, чтобы предотвратить возможные опасности (отвечают «не знаю» или говорят на другую тему), или заявляют, что ничего не делали и не будут потому, что не могут. Причины самые разнообразные: «не могу сам себя оценить», «я слишком старый», «ну, я же женщина», «я нерешительный человек», «я на пенсии». Некоторые считают, что это работа правительства: «все должно делать оно», «я верил Боневу». Верующие целиком полагаются на божью волю.
2. Активные. Это наиболее разнородная группа. В ней присутствуют чистые индивидуалисты — «только бы я выжил», «думаю лишь о своей семье», «уеду за город», коллективисты-общественники – «приму участие в митингах», «буду протестовать всеми доступными мне средствами», просветители – «всем буду рассказывать, что делать», агрессоры – «только силой» и альтруисты – «буду всем помогать». Есть примеры так называемой «активной пассивности» — «уеду из Болгарии как можно дальше». Некоторые сказали, что примут меры, в зависимости от того, какая опасность будет им угрожать: экономическая – «искать работу, дополнительный заработок», преступность – «приобрету оружие», «поставлю железную дверь».
3. Безразличные. Типичными для этой группы ответами стали: «когда наступит, тогда и буду думать». Часто эта группа респондентов апеллирует к молодому поколению – «все должна делать молодежь».

Полученные данные говорят о том, что большинство не имеет четкой позиции. Разница в ответах отражает различную природу страхов. Как правило, ответ «это от меня не

зависит» относится к вопросу о ядерной войне, природных бедствиях или же об экологических катастрофах и массовых эпидемиях и идеологических бедствиях – нашествие ислама и пр. Нельзя здесь и не упомянуть о роли прессы. СМИ чаще всего просто констатируют факты, а не дают советов, что делать в подобных ситуациях.

Социальная активность респондентов в Болгарии и России (%).

	Болгария	Россия
Активные	40,3	41,3
Пассивные	42,0	58,7
Безразличные	17,7	-

Практически по всем параметрам болгарские респонденты проявляют большую социальную активность по сравнению с россиянами в достижении личного и общественного благополучия. Особенно по отношению к безработице, экологии и обнищанию.

Социальная активность по отношению к преступности, экологическим катастрофам, безработице и обнищанию.

Преступность — одна из наиболее серьезных для болгар опасностей, поэтому отношение к ней очень показательное.

В какой мере Вы лично готовы предпринять или уже предпринимаете какие-то усилия, чтобы обезопасить себя от преступности? (%)

Реакция	Я уже это делаю		Я намерен(а) так поступать		Нет, это не для меня	
	Бол- га- рия	Рос- сия	Бол- га- рия	Рос- сия	Бол- га- рия	Рос- сия
Все возможные меры, чтобы оградить себя от этой опасности	58,9	40,2	23,0	30,6	18,1	29,2
Все зависящее, чтобы предотвратить эту опасность для близких	56,7	37,9	28,5	35,8	14,8	26,4
Все возможное, чтобы предотвратить эту опасность для нашего народа	20,6	4,6	32,8	25,9	46,6	69,5
Объединяюсь с другими, кто тоже чувствует эту опасность и принимает меры	23,0	7,5	39,0	24,9	38,0	67,7

для ее предотвращения						
Делаю так, как и другие: если требуется, сделаю что-нибудь вместе с другими	31,5	-	51,0	-	17,5	-
Полагаю, что надо просто перетерпеть опасности и лишения	12,2	23,6	14,5	10,4	73,3	66,0
Уверен, что сделать ничего нельзя, никто не может предотвратить эту опасность	24,2	-	16,3	-	59,5	-

Ответы на вопрос «В какой мере Вы лично готовы предпринимать или уже предпринимаете какие-то меры, чтобы обезопасить себя от преступности?» различны. От 12% до 25% опрошенных ответили: «делаю это сейчас и намерен(а) так поступать». Активная позиция характерна для 20-53% болгарских респондентов. В два раза меньше людей занимает пассивную позицию. Сравним Болгарию и Россию.

Это касается действий, предпринимаемых респондентами в настоящее время. 58,9% болгарских респондентов уже предпринимают все возможное, чтобы оградить себя от этой опасности (среди россиян – только 40,2%). 56,7% болгарских респондентов уже делают все от них зависящее, чтобы обезопасить своих близких (среди россиян – 37,9%). 20,6% болгарских респондентов делают все возможное, чтобы предотвратить эту опасность для всего народа (среди россиян – 4,6%). 23% болгарских респондентов объединяются с другими (среди россиян – 7,5%).

Болгары значительно активнее россиян. Хотя этот вывод и относителен: по своим размерам страны не сопоставимы. И соответственно по преступности. Странным показалось бы заявление российских респондентов о том, что они делают все возможное, чтобы предотвратить эту опасность для русского народа. Кроме того, более длительный и более тяжелый период тоталитаризма значительно снизил социальную активность россиян.

Отношение к экологическим катастрофам близко к отношению к преступности, но есть и особенности. Проявилась интересная закономерность: чем сильнее люди борются с проблемой, уже сейчас или только намереваются, тем меньше их степень обеспокоенности. Это по отношению к преступности. С экологией все наоборот: чем выше уровень тревоги – тем сильнее люди борются с проблемой или, по крайней мере, стараются. Причина явления в самой природе бедствий. Глобальные проблемы нельзя решить просто укрепив дверь или купив пистолет.

В отношении мер, применяемых для противостояния с безработицей, различия между Россией и Болгарией наиболее заметны. На это есть свои причины. В Болгарии с начала эпохи реформ прочно вошли в социальную жизнь забастовки, митинги и разного рода протесты. Естественно, социальная активность болгар выше. Никто уже не полагается на социальные льготы, это было модно несколько лет назад. Преобладание в болгарском варианте ответов «это меня не беспокоит» говорит просто о том, что в болгарской выборке преобладают пенсионеры, а в российской – женщины. Однако пенсионеры утверждают, что будут поддерживать тех, кто «будет бороться с безработицей».

В какой мере Вы лично готовы предпринять или уже предпринимаете какие-то усилия, чтобы обезопасить себя от загрязнения окружающей среды?(%).

Реакция	Я уже это делаю		Я намерен(а) так поступать		Нет, это не для меня	
	Бол- га- рия	Рос- сия	Бол- га- рия	Рос- сия	Бол- га- рия	Рос- сия
Все возможные меры, чтобы оградить себя от этой опасности	51,8	42,9	30,4	30,8	17,8	26,3
Все зависящее, чтобы предотвратить эту опасность для близких	50,2	39,7	32,9	34,8	16,8	25,5
Все возможное, чтобы предотвратить эту опасность для нашего народа	25,5	9,6	34,1	28,7	40,4	61,7
Объединяюсь с другими, кто тоже чувствует эту опасность и принимает меры для ее предотвращения	23,5	8,3	42,2	25,3	34,3	66,4
Делаю так, как и другие: если потребуется, сделаю что-нибудь вместе с другими	31,1	-	49,2	-	19,7	-
Полагаю, что надо просто перетерпеть опасности и лишения	11,4	20,8	15,8	9,8	72,8	69,4
Уверен, что сделать ничего нельзя, никто не может предотвратить эту опасность	22,9	-	16,6	-	60,5	-

Что Вы будете делать, если останетесь без работы? (%)

Реакция	Я уже это делаю		Я намерен(а) так поступать		Нет, это не для меня	
	Бол- га- рия	Рос- сия	Бол- га- рия	Рос- сия	Бол- га- рия	Рос- сия
Если так случится, буду искать работу	20,0	10,7	38,7	59,5	41,4	29,8

по своей профессии						
Если это случится и не найдете работу по профессии, то постараетесь освоить другую профессию	21,1	7,3	37,2	66,1	58,3	26,6
Будете с теми, кто решительно требует не допускать безработицы	40,5	4,1	36,3	42,2	23,2	53,7
Не будете работать, будете жить на пособие и поддержку семьи	12,3	6,6	13,1	7,8	74,6	85,6
Еще не знаете, что будете делать	11,8	8,8	10,9	3,5	77,3	87,7

Если Вам недостаточно доходов от основной работы, то какие пути Вы используете, чтобы поддержать нормальный уровень жизни, какие способы могли бы использовать, если потребуется, какие не стали бы использовать вовсе? (%).

Реакция	Я уже это делаю		Я намерен(а) так поступать		Нет, это не для меня	
	Бол- га- рия	Рос- сия	Бол- га- рия	Рос- сия	Бол- га- рия	Рос- сия
Прирабатывать в другом месте	13,7	22,0	21,3	46,1	65,0	31,8
Получать доход по денежным вкладам или операций с ценными бумагами	20,9	6,4	26,2	20,4	52,9	73,3
Пользоваться продуктами со своего участка	48,3	66,9	15,6	11,6	36,1	21,5
Получать помощь от родственников	25,2	22,5	23,2	19,4	51,6	58,1
Продавать, что можно продать из своих вещей	9,5	3,4	23,8	14,0	66,7	82,7

Просить помощи у других (не родственников)	9,3	0,9	20,8	7,1	69,9	92,0
Не знаю, что буду делать	22,1	-	13,3	-	64,6	-

2/3 респондентов занимают по этому поводу активную позицию, 1/5 – не могут определиться, так как не уверены в своем будущем, 13% ощущают свою беспомощность. Большой процент болгарских респондентов ощущают на сегодняшний день свою несостоятельность и вынуждены продавать свою собственность и искать помощи у родных и близких.

В обеих странах люди готовы обрабатывать свои приусадебные участки и заготавливать продукты питания (1/2 болгарских респондентов и 2/3 российских уже делают это), если это поможет им хоть как-то улучшить качество жизни. Тот факт, что городские жители придают такое важное значение своим загородным участкам, просто для того, чтобы выжить, уже говорит о катастрофической ситуации. На втором месте по степени важности для респондентов помощь родственников. Основное отличие между Болгарией и Россией связано с отношением опрашиваемых к денежным вкладам и операциям с ценными бумагами. В три раза больше болгарских респондентов полагаются на этот способ поддержания нормального уровня жизни (Болгария – 20,9%, Россия – 6,4%). Каждый пятый болгарин уже использует эти возможности, каждый четвертый намеревается в ближайшем будущем. В России инфляция развивалась более стремительно и моментально «съела» все сбережения, тогда как в Болгарии правительство сейчас уже старается контролировать этот процесс. В России основная часть доходов населения связана с приработками. 2/3 болгарских респондентов ответило, что «это не для меня».

Для болгар более приемлемы другие меры – продажа имущества, обращение за помощью к родственникам.

Практически по всем параметрам болгарские респонденты в настоящее время проявляют большую социальную активность в достижении личного и общественного благополучия. Однако все эти оценки достаточно субъективны. Россия не сравнима по размерам и населению с Болгарией. Длительный и жесткий период тоталитаризма, военного режима приучил российских граждан к социальной пассивности.

В ситуации, которая сложилась в исследуемых странах, неизбежен политический экстремизм, тоска по сильной руке, по деспоту, который, наконец, наведет порядок и накормит людей. Болгарские исследователи отмечают экстремизм и “синих”, и “красных”. Да и в России все больше начинают преуспевать деятели, которые обещают железной рукой навести порядок. Катастрофизм стимулирует жестокость, насилие, преступность, а рядом с ними мистицизм: прорицатели, гадалки, сектанты всех оттенков. Господство частных интересов ведет к росту индивидуализма. В утрате чувства коллективизма видят респонденты одну из серьезных опасностей. Но не все так просто. В Болгарии катастрофы, поставившие народ на грань выживания, как это не парадоксально, стимулируют своеобразный микроколлективизм. Сплачиваются семьи для коллективного выживания, улучшаются отношения между родителями и детьми, то есть все-таки на этом уровне происходит своеобразное объединение людей.

Резко обострились этнические отношения между болгарскими христианами, болгарскими мусульманами, турками и румынами. Результатом этого является не только общий рост напряженности, катастрофизм усиливает миграцию, особенно турков и молодежи, что существенно ослабляет экономический потенциал страны. К тому же эмиграция создает проблемы в других странах и усложняет международное положение Болгарии, что не может не сказываться на резком уменьшении притока иностранных инвестиций, которых и так крайне мало. Недоверие к власти и экономическая нестабильность усиливают недоверие к системе сбере-

жений, способствует их оттоку из банков, что также подрывает возможность экономического роста.

Мы уже отмечали, что уровень страхов и тревог в Болгарии все же ниже, чем в России. Высшая степень обеспокоенности здесь связана с индивидуальными страхами. Глобальные страхи — (экология, рождаемость и т.п.) на втором месте. Больше всего обеспокоены самые незащищенные слои общества — пенсионеры, этнические группы, женщины.

Болгарские исследователи приходят к выводу, что катастрофичность сознания усиливается. Это находится в центре политической борьбы. Катастрофические ожидания ведут к катастрофическим результатам. При этом крайнее преувеличение страхов в одном ведет к тому, что забывают о более грозных опасностях, которые надвигаются к концу второго тысячелетия.

* * *

Сравнительное русско-болгарское исследование катастрофического сознания показывает не только общие тенденции страхов и тревог, но и их специфику. Начиная это теоретико-эмпирическое исследование, нас, естественно, беспокоил вопрос: в какой мере страхи отражают реалии жизни? Здесь было немало сомнений. Уверенность мы стали обретать изучая географию страхов и тревог, определяя эпицентры катастрофического сознания в России. После получения весьма серьезных исследований болгарских социологов мы укрепились в мысли о том, что за цифрами, характеризующими страхи, скрываются политические, исторические и геополитические реалии. Перед нами как бы раскрылись особенности исторических путей этих стран, их трудное, кровавое прошлое, их не вселяющее надежд настоящее. Поразительно, как точна, реалистична и долгая, и короткая память у народов, которые в исследовании были представлены нашими респондентами. Нет, нельзя согласиться с тем, что главный урок истории в том, что она ничему не учит. Ее уроки запечатлеваются в памяти народа и на уровне сознания, и на уровне подсознания, и наглядно проявляются в иерархии страхов, в коэффициентах катастрофичности, и, видимо, служат ориентирами для выживания в самых невероятных условиях.

Видимо, с этими данными полезно ознакомиться политикам самых разных направлений, чтобы представить себе, чем живут люди за пределами “Садового кольца”. В этих материалах содержится бескомпромиссная критика политики коммунистов, которые превратили великую Россию в империю страха.

Данные сравнительного российско-болгарского исследования дают материал для размышлений и нашим радикалам-демократам. Какие права человека?! Какая демократия?! Когда 2/3 населения находится в состоянии сильной тревоги, постоянного страха от опасностей, которых они в принципе не должны были бы бояться в нормальном обществе. Когда, как в Болгарии, они считают свою современную жизнь самой страшной катастрофой за всю ее историю. Когда россияне, осознавшие не только последствия Чернобыля, но то, что они буквально обложены неисчислимыми запасами химического, биологического, ядерного оружия, которое не уничтожается и каждодневно грозит планетарными катастрофами.

Цифры, характеризующие катастрофическое сознание населения, — это реальные показатели демократизации не по лозунгам и не по выкрикам вождей, а по истинным переживаниям людей.

Пока страхи так велики, о какой демократизации можно говорить? Тем более, что речь идет не о каких-то геологических опасностях, таящихся в недрах планеты, а о соблюдении тех, весьма простых истин, к которым призывал 2000 лет назад Христос в Нагорной проповеди.

Заключение

Чувства и настроения играют огромную роль в человеческом поведении. Страх как социальное чувство — неотъемлемый элемент ментальности практически всех наций мира. Воздействие массовых социальных страхов на поведение особенно значительно в моменты национальных катастроф. Качество жизни в обществе во многом зависит от интенсивности страха. Это нашло отражение в известном обращении Рузвельта в 1941 году, когда он призвал людей освободиться от “нужды” и “страхов”.

Трудно переоценить значение страха как массового социального настроения для современной России. Проницательный Максим Соколов писал о том, что Россия пребывает в состоянии “национального испуга”. Более того, “в сущности, — писал он, — страна держится лишь на спасительном испуге народа” — и это “единственная польза от 1917 года” (1).

Как мы старались показать в этой книге, подобная оценка значения массового социального страха в России имеет под собой почву. В культурной и исторической памяти россиян накопилось множество страхов. Эти страхи, в частности, страхи, господствовавшие при тоталитаризме, во многом препятствовали развитию позитивных социальных процессов. Сейчас новые посттоталитарные страхи, пришедшие на смену прежним, так же как и историческая память о былых страхах, являются своего рода “страховкой” от “резких движений”. Несомненно, страх — не самая лучшая основа для выхода из затяжного кризиса, в котором пребывает Россия. Тем не менее, возможно, это настроение оказывает стабилизирующее воздействие. Препятствуя развитию катастрофического радикализма (2) и соответствующих массовых движений, страх может оказаться одним из тех настроений, которые удерживают страну от сползания в очередную разрушительную катастрофу. Возможно также, что страх способен трансформироваться в иные социальные чувства, такие как сдержанность, осторожность и предусмотрительность, — чувства, более соответствующие зрелому возрасту, в том числе социальной зрелости общества.

В этой книге упор был сделан на теоретическое осмысление значения социальных страхов, так же как на анализ тех изменений и сдвигов, которые произошли в массовых опасениях жителей России. Эмпирическое систематическое изучение массовых социальных страхов еще впереди. На наш взгляд, оно должно стать крайне необходимой задачей для социальных наук. Будет интересным и полезным измерение, на регулярной основе, не только степени страхов, вызванных индивидуальными угрозами, но также вычисление “индекса страхов”. Это важно для оценки степени “общего страха” в обществе; измерение, подобное индексам “свобода”, “коррупция”, и другим, чья цель состоит в прояснении “общей” картины важных характеристик общества. Используя специальные методы и методы качественной социологии (т.е. клинические интервью), можно измерить индекс катастрофизма для каждого респондента. Конечно, нужно учитывать некоторые ограничения в эмпирической валидности и надежности данных. Также можно вычислить индексы для отдельных групп, регионов и даже стран. В результате вполне возможно получить “карту” распространенности катастрофического сознания, включающую содержательные параметры такого сознания. Напомним, что такого рода индексы для благосостояния и свобод уже вычисляются разными международными организациями, например, Международным банком и Домом свободы.

Можно предполагать, что результаты измерения индекса катастрофизма для разных обществ, групп могут быть сопоставлены с объективным состоянием здоровья населения, в том числе распространенностью психических заболеваний, количеством аварий, в том числе техногенного происхождения, степенью загрязненности окружающей среды, социальной дифференциации, богатства и бедности, характером миграций, другими демографическими проблемами, уровнем преступности и иными показателями, характеризующими состояние конкретного общества, группы.

По-видимому, это даст возможность в дальнейшем обсуждать место индекса катастрофизма среди других показателей состояния общества, возможности этого показателя в разного типа обществах, разных социальных, социокультурных, профессиональных, демографических и т.д. группах, в разных этнокультурах выступать симптомом, выражением некоего “общего тону́са” сообщества, его ориентированности, нацеленности на опасности катастроф, либо реального кризисного состояния изучаемого социального субъекта, реакцией на его недостаточную адаптацию в среде, среди других обществ, его неспособности справиться с нарастающим числом проблем, которые выдвигает перед ним жизнь. Фактически, на основе данного подхода можно было бы думать о составлении “кризисной карты” человечества, фиксирующей через этот показатель (естественно, в числе других показателей) территории повышенной степени социального риска.

Можно было бы думать, что подобные “карты” в международных организациях имеются. Однако это не так, ибо с введением индекса катастрофизма в систему отслеживания кризисных точек человечества наряду с вышеперечисленными объективными показателями, которые могут быть получены статистическими методами (например, число катастроф, уровни смертности и рождаемости и т.д.), вводится социокультурная составляющая, являющаяся одним из важных, возможно важнейших интегральных выражений состояния социального самочувствия общества. Между тем исследования показывают, что подобное самочувствие часто важнее, чем что-либо другое, ибо свидетельствует о состоянии способности общества, конкретного сообщества, группы решать постоянно возникающие проблемы, сохранять, улучшать свое положение среди других сообществ, либо его неспособности решать эти проблемы, и соответственно деградировать. Характеристики социально-психологического состояния населения, одним из показателей которого и должен выступать индекс катастрофизма, оказываются не менее важными, чем фиксация физического, чисто биологического, медицинского его состояния.

В то же самое время не меньшую теоретическую и фактическую значимость имеет изучение причин массовых социальных страхов. Это включает изучение и “рационального”, и “иррационального” страха, и анализ их динамики в различных условиях.

Страх был и всегда будет мощным оружием в политической и идеологической борьбе. Исследование этой проблемы имеет смысл как для академических, так и для прагматических целей.

В любых случаях специалисты должны обратить еще больше внимания на изучение страхов, чем это было в прошлом. Это особенно важно для осмысления влияния катастрофизма на социальную жизнь.

Литература

К Введению

1. См. Campbell A. The sense of well being in America, New York: McGraw, 1971; World quality of life indicators, Santa Barbara :ABC-CLIO, 1989; Robert Lauer, Social problems and the quality of life, Dubuque: Brown, 1982
1. 2.См.Sorokin P. Man and Society in Calamity. Richmond, William Byrd press, 1942.
2. См.Prince S.H. Catastrophe and social change. N.Y.Columbia univ.,1920.
3. Quarantelli E.L. Disasters Theory and Research. London, Beverly Hills, Calif., Sage Publications, 1978; Quarantelli E.L. What is a disaster?: Perspectives on the question. London: N.Y., Routledge, 1998.
4. См.Turner, Ralph H. Waiting for disaster : earthquake watch in California. Berkeley: University of California Press, 1986.
5. См.Goode, Erich,Ben-Yehuda Nashman. Moral panics: social construction of deviance. Oxford, UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1994.
6. См. Prince, 1920, p.13.
7. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) с 1989 года собирает данные о тревогах и страхах российского населения.
8. См., например, Голубкин В. Кризис национально -государственных отношений и перспектив СНГ в оценке зарубежных наблюдателей // Этнополититический вестник России, 1992,N 1, с.147.
9. См., в частности, Ахиезер А.Дезорганизация как категория общетвенной науки // Общественные науки и современность,1995,6. Модернизация в России и конфликт ценностей. /Отв.редактор Матвеева С.Я. М.: Институт философии РАН, 1994; Львов Д. Пробелы в науке — провалы в экономике // Независимая газета, 1995, 22 марта, с.3.

К главе 1

1. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990, с.64.
2. О современных хилиастических сектах см. Burselie and Moro, 1995.(дополнить данные) James Tabor and Eugene Gallacher, Why Waco? Berkley: University of California press, 1995, pp. 65, 76-79 2
3. См. о слухах, в частности Festinger Leon, D.Cartwright, K.Barber, J.Fleischl, J.Gottshanker, A.Keysen, and G.Leavitt, A study of a Rumor: Its Origin and Spread. Human Relations, 1948, 1(4): 464-486.
4. См. Shils E. Center and periphery.In: Shils E. Selected papers.V.2.Chicago; London.1971.
5. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940, с.117.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа.М.,1991.
7. Fortune R.F. Sorcerers of Dobu: The social antropology of the Doby Islands of the Western Pacific. N.Y.,1932.
8. Вебер М. Социология религии. М., 1990, с.43-44.
9. Bloch M. Apologie pour l'Histoire ou Metier d'Historien. Paris, 1961.
10. Там же.
11. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992, с.157.
12. Например, якуты (см. Socio phobics. The Anthropology of Fear. Ed. by David L.Scruton. Boulder,Westview Press, 1986. p.158-173)
13. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992, с.165.
14. М.Блок. Апология истории или ремесло историка.М.,1989, с.148.
15. См., в частности Jacques Le Goff. La Civilisaton de l'Occident Medieval.

16. См. Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1989.
17. См. Feyerabend P.K, Wieder den Methodenzwang: Skizze einer anarchistischen Erkenntnistheorie. Fr.a M., 1976.
18. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936, с.3.
19. Dawson Ch. The christian view of history//God, history and historians: An anthology of modern christian view of history/Ed. by McIntire C.T.-N.Y.Oxford univ.press, 1977.p.29-45, пер. с англ. Т.В.Цуриной.
20. Ясперс К. Смысл и назначение истории.М.,1991, с.241.
21. Там же.
22. Horney Karen The Neurotic Personality of our Time. N.Y.,W.W.Norton & Co,1937.

К главе 2

1. См. Arnold Magda. Emotion and personality. N.Y.,Columbia Univ.Press, 1060.
2. См. David J.Schneider, Albert H.Hastorf,Phoebe C.Ellsworth. Person perception. 2nd ed. Reading Masss., Addison-Wesley Pub., 1979. P.Ekman, W.Friesen, Phoebe C.Ellsworth. Emotion in the human face: guide-lines for research and an integration of findings. N.Y.Pergamon Press, 1972. Ch. Steward, Craig A. Smith, Denton R. Persuasion and social movements. Prospect Heights, Ill.: Waveland Press, 1989.
3. См. Erich Goode and Nachman Ben-Yehuda Moral Panics. Oxford: Blackwell, 1994; pp. 87-100
4. Parkin David.Toward an Apprehension of Fear/In: Sociophobics. The Anthropology of Fear. Ed. by David L.Scruton. Boulder,Westview Press, 1986. p.158-173.
5. Douglas M. and Wildavsky A. Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers.Berkeley, Univ of California Press, 1982.
6. 6.См. Jerry Rose, Outbreaks: The sociology of collective behavior, New York: Free Press, 1982.
7. Знаменитая работа Альберта Кантрила (1940) о вторжении марсиан осталась памятником иррациональности человеческого мышления.
8. Анализ одной из них, посвященной сюжету мирового сионистского заговора, см. в Norman Cohn "Warrant for Genocide" New York: Harper, 1966.
9. Напомним, что в России исторически недавно существовали физические наказания. Вплоть до XVIII века дворян могли пороть по указанию великого князя или царя. Еще в прошлом веке крестьян официально разрешалось пороть (не только мужчин, но и женщин). В армии царя палочная дисциплина. О том, что это считалось обычной практикой, свидетельствует русская литература (например, Лев Толстой "После бала", А.Куприн "Поединок").
10. См., в частности, документы Смоленского архива, изданные С.Максудовым: Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. Кн.1. 1929. Кулаки и партейцы. Анн Арбор, 1987.

К главе 3

1. Дискуссии о том, преследовал ли людей страх перед 1000 годом или они оставались индифферентными к окончанию тысячелетия см.: Richard Landes Relics, Apocalypse and the Deceit of History, Cambridge: Harvard University Press, 1995, pp. 16-19; Norman Cohn, The pursuit of Millienium. См. также его "Europe's Inner Demons," London: Pimlico, 1993.
2. См., например, Meerloo Joost A.M. Patterns of Panic. N.Y.International Universities Press,2th ed. 1950.

3. Слепота немецких евреев к знакам надвигающейся катастрофы была объектом сотен работ, от новелл и фильмов, как, например, “Семья Оппенгейм” Леона Фейхтвангера, “Корабль дураков” Портера до недавних исследовательских книг.

К главе 4

1. В 1988 и 1989 годах широко распространился страх перед угрозой еврейских погромов в Москве и других городах, что заставило многих евреев эмигрировать. Оказалось, однако, что эти тревоги были необоснованы или предотвращены (кто знает?) распространением этих тревожных слухов обеспокоенными властями.
2. Такие идейные враги коммунизма, как Malia или Conquest, объявили советскую индустриальную мощь одной из “великих иллюзий века”, или утверждали, что “советский коммунизм разрушился как карточный домик, потому, что он всегда был карточным домиком”, или “созданной на скорую руку структурой”, которая “в конечном счете не работала”.
3. Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ, 1996, с. 5.
4. Этот тезис был развит Владимиром Ядовым в его докладе “О некоторых характеристиках российского алармистского сознания”, представленном на годичном собрании AAASS, ноябрь, 1995.
5. ВЦИОМ, No. 3, 1995, с. 36-37. Опросы показали, что каждый год росло число россиян, которые ретроспективно оценивали прошлый год лучше, чем предыдущий. Так, в 1990, 93 процента из 1600 респондентов ответили ВЦИОМ, что 1989 был хуже, чем 1988; в 1991 — 88 процентов сказали то же самое; в 1992 — 82 процента; 1993 — 65 процентов; в 1994 — 57 процентов. См. Московские новости, 1995, 15 января.

К главе 5

1. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах, с.220.
2. Bailey Joe, Pessimism. London, Rouledge, 1988, p.vii-viii.
3. См.Albritton, 1989.
4. Наши дискуссии с коллегами показали, что в некоторых случаях даже опытные исследователи не делают различий между “реальными катастрофами” и “воображаемыми катастрофами”. Они часто не видели различий между двумя концепциями.
5. См. работы Amos Tversky, Decision Making: descriptive, normative, and prescriptive. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, и его Judgment Under Uncertainty: heuristics and biases, Cambridge: Cambridge University Press, 1982; George Von Furstenberg, Acting Under Uncertainty, Boston: Kluver, 1990; Luhman Niklas, Risk: a sociological theory, New York: Gruyter, 1993.
6. Россияне, например, горячо обсуждали, разумными ли были для их страны такие решения, как подписание договора с Гитлером в 1939 году, о начале перестройке в 1985 и роспуске СССР в 1991 году. По мнению многих россиян, эти решения имели катастрофические последствия для их страны. Так, около двух третей населения сожалели о горбачевском решении начать реформы и то же число людей осуждали решение Ельцина подписать Беловежское соглашение.
7. Webster's New World Dictionary. N.Y., 1995, p.95.
8. См.Albritton, 1989.
9. Порфирьев Б. Н. Организация управления в чрезвычайных ситуациях. М.: Знание, 1989, С.64.
10. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; N.Y., 1991.
11. Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994, с.21.

12. Однако, даже если событие рассматривается людьми, разделяющими сходные убеждения, они могут расходиться в его оценке. При оптимистическом видении ситуации катастрофа может рассматриваться как фактор позитивных изменений. Мобилизуя общество, катастрофа способна толкнуть его на поиски выхода из сложившейся ситуации. Великая Депрессия в Соединенных Штатах, например, может быть рассмотрена в таком ключе как мощный стимул для создания новых экономических и социальных структур в этой стране. С другой точки зрения, последствия стрессов, порожденных катастрофами, могут включать различные негативные асоциальные процессы и скорее парализовать, чем стимулировать волю людей и общества в целом.
13. P.Sorokin Man and Society in Calamity. Richmond, William Byrd press, 1942.
14. 14.Turner, Ralph H. Waiting for disaster : earthquake watch in California. Berkeley: University of California Press, c1986.
15. Sorokin P. Man and Society in Calamity. 1942.
16. См. Lefevre G. La Grande peur de 1789. Suivi de Les foules revolutionnaires. Paris, 1988; Cantril Hadley, Invasion from Mars.[1940]. A Study in the Psychology of panic. With the complete script of the famous Orson Welles Broadcast. N.Y., Harper & Row, c1966.
17. 17.См. Mancul Olson, The Logic of Collective Actions, 1965; James Coleman and Thomas Fararo (eds), Rational Choice Theory. Advocacy and Critique Newbury Park; Sage, 1992; Janis Varoufakis, Rational Conflict Oxford; Blackwell, 1991; C. Attfield, D. Demery and N. Duck, Rational expectation in Macroeconomics, 1985.
18. См. Lousi Hartz. The Liberal Tradition in America. New Harcourt. 1955.
19. См. Fukuyama, 1992. См. также его критику (1994) мрачной книги Hans Enzensberger From L.A. to Bosnia, New York: The New Press, 1994.
20. См. Lyman Sarget (ed.) Extremism in America New York: New York University Press 1995,pp.38-43.
21. Об американских страхах см. Davis, 1971; Richard Orr Curry, Conspiracy: the Fear of Subversion in American history, New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972; George Johnson, Architects of Fear: Conspiracy Theories and Paranoia in American Politics, Los Angeles: Tarchert, 1983.
22. Например, политическая фантазия “Дневники Тэрнера” была очень популярна в 1994-1995 годах среди американских правых радикалов. Федеральные чиновники называли этот роман “библией экстремистов”. Книга описывает будущее, когда после восстания белых людей и линчевания десятков тысяч “расовых преступников”, атомная война приводит к господству белых на планете. См.подробнее: Applebome, 1995a. См. также статьи, относящиеся к бомбежке в Oklahoma City и деятельности экстремистов в США в Нью-Йорк Таймс (1995, апрель 27); об анархистах и нео-луддистах, противостоящих техническому прогрессу, см. Нью-Йорк Таймс, 1995, 7 мая.

К главе 6

1. 13 мая 1996 года в “Известиях” появилась статья известного журналиста В.Выжutowича о социологических прогнозах, где он резко критиковал социологов. Он обвинил их в связях с заказчиками, некомпетентности, по крайней мере тех, кто обслуживает коммунистов, а также в том, что в составляемых ими анкетах проявляются такие малоприятные черты, как “инвентаризация застарелых советских привычек, былых и новых страхов, врожденных вывихов сознания, повальной закомплексованности и неизбытой внутренней несвободе” (с.2).
2. Так, Ф.Достоевский, который находился во власти сильных эсхатологических настроений, трагического, катастрофического восприятия мира, пророчествовал о грядущей социальной и духовной “бездне”. Он говорил: “скоро конец всему... всем ихним “прогрессам” и болтовне!” Им и не чудится, что ведь антихрист-то родился...и идет! Идет к нам

антихрист! Идет! И конец миру близко, — ближе, чем думают!” (Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964, т.2, с.170). Он писал: “Конец мира идет. Конец столетия обнаружится таким потрясением, какого еще никогда не было” (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М.Достоевского, СПб., 1883, с. 357). По его мнению, миру угрожает огромная опустошительная война, закроются фабрики, миллионы голодных ртов, отверженных пролетариев брошены будут на улицу... Все эти парламентаризмы, все исповедываемые теперь гражданские теории, все накопленное богатство, банки, науки все это рухнет в один миг и бесследно” (Достоевский Ф.М. Полн. собр. худож. произв. М.-Л. 1929, т.12, с. 411).

3. Знаменитый Салтыков-Щедрин “волком выл”, наблюдая “кровопийственный процесс”, которому предаются Колупаевы и Разуваевы (нарицательные имена новых кровопийц). Новую эру он называл “мерзостью”, ее представителей “чумазыми”.

О том, что эти настроения шли не только из кругов дворянской элиты, но из традиционалистских низов, ясно видно, например, у Глеба Успенского. Он, имитируя массовые народные представления, писал: “Назвал бы я эти очерки “Поступки господина Купона”. И первый был бы: Пришествие антихриста” (Успенский Г.И. Полн. собр. соч., т. 14, с 187). Этот автор сравнивает буржуазию с “брюхом” (старая традиция народной культуры рассматривать носителя зла как толстяка, вспомним, например, пророка старообрядцев Аввакума). Г. Успенский сравнивал капитал со “сладострастной властью”, которая чавкает “свеженькое мясо” и пьет “кровушку свеженькую из девственных мест” (“Письма с дороги”). Образ буржуа приобретает эстетически негативную характеристику. Буржуа ассоциируется у писателя с чем-то трупным, холодным, распухшим, дурно пахнущим (“Буржуй”).

Складываются основные элементы антикапиталистической картины социального мира, где капитал является греховодником, он “мусорит” девственные места, заводит “грязь и всякую гадость” на “чистой”, невинной земле”. Купонный человек создает свое благополучие на костях “чернорабочей человеческой массы”(“Не все коту масленица”). Это нагнетание катастрофизма характерно и для таких известных писателей, как А.И.Куприн “Молох” (1896 г.), А.А.Серафимович — “Город в степи” (1912 г.). У И.Бунина — “Господин из Сан-Франциско” 1915 г.) образ представителя капитализма приобретает зловещий фантастический, уродливый, устрашающий характер. Он уподобляется иррациональным злым силам народного крестьянского космоса, которые не подвластны человеку.

4. См. Хьюбшер А. Мыслители нашего времени. М., 1962, с 25 и далее. Эрн В. Идея катастрофического прогресса // Борьба за Логос. М., 1911, с. 234-261.
5. См. выступление известной террористки М.А. Спиридоновой — яркое свидетельство катастрофического мышления (Неизвестная Россия. XX век. Книга вторая. М., 1992, с. 23).
6. Исторический архив, 1959, N 2, с.14.
7. Среди них блестящий социолог Борис Грушин, который доказывал, что катастрофические настроения в России не имеют почвенных корней. К главным персонажам, генерирующим образы неминуемой катастрофы, он отнес руководителей исполнительной власти, как центральной, так и региональной, политическую верхушку, принадлежащую к оппозиции, СМИ, особенно тех из них, которые занимаются уничтожающей критикой лидеров страны, а также радетелей за народную правду, включая истерических женщин и “божьих дураков” из интеллигенции и околоинтеллигентских кругов.
8. См. Литературная газета, 1995, 9 мая.
9. См. Kaplan, 1994.
10. Benjamin Barber, Jihad versus McWorld, New York: Random House, 1995.
11. См. Brimelow, 1995.
12. Среди мрачных пророков американского экономического будущего находятся такие известные исследователи и авторы, как историки Пол Кеннеди и Челмерс Джонсон, поли-

тологи Давид Джеллио (David Galleo), Роберт Джилпин и Стивен Коэн, экономисты Лестер Суrow (Lester Thurow) и Лаура Тайсон.

13. Апокалипсические споры о возможной космической катастрофе были стимулированы спекуляциями (и даже небольшой паникой) о возможном столкновении Земли с гигантской кометой в июле 1994 года. См. об этом: Clarke, 1994. См. также статью под названием “Может ли Земля столкнуться с кометой?” в “Известиях”, 1994, 16 сентября; также “Земля не переживет столкновения с другим Тунгусским метеоритом” в “Комсомольской правде”, 1994, 11 ноября. См. также “Независимая газета”, 1994. 17 сентября.
14. См. воспоминания советских диссидентов о их счастливой жизни в 30-е и 40-е годы (Орлова, Копелев, Григоренко, Улановские).
15. Согласно опросу, проведенному Институтом маркетинга в Москве и основанному на национальной выборке 2202 россиян (март, 1995), почти половина из них (46 процентов) сказали, что они “не планируют свою жизнь и жизнь на будущее. Не имеет смысла делать это”.
16. То же самое касается двух других профессий — врачей и юристов, которые также для того, чтобы по очевидным причинам обеспечить себе большее участие в решении проблем боящегося личной катастрофы человека часто преувеличивают грозящую ему опасность.
17. На волне массовой истерии могут появляться самые абсурдные заявления. Так, Питер Эпплбойм (1995b) писал, что в 50-х и 60-х годах в США появлялись “утверждения, включая доклады, что 35,000 китайская армия в порохово-голубых униформах стоит на мексиканской границе, готовая к вторжению в Калифорнию; что армией руководит русский полковник, что некие партизаны проходят военную тренировку в Джорджии, а ООН тайно готовится захватить США”.
18. В своем телевизионном обращении к нации Ньют Гингрич объявил, что, согласившись с республиканской программой, “американцы возможно станут спать по ночам немного лучше и просыпаться менее беспокоясь о своем будущем”. Опубликовано в the New York Times, April 8, 1995.
19. См. Goode and Ben-Yehuda, 1994, p.31-51.

К главе 7

1. Зворыкин В.К. Американец с русским акцентом // Неизвестная Россия. XX век. 1993, с.45.
2. Там же.
3. См.: Сегал Д. “Сумерки свободы”: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917-1918 гг. //Минувшее. Исторический альманах 3. М., 1991, с.141,148.
4. Архивные материалы позволяют воспроизвести массовые настроения революционного времени. “Одни грабежи да убийства и насилия, и жаловаться некуда” — это из письма, написанного в декабре 1917 года (Неизвестная Россия. Книга вторая. М., 1992,с. 188). В другом письме повторено почти теми же словами: “теперь каждый день убийства, грабежи и жаловаться некуда” (с.187).Автор еще одного письма из Полтавской губернии от 30 декабря 1917 просит Учредительное собрание “защитить меня, терпящего с самой колыбели и до настоящего времени муки и терзания злых людей, задавшихся целью стереть меня и родных моих с лица земли”(с.187). В этот же адрес другой автор пишет: “Просим не отбирать и не разорять наш русский народ”(с.186) “Страна с каждым днем идет ближе к голоду...”(с.184). “Весь порядок разрушен” пишут в своем приговоре жители села Ермаково Ярославской губ. (январь 1918 г.) (с.189). Раздаются и угрозы Учредительному собранию. Некий автор из Царского Села обращается к нему со словами: “Бойтесь, лопнет наше терпение и мы перебьем и разгоним вас всех” (с.190).
5. Неизвестная Россия. XX век. М., 1992, Т. 1,с.14-15.

6. Там же, с. 31.
7. В дневнике выпускника Института красной профессуры И.Литвинова в записи от 15 января 1922 можно прочитать: “Разговор пошел о самоубийствах. В последнее время тема самоубийства “самая популярная” среди коммунистов”.

Стреляются, отравляются коммунисты на каждом шагу. И на каждом шагу об этом говорят. “ В записи от 3 февраля он пишет: “...гибнешь и от тьмы, и от голода, и от эпидемий. Поволжье вымирает, а в Москве дети десятками совершают самоубийства из-за голода. Об этом уже пишут даже в газетах” (Литвинов И.И. // Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. М., 1993, с.82,92).
8. Из Подольской губ. 24 мая 1919 г. сообщали: “Хлеб у нас отбирают красноармейцы насильно: у кого сколько найдут, и отберут. Народ страдает почему зря”(Там же, с.213). Насилие процветало в разных формах. Например, видимо, какой-то представитель власти пишет 31 июля 1919 г.: “У всех была какая-то против нас злоба...Везде требуется сила” (там же, с.214). Из Саратовской губ. 21 июня 1919 г. сообщали: “Тут на днях была Красная гвардия и отобрала 1 тыс. пудов хлеба. Теперь крестьяне все злые”. Человек, проживающий в Москве, писал 30 августа 1919 г.: “У нас в деревне реквизируют хлеб, и у отца твоего, но они не хотели отдать как красноармейские семьи. Твоего отца, когда он не хотел отдать, били прикладами” (Там же, с.215). 16 июля 1919 г. из Тамбовской губ. пишут “В деревне все отбирают, полную очистку делают” (Там же, с.215). 29 июля 1919 г. из Могилева сообщают “настроение в городе сейчас нервное, идут повальные обыски, отбирают золото, серебро, мануфактуру, а в некоторых случаях даже белье, одежду, одеяла и подушки” (Там же, с.215).
9. В этом же дневнике в феврале можно прочесть: “разливается антисемитизм по России широким потоком. Растет ненависть к евреям во всех слоях и классах” (с.100).
10. Неизвестная Россия. XX век. Книга третья. М., 1993, с. 330.
11. Там же, с.333.
12. Там же, с.331,333,334,336,347.
13. В письме из Можайска Московской губернии от 28 июня 1919 года неизвестный автор пишет “желаем вам побольше подушить дармоедов и прочих нажившихся на чужой крови капиталов” (Неизвестная Россия. XX век. Книга вторая. М., 1992, с.205). В другом письме из Орши от 14 декабря 1919 года написано: “У меня в душе такая злоба к буржуазии, что я могла бы собственными руками их застрелить” (Там же,с.205) Письма свидетельствуют о постоянном, незатухающем конфликте. В письме от 28 ноября 1919 из Вологодской губ. можно прочесть: “Дома все разорили, хлеб отобрали весь дочиستا и нельзя слова сказать. Как старый режим. Вот мы до чего дожили, и нельзя никуда жаловаться. В исполкоме засела буржуазия, и они совместно работают” (Там же, с.216). Другая сторона отражена в письме из Черниговской губ. от 28 июля 1919 года: “Мужики как черти ежатся на советскую власть, но мы их взяли в работу, так что им некуда поворачиваться” (Там же, с.216). Это всеобщее озлобление приводило к массовому насилию. В письме из Ельца от 21 июля 1919 сообщается: “буржуев всех поголовно выселяют из дома и из города, стоит вой, как на реках вавилонских, словом, неразбериха по всей коммуне, устали ожидать правильной хорошей жизни, возят чужое сено, рубят догола леса, имения стоят разоренные” (Там же, с.209). Из Киева пишут: “Тут все спокойно, понемногу расстреливаем буржуев” (с.210).
14. Arendt Hannah. The origins of totalitarianism. N.Y.,Harcourt,Brace, 1951.
15. См. Sorokin P. Man and Society in Calamity, 1942.
16. В дневнике, в записи, относящейся к апрелю 1934 года, говорится о “паническом настроении, люди озабочены поисками врагов. Задают очень много вопросов о врагах народа, скоро ли их выловят, по каким признакам определить врагов народа, как относиться к раскаявшимся оппозиционерам и смирившимся бунтовщикам во время коллективизации. У меня такое впечатление, что райпарторганизация чем-то сильно обеспокоена”. Во власти этого страха находится и сам автор дневника. Он убежден, что “иностранная контр-

разведка старается всюду просунуть своих людей. Общая обстановка очень острая” Соловьев А.Г. Тетради красного профессора (1912-1941 гг// Неизвестная Россия. Книга четвертая. М., 1993,с. 179,186).

17. В одном из детских сочинений 1929 года можно прочесть: “В деревне я слышал разговоры про войну, хлеб. Говорят, что большевики боятся войны, вот они весь хлеб и отдают. Но несмотря на хлебные взятки другим державам, говорит кулак, война уже начинается...”(Неизвестная Россия. XX век. Книга третья,с.264). В другом сочинении 1928 года :”В селе я очень часто слышал о войне. Один раз меня позвала старуха и спросила: “Правда, говорят, что весной будет война?” (Там же, с.308). В другом сочинении написано: “Когда приходишь в деревню, только и слышишь, что про войну. Теперь наши деревенские закупают почти все много соли, ругают советскую власть, чего не задумаешь купить, все недостатки...”(Там же, с.277).
18. Неизвестная Россия. XX век. Книга третья, с. 229.
19. Интересно, что демонизация своего образа является характерной чертой тайных обществ. Можно привести многочисленные примеры. Во всех случаях такая демонизация имеет целью запугивание населения.
20. Колхозница А.С.Семенова из Поволжья в интервью в 1990-1992 гг. рассказывала о раскулачивании: “А тут в колхоз стали съединять. Ну вызовут дедушку: он не идет никак в колхоз. Боялись его, колхоза-то. Страшно, видно, было. Их посадили — эдаких-то, противников колхоза. Был у нас — сейчас клуб, а тогда — нардом. Насажали их туда, как селенок в бочку. Они там которые и померли...”(с.148). “И боюсь: поймают еще, да и съедят. Ведь ловили людей и ели тогда, в голодовку-то” (с.150). “Меня вот когда в раскулачивание потрясли, и с тех пор я боюсь”(с.166).
21. Хлевнюк О. 26 июня 1940: иллюзии и реальность администрирования // Коммунист, 1989, N 9,с.92.
22. Там же, с.93.
23. Там же, с.95.
24. Исследовательский проект “Реальная экономика и политика современного российского села” под руководством Т.Шанина, с.15, 26.
25. Новикова Н.Г.,Овсянников А.А.,Ротман Д.Г. Стереотипы исторического самосознания (По материалам межрегиональных исследования) //Социологические исследования. 1989,N 5.
26. Там же, с.5.
27. Там же.

К главе 8

1. 1.Первая мировая война, революция, последовавшая за ней гражданская война и связанные с ней бедствия “выбили” старшие поколения из жизни и сделали центральной фигурой юношество. С.Максудов, издатель документов Смоленского архива, отмечает, что в 1929 году половине жителей села не было 20 лет. См.: Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. Кн.1.1929. Кулаки и партийцы. Анн Арбор, 1987, с.20.
2. См. материал об этом, в частности, Козлова Н.Н.Традиционные ценности и цели модернизации./Модернизация и конфликт ценностей.М., 1994, с.118-146.

К главе 9

1. См.: Shlapentokh, 1990. Alexander Shragin (1994) сравнил ментальность русских интеллектуалов 1970-х и 1980-х годов с их предшественниками из “серебряного века”. Он заметил, что “тогда, в “период стагнации” не было похожих страхов, апокалипсических предчувствий, опасений, что личность будет разорвана на куски и разрушен мир вокруг. В

худшем случае герои фильмов и рассказов брежневской эпохи думали о “малых апокалипсисах”, которые означали только разрушение их собственных иллюзий о советском мире.

2. Новикова Н.Г., Овсянников А.А., Ротман Д.Г. Стереотипы исторического самосознания (По материалам межрегиональных исследований) // Социологические исследования. 1989, № 5.
3. Гудков Л.Д. Характеристики респондентов, отказывающихся от контактов с интервьюерами // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996, № 1996, с.47.

К главе 14

1. Albritton C. Catastrophic Episodes in Earth History. London: Chopman and Row, 1989.
2. Runciman W.G. Relative Deprivation and Social Justice. Berkley: California University Press, 1966.

К главе 15

1. См. В.Н.Шубкин “Страх в России” и В.А.Ядов “Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания”./ “Социологический журнал”, 1997 г., №3.
2. См. П.Митев, В.Шубкин, В. Иванова “Катастрофическое сознание в Болгарии и России”./ “Социологические исследования”, 1998г., №10.
3. См. Европа и Россия. Опыт экономических преобразований. М., Наука. 1996, с.244.
4. Там же, с.254.
5. Business Centre Europe. The Annual 1997/98.
6. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. 1986, с. 98-99.
7. См. “Профиль”, №25 за 1998 г., с.18.

К главе 16

1. С.Ф. Платонов. Лекции по русской истории. М.: Высшая Школа., 1993. С.81-116.
2. С.М. Соловьев. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда. 1985. С.31-150.
3. Н.Зиядулаев, СНГ — современное состояние и перспективы.//Экономист. 1997, №12. С.85-89.
4. М.Мельник. Независимой Украине — 5 лет.// “Российские вести”.1996 год, 24 августа.
5. Европа и Россия. Опыт экономических преобразований. М.: Наука. 1996, С.117.
6. Украинская карта в геополитической колоде Вашингтона.// За рубежом. 1996, №29.
7. В.Масленников. Украинские черноземы зарастают бурьяном // “Правда пять”, 1998 год, 4 февраля.
8. Д.Докучаев, А.Колесников. Социология кризиса.// “Известия”. 1998, 30 октября. С.4
9. Экономическая и экологическая статистика. ЭКО. 1997. №12. С.102-109.
10. С.Прокопчук. В тени саркофага. “Труд”. 1998. 29 апреля. С.5.
11. П. Саблук. Направления совершенствования аграрной реформы // Экономист. 1998. №3.С.76-83.
12. Problems of Communism, 1985, № 3-4, p. 132.
13. В.Иванов. Почин под грифом “секретно”. “Российская газета”. 1997. 23 мая. С.23.

К главе 17

1. Общая газета. 1999. №52.

2. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. М., 1996. С.12.
3. Касьянова К.О. О русском национальном характере. М., 1994. С.13.
4. С.Ф. Платонов. Лекции по русской истории. М.: Высшая Школа, 1993. С.81-116.
5. С.М. Соловьев. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда. 1985. С.31-150.
6. Н.Зиядулаев, СНГ — современное состояние и перспективы // Экономист. 1997, №12. С.85-89.
7. М.Мельник. Независимой Украине — 5 лет // Российские вести. 1996 год, 24 августа.
8. Европа и Россия. Опыт экономических преобразований. М.: Наука. 1996, С.117.
9. Украинская карта в геополитической колоде Вашингтона // За рубежом. 1996, №29.
10. В.Масленников. Украинские черноземы зарастают бурьяном // Правда пять. 1998 год, 4 февраля.
11. Д.Докучаев., А.Колесников. Социология кризиса // Известия. 1998. 30 октября. С.4
12. Экономическая и экологическая статистика. ЭКО. 1997. №12. С.102-109.
13. С.Прокопчук. В тени саркофага. “Труд”. 1998. 29 апреля. С.5.
14. П. Саблук. Направления совершенствования аграрной реформы // Экономист. 1998. №3.С.76-83.
15. Problems of Communism, 1985, № 3-4, p. 132
16. В. Иванов. Почин под грифом “секретно”. Российская газета. 1997. 23 мая. С.23.
17. См. П.Митев, В.Шубкин, В.Иванова. Катастрофическое сознание в Болгарии и России. // Социологические исследования. 1998г. №10.
18. Алексей Миллер. Восток Европы или к востоку от Европы. Pro et Contra. Весна 1998. С. 9.
19. Василий Михеев. Потенциал вражды versus потенциал сотрудничества. Pro et Contra. Весна 1998. С. 61.
20. Ю.Крок. Москва использует неправильный термин // Иностранец. 1999. 20 января.
21. Рынок ценных бумаг. №1. 1998. С. 60-61.
22. Краюхин С. Эпидемия СПИДа может опустошить Россию // Известия. 1999. 20 мая.
23. Джеймс Шерр. Украина в системе европейской безопасности. Pro et Contra. Весна 1998. С.126.

К главе 21

1. В.Н. Шубкин “Страхи в России” и В.А. Ядов “Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания” СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ №3 за 1997 год.
2. “Вечерняя Москва”. 1898. 21 июня.
3. Поляков Ю.А. “Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население”. 1986. С.98-99.
4. Там же. С. 97-98.
5. Там же. С 118.
6. Там же. С. 128.
7. Там же. С. 127.
8. “Правда”. 1988. 16 сентября.
9. “Новый мир”. 1988. №3. С. 18.
10. Problems of Communism. 1985. №3-4. P. 132.
11. “Комсомольская правда”. 1988. 3 июня.
12. Европа и Россия. Опыт экономических преобразований. М., Наука. 1996, с.244.
13. Там же. С.254.
14. Business Centre Europe. The Annual 1997/98.

Приложения

Приложение к главам 10-13

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Вызывает сильную тревогу и постоянный страх в 1996 году (%)

Виды опасностей / страны / год	Россия (в целом)	Центр	Север и Северо-Запад	Юг и Юго-Запад	Поволжье и Урал	Сибирь и Дальний Восток	Иммигранты (Нью-Йорк)	Иммигранты (Бостон)
1. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов	67, 7	68, 2	70, 7	75, 3	63, 4	61, 5	65, 1	55, 8
2. Снижение жизненного уровня, обнищание	67, 2	63, 7	66, 5	73, 7	70, 8	58, 6	44, 2	51, 1
3. Полное беззаконие	66, 7	65, 2	60, 3	75, 0	67, 0	64, 2	58, 2	30, 2
4. Криминализация общества	65, 4	65, 2	65, 9	71, 2	64, 8	62, 5	46, 5	46, 5
5. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и пр.	63, 9	60, 0	63, 1	69, 2	64, 0	53, 9	53, 5	51, 2
6. Массовая безработица	61, 4	48, 8	64, 8	67, 7	65, 0	53, 3	39, 5	41, 8
7. Коррупция властных структур	53, 2	54, 8	46, 9	64, 8	50, 2	49, 6	32, 6	18, 6
8. Уничтожение лесов на планете	52,	54, 8	51, 4	55, 5	48, 6	52, 9	34, 9	18, 6
9. Распространение ядерного оружия	48, 7	48, 7	45, 2	61, 2	46, 2	43, 1	41, 8	53, 5
10. Гражданские и межэтнические войны	48, 2	47, 4	46, 9	60, 6	40, 7	44, 4	34, 9	20, 9
11. Терроризм	45, 4	43, 5	41, 4	60, 3	46, 3	33, 5	44, 2	48, 9

Виды опасностей / страны / год	Россия (в целом)	Центр	Север и Северо-Запад	Юг и Юго-Запад	Поволжье и Урал	Сибирь и Дальний Восток	Иммигранты (Нью-Йорк)	Иммигранты (Бостон)
12. Опасность уничтожения различных видов животных	42,0	46,6	37,2	48,8	37,3	43,1	39,5	18,6
13. Катастрофический неурожай	40,4	27,4	28,0	53,5	47,2	37,5	9,3	23,3
14. Истощение природных ресурсов	40,3	30,6	39,7	43,9	34,6	44,7	23,3	23,3
15. Захват власти в стране экстремистами или мафией	39,7	46,6	34,5	50,7	42,7	28,3	32,6	11,6
16. Возникновение в атмосфере озоновых дыр	38,7	34,1	40,0	41,7	38,2	36,9	32,5	25,6
17. Ядерная война	37,0	27,4	30,0	37,9	40,1	43,8	16,3	30,2
18. Скопление неиспользуемых отходов	36,8	44,5	30,0	47,7	37,6	28,0	32,5	9,3
19. Генетическое вырождение нации	35,9	40,0	29,6	42,9	40,8	26,9	-	-
20. Полная утрата традиций и культуры	34,5	37,8	32,7	38,1	33,7	31,7	-	-
21. Природные бедствия	33,8	23,7	27,2	39,7	33,9	38,2	20,9	25,6
22. Кризис семейных ценностей	33,6	34,8	24,8	36,2	29,1	43,1	32,6	25,6
23. Диктатура и массовые репрессии	27,6	28,1	26,8	33,3	29,2	20,8	32,5	25,6
24. Сокращение рождаемости	22,9	30,3	15,1	29,8	21,0	22,0	7,0	9,3

Виды опасностей / страны / год	Россия (в целом)	Центр	Север и Северо-Запад	Юг и Юго-Запад	Поволжье и Урал	Сибирь и Дальний Восток	Иммигранты (Нью-Йорк)	Иммигранты (Бостон)
25. Утрата чувства коллективизма, взаимопомощи, крайний индивидуализм	22,6	22,2	11,0	29,8	17,4	31,5	19,6	30,2
26. Неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность	22,6	29,6	19,3	19,2	22,3	26,0	27,9	18,6
27. Американизация жизни в стране	21,9	21,5	14,2	27,3	19,7	26,4	-	-
28. Нападение соседних государств	21,8	20,8	17,2	26,6	18,8	24,7	0	7,0
29. Глобальное потепление климата	21,8	20,8	15,2	30,1	24,2	17,8	20,9	14,0
30. Приход к власти в стране радикальных коммунистов	21,6	44,5	22,4	16,3	17,8	20,1	39,6	51,1
31. Геноцид, массовые преследования людей по этнонациональной принадлежности	19,7	27,4	15,2	25,6	16,5	17,4	44,2	41,8
32. Распространение неонацизма и ему подобных сил	17,8	20,0	21,0	22,1	18,1	9,3	55,8	58,2
33. Гибель земель в результате космической катастрофы (столкновение с астероидами, кометами и пр.)	16,4	11,8	12,1	19,2	18,7	17,1	13,9	9,3

Виды опасностей / страны / год	Россия (в целом)	Центр	Север и Северо-Запад	Юг и Юго-Запад	Поволжье и Урал	Сибирь и Дальний Восток	Иммигранты (Нью-Йорк)	Иммигранты (Бостон)
34. Преобладание иммигрантов, которые не способны освоить наши культуру, язык, образ жизни	15,7	30,4	12,7	17,3	13,3	12,8	0	-
35. Конец света	14,9	15,6	12,4	15,1	16,2	15,1	0	4,7
36. Исчезновение "белой расы" как результат высокой рождаемости у народов с другим цветом кожи	14,9	14,8	12,8	18,2	11,0	17,1	13,9	23,3
37. Осознание бессмысленности жизни и неизбежности смерти	13,0	18,5	13,8	12,2	11,4	12,2	19,6	14,0
38. Опасное перенаселение городов	11,2	24,4	6,5	7,7	10,3	13,9	11,6	7,0
39. Нашествие ислама	9,0	11,9	8,0	10,5	9,7	6,6	18,6	39,5
40. Масонство и его попытки захватить мир	8,1	6,6	5,9	12,5	5,8	8,9	7,0	11,6
41. Сионизм и еврейские заговоры	6,1	5,2	3,1	10,6	5,5	5,3	-	-
42. Захват Земли инопланетянами	6,1	7,4	5,5	6,4	4,5	7,6	4,7	4,7
43. Перенаселение	6,0	15,5	0,3	18,3	3,6	8,6	7,0	4,7

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Страхи и тревоги жителей Советского Союза, России и Российских иммигрантов, (%)

	Имми-	Имми-	Россия	СССР
--	-------	-------	--------	------

	гранты (Бос- тон)	гранты (Нью- Йорк)	1996	1989-90
Ядерная война	30,2	16,3	37,0	48,3
Природные катастрофы	25,6	20,9	33,8	42,2
Тирания, беззаконие	30,2	58,2	66,7	22,5
Нищета	51,1	44,2	67,2	16,7
Криминализация	46,5	46,5	66,0	14,6
Возврат массовых репрес- сий	25,6	32,5	27,6	13,7
Национальные конфликты	21,0	34,9	48,2	12,3

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Экологические страхи и тревоги у россиян и иммигрантов. (%)

Опасности	Россия 1996	иммигран- ты (Нью- Йорк)	имми- гранты (Бостон)
1. Химическое и радиацион- ное заражение воды, возду- ха, продуктов	67,7	65,1	55,8
2. Массовые эпидемии	63,9	53,5	51,2
3. Уничтожение лесов на планете	52,6	34,9	18,6
4. Уничтожение животных	42,0	39,5	18,6
5. Катастрофический неуро- жай	40,4	9,3	23,3
6. Истощение природных ресурсов	40,3	23,3	23,3
7. Озоновые дыры	38,7	32,5	25,6
8. Скопление неиспользо- емых отходов	36,8	32,5	9,3
9. Природные бедствия	33,8	20,9	25,6
10. Глобальное потепление	21,8	20,9	14,0

Приложение к главе 14

Таблица 7

Факторная матрица до вращения факторов (метод главных компонент)						
Перечень признаков	Фактор 1 (25%)	Фактор 2 (6,7%)	Фактор 3 (5,3%)	Фактор 4 (3,8%)	Фактор 5 (3,5%)	Фактор 6 (3,3%)
1. Ядерная война	46	-12	46	22	08	-22

Перечень признаков	Фактор 1 (25%)	Фактор 2 (6,7%)	Фактор 3 (5,3%)	Фактор 4 (3,8%)	Фактор 5 (3,5%)	Фактор 6 (3,3%)
2. Терроризм	48	-14	12	32	29	-12
3. Нападение со- седних государств	45	-08	42	27	14	-02
4.Гражданские и межэтнические войны	50	-21	03	32	27	-04
5. Геноцид, то есть массовые преследования людей по этно- национальной принадлежности	51	03	13	16	43	08
6. Захват власти в стране экстреми- стами или мафией	56	-02	-03	30	28	11
7. Диктатура и массовые репрес- сии	54	05	01	20	38	06
8. Катастрофиче- ский неурожай	51	-21	29	18	-15	-13
9. Природные бедствия	54	-24	34	04	-10	-12
10. Конец света	44	04	48	02	-06	22
11. Сокращение рождаемости в России	48	-01	-09	-04	-16	-09
12. Перенаселение	41	21	22	-13	09	18
13. Истощение природных ресур- сов	56	-27	-02	-24	-02	-22
14. Химическое и радиационное за- ражение воды, воздуха, продук- тов	60	-32	-05	-22	01	-22
15. Опасность уничтожения раз- личных видов жи- вотных	60	-27	-09	-37	01	-12
16. Массовые эпидемии, распро- странение СПИДа и других смер- тельных заболева- ний	59	-30	01	-17	-06	-13
17. Возникнове- ние в атмосфере озоновых дыр	57	-19	03	-41	14	02

Перечень признаков	Фактор 1 (25%)	Фактор 2 (6,7%)	Фактор 3 (5,3%)	Фактор 4 (3,8%)	Фактор 5 (3,5%)	Фактор 6 (3,3%)
18. Уничтожение лесов на планете	61	-31	-08	-36	-05	-12
19. Глобальное потепление климата	55	-10	-04	-36	15	14
20. Гибель землян в результате космической катастрофы (столкновение с астероидами, кометами и т.п.)	53	07	33	-14	-07	22
21. Массовая безработица	44	-23	-23	24	-15	04
22. Криминализация общества	46	-23	-49	21	07	18
23. Коррупция властных структур	49	-01	-51	16	13	18
24. Кризис семейных ценностей	49	-03	-26	03	-04	25
25. Полное беззаконие	52	-15	-32	12	-06	16
26. Опасное перенаселение городов	48	22	14	-13	04	34
27. Скопление неиспользуемых отходов	60	-08	-12	-22	15	01
28. Снижение жизненного уровня, обнищание	48	-27	-36	17	-20	03
29. Преобладание иммигрантов, которые не хотят или не способны освоить наши культуру, язык, образ жизни	43	29	-10	-17	01	33
30. Осознание бессмысленности жизни и неизбежности смерти	48	12	20	01	-22	40
31. Утрата чувства коллективизма, взаимопомощи, крайний индивидуализм	52	10	-10	14	-34	13
32. Нашествие ислама	35	60	-12	-01	07	-25

Перечень признаков	Фактор 1 (25%)	Фактор 2 (6,7%)	Фактор 3 (5,3%)	Фактор 4 (3,8%)	Фактор 5 (3,5%)	Фактор 6 (3,3%)
33. Сионизм и еврейские заговоры	37	63	-16	01	01	-27
34. Масонство и его попытки захватить мир	43	63	-09	-02	00	-22
35. Распространение неонацизма и ему подобных сил	48	43	-16	-01	20	-23
36. Приход к власти радикальных коммунистов	20	33	-11	-24	35	01
37. Исчезновение “белой расы” как результат высокой рождаемости у народов с другим цветом кожи	45	38	09	-01	-14	-11
38. Американизация жизни в России	44	15	-12	18	-37	-10
39. Распространение ядерного оружия	58	-08	17	08	-15	-30
40. Генетическое вырождение нации	53	19	-12	03	-14	-10
41. Захват Земли инопланетянами	38	29	35	-10	-16	21
42. Полная утрата русских традиций и культуры	52	13	-07	11	-37	-07
43. Неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность	39	15	07	09	-22	10

Приложение к главе 15

Вызывают сильную тревогу и постоянный страх в России в 1996 и в 1998 годах, (%)

	1998	1996
1. Обнищание общества	76,4	67,2
2. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов	74,1	67,7
3. Массовая безработица	69,3	61,4
4. Полное беззаконие	61,0	66,7
5. Криминализация общества	60,6	65,4

	199 8	199 6
6. Коррупция властных структур	53,9	53,2
7. Распространение ядерного оружия	47,7	48,7
8. Генетическое вырождение нации	46,0	35,9
9. Уничтожение лесов на планете	45,2	52,6
10. Опасность уничтожения различных видов животных	38,8	42,0
11. Скопление неиспользуемых отходов	37,8	36,8
12. Катастрофический неурожай	37,4	40,4
13. Природные бедствия	37,3	33,8
14. Ядерная война	36,8	37,0
15. Терроризм	36,1	45,4
16. Захват власти в стране экстремистами или мафией	34,8	39,7
17. Гражданские и межэтнические войны	33,2	48,2
18. Полная утрата традиций и культуры	33,2	34,5
19. Истощение природных ресурсов	32,3	40,3
20. Кризис семейных ценностей	31,0	33,6
21. Возникновение в атмосфере озоновых дыр	28,4	38,7
22. Сокращение рождаемости	27,4	22,9
23. Утрата чувства коллективизма, индивидуализм	20,7	22,6
24. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и пр.	18,4	63,9
25. Неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность	18,4	22,6
26. Американизация жизни в России	16,5	21,9
27. Глобальное потепление климата	16,2	21,8
28. Нападение соседних государств	14,8	21,8
29. Диктатура и массовые репрессии	14,6	27,6
30. Гибель земель в результате космической катастрофы	14,6	16,4
31. Распространение неонацизма	11,9	17,8
32. Преобладание иммигрантов	11,3	15,7
33. Исчезновение "белой расы"	10,7	14,9
34. Осознание бессмысленности жизни и неизбежности смерти	9,7	13,0
35. Конец света	9,0	14,9
36. Геноцид, массовые преследования людей по этно-национальной принадлежности	8,7	19,7
37. Опасное перенаселение городов	5,8	11,2
38. Нашествие ислама	4,5	9,0
39. Сионизм и еврейские заговоры	3,2	6,1
40. Захват Земли инопланетянами	2,6	6,1
41. Перенаселение	2,2	6,0
42. Масонство и его попытки захватить мир	1,6	8,1

Приложение к главе 16

Вызывают сильную тревогу и постоянный страх в России и на Украине (1998), в %

	Россия	Украи- на
1. Обнищание общества	76,4	86,7
2. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов	74,1	80,9
3. Массовая безработица	69,3	78,4
4. Полное беззаконие	61,0	79,2
5. Криминализация общества	60,6	73,7
6. Коррупция властных структур	53,9	68,4
7. Распространение ядерного оружия	47,7	53,4
8. Генетическое вырождение нации	46,0	48
9. Уничтожение лесов на планете	45,2	53,4
10. Опасность уничтожения различных видов животных	38,8	48,1
11. Скопление неиспользуемых отходов	37,8	51,1
12. Катастрофический неурожай	37,4	66,8
13. Природные бедствия	37,3	60,6
14. Ядерная война	36,8	47,9
15. Терроризм	36,1	44,1
16. Захват власти в стране экстремистами или мафией	34,8	52,4
17. Гражданские и межэтнические войны	33,2	42,3
18. Полная утрата традиций и культуры	33,2	34,4
19. Истощение природных ресурсов	32,3	43,9
20. Кризис семейных ценностей	31,0	47,6
21. Возникновение в атмосфере озоновых дыр	28,4	48,3
22. Сокращение рождаемости	27,4	42,4
23. Утрата чувства коллективизма, индивидуализм	20,7	33,1
24. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и пр.	18,4	78,1
25. Неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность	18,4	40
26. Американизация жизни в России	16,5	17,8
27. Глобальное потепление климата	16,2	33,8
28. Нападение соседних государств	14,8	29,5
29. Диктатура и массовые репрессии	14,6	37,7
30. Гибель земель в результате космической катастрофы	14,6	25,1
31. Распространение неонацизма	11,9	19,7
32. Преобладание иммигрантов	11,3	20,7

	Россия	Украина
33. Исчезновение “белой расы”	10,7	13,9
34. Осознание бессмысленности жизни и неизбежности смерти	9,7	26,6
35. Конец света	9,0	28,0
36. Геноцид, массовые преследования людей по этно-национальной принадлежности	8,7	28,1
37. Приход к власти радикальных коммунистов	7,3	14,7
38. Опасное перенаселение городов	5,8	20,1
39. Нашествие ислама	4,5	12
40. Сионизм и еврейские заговоры	3,2	7,1
41. Захват Земли инопланетянами	2,6	8,2
42. Перенаселение	2,2	11,8
43. Массонство и его попытки захватить мир	1,6	9,7

Приложение к главе 17

Вызывают сильную тревогу и постоянный страх в России, на Украине, в Литве и среди российских иммигрантов (Бостон), %

Виды опасностей / страны / год	Россия (в целом)		Украина	Литва	Российские иммигранты (Бостон)
	1998	1996	1998	1997	1996
1. Снижение жизненного уровня, обнищание общества	76,4	67,2	86,7	51,8	51,1
2. Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов	74,1	67,7	80,9	41,0	55,8
3. Массовая безработица	69,3	61,4	78,4	52,7	41,8
4. Полное беззаконие	61,0	66,7	79,2	39,4	30,2
5. Криминализация общества	60,6	65,4	73,7	45,8	46,5
6. Коррупция властных структур	53,9	53,2	68,4	43,5	18,6

Виды опасностей / страны / год	Россия (в целом)		Украина	Литва	Российские иммигранты (Бостон)
	1998	1996	1998	1997	1996
7. Распространение ядерного оружия	47,7	48,7	53,4	31,5	53,5
8. Генетическое вырождение нации	46,0	35,9	48,0	20,8	-
9. Уничтожение лесов на планете	45,2	52,6	53,4	23,0	18,6
10. Опасность уничтожения различных видов животных	38,8	42,0	48,1	17,1	18,6
11. Скопление неиспользуемых отходов	37,8	36,8	51,1	14,5	9,3
12. Катастрофический неурожай	37,4	40,4	66,8	21,6	23,3
13. Природные бедствия	37,3	33,8	60,6	26,0	25,6
14. Ядерная война	36,8	37,0	47,9	32,9	30,2
15. Терроризм	36,1	45,4	44,1	31,3	48,9
16. Захват власти в стране экстремистами или мафией	34,8	39,7	52,4	22,7	11,6
17. Гражданские и межэтнические войны	33,2	48,2	42,3	21,0	20,9
18. Полная утрата традиций и культуры	33,2	34,5	34,4	15,5	-
19. Истощение природных ресурсов	32,3	40,3	43,9	10,7	23,3
20. Кризис семейных ценностей	31,0	33,6	47,6	24,4	25,6
21. Возникновение в атмосфере озоновых дыр	28,4	38,7	48,3	29,6	25,6
22. Сокращение рождаемости	27,4	22,9	42,4	9,5	9,3
23. Утрата чувства коллективизма, взаимопомощи, крайний индивидуализм	20,7	22,6	33,1	15,4	30,2
24. Массовые эпидемии, распространение СПИДа и пр.	18,4	63,9	78,1	53,3	51,2

Виды опасностей / страны / год	Россия (в целом)		Украина	Литва	Российские иммигранты (Бостон)
	1998	1996	1998	1997	1996
25. Неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность	18,4	22,6	40,0	19,4	18,6
26. Американизация жизни в стране	16,5	21,9	17,8	8,8	-
27. Глобальное потепление климата	16,2	21,8	33,8	13,0	14,0
28. Нападение соседних государств	14,8	21,8	29,5	16,1	7,0
29. Диктатура и массовые репрессии	14,6	27,6	37,7	17,8	25,6
30. Гибель землян в результате космической катастрофы (столкновение с астероидами, кометами и пр.)	14,6	16,4	25,1	14,0	9,3
31. Распространение неонацизма и ему подобных сил	11,9	17,8	19,7	6,4	58,2
32. Преобладание иммигрантов, которые не способны освоить нашу культуру, язык, образ жизни	11,3	15,7	20,7	25,3	-
33. Исчезновение "белой расы" как результат высокой рождаемости у народов с другим цветом кожи	10,7	14,9	13,9	8,2	23,3
34. Осознание бессмысленности жизни и неизбежности смерти	9,7	13,0	26,6	-	14,0
35. Конец света	9,0	14,9	28,0	15,8	4,7
36. Геноцид, массовые преследования людей по этно-национальной принадлежности	8,7	19,7	28,1	15,1	41,8
37. Приход к власти в стране радикальных коммунистов	7,3		14,7	10,9	51,1
38. Опасное перенаселение городов	5,8	11,2	20,1	4,6	7,0

Виды опасностей / страны / год	Россия (в целом)		Украина	Литва	Российские иммигранты (Бостон)
	1998	1996	1998	1997	1996
39. Нашествие ислама	4,5	9,0	12,0	5,5	39,5
40. Сионизм и еврейские заговоры	3,2	6,1	7,1	5,0	-
41. Захват Земли инопланетянами	2,6	6,1	8,2	4,8	4,7
42. Перенаселение	2,2	6,0	11,8	3,8	4,7
43. Масонство и его попытки захватить мир	1,6	8,1	9,7	4,8	11,6
44. Присоединение Литвы к России	-	-	-	11,8	-
45. Усиление деятельности КГБ	-	-	-	13,1	-

ПРИЛОЖЕНИЕ к Части III

Что вызывает сильную тревогу и постоянный страх в России и в Болгарии (в %).
(В скобках указано место, которое занимает этот показатель в Болгарии)

		Россия	Болгария
1.	Химическое и радиационное заражение воды, воздуха, продуктов	67,7	42 (8)* 41 (9)** 36 (13)***
2.	Снижение жизненного уровня	67,2	66 (1)
3.	Полное беззаконие	66,7	57 (3)
4.	Криминализация общества	65,4	59 (2)
5.	Массовые эпидемии, распространение СПИДа и др. смертельных болезней	63,9	50 (6)
6.	Массовая безработица	61,4	51 (5)
7.	Коррупция властных структур	53,2	54 (4)
8.	Уничтожение лесов	52,6	36 (12)
9.	Распространение ядерного оружия	48,7	28 (20)
10.	Гражданские и межнациональные войны	48,2	18 (30)
11.	Терроризм	45,4	29 (18)
12.	Опасность уничтожения различных видов животных	42,0	29 (17)
13.	Катастрофический неурожай	40,4	41 (10)
14.	Истощение природных ресурсов	40,3	15 (38)
15.	Захват власти в стране экстремистами или мафией	39,7	25 (26)

		Россия	Болга- рия
16.	Возникновение в атмосфере озоновых дыр	38,7	29 (16)
17.	Ядерная война	37,0	20 (28)
18.	Скопление неиспользуемых отходов	36,8	26 (25)
19.	Генетическое вырождение нации	35,9	27 (22)
20.	Полная утрата традиций	34,5	28 (19)
21.	Природные бедствия	33,8	39 (11)
22.	Кризис семейных ценностей	33,6	31 (15)
23.	Диктатура и массовые репрессии	27,6	16 (34)
24.	Сокращение рождаемости	22,9	33 (14)
25.	Утрата чувства коллективизма, крайний индивидуализм	22,6	27 (23)
26.	Неверие в Бога, грубый материализм, бездуховность	22,6	26 (24)
27.	Американизация жизни	21,9	13 (39)
28.	Нападение соседних государств	21,8	12 (42)
29.	Глобальное потепление климата	21,8	28 (21)
30.	Приход к власти радикальных коммунистов	21,6	16 (36)
31.	Геноцид	19,7	13 (41)
32.	Распространение неонацизма	17,8	15 (37)
33.	Гибель земли в результате космической катастрофы	16,4	17 (32)
34.	Преобладание эмигрантов	15,7	8 (46)
35.	Конец света	14,9	16 (33)
36.	Исчезновение белой расы	14,9	15 (35)
37.	Осознание бессмысленности жизни и неизбежности смерти	13,0	13 (40)
38.	Перенаселение городов	11,2	10 (45)
39.	Нашествие ислама	9,0	23 (27)
40.	Масонство и его попытки захватить мир	8,1	11 (43)
41.	Сионизм и еврейские заговоры	6,1	10 (44)
42.	Захват Земли инопланетянами	6,1	7 (47)
43.	Перенаселение	6,0	7 (48)

* загрязнение воды, воздуха в Болгарии в целом;

** загрязнение воды, воздуха, продуктов вблизи моего личного места обитания;

*** загрязнение воды, воздуха на Земле в целом.

Сведения об авторах

Шляпентох Владимир Эммануилович — доктор экономических наук, профессор Департамента Социологии Университета Штата Мичиган (Ист Лансинг, США), научный руководитель международного проекта «Катастрофическое сознание в современном мире».

Ядов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, директор Института социологии РАН.

Шубкин Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, директор Центра Международных Исследований Проблем Катастрофического Сознания Института социологии РАН.

Митев Петр Эмил — доктор философских наук, профессор Софийского Университета, директор Болгарского Центра Социологических Исследований.

Матвеева Сусанна — научный сотрудник Департамента Социологии Университета Штата Мичиган (Ист Лансинг, США).

Иванова Вероника — научный сотрудник, ученый секретарь Центра Международных Исследований Проблем Катастрофического Сознания Института социологии РАН.